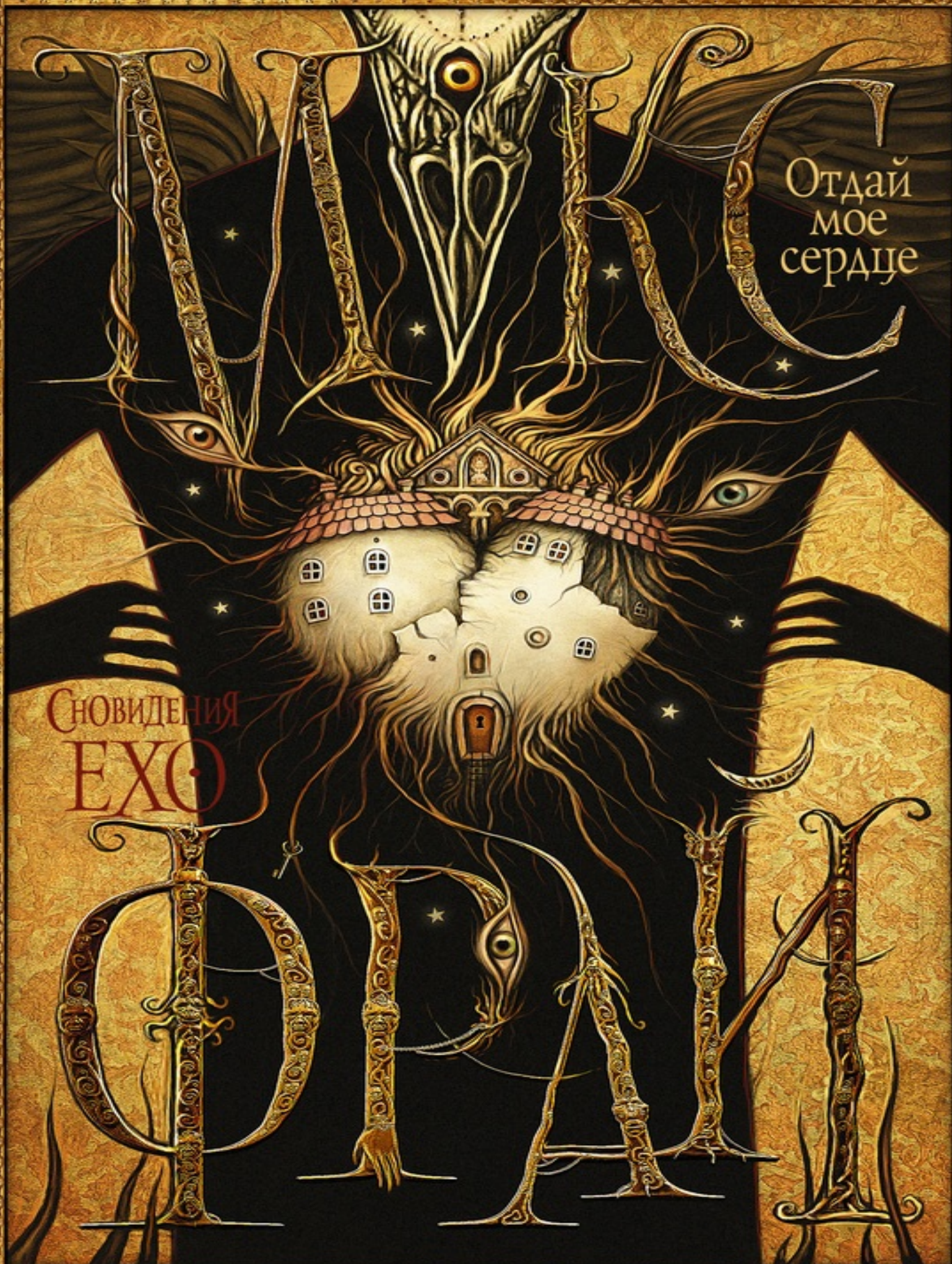

Отдай
мое
сердце

СНОВИДЕНИЯ
ЕХО

Annotation

Когда тебя просят отдать чье-то сердце, предполагается, что ты его перед этим похитил. Похитить сердце – величайшее одолжение, которое может сделать один человек другому. Потому что любовь – источник самой сладкой разновидности силы, и одновременно – мост, соединяющий нас с жизнью, смертью, иными Мирами и временами, со всем свершившимся и несбывшимся. И, в конечном итоге, с самими собой. В этой книге содержится инструкция, разъясняющая, что следует делать с сердцем – своим и чужими. Всеми, какие под руку подвернутся. А также подробное антропологическое исследование, целью которого было выяснить, чем отличается законченный псих от полного придурка. Выяснили. Мы – молодцы.

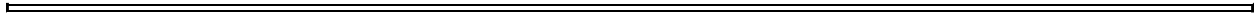
- [Макс Фрай](#)

-

- [notes](#)

- [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)

- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)

Макс Фрай

Отдай мое сердце

Серия «Сновидения Ехо»

Книга публикуется в авторской редакции

© Макс Фрай, текст

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Когда за мной закрылась тяжелая дверь тюремной камеры, я рухнул на кровать, даже не вспомнив о необходимости разуться. Слишком долго ждал этого момента – примерно три с половиной часа, пока длился торжественный обед, устроенный в мою честь комендантом Холоми. Сэр Камши славный человек, но на мой вкус, немного чересчур гостеприимный. Лично я, заметив, что мой гость засыпает над тарелкой, обычно говорю: «Хватит жрать», – и отпускаю беднягу с миром. Впрочем, возможно, это была такая изощренная месть? Насколько я помню, мы неплохо ладили в ту пору, когда нынешний комендант Королевской тюрьмы был подающим надежды лейтенантом Городской полиции, но я уже не раз обнаруживал, что люди, с которыми я, по собственному убеждению, «неплохо ладил», на самом деле годами таят обиду за какое-нибудь недоразумение, ну или просто боятся меня как огня. И теперь на всякий случай стараюсь учитывать такую возможность. Получается плохо, но само по себе намерение приятно разнообразит мою интеллектуальную жизнь.

Но главное, что этот грешный обед в какой-то момент все-таки завершился. И я, как положено настоящему герою, дождался счастливого финала, такой молодец. За это был с подобающими почестями водворен в тюремную камеру. И даже заперт по всем правилам, после чего дверь, как это принято в Холоми, исчезла, превратившись в гладкую стену, хотя это, на мой взгляд, уже лишнее. Какой из меня сейчас, к Темным Магистрам, беглец. У меня и раздеться-то сил нет.

Как это часто бывает в состоянии предельной усталости, я долго не

мог заснуть. Лежал на спине, смотрел в потолок, улыбался – просто потому, что убрать с лица приветливую улыбку, предназначенную сэру Камши, оказалось ничуть не легче, чем снять сапоги, и думал: «Вот я и допрыгался до тюрьмы». Оценить комизм ситуации я все еще мог, но только теоретически. Ничего, выплусь, потом посмеюсь.

В Холоми я угодил по решению специально созванного для расправы со мной суда в составе Королевского знахаря Абилата Параса и начальника Тайного Сыска сэра Джуффина Халли. Нынешний Великий Магистр Ордена Семилистника, якобы Благостного и, как ни удивительно, все еще Единственного, не только не возражал против этого беззакония, а, подозреваю, еще и подзуживал; доказательств у меня нет, но сердце не обманешь. Умею я, что называется, выбирать друзей.

Все они по каким-то неизъяснимым причинам чрезвычайно дорожат моей жизнью. И в своем маниакальном стремлении ее сохранить способны на воистину ужасные поступки. Например, сгноить меня в Королевской тюрьме.

Официально считалось, будто я доработался до нервного срыва. Неофициально – что я до него доотдыхался. Правда где-то посередине: на самом деле я понятия не имею, где заканчивается моя работа и начинается отдых. И не то чтобы горю желанием непременно разобраться в данном вопросе. Все это вместе – просто моя жизнь. Прекрасная и удивительная; по крайней мере, лично мне другой не надо.

Плохо тут только то, что организм мне достался крайне неудачной конструкции: он неспособен обходиться без ежедневного долгого сна. И никакое могущество не помогает, скорее наоборот: чем больше колдую, тем дольше мне потом надо спать. В смысле именно спать без задних ног, а не предаваться искусству сновидений, которое – сюрприз, сюрприз! – оказывается вовсе не заменяет полноценный отдых. Вот это, кстати, очень обидно было узнать. Я-то рассчитывал сэкономить кучу времени, назначая часть дружеских встреч и романтических свиданий во сне, а оказалось, после них надо дополнительно отсыпаться. И это уже ни в какие ворота – ни Кехервара Завоевателя, ни Пролом Тойхи Менки, ни Трех Мостов.

Так называемый «нервный срыв» в моем исполнении выглядел куда более безобидно, чем элементарное пьянство на рабочем месте. То есть я вообще никаких бед не натворил, просто грешным делом перепутал несколько простеньких заклинаний – со сложными у меня, хвала Магистрам, даже в бессознательном состоянии не бывает проблем – да пару раз ушел Темным Путем не совсем туда, куда изначально намеревался;

впрочем, тут же вернулся целым и невредимым, так что совершенно непонятно, зачем было поднимать такой шум. Однако они, конечно, подняли – все эти кошмарные существа из иного мира, прикинувшиеся моими друзьями. Их хлебом не корми, дай поизмываться над беззащитным мной.

Сперва они попытались отправить меня в отпуск. Не то чтобы я возражал, наоборот, подпрыгнул до потолка и побежал паковать дорожную сумку. Проблема в том, что отправить в отпуск человека, обученного ходить Темным Путем и при этом решительно не способного построить самый элементарный барьер от Безмолвной речи, технически невозможно. Потому что в его голове постоянно будут звучать голоса – друзей, приятелей, просто знакомых и, между прочим, коллег, у которых внезапно что-то стряслось, начиная с ужасающих видений после пирожков с какой-то хитрой начинкой в безымянном трактире, бесследно исчезнувшем сразу после ужина, и заканчивая очередным ночным концертом Маленького Оркестра – отпуск отпуском, но такое событие нельзя пропустить.

Лучше всех в жанре сиротской песни на тему «Мы без тебя пропадаем» выступил заместитель начальника Городской Полиции. Его можно понять, в последнее время жители столицы Соединенного Королевства начали как-то очень уж изощренно чудить, а когда случается нечто из ряда вон выходящее, принято звать меня; подозреваю, просто по ассоциации, благо я из этого грешного ряда тоже регулярно куда-то выхожу. Вот и Трикки Лай ни в чем себе не отказывал, звал меня на помощь чуть ли не по дюжине раз на дню, а послать его к дурымским лешим у меня язык не поворачивается, он мне практически родственник. То есть создатель чудовища, которое я приютил.

Означенное чудовище, кстати сказать, в этот самый момент сдавало вступительные экзамены в Королевский Университет, а потому желало ежедневно рыдать от ужаса, радости и просто избытка впечатлений, предпочтительно на моей груди. Как медом ей там намазано. И вообще всем.

В итоге так называемый отпуск незаметно превратился в обычные рабочие будни, только и счастья, что ночевал я не дома, а в роскошной гостинице на дальнем краю Мира, но какая разница, где спать какие-то несчастные три часа.

В общем, отпуск меня окончательно доконал. После чего сэр Шурф получил уникальную возможность испытать на мне все усыпляющие заклинания, которые успел вызубрить за свою, по местным меркам, не то чтобы слишком долгую, но чрезвычайно насыщенную жизнь. Мне

понравилось быть жертвой его бесчеловечных экспериментов, однако даже самые мощные заклинания действовали на меня хорошо если вполсилы. То есть, просыпался я не по команде наложившего их чародея, как, по идее, принято среди приличных людей, а когда мне заблагорассудится – от всякого присланного зова, скрипа половиц в прихожей, шума ветра, стука дождя, или просто от того, что кто-то где-то сейчас обо мне вспомнил, иногда достаточно даже такого пустяка. Друг мой Абилат говорит, что так проявляет себя моя беспокойная жадность к жизни; но на самом деле ясно, что я просто очень упрямый и никому не позволю всерьез себя заколдовать. Даже ближайшему другу. Собственно, в первую очередь ему. А то как, интересно, я потом буду перед ним выпендриваться? Нет, не пойдет.

Некоторое время сэр Джуффин Халли наблюдал за мной с присущим ему интересом исследователя всякой неведомой херни, но в конце концов решил положить конец безобразию и заточил меня в Холоми на целую дюжину дней. В общем, правильно сделал: Королевская тюрьма и правда идеальное место для того, чтобы устроить отпуск придурку вроде меня, готовому подорваться куда угодно по первому зову. Безмолвная речь в Холоми не действует, как, впрочем, и любая другая магия. Здесь даже искусством сновидений особо не развлечешься. И Темным Путем отсюда хрен куда-то уйдешь. Нет – значит нет.

Именно то, что надо.

Для начала я проспал почти два дня. Рассказывают, что дежурные охранники, получившие строжайший наказ не беспокоить меня, пока сам не позову, на вторые сутки начали нервничать и бегать к начальству с предложениями проверить, жив я еще или нет. К счастью, комендант человек нестигаемый, не позволил им меня разбудить, хотя потом признался, что и сам уже втайне прикидывал, как он будет объясняться с сэром Джуффином Халли, обнаружив в камере мой хладный труп.

Однако на исходе второго дня я воскрес и в наказание за такое поведение был немедленно подвергнут гастрономическим пыткам, продолжавшимся чуть ли не до полуночи; впрочем, не то чтобы я возражал. Потом проспал еще полночи и проснулся настолько окончательно и бесповоротно живым, что сам удивился – тому, что так долго удовлетворялся жалким подобием этого ощущения. И даже не поленился специально сходить в кабинет коменданта, где работает Безмолвная речь, чтобы послать зов Джуффину и сказать: «Спасибо. Ты меня натурально спас. Больше ни за что, никогда...»

«Чистосердечное покаяние заключенных всегда трогало мое сердце, –

перебил меня шеф Тайного Сыска. – Однако оно еще никогда не являлось достаточно веской причиной для сокращения срока. Так что иди дрыхни дальше, счастливчик».

Вот же черт. Я был почти уверен, что Джуффин скажет: «Выспался? Вот и хорошо, мы тут без тебя зашиваемся, немедленно дуй в Дом у Моста».

Правда, огорчился я только теоретически, что вышло не по-моему. А на практике еще целых три дня наслаждался безмятежной жизнью в камере для особо опасных государственных преступников среди узорчатых подушек, расписных кружек с превосходной тюремной камрой и книг из библиотеки Холоми, одной из лучших в Соединенном Королевстве; впрочем, будучи любителем беллетристики, которую здесь никто не пишет, я не способен оценить ее по достоинству, только перерыть сверху донизу в поисках старинных мемуаров уандукских мореходов, хоть сколько-то соответствующих моим представлениям об увлекательном чтении. По крайней мере, они подробно описывают Мир, который я еще толком не успел изучить.

Считается, будто долгое тюремное заключение должно способствовать исправлению преступника. Эта идея всегда казалась мне, мягко говоря, наивной, однако моему исправлению заточение и правда поспособствовало. По крайней мере, на пятый день я дал себе честное слово срочно научиться ставить эту клятую защиту от Безмолвной речи, без которой мой прекрасно распланированный отпуск превратился Магистры знают во что. Все говорят, фокус как фокус, ничего особенного, по крайней мере, для человека, овладевшего угуландской Белой магией хотя бы до восьмидесятой ступени; подозреваю, мне это до сих пор не удавалось только потому, что на самом деле я не хотел закрываться от Безмолвной речи, как когда-то в позапозапрошлой, уже почти забытой жизни не решался отключать на ночь домашний телефон – а вдруг в этот самый момент стряется что-то Невероятно Важное, и мне позвонят, чтобы сообщить? Некоторые дурные привычки надолго переживают людей, которые их завели.

Раскаяние мое свидетельствовало не столько о пробуждении разума, сколько о том, что я уже отдохнул как следует. В смысле изрядно заскучал. Перспектива провести в уютной тюремной камере еще целых семь дней окончательно перестала казаться мне забавной. Все это я попробовал объяснить сэру Джуффину Халли во время очередного сеанса связи, но он

меня и слушать не стал. Заявил, что наш Абилат – лучший знахарь Соединенного Королевства, и уж если он велел продержать меня без работы, развлечений и колдовства целую дюжину дней, значит, так надо. Хотя, конечно, может быть, и не надо. Но все равно лучше не рисковать.

В финале нашей беседы я в очередной раз порадовался что не умею убивать силой мысли на расстоянии: все-таки Джуффин мне еще пригодится, мало ли что вот прямо сейчас я сержусь. И впервые в жизни всерьез огорчился, что не умею вышивать крестиком. Ну или ткать гобелены. За оставшиеся семь дней можно было бы успеть создать монументальное историческое полотно, повествующее обо всех моих подвигах. Иных идей, как приятно и с пользой провести это время у меня не было. Ну в самом деле, не роман же писать.

...К счастью, у моего организма есть одно чудесное свойство; вернее, чудесных свойств у этого паразита несколько больше, чем требуется для приятной жизни, но среди них есть как минимум одно очень полезное: уж если мне чего-нибудь позарез приспичит, я это, будьте уверены, получу. В том числе приключений на свою задницу. В смысле развлечений. Даже в Королевской тюрьме.

Поэтому я совершенно не удивился, когда в неурочное время, примерно в три часа пополудни, в одной из стен моей уютной камеры появилась дверь. И начала открываться – медленно, с угрожающим скрипом, как здесь заведено. Я поспешно отложил в сторону «Отчеты о восемнадцати странствиях капитана Хуруны цан Авойли по торговым делам» и с интересом уставился на дверь. Не то чтобы я никогда прежде не видел открывающихся дверей, просто живший полторы тысячи лет назад куманский капитан Хуруна цан Авойли умудрился написать настолько скучные мемуары, что любой повод хотя бы ненадолго от них отвлечься был хорош.

Наконец дверь открылась, и в мою камеру вошел комендант Холоми сэр Тойхи Камши. Выглядел он сейчас как в те времена, когда был лейтенантом Городской полиции и врывался среди ночи в мой кабинет, встревоженный очередным загадочным происшествием, смущенный, что ему приходится в очередной раз беспокоить коллегу из Тайного Сыска, и одновременно злой – на то, что без меня снова не обойтись. Хотя последнее обстоятельство он, конечно, умело скрывал. В первую очередь, от себя.

– У вас что, узник сбежал? – спросил я.

Вообще-то сбежать из Холоми практически невозможно; единственный известный мне способ – договориться с разумными камнями, из которых построен замок, и доказать им свою невиновность;

впрочем, после недавнего инцидента камни твердо пообещали больше никогда не заниматься самоуправством. Но других идей, зачем бы коменданту врываться ко мне среди ночи в настолько растрепанных чувствах, у меня не было.

Однако Камши отрицательно помотал головой.

– Хуже.

В этот момент я наконец понял сэра Джуффина Халли, который оживляется при всяком намеке на серьезные неприятности. Понял не теоретически, а всем сердцем – сам стал таким психом. Неужели шефу Тайного Сыска настолько же скучно с сотрудниками, как мне с мемуарами Хуруны цан Авойли? Я-то думал, мы довольно забавные, даже на его вкус.

Боюсь, мне не удалось скрыть охватившую меня радость; впрочем, Камши, глядя на мою довольную физиономию, тоже несколько приободрился. Сказал:

– Мне строго-настрого запретили донимать вас делами и даже просто серьезными разговорами. Сказали, надо беречь ваш покой. Но ситуация критическая: по всему выходит, что у нас просыпается Дух Холоми. Вот прямо сейчас.

– Что-то он зачастил в последнее время, – растерянно заметил я.

– Вы правы, сэр Макс. С его последнего пробуждения еще и года не прошло. И вот опять. Если начнет плясать, сами знаете, чем это может кончиться: в лучшем случае рухнет крепость, в худшем – вообще вся столица; по крайней мере, так говорят. При этом сэр Халли вот уже полчаса не отвечает на зов. Вероятно, ушел на Темную Сторону.

– Наверняка, – подтвердил я. – Он туда часто ходит.

– И сэр Шурф тоже не отвечает, – мрачно добавил комендант.

Ничего удивительного. Вот уж у кого с защитным барьером от Безмолвной речи с раннего детства никаких проблем. К тому же, сейчас все так удачно сложилось, что я в Холоми. А значит, гарантированно не свалюсь ему на голову среди ночи. Наконец-то можно с легким сердцем выстроить прочную стену между собой и остальным миром и спокойно уединиться в Орденской библиотеке, а то и вовсе пойти спать.

– Остаетесь только вы, сэр Макс, – заключил Камши. – Больше некого звать на помощь. А ждать до утра слишком опасно.

– Да слушайте, вообще не вопрос, – улыбнулся я. – С удовольствием повидаюсь с Духом Холоми. Я по нему скучал.

«Скучал» – это, конечно, некоторое преувеличение. Если называть вещи своими именами, бесстыдное пижонство. Отлично я жил без этого грешного Духа Холоми долгие годы и еще столько прожил бы. Три раза по

столько. Вечно, всегда.

На самом деле, я совсем не люблю неприятности, а пробуждение Духа Холоми – не просто неприятность, а катастрофа, одна из худших, какую только можно вообразить. Ужас в том, что природа этого явления не до конца понятна даже самым опытным исследователям. Официальная версия, на самом деле ничего толком не объясняющая, гласит, что замок Холоми, построенный точно в том самом месте, которое называется «Сердцем Мира», представляет собой не столько архитектурное сооружение, сколько живое существо, со всеми вытекающими последствиями. В смысле от него в любой момент можно ожидать каких угодно проблем. Например, пробуждения так называемого Духа Холоми, большого любителя поплясать; согласно древним легендам, которым на всякий случай верят даже записные скептики вроде сэра Джуффина Халли, такая дискотека чревата крупномасштабными разрушениями, возможно вообще от всего Угуланда камня на камне не останется; к счастью, на практике эту гипотезу до сих пор никто не проверял, благо в любую эпоху находятся колдуны достаточно могущественные, чтобы предотвратить танцы – сгрести плясуна в охапку и очень крепко держать, пока не успокоится и снова не уснет.

В общем, хорошего мало. Однако доля правды в моей похвальбе все-таки была. Когда сэр Джуффин Халли застрял в Тихом Городе, и нам волею-неволей пришлось без него справляться^[1], Дух Холоми, с которым прежде традиционно разбирался шеф, в очередной раз решил пробудиться и как следует поплясать. Шурф, прежде несколько раз помогавший Джуффину укрощать это бедствие, отправился в Холоми – а что было делать? А меня взял с собой, просто от безысходности, как своего рода талисман. И, как выяснилось, правильно сделал, потому что я этого беспокойного Духа Холоми натурально заговорил. В смысле до полусмерти заболтал – тоже, собственно, от безысходности. Просто не знал, чем еще могу помочь. Поздоровался с пробуждающейся стихией неведомой нам природы, представился, как всегда увлекся, объясняя, кто я такой, откуда взялся и зачем пришел, слово за слово, и сам не заметил, как начал травить байки, болтал почти сутки без перерыва, пока Дух Холоми не утомился моей многословностью и не счел за благо снова заснуть.

Поэтому у меня была некоторая надежда, что сейчас тоже так выйдет. Тем более, что новых баек у меня с тех пор изрядно прибавилось. По крайней мере, до утра как-нибудь продержимся, – думал я, шагая по тюремному коридору. – А там и Шурф проснется, и Джуффин объявится. Не могли же они оба одновременно сгинуть навек, пока я сижу в Холоми.

Не настолько они вероломны. То есть вероломны, конечно, как все угуландские колдуны старой закалки, но всему есть предел.

– На самом деле может еще обойдется, – неуверенно говорил Камши, пока мы спускались по лестнице в подвал, настолько глубокий, что лично я на месте коменданта Холоми давным-давно пригласил бы сюда инженеров и велел бы им срочно изобрести лифт. – Все-таки из всех признаков скорого пробуждения пока только редкие стоны и красный дым. Но стены и пол не трясутся. И в жар не бросает, когда рядом с камнями стоишь.

– Ничего, – отвечал ему я, боюсь, ненамного уверенней. – Как-нибудь разберемся. Все будет хорошо.

– Как же меня это бесит! – с несвойственной ему обычно искренностью вдруг сказал Камши. И тут же, спохватившись, добавил: – Не ваши слова, сэр Макс. А то, что я сам не способен с ним сладить. По идее, все, что происходит в Холоми, моя ответственность. Надо было отказаться от этой должности, но сэр Халли меня убедил, что усмирение духа Холоми больше не входит в непосредственные обязанности коменданта, и мой предшественник тоже не умел...

– Ну так это чистая правда.

– Сам знаю, что правда. А все равно не надо мне было соглашаться. Проблемы, с которыми я не могу справиться своими силами, приводят меня в отчаяние.

– Меня тоже, – поддакнул я. – Натурально с ума от этого схожу.

Не люблю признаваться в своих слабостях, но очень хотелось как-то его поддержать.

Камши так удивился, что остановился, обернулся и внимательно на меня посмотрел.

– А разве у вас бывают проблемы, с которыми вы не можете справиться своими силами? – наконец спросил он.

– Да практически каждая вторая, – бодро ответил я.

Соврал, конечно. Их даже по самым скромным подсчетам гораздо больше. Но признаваться еще и в этом – перебор.

Так называемое Тайное (а на самом деле известное всем старшим офицерам охраны и некоторым гражданским служащим Королевской тюрьмы) подземелье, своего рода спальня Духа Холоми представляет собой довольно просторное темное помещение с таким низким потолком, что переступая порог, я невольно пригнулся, опасаясь поцарапать макушку. Из обстановки там только причудливые груды камней на земляном полу; сам

Дух Холоми остается невидимым, пока спит, да и, проснувшись, обретает скорее форму, чем плотность. Его, собственно, потому и трудно удерживать на месте, что сперва надо как следует овеществить, а на это мало кому хватает могущества, да и соответствующие навыки есть далеко не у всех.

В тот раз, когда я развлекал его разговорами, Дух Холоми выглядел невысоким гладко выбритым стариком с ярко-красной кожей, но говорят, облик его непостоянен, далеко не всегда антропоморфен и до сих пор еще ни разу не повторялся. На памяти Джуффина он был длинноногой девочкой-подростком, тощим степным волком, точной, но безглазой копией старого коменданта сэра Антаропа, и уже не припомню, кем еще. На самом деле, неважно, главное – сейчас дух Холоми спал. И, по моим ощущениям, пока просыпаться не собирался.

«По моим ощущениям» – это в данном случае не пустые слова. У меня неважное зрение, не особенно острый слух, а обоняние настолько слабое, что я даже запах безумия не способен уловить, зато присутствие магии я с некоторых пор чую безошибочно и легко могу не только отличить могущественного колдуна от человека с умеренными способностями, но и указать место, где концентрация магической силы хоть немного выше привычной нормы; нечего и говорить, что такие места я очень люблю. Когда мы с Шурфом приезжали сюда усмирять пробудившегося Духа Холоми, меня начало трясти еще на лестнице, а в самом подземелье я натурально впал в экстаз, потому, собственно, и трепался сутки, не затыкаясь – просто чтобы не взорваться от избытка удивительных ощущений. А теперь ничего особенного не испытывал. Впрочем, возможно, я просто переборщил с отдыхом и утратил былую форму. Всякое может быть.

– Вот! – сказал Камши, указывая на едва заметную струйку красноватого дыма, струившуюся из-под большого камня. – Обычно его бывает гораздо больше, но все-таки это явный признак. К тому же камни...

В этот момент в подземелье раздался душераздирающий стон.

– Вот! – горестно воскликнул комендант. – Слышали? Камни уже стонут. Именно это я и хотел вам сказать.

– Странно они как-то нынче стонут, – заметил я.

В прошлый раз камни Холоми стонали гораздо тише, и в этих звуках было столько откровенного блаженства, что я даже грешным делом смутился, как будто застукал их не в самый подходящий момент. А сейчас стон был полон муки или даже пародии на муку, словно какой-то дурак решил передразнить умирающего от страшных ран. Что-то мне это напоминало, хотя в моем присутствии никто умирающих вроде бы не

дразнил. Или?..

Да ну, быть того не может. А все-таки надо проверить.

– Все-таки надо проверить, – сказал я вслух.

И встал на четвереньки. Не с целью дополнительно порадовать коменданта, а чтобы сподручней было исследовать лабиринты нагроможденных на полу камней. Однако Камши, вынужденный наблюдать за моими действиями, все равно был несколько фраппирован. Можно сказать и так.

– Я не сошел с ума, – улыбнулся я, протягивая ему почти сразу обнаруженную между камнями дымящуюся пирамидку, скорее всего, какое-то очередное уандукское зелье не то для создания в доме уютной атмосферы, не то наоборот, для наведения порчи в спальне врага; никогда в этом не разбирался и вряд ли когда-нибудь начну. – Зато кто-то из ваших подчиненных определенно с него сошел. Причем это оптимистическая версия. Гораздо хуже, если это проделали в здравом уме.

– Что проделали? – деревянным голосом спросил Камши. Но выпускающую красный дым пирамидку у меня все-таки взял. Вот и молодец. Без нее ползать на карачках куда как сподручнее. А мне еще было ползти и ползти.

Я отыскал и передал ему еще полдюжины уандукских пирамидок. Больше в подземелье ничего не дымилось, вернее красный дым теперь источал исключительно сам Камши, застывший с благовониями в руках, но это как раз не беда. Дымящийся комендант Королевской Тюрьмы признаком скорого пробуждения Духа Холоми совершенно точно не является, а то я бы знал.

После томительной паузы снова раздался долгожданный стон, да такой громкий, что Камши вздрогнул, уронил пирамидки и, выйдя наконец из оцепенения, бросился их собирать. А я метнулся к источнику звука – уж теперь-то ты от меня не уйдешь! – и вытащил из-за самого дальнего камня небольшой туго набитый неведомо чем мешочек из жизнерадостно розовой ткани. И торжествуя сунул его под нос коменданту.

– Знаете, что это такое?

– Понятия не имею, – честно признался тот.

– Это потому, что у вас нет детей. У меня, впрочем, тоже. Зато у моего друга – есть. Его сын долго выпрашивал такую игрушку в подарок к празднику Середины Лета. И наконец получил. После чего все домашние и их ближайшие соседи крупно об этом пожалели. Потому что эта пакость стонала по триста раз на дню, до самой осени, а мальчишка не разлучался с ней ни днем, ни ночью, не давал отключить... Ну что вы так на меня

смотрите? Я только и хочу сказать, что это – «мешочек стонов». Новомодная детская игрушка. Причем механическая. Уж не знаю, как она действует, но совершенно точно без магии, друг так сказал; он еще восхищался хитрой придумкой. Поэтому, как я понимаю, «мешочек стонов» прекрасно работает в Холоми. И дымные пирамидки тоже – поджег, и они понемножку тлеют, где ни поставь.

Камши молчал. И смотрел на меня так сердито, словно я сам устроил этот дурацкий розыгрыш. Ладно, хоть драться не лез.

– В общем, у нас с вами две новости, хорошая и плохая, – подытожил я. – Хорошая заключается в том, что Дух Холоми пока не собирается просыпаться, хотя лично я бы на его месте от такого концерта давным-давно подскочил. Но нервы у него, хвала Магистрам, покрепче моих. А плохая – у вас тут завелся альтернативно остроумный шутник, который зачем-то инсценировал наиболее явные признаки пробуждения Духа Холоми. По-моему, довольно убедительно получилось, он большой молодец. Интересно, этот спектакль тянет на государственное преступление? Или всего лишь на служебное нарушение? Ладно, в любом случае, это совершенно точно не моя печаль... Эй, а когда вы планируете обрадоваться? Мы же с вами только что спасли Мир! Вернее, обнаружили, что спасать ничего не надо, но, на мой вкус, так даже лучше. А на ваш – нет?

– Извините, сэр Макс, – наконец выдавил Камши. – За беспокойство и за мое недопустимое легкомыслие. Я должен был сперва сам тщательно проверить, и только потом...

До меня только теперь дошло, насколько ему хреново. Никто не любит выглядеть дураком, но для людей вроде Камши это подобно смерти. Думаю, он предпочел бы, чтобы сейчас и правда проснулся Дух Холоми. И разнес все к Темным Магистрам. По крайней мере, после такой катастрофы некому было бы вспоминать о позоре коменданта. Вернее, о том, что он сам считал позором. Я-то как раз нет. Потому и не осознал сперва масштабов его персональной трагедии.

– Да ни в коем случае, – поспешно сказал я. – Ничего вы не были должны. Ваше дело – при первых же признаках пробуждения Духа Холоми звать специалистов, а не тратить время на проверки, когда каждая минута на счету. Вы поступили абсолютно правильно – согласно служебной инструкции и просто по-человечески. В таком деле лучше сто раз забить тревогу на пустом месте, чем один раз не поверить своим глазам и ушам. Я бы тоже не стал проверять, остался бы тут караулить, а вас отправил бы искать Джуффина. Просто так удачно сложилось, что у сына моего друга

есть похожая игрушка, и я узнал звук.

Камши вроде стало немного полегче – насколько это вообще возможно для человека его склада. Оставалось надеяться, что Джуффин скоро найдется и быстро приведет коменданта в порядок. Вот уж кто способен в считанные минуты примирить человека с самим собой.

– Хотите камры, сэр Макс? – спросил комендант. – У меня в кабинете с вечера почти полный кувшин остался. Или лучше сразу отпустить вас отдыхать?

– Если в вашем сердце есть хоть капля милосердия, ни в коем случае не отпускайте меня отдыхать, – попросил я. – У меня в камере такая скучная книга, что я, если помните, даже пробуждению Духа Холоми обрадовался. Хотя на самом деле очень его боюсь.

– Правда, что ли, боитесь? – удивился Камши.

– Конечно, боюсь, как все нормальные люди. Только ему самому, пожалуйста, не говорите. Он-то после нашей последней встречи наверняка думает, что мы друзья. Не хотелось бы разбивать ему сердце.

* * *

– Вы очень не любите, когда к вам лезут с советами? – спросил я после того, как Камши выдал мне кружку с камрой. В надежде, что он, как бы ни рассердился, не станет ее у меня отнимать.

Комендант ничего не ответил. Но это и не требовалось. Его отношение к непрошеным советам было написано на лице.

– Ну да, естественно, не любите. Тем не менее я с ними все-таки полез. Просто в надежде опротиветь вам настолько, что вы уговорите мое начальство забрать меня отсюда до срока. А то скоро окончательно свихнусь – столько отдыхать.

На этом месте Камши все-таки улыбнулся.

– У вас и правда довольно странный отпуск, сэр Макс, – согласился он.

– «Нелепый» – более точное определение. Подозреваю, на самом деле я так достал своих коллег, что они ухватились за первую же возможность гарантированно избавиться от меня хотя бы дюжину дней. Теперь ваша очередь страдать от моего присутствия, наберитесь терпения. Собственно, я только и хотел сказать, что на вашем месте – если бы мне надо было быстро, без лишнего шума и ненужных расспросов отыскать этого, с позволения сказать, шутника – я бы вызвал сюда Нумминориха Куту.

– Нумминориха Куту? – зачем-то переспросил Камши.

Все-таки для коменданта Холоми он удивительно медленно соображал, даже со скидкой на все пережитые волнения.

– Нашего нюхача, – объяснил я. – Он вас без всякой магии сразу приведет к виновнику. К человеку, который недавно держал в руках этот «мешочек стонов». Уверен, что вы хотите как можно быстрее его отыскать.

– Да, помощь нюхача значительно ускорит служебное расследование, – согласился Камши. И наконец-то снова стал похож на самого себя.

К тому моменту, как сэр Джуффин Халли изволил снова объявиться в Мире и прибыть в Холоми, мой отпуск успел окончательно приобрести почти пугающее сходство с настоящей человеческой жизнью. Стол коменданта был заставлен едой, завален бумагами и украшен двумя отличными человеческими ногами, которые я на него положил. На подлокотнике моего кресла примостился Нумминорих, неописуемо довольный всем сразу: неурочным вызовом, простотой возложенной на него задачи, возможностью повидаться со мной, вкусом только что отправленного в рот тюремного пирога и своей жизнью в целом. По потолку панически метались гигантские рогатые ящерицы, которых я сотворил из сигаретного дыма – просто так, почти нечаянно, благо наконец-то надолго засел в помещении, подходящем для колдовства. А за окном занимался осенний рассвет, такой хмурый, словно на него возложили обязанность быть недовольным моим поведением; других желающих в любом случае не нашлось. Даже Джуффин при виде этой идиллии помрачнел настолько неубедительно, что сам это сразу понял. Но он не привык вот так сразу сдаваться, поэтому адресовал мне вполне пристойно исполненный рассерженный взгляд. Лет десять назад я бы ему поверил и, возможно, начал бы заикаться. А сейчас подумал, что надо бы ему подыграть и кротко сказал:

– Извини. Я честно сходил с ума у себя в камере. В смысле отдыхал, как вы с Абилатом прописали, пока не началась вся эта свистопляска с пробуждением Духа Холоми. Потом мы с сэром Камши радовались, что на самом деле ничего не началось. И ждали Нумминориха, чтобы было с кем разделить нашу радость. Потом ходили в какое-то нелепое служебное помещение и нюхали форменную одежду. Вернее Нумминорих нюхал, а я ему деятельно соперничал. И от всех этих потрясений зверски проголодался. Ну и вообще, имею право узнать, чем все закончилось. А оно пока не закончилось. Этого красавца еще надо арестовать. Ну или просто вызвать на ковер к начальству и гуманно откусить ему голову? Мы пока не решили. Нужен твой совет. И еще тарелка горячего супа, но за этим, как я

понимаю, не к тебе.

– А в чем проблема? – удивился Джуффин.

– В том, что суп еще не сварили, – объяснил ему Нумминорих. – Но обещали, что скоро принесут.

– Да ну вас обоих в болото с вашим супом. В чем проблема с арестом, я имею в виду? По закону любые действия, ставящие под угрозу нормальное функционирование Королевской тюрьмы, считаются государственным преступлением. И ты, сэр Камши, знаешь это не хуже, чем я.

– Знаю, – кивнул Камши. – Просто в данный момент виновника переполоха нет на службе. А значит, арест должен производить Тайный Сыск. Я ждал вас, чтобы официально передать это дело. Ну и попутно просматривал его досье. Я неплохо знаю всех своих служащих, но освежить в памяти подробности бывает полезно.

– Ну и как, освежил?

– Как видите, – Камши кивнул на окружавшую его кружку груды бумаг и самопишущих табличек. – И теперь удивлен еще больше. Кого угодно мог бы заподозрить, но только не Глукомари Чалу! Не такой он человек.

Про себя я подумал, что все мы иногда бываем способны удивить не только начальство, но и самых близких людей. И несмотря на последствия наших взбрыков, это хорошая новость обо всех человечествах, сколько бы их ни было во Вселенной. Но вмешиваться в беседу я не стал. Последние три часа в жизни бедняги Камши и без того было слишком много бодрого разговорчивого меня. А это довольно утомительно с непривычки; потом-то ничего, втягиваются и хотят еще.

– Все мы до поры до времени «не такие», – проворчал Джуффин. По этому вопросу он целиком солидарен со мной.

– Это правда, – согласился Камши. – А все-таки у каждого есть свой предел. Глукомари Чала – не вдохновенный адепт каких-нибудь тайных магических практик, не избалованный наследник богатого семейства и не вчерашний студент, а взрослый, серьезный человек, всю жизнь положивший, чтобы сделать приличную карьеру. У него был плохой старт – сирота из гугландской деревни, без денег, знакомств и мало-мальски выраженных способностей хоть к чему-нибудь. Зато предсказуемый и надежный, таких обычно ценят на государственной службе, но продвигают весьма неохотно, поскольку никаких достижений от них не ждут. Он начинал курьером при Канцелярии Скорой Расправы, потом прошел специальный курс обучения и стал сперва обслугой при конвое, а после – конвоиром, сорок лет возил заключенных в Нунду. И все это время искал

пути для перевода в Холоми. Служба здесь, сами знаете, считается и почетной, и выгодной, и не слишком обременительной, если на то пошло. В конце концов, он как-то свел дружбу с тюремным поваром, тот согласился дать ему рекомендации, и тогда дело сладилось, Чалу взяли на должность Младшего Помощника Надзирателя служебных коридоров. А потом шаг за шагом, понемножку, от должности к должности дослужился до Старшего Дежурного Надзирателя хозяйственных лестниц. Женился на племяннице Второго Весеннего помощника бывшего коменданта; говорят, очень удачно. В смысле это не просто стратегически выгодный, а во всех отношениях приятный для обоих супругов брак. Недавно купили дом, небольшой, зато на Левобережье, дети учатся в прекрасных школах, жизнь, что называется, удалась. Такие, как он, вполне могут совершить роковую ошибку по глупости или от страха, поддаться на шантаж, провороваться, продать служебную тайну, но пустить под откос все плоды многолетних усилий ради сомнительной радости устроить розыгрыш, который напугает начальство?! Слушайте, ну нет.

– Да, довольно нелепая выходит картина, – согласился Джуффин. – Ладно, посмотрим. Для начала надо арестовать этого шутника. Я допрошу его лично. Если хочешь, можешь присутствовать на допросе.

– Строго говоря, присутствовать при допросах моих подчиненных любыми следственными и судебными инстанциями я обязан согласно служебной инструкции, параграф четырнадцать, вторая часть, – заметил Камши. И, неожиданно улыбнувшись, добавил: – Но если бы не инструкция, пришлось бы признаваться, что очень хочу услышать, какие оправдания он сумеет придумать.

– Ну и отлично, тогда через час жду тебя в Доме у Моста, – Джуффин поднялся с кресла, сказал Нумминориху: – Пошли со мной. Если этого красавца нет дома, пригодишься, если он на месте, просто лишний раз позавтракаешь. А ты, сэр Макс, отправляйся в камеру.

Я довольно редко прихожу в ярость. Причиной тому не столько покладистый характер, сколько элементарная лень. Ярость – приятное состояние, но очень уж много доставляет хлопот: ее приходится сперва проявлять словами и активными действиями, потом приводить себя в чувство, а остальной Мир – в порядок после того, что я наворотил. Как вспомню, никакой ярости уже не хочется. Вот и сейчас в последний момент передумал. В камеру, так в камеру. В конце концов, уже утро. Можно лечь спать.

– У тебя же наверняка там остались какие-то вещи, – невинно добавил Джуффин. – Не следует их бросать.

В ответ я издал нечленораздельный рык, переходящий в утробный хохот, исполненный сатанинского торжества. Примерно так, по моим представлениям, и должно ликовать зло, досрочно, за хорошее поведение выпущенное в обреченный на него Мир.

– Сэр Шурф твердо пообещал, что в кратчайшие сроки научит тебя ставить защитный барьер от Безмолвной речи, – сказал шеф. – Не то чтобы я действительно верил в успех, но, по крайней мере, в отличие от нас с Кофой, он не боится, что ты начнешь кусаться уже после третьей неудачной попытки. Сэр Шурф исключительно мужественный человек.

– Ну так у него все домашние питомцы кусаются, – объяснил я, вспомнив старого лиса, однажды удачно меня цапнувшего и с тех пор норовящего повторить этот подвиг при всякой встрече. – Он привык.

* * *

– «Просто захотелось»?! Так и сказал? – изумленно переспросил я.

Арест и допрос шутника из Холоми я благополучно проспал, причем не дома, что было бы, по крайней мере, логично, а в тюремной камере, откуда мечтал поскорей сбежать. Упаковал вещи, прилег на минутку, чтобы собраться с силами после бессонной ночи и слишком плотного завтрака, и уснул без задних ног. Зато теперь могу хвастаться, что стал первым в истории Королевской тюрьмы узником, которого слезно умоляли покинуть место своего заточения, а он – то есть, я – прятался от освободителей под одеяло и бормотал: «Сейчас, сейчас, еще немножко, буквально пару минут».

В общем, допрос я профукал, сам виноват. Хотя в пересказе Джуффина тоже получилось неплохо. Шеф Тайного Сыска, как выяснилось, отлично умеет пучить глаза и деревянным голосом повторять: «Я не знаю, зачем это сделал. Просто мне так захотелось. Я думал, всем будет смешно». А больше ничего интересного Глукомари Чала, Старший Дежурный Надзиратель хозяйственных лестниц Королевской тюрьмы Холоми, великий любитель идиотских розыгрышей, на допросе не рассказал.

– И безумием совсем-совсем не пахнет? – спросил я.

Джуффин отрицательно помотал головой.

– Лучше бы пах, конечно. С безумцев никакого спроса. Даже наоборот, пожизненная Королевская пенсия и доброжелательное внимание лучших знахарей столицы. Жалко на самом деле беднягу. По уму, такая дурацкая выходка заслуживает – ну, максимум досрочной отставки. Хотя для него и

отставка стала бы трагедией. А арест – и вовсе крушение жизни, полный и окончательный крах. Когда узнал, что ему светит, побелел, как небо, я уже думал, придется звать знахаря. Но ничего, крепкий мужик, устоял. Интересно, он что, с самого начала не понимал, чем дело кончится? Законов не знал?! Да быть того не может, их всех перед поступлением на службу так натаскивают, что некоторые старики, говорят, перед смертью в бреду бормочут тюремный устав.

– А он, случайно, не околдован? – спросил я. – Вдруг это часть какого-то хитрого заговора? Подчинить волю одного из стражей Холоми наверняка много желающих. И тогда получается, псих – не сам Глукомари Чала, а тот, кто наложил на него заклятие ради такой ерунды. Но это, как я понимаю, как раз вполне обычное дело для героев Смутных Времен.

– Это было первое, что пришло мне в голову, – кивнул Джуффин. – Но вроде бы нет. По крайней мере, никаких следов известных мне заклятий я не нашел.

– А не известных тебе не существует в природе, – подхватил я.

– Да почему же. Еще как существуют, – огорошил меня Джуффин. – Уверен, их полно. Я же все-таки самоучка, не забывай. Впрочем, начиная с определенного уровня погружения в магию, все мы в каком-то смысле самоучки, включая счастличиков, с которыми столетиями возились великие учителя. Просто потому что не существует такой традиции, которая вмещала бы в себя всю магию целиком. До какого-то рубежа можно пройти, полагаясь на знания предшественников, а дальше – в одиночку через темный лес. Что найдешь, то твое, чего не заметишь – ну извини, сам дурак. А что касается заклинаний, в том числе подавляющих волю, самый простой и безотказный вариант их распознать – отвести человека на Темную Сторону и внимательно его осмотреть. Там любые следы магического воздействия как на ладони. Но Глукомари Чалу Темная Сторона не примет, никаких шансов. Поэтому мне пришлось целиком положиться на свой опыт и знания. А что их может оказаться недостаточно – ну, ничего не поделаешь. Такой риск всегда есть.

– Слушай, – сказал я, – а не может быть, что все это случилось из-за меня?

– То есть ты каким-то образом выбрался из камеры, встретил в коридоре первого попавшегося охранника, запугал его до полусмерти, заставил выйти во двор, метнул Смертный Шар и потребовал развлечений? – обрадовался шеф. – Отличная версия. Только я ее не приму. Просто потому, что довольно неплохо тебя знаю. Заполучив в лапы покорного твоей воле охранника, ты бы просто набил свою камеру гостями

– когда еще представится возможность устроить вечеринку в Королевской тюрьме. А унылая имитация пробуждения Духа Холоми, увы, не твой стиль.

– «Каким-то образом выбраться из камеры» тоже не мой стиль, к сожалению, – вздохнул я. – В жанре «побег из тюрьмы» я, как выяснилось, бездарь. Поэтому в коридорах никто никого не ловил. Я сейчас не об этом. А о том, что мне стало скучно. И события сами собой начали складываться таким образом, чтобы меня развлечь. А бедняга просто подвернулся под руку реальности в тот момент, когда она панически металась по своей событийной кухне, прикидывая, что бы такое устроить, лишь бы я отстал.

– Мания величия у тебя в последнее время стремительно прогрессирует, – одобрительно сказал Джуффин. – Рад за тебя. Во-первых, с ней жить веселее, а во вторых, недооценивать себя в твоём положении настолько опасно, что лучше уж переоценить. И вот наконец-то переоценил, молодец, с почином! Впрочем, иногда действительно именно так и бывает: ты сразу получаешь то, чего захотел. А иногда – только дюжину лет спустя, и тогда внезапное исполнение давно забытого желания называется «неприятный сюрприз». Однако ответственности с других участников событий это, в любом случае, не снимает. Свободы воли их никто не лишал, как поступать, они выбирают сами – до тех пор, пока ты не наложишь на них соответствующее заклинание. Тогда конечно другой разговор. Но, как я понимаю, никаких заклинаний ты на этого шутника не накладывал. И вообще о его существовании не подозревал.

Я молча развел руками. Чего не было, того не было. Что тут возразишь.

– Но вообще мне нравится ход твоих мыслей, – заключил Джуффин. – Прекрасный способ избавлять преступников от тюрьмы, гораздо лучше Королевского помилования, с ним очень уж много бюрократической возни. А так: «Преступление было совершено, чтобы развеселить заскучавшего сэра Макса», – и служащие Канцелярии Скорой Расправы, горестно вздыхая, ставят на судебном протоколе печать «Невиновен». Буду иметь в виду, когда у нас закончатся места в тюрьмах и казенные средства на выдворение изгнанников за пределы Угуланда. Судя по последним отчетам Городской полиции и астрономическому числу жалоб на нерасторопность столичного Управления Полного Порядка, которыми негодующие граждане уже по самую макушку завалили Королевскую Канцелярию по надзору за работой государственных служащих, к тому идет. Хорошая в этом году выдалась осень. Веселая. Даже чересчур.

– Ну точно! – воскликнул я с неуместным в сложившихся

обстоятельствах ликованием. – Вот же на что это похоже!

– Что на что похоже? – насторожился Джуффин. – Ты о чем?

– Аргументация, – объяснил я. – Все они примерно то же самое говорили.

– Объясни по порядку, пожалуйста, – потребовал Джуффин. И ехидно добавил: – Я бы не стал тебя затруднять, если бы мог прочесть твои мысли, но там почему-то одни междометия. И рефрен: «Твою мать, твою мать, твою мать». Выразительно, но недостаточно содержательно.

– Да ладно тебе. Нет там никакого рефрена. Ругаться я как раз люблю вслух.

– Весьма похвально. А теперь попробуй еще и рассуждать вслух. Это трудней, чем ругаться, не спору, но ты наверняка справишься. Я в тебя верю. Давай.

– Ну ты же наверняка знаешь, что в последнее время я несколько раз помогал полицейским, – осторожно начал я.

– Несколько раз в сутки, – кивнул шеф. – Ежедневно. Заливая при этом, будто наслаждаешься отдыхом в лучших притонах Кумона. Для меня совсем не новость, что люди, пускаясь в загул, часто врут всем вокруг, будто заняты срочной работой. Но чтобы наоборот...

– Просто не хотел, чтобы кто-нибудь из вас откусил Трикки голову за то, что он вызывает меня из отпуска, – объяснил я. – Ясно же, что от тебя все равно ничего не скроешь, поэтому мое вранье было скорее декларацией намерения взять ответственность на себя. Тем более, что Трикки не просто так меня дергал. Не по каждому пустяку. А только в тех случаях, когда поведение подозреваемых было настолько нелепым, что он принимал их за сновидения. Или за бодрствующих гостей из других Миров. Или за чьи-нибудь распоясавшиеся наваждения. Он же в этих вещах совершенно не разбирается. Я, впрочем, тоже не разбираюсь. Но официально считается, что я – да. Поэтому Трикки присылал мне зов – просто посоветоваться. И мне становилось так любопытно, что я прибегал посмотреть на безобразие своими глазами. Наши столичные дебоширы гораздо интересней куманских притонов, на мой утонченный вкус.

– Ты бы сперва все-таки хоть раз до этих грешных притонов добрался, – ухмыльнулся Джуффин. – Просто чтобы со знанием дела о них рассуждать.

– У меня отличная теоретическая база. О куманских притонах я довольно много читал. И слушал рассказы очевидцев. И даже несколько раз оказывался совсем рядом, буквально на соседней улице. Но если ты настаиваешь, ладно. Вот прямо сейчас туда и отправлюсь, чего тянуть.

– Так не пойдет. Какой может быть притон, пока ты ничего мне не объяснил? Даже толком не начал. Помогал ты полиции разобраться с разными странными происшествиями, ладно, договорились. И что?

– А то, что все эти эксцентричные хулиганы, о которых Трикки не знал что и думать, на поверку оказывались самыми обычными горожанами. Часто – солидными семейными людьми, вроде нашего шутника. Смотришь на такого и не веришь, что по его милости всего полчаса назад над площадью Побед Гурига Седьмого летал чей-нибудь оставленный без присмотра амобилер, причиняя при этом нешуточные разрушения окрестным домам и самому себе. Или младенец превратился в жуткую жабу – всего на пару минут и вроде бы без последствий, но его няньке хватило, чтобы хлопнуться в обморок и расшибить затылок; вот ее, кстати, еле спасли. Или потолок в трактире обрушился – хвала Магистрам, что никого не убил, но к раненым пришлось вызвать знахарей. И другие идиотские выходки – без цели, без смысла, без какой-либо выгоды; вроде даже не месть, по крайней мере, Трикки ни разу не удалось найти хоть какую-то связь между хулиганом и пострадавшими от его действий. И все твердили в один голос: «Я просто так это сделал. Думал, будет смешно». Безумием, кстати, тоже никто не пах; я, сам знаешь, не чую, но каждый раз специально спрашивал: может быть, хоть чуть-чуть? Но нет. И пьяных сильно меньше половины, да и те не в стельку, а так, слегка навеселе. Если интересно, о подробностях расспроси Трикки, только не откусывай ему голову. Я сам велел не стесняться и звать на помощь, когда происходит что-то излишне абсурдное. Потому что – ну слушай, любой из этих случаев и правда мог быть выходкой чокнутого сновидца. Досадно было бы его упустить.

– А Нумминорих у нас на что? – спросил Джуффин. – Пришел, понюхал, и сразу ясно, сновидец чудит, или нет. Впрочем, ладно. Сам знаю, что ты сейчас скажешь: у Нумминориха и так много работы. А по ночам он берет уроки у Тубурских Сонных Наездников, поэтому не стоит лишний раз его будить. А тебе ничего не сделается, потому что с некоторых пор ты возомнил себя железным. Даже не знаю, с чего вдруг – факты кричат об обратном.

– Не сгущай краски. Ничего я не возомнил. Просто мне интересно. Чем дальше, тем интересней. Вообще все, прикинь. Кроме, разве что, куманских притонов, но заранее уверен, что я к ним несправедлив. Очень уж настойчиво вы все их мне нахваливали, а я на рекламу реагирую, как на чужие заклинания: вот не поддамся, и хоть ты тресни!.. Кстати о чужих заклинаниях. Может быть, леди Сотофе нашего шутника показать? И

Триккиных хулиганов заодно? Вдруг она все-таки что-нибудь такое обнаружит? Заклятие, не заклятие, но, может быть, они, к примеру, съели что-то не то? Тебе же Мелифаро про пирожки с наваждениями рассказывал? За едой в последнее время тоже глаз да глаз.

– Что ты действительно умеешь, так это быть благодарным, – заметил шеф. – Глукомари Чала невольно спас тебя от тюремной скуки, и теперь ты изо всех сил стараешься выручить его.

– Можно подумать, тебе самому его поведение не кажется странным.

– Еще как кажется, – серьезно ответил Джуффин. – Особенно на фоне последних городских происшествий. Мне о таких пустяках развернуто не докладывают; получается, зря: не вижу общей картины. Один нелепый поступок, причин которого виновный сам не может объяснить – ладно, с кем не бывает. Но несколько подряд – это действительно интересно.

– Несколько дюжин, по самым скромным подсчетам.

– Тем более. Есть с чем идти к Сотофе. И о чем расспрашивать Трикки. С него и начну. А ты, сэр Макс...

Я понял, что на мои плечи вот-вот ляжет какая-нибудь очередная неподъемная ноша, именуемая срочной работой, и почувствовал почти непреодолимое желание подпрыгнуть до потолка, как это делает Друппи, когда его зовут гулять. Великое все-таки дело тюремное заключение, любой бездельник в три счета перевоспитается. Ну или ладно, в пять.

– А ты, сэр Макс, не забывай, пожалуйста, что у тебя все еще отпуск, – сладким голосом произнес этот садист, господин Почтеннейший Начальник Тайного Сыска, о котором среди сотрудников почему-то ходят легенды, что он любого работой загонит в гроб.

Господи, да если бы.

На лице моем вероятно отразились настолько сильные и сложные чувства, что Джуффин примирительно добавил:

– Все претензии к Абилату. Это он сочинил нелепую легенду, будто чудовищам вроде тебя, слишком жадно хапающим силу Сердца Мира, следует регулярно отдыхать – просто чтобы не чокнуться прежде времени и не натворить бед. А я – простой деревенский парень и верю столичным знахарям, что с меня взять. Не хочешь куманских притонов – ладно, не заставляю. Вместо притона можешь отправиться к сэру Шурфу.

– Достойная альтернатива, – согласился я.

– Он клятвенно обещал за один вечер научить тебя ставить барьер от Безмолвной речи. Вот пусть теперь держит слово, а я посмеюсь.

– Не то чтобы я тебе не доверял, – сказал сэр Шурф Лонли-Локли.

Я насторожился, потому что знаю его не первый год. В каком-то смысле лучше, чем себя самого, поскольку на изучение внешних объектов всегда кладу больше сил, чем на самоанализ. И успел заметить, что подобное начало беседы обычно ни к чему хорошему не приводит. После такого вступления традиционно следует какое-нибудь совершенно сокрушительное «но», а за ним – полный конец обеда, как говаривал один мой приятель, в прошлом умеренно непризнанный гений, а ныне ташерский газетный магнат.

– ...но...

Так и знал.

– Но мне хотелось бы знать, как ты планировал усмирять Духа Холоми, если бы тот и правда проснулся, – заключил Шурф. – Я помню, как вы с ним вели увлекательную беседу, но при этом удерживал его на месте все-таки я. В таком деле одним вдохновением без специальных приемов не обойдешься. А этим приемам, насколько мне известно, тебя никто не учил.

– Да ничего я не планировал, – честно сказал я. – Просто пошел в подвал с комендантом, а что было делать? Не бросать же его одного. Вы с Джуффином оба не отвечали на зов, а на Камши смотреть было страшно: совершенно белый от ужаса и одновременно от злости на собственное бессилие. Кстати, слушай, а как получилось, что людей, способных удержать Духа Холоми от танцев, всего двое? И при этом вы не дежурите при нем неотлучно, как надо бы по уму, а занимаетесь совсем другими делами. Я понимаю, что постоянно дежурить в Холоми вам было бы скучно, но если уж пробуждение Духа такая страшная катастрофа...

– Понимаю, почему ты спрашиваешь, – кивнул Шурф. – Мне и самому не слишком нравится, что в системе безопасности Соединенного Королевства есть настолько серьезная брешь. Однако могу тебя успокоить, как в свое время сэр Джуффин успокоил меня самого. Прежде всего, Дух Холоми никогда не просыпается быстро. Как правило, от момента появления первых признаков его скорого пробуждения до первого вздоха проходит не меньше суток. Часто больше. То есть отыскать хотя бы одного из нас и вызвать на помощь время обычно есть. При этом нас, конечно, не двое, а больше. Просто возиться с Духом Холоми никто особо не хочет. Для могущественного колдуна это примерно так же увлекательно, как

подметать полы. Собственно, мы бы тоже охотно переложили эту заботу на чужие плечи, но нам по должности положено заботиться о безопасности Соединенного Королевства, а остальным – как бы нет. Однако, если мы с Джуффином одновременно выйдем из игры, кто-нибудь – да хоть та же леди Сотофа – легко разберется с Духом Холоми. Ее даже звать специально не надо, сама почует беду и придет.

– То есть мы с Камши могли сразу пойти пить камру и ждать, пока все уладится само?

– Ты, разумеется, мог. Он – нет. Комендант Холоми обязан предотвращать всякие неприятности еще до их наступления. Или хотя бы пытаться. Так что пришлось бы ему метаться в поисках помощи до ее прибытия. Иначе нельзя.

– Странно все-таки, что комендант Холоми сам не способен укротить этого грешного духа, – сказал я. – По идее, это должно быть частью его работы. Разве нет?

– В идеале да, – согласился Шурф. И помолчав, добавил: – Собственно, раньше именно так и было. До Эпохи Кодекса, я имею в виду. Одно из самых тяжелых и неприятных ее последствий – резкое сокращение числа квалифицированных магов. Многие погибли в Смутные Времена, другие были отправлены в пожизненное изгнание, некоторые уехали сами – какой смысл жить в Сердце Мира, если не колдовать? И, что хуже всего, новых практически не обучали – по закону никто не имел такого права, кроме Ордена Семилистника. Леди Сотофа, конечно, прекрасно воспитывает своих девочек, но насчет мужчин Ордена, я лучше промолчу – даже не столько из этических соображений, а просто чтобы не портить тебе настроение скверным своим.

– Да я и сам могу себе его испортить, – усмехнулся я. – В смысле вообразить, чему и как их учили. И насколько тебе весело и интересно с ними теперь возиться.

– «Возиться» – это бы еще полбеды, мне приходится вежливо игнорировать их существование, одновременно делая вид, будто не считаю его абсолютно бессмысленным, а это гораздо трудней, – мрачно сказал мой друг. – Все эти упертые сторонники безумных идей давно почившего Магистра Хумхи Йоха о вредоносном влиянии магии на практикующего при близком общении производят крайне удручающее впечатление. Если их кумир, при всем своем бесспорном безумии, был гениальным магом, то сами они вцепились в его идеи, как в последнее утешение: легко и приятно рассуждать о вреде Очевидной магии, когда ты недостаточно талантлив и слишком ленив, чтобы возместить недостаток способностей упорным

трудом, а гонора у тебя при этом хватило бы на дюжину младших помощников хранителей Королевских ночных сосудов...

– А чего ты их просто не выгонишь? – сочувственно спросил я. – Ты же теперь начальник, как решишь, так и будет. Зачем они тебе?

– Ну, формально-то выгонять стариков не за что. Сместить с любой занимаемой должности того, кто с ней не справляется – запросто, этой возможностью я регулярно пользуюсь, чтобы навести хоть какой-то порядок в делах. Но выгнать человека из Ордена без крупной провинности не позволяет устав. В котором, к сожалению, не оговариваются минимальные обязательные требования к способностям и личным качествам адептов. Считается, если человека однажды приняли в Орден, значит он того достоин, решение пересмотру не подлежит.

– А переписать устав? Чем он хуже Кодекса Хрембера?

– Тем, что любое внесенное в Орденский Устав изменение равносильно роспуску Ордена, а за такую выходку леди Сотофа мне голову оторвет. Орден формально один для мужчин и женщин, и ей удобно, чтобы он продолжал существовать. А что мне – не очень, так это мои проблемы. Впрочем, это справедливо: я в Ордене ненадолго, для выполнения определенной задачи, а она – как минимум до конца времен.

Зная леди Сотофу Ханемер, я ни на секунду не сомневался, что «как минимум, до конца времен» сказано не для красного словца.

– Все-таки когда про срок в тридцать с лишним лет говорят «ненадолго», у меня волосы дыбом, – признался я.

– Редкий случай, когда твоя реакция не кажется мне преувеличенной, – усмехнулся мой друг. – Впрочем, ладно; справедливости ради, молодежь в Ордене вполне ничего. С большинством Младших Магистров можно иметь дело, а после того, как научатся правильно дышать, будет еще лучше. А среди новичков попадают такие, что был бы я настоящим Великим Магистром с призванием, сам себе сейчас завидовал бы. Но старшее поколение – о да-а-а-а-а.

Это длинное «да» в его устах прозвучало выразительней, чем добрая дюжина древних угуландских ругательств, которые, кстати, со временем, стали могущественными заклинаниями. Удивительная все-таки штука формирование магического языка.

– Удивительно все же обнаружить в себе способность жаловаться, – помолчав, сказал Шурф. – Не назвал бы открытие приятным, это совсем не тот талант, обладания которым я бы желал. А ведь намеревался всего лишь объяснить тебе, что человека соответствующей квалификации, способного удержать Дух Холоми и одновременно выполнять всю административную

работу, в настоящее время в Соединенном Королевстве просто нет. Когда это выяснилось после трагической гибели леди Ауды Рейи, бывшей комендантом в Смутные Времена, сэр Джуффин рвал и метал. Все мало-мальски подходящие кандидаты на должность коменданта Холоми к тому времени находились там в качестве узников или отбывали бессрочную ссылку. Оставался разве что я. Но идея сделать комендантом Холоми бывшего Безумного Рыбника не нашла понимания даже у покойного Короля, хотя обычно в самых важных вопросах они с Джуффином были заодно. Пришлось остановиться на кандидатуре сэра Марунарха Анторопа – ты же, насколько я помню, был с ним знаком^[2]? Сердечный человек, прекрасный администратор, и, что особенно важно, замок Холоми изъявил готовность принять его назначение, как потом согласился с кандидатурой Тойхи Камши; как ты понимаешь, мнение замка в этом вопросе решающее. А обязанность разбираться с Духом Холоми легла на плечи Тайного Сыска. То есть в итоге мне все равно пришлось учиться его умирять. Ну, хорошо хоть не всему остальному. Всякий опыт сам по себе интересен, но не всякий жизненно необходим.

– Иногда дурная репутация – сущее спасение, – улыбнулся я. – Ты, наверное, от радости на потолке плясал, когда Король завернул твою кандидатуру.

– Да нет, не особо плясал. Не то чтобы я мечтал об этой должности, но и не стремился любой ценой ее избежать. До недавнего времени мне было более-менее все равно, чем заниматься. Нравнодушие к своей судьбе – не та роскошь, которую я мог себе позволить. Не забывай, в ту пору мои Мертвые Магистры еще сторожили меня на границе между явью и сном^[3]. И задача у меня была понятно какая – сохранять равновесие, ни на миг не расставаться с новой личностью, ничем себя не выдавать и постараться дожить до того момента, когда я буду способен закрыть старый счет. А какую работу при этом выполнять – да какая разница? Лишь бы оставался досуг для чтения и путешествий, потому что совсем без радостей не прожить никому, даже мне. То есть физически выжить можно, но о магии придется забыть. Какими бы способностями ни обладал человек, а для успешной практики магии высоких ступеней нужна жажда жизни. Даже вождение к жизни. Страсть. А какая может быть страсть к тому, что тебе давно опротивело.

– Получается, хорошо, что у меня такое шило в заднице? – обрадовался я.

– Не преуменьшай, сэр Макс, их там, по самым скромным подсчетам,

несметные тысячи. Что, разумеется, хорошо. Жадность к жизни всегда была твоей сильной стороной. И, надеюсь, ею останется. Это более чем вероятно – при условии, что ты не сойдешь с ума от переутомления. Доводить до такой крайности я тебе не советую. Одна из самых малоприятных разновидностей безумия. И пользы от нее никакой.

– Ай, ну да, – спохватился я. – Ты же не просто так переводишь на меня камру, а потому, что должен научить ставить этот грешный защитный барьер от Безмолвной речи. Джуффин говорит, ты ему твердо пообещал. Надеюсь, вы не поспорили на деньги? Не хотелось бы нанести разоренной Орденской казне последний сокрушительный удар.

– Нет, мы не поспорили на деньги, – совершенно серьезно ответил Шурф. – И я думаю, зря. Когда еще представится возможность так легко заработать.

– Легко?!

– Легче легкого. Я наконец-то понял, почему у тебя не получается. В глубине души ты очень сильно не хочешь ставить этот барьер, потому что боишься пропустить что-нибудь важное. Которое, как тебе кажется, непременно случится, как только ты закроешься для Безмолвной речи. И без тебя, конечно, все рухнет.

– Надо же, я ровно то же самое понял. Совсем недавно. Пока скучал в камере. Все-таки длительное тюремное заключение активизирует мыслительные процессы. Страшно даже представить, до чего бы я успел додуматься, если бы отмотал весь срок... Но как ты собираешься распорядиться своим великим открытием? Бояться пропустить что-то важное я вряд ли вот так сразу перестану. И что без меня все рухнет, заранее совершенно уверен. Джуффин говорит, у меня наконец-то появилась мания величия. Возможно, он прав.

– Похоже на то. Тот факт, что мы неплохо справлялись в твое отсутствие, не производит на тебя никакого впечатления; впрочем, это я как раз очень хорошо понимаю: тебе проще думать, будто нам все эти годы случайно везло, чем согласиться, что без тебя легко обойтись. Звучит абсурдно, но в твоем случае вполне может оказаться правдой; по крайней мере, лично я не готов проверять, так оно или нет. Поэтому не беспокойся, с твоей манией величия я бороться не намерен. Напротив, постараюсь вносить посильный вклад в ее дальнейшее формирование.

– Просто говори мне время от времени, что я властелин Мира, – посоветовал я. – Часто не надо, дюжины раз в сутки вполне достаточно. И аргументацию можешь особо не продумывать, я тебе верю, ты знаешь. Как мало кому в Море. Собственно, как больше никому.

– Вот именно на это я и решил сделать ставку, – невозмутимо кивнул мой друг. – Я имею в виду, на то, что ты мне целиком доверяешь. А кроме того знаешь, что я, если надо, могу пробиться с Безмолвной речью через любой защитный барьер.

Это правда. В искусстве сокрушения чужих защитных барьеров сэр Шурф Лонли-Локли великий мастер. То есть он много в чем великий мастер, но в этом деле по-настоящему страшен. В смысле, кого угодно способен достать. Даже сэр Джуффин Халли не мог спокойно поиграть в карты со старыми друзьями, когда в нем внезапно возникала неотложная надобность и за дело брался Шурф. У него несгибаемая воля, помноженная на сверхчеловеческую концентрацию. Проще говоря, он упрям, как адский осел из ослиного ада. Мне до него пока далеко.

– Можешь, – согласился я. – И?..

– Если я твердо пообещаю, что в случае любого из ряда вон выходящего происшествия непременно тебе о нем сообщу, ты мне скорее всего поверишь.

– Пожалуй, поверю, – подумав, согласился я.

– И наконец-то перестанешь неосознанно сопротивляться обучению. А ничего по-настоящему сложного в создании защитного барьера от Безмолвной речи нет. Это даже проще, чем сам разговор; для тебя так точно гораздо проще. Ты же, насколько я знаю, не любишь Безмолвную речь. Есть опасение, что ты быстро войдешь во вкус и вовсе перестанешь ею пользоваться, но тут придется положиться на твой здравый смысл.

Про мой здравый смысл он сказал без тени иронии. Поразительный человек.

...Но еще более поразительно, что я сумел не возненавидеть его в течение последующих трех с половиной часов. В смысле пока предавался блаженству усвоения новых знаний, несколько более немыслимому, чем я был готов пережить вот прямо сейчас.

Однако мои страдания были не напрасны. Шурф и правда зря не поспорил на деньги. В его нынешнем положении главы Ордена, беззащитно разоренного предыдущим Великим Магистром, пари – один из немногих способов поправить свои финансовые дела. А еще ограбления и шантаж. Но у него вечно нет времени на удовольствия, вот в чем беда.

* * *

Весь вечер я понятно как развлекался. Ставил свой новенький, только

что обретенный защитный барьер – надолго, на целых десять минут. И сидел, восхищаясь титанической силой своего духа и заодно магическим мастерством. Потом у меня не выдерживали нервы, я снимал защиту и начинал опрашивать всех подряд: «Ты меня только что не искал?», «Я тебе случайно вот прямо сейчас не нужен?», «Все в порядке?» Понятно, что мне отвечали: «Нет», «Не откажусь, но это не срочно», «Да». И так далее. Интересно, а чего еще я ждал?

Ну как – чего. Всеобщей паники, наступления вечной ночи, воскрешения злопакостных мертвецов на кладбище Кунига Юси, мятежа на границах, эпидемии анавуайны, а также, вероятно, нашествия саранчи. Все-таки я очень смешной, если знать меня достаточно близко. Особенно изнутри.

...Не то с горя, не то на радостях я наконец отправился домой. Хотя бы для того, чтобы наконец избавиться от вещей, которые забрал из Холоми и до сих пор таскал за собой в пригоршне – уменьшенными и невесомыми, но все равно непонятно зачем. К тому же, спокойный вечер в домашней обстановке – это для меня, пожалуй, одно из самых экзотических приключений. Реже, чем дома, я бываю, вот разве что, в куманских притонах – при том, что в глубине души я домосед. Просто непоследовательный. Исполненный неразрешимых противоречий, которые расточительная природа зачем-то в меня насовала, как изюм в кекс.

Открывая дверь, ведущую в гостиную Мохнатого Дома, я всегда на всякий случай заранее готовлюсь к худшему. Но и к лучшему тоже готовлюсь. То есть, вообще ко всему. И правильно делаю: практика показывает, что в моей гостиной может происходить что угодно, начиная с неофициального визита Его Величества и заканчивая локальным ураганом, аккуратно расставляющим по местам им же самим перевернутые кресла.

Единственное, в чем я могу быть более-менее твердо уверен, стоя на этом пороге, – что меня непременно повалят на пол. Такой теплый прием гарантирован каждому, в чьем доме живет любвеобильная овчарка Пустых Земель.

Однако на этот раз Друппи не бросился мне навстречу, считая все на своем пути. Он вообще не тронулся с места. Только ушами приветливо взмахнул.

Его ближайший друг, единственный в Мире синхронный переводчик с собачьего языка на человеческий и наоборот, говорящий пес Дримарондо, самый популярный преподаватель новейшей угуландской словесности столичного Королевского Университета – хотя бы потому, что о

возможности погладить профессора и угостить его леденцами прямо во время лекции мечтает любой студент – тоже вел себя странно. Не развалился на диване, обложившись книгами и студенческими сочинениями, как у него это принято, даже никого не поучал, а смирно сидел рядом с Друппи на специальной собачьей подстилке, занимать которую обычно считает ниже своего достоинства – примерно на триста восемнадцать этажей.

Вид у обоих псов был собранный и обреченный, как у молодых солдат, отправленных охранять командира во время переговоров в стане врага.

Примерно такой же вид был у Базилио. Ну, правда, она хотя бы сидела не на собачьей подстилке, а за столом. В звенящей тишине ее тихий голос звучал набатом, хотя говорила она просто какую-то вежливую ерунду, что-то вроде: «Позвольте предложить вам напитки». А гость, к которому она обращалась, молчал столь выразительно, словно его уже многократно пытались здесь отравить. Хотя на моей памяти сэр Корва Блимм появился в Мохнатый Дом впервые. А что яды мы расходуем экономно и кому попало в камру не подливаем, любому здравомыслящему человеку должно быть заранее ясно: в большой семье без бережливости никак нельзя.

Базилио и собак было жалко; за кошек и призрака великого математика леди Тайяры, которые благоразумно не стали соваться в гостиную, оставалось только порадоваться. С другой стороны, мои домочадцы давно могли бы привыкнуть, что в нашем доме периодически появляются разные странные существа. Собственно, мы тут и сами тоже довольно странные существа – кроме, разве что, добряка Друппи, тот просто очень большой.

Не то чтобы сэр Корва Блимм был таким уж чудовищем. Строго говоря, он вообще не чудовище, даже не какой-нибудь Мятажный Магистр в завязке, а просто человек. Теоретически даже вполне приятный – если сделать скидку на его манеры, которые с непривычки могут огорошить кого угодно. Старая аристократия Соединенного Королевства, слишком родовитая, чтобы считать ровней самого Короля, в личном общении мягка и приветлива только с собственными слугами. А с остальными они обычно щеголяют прямолинейностью, граничащей с грубостью, высокомерием, плавно переходящим в лютую спесь, и умением называть вещи своими именами, в смысле шокировать неподготовленных собеседников крайне нелестными определениями, заранее заготовленными для всего сущего, кроме, может быть, супа, приготовленного любимым поваром, недавно переманенным от соседей – вот о чем с ними легко и приятно говорить.

Мне такое безобразное поведение скорее нравится, я бы даже сказал, близко по духу, но здешним обычаям, включая правила хорошего тона,

меня обучал сэр Джуффин Халли. А он, как и положено провинциальным выскочкам, довольно вежливый человек.

Поэтому моим манерам недостает аристократической изысканности. И, боюсь, всегда будет не доставать. Настоящий аристократ на моем месте сейчас прямо спросил бы: «Корва, какого драного лешего вы здесь забыли? Я вас не звал». А я зачем-то пожелал ему хорошего вечера. Несмываемый позор.

Но сэр Корва Блимм был настолько великодушен, что не стал отвечать обычной для человека его воспитания репликой: «Вам, может, и хорош, а как по мне, дрянь». А просто сказал:

– Нам надо поговорить.

– Пойдемте в мой кабинет, – предложил я, заранее предвкушая, как бедняга будет тащиться по лестнице на самый верх, в мою башню. Сто двадцать восемь ступенек, не менкал чихнул.

Я-то сам обычно хожу туда Темным Путем и горя не знаю, а Корве хочешь не хочешь, придется поработать ногами. Магию, насколько мне известно, он никогда всерьез не изучал, хотя, если верить моим ощущениям при всякой встрече, имеет к ней большие способности. Однако когда сэр Корва был молод, ни один из Великих Магистров не пришел валяться у него в ногах, умоляя милостиво соизволить стать его учеником, а вступать в какой-либо магический Орден на общих условиях сэр Корва Блимм, разумеется, не пожелал. Его брат Кима, поступивший в Орден Семилистника и быстро дослужившийся там до высокого звания главного смотрителя Орденских винных погребов, по моим сведениям, до сих пор считается в семье славным парнем, но размазней.

Интересно, на какой по счету ступеньке Корва пожалеет, что не освоил Темный Путь? – злорадно подумал я.

На самом деле я вовсе не злой человек. Просто у меня развито чувство комического. Вот без него я бы пожалуй вполне мог бы сделаться злым, благо темперамент подходящий. Но злым я уже несколько раз в жизни был, оказалось, это совсем не увлекательно. И следовательно, не имеет смысла, по крайней мере, для меня. Гораздо интересней искать и находить хоть что-нибудь смешное во всех, кто меня сердит. Непростая задача, но я справляюсь примерно в девяти случаях из десяти. Например, вот прямо сейчас.

Пока мы поднимались по лестнице, я сообразил, что надо убрать защитный барьер. Я с ним уже наигрался, в смысле неоднократно убедился, что все получается. И теперь могу благополучно отправить это умение в

сундук пассивной памяти, где хранятся всякие условно полезные знания вроде таблицы умножения и чудесной способности посылать в дальний полет нагруженную пирогами тарелку.

Вовремя спохватился. Базилио тут же прислала мне зов и сказала: «Макс, с тобой почему-то стало очень трудно связаться. Я уже испугалась, что разучилась пользоваться Безмолвной речью, но с другими получается легко, как раньше».

«Извини, – покаялся я. – Это я защитный барьер учился ставить, чтобы спать не мешали. И не сообразил, что надо сперва тебя предупредить».

«Ничего. Леди Тайяра говорит, что людям умственного труда иногда бывает полезно поволноваться за близких. А иначе мы, чего доброго, и не вспомним, что они у нас есть. Мне кажется, она права. Когда я решаю по-настоящему интересные задачи, забываю даже... Неважно. Вообще обо всех».

«Вот и у меня вечно та же история. Добро пожаловать в клуб».

«Больше не буду тебе мешать, – пообещала Базилио. – Просто хотела сказать спасибо, что ты так быстро увел своего гостя. Он... Ну, в общем, довольно странный. Звери его боятся. А на меня даже когда я выглядела чудовищем никто с такой неприязнью не смотрел».

«Это не на тебя лично, – утешил ее я. – Он вообще на всех так смотрит, включая собственное отражение в зеркале и единственную дочку. Собственно, начиная с себя и нее».

С сэром Корвой Блиммом меня связывают крайне сложные и запутанные отношения. То есть, если бы я просто перерезал всю его родню в разгар Смутных Времен, нам обоим было бы гораздо проще: мы бы демонстративно не здоровались при встрече, возможно, время от времени организовывали бы ни к чему не обязывающие покушения друг на друга, и на этом все. Но о такой легкой жизни нам остается только мечтать.

Дело не в том, что у меня был – и теоретически продолжается – роман с Корвиной дочкой. Уж чем-чем, а романами нашу аристократию не шокируешь, каков бы ни был состав участников и выбранные ими способы выражать свою страсть. Там, где простой обыватель беспомощно всплеснет руками: «Да что же это творится, люди добрые?!» – любой из потомков знати времен Древней Династии с досадой поморщится: «Вечно одно и то же», – и призовет садовника, чтобы спросить, когда в этом году расцветут уандукские фийорфины – событие, заслуживающее куда более пристального внимания, чем любовные похождения соседей, знакомых, королевских придворных и членов их собственной семьи.

Поэтому мой роман с леди Меламори Блимм шокировал ее отца и остальную родню не самым фактом, а только рекордной продолжительностью. Правила хорошего тона велят девушкам из аристократических семейств бросать любовников не позже, чем через дюжину дней после первого свидания. Но с тех пор, как Меламори поступила на государственную службу, да еще и в Тайный Сыск, что по меркам ее родни немногим лучше, чем продать себя в рабство на одном из подпольных рынков Куманского Халифата, от нее заранее ожидают сколь угодно разрушительных выходов. То есть, будь наш до неприличия затянувшийся роман единственной проблемой, Корва бы это как-нибудь пережил.

Гораздо труднее ему смириться с тем фактом, что однажды, давным-давно я вылечил от безумия его любимую жену, предварительно простив ей покушение на мою жизнь, спланированное и осуществленное, как нам всем хочется верить, в помрачении и бреде^[4]. Причем почти нечаянно вылечил: метнул в нее Смертный Шар и приказал выздороветь; в ту пору я вовсе не был уверен в результате да и сейчас отношусь к собственной способности исцелять, мягко говоря, настороженно.

Не могу сказать, что выздоровление улучшило характер леди Атиссы и прибавило ей здравого смысла; как по мне, даже наоборот, но безумием от нее больше не пахнет, а значит исцеление действительно произошло. С тех пор сэр Корва Блимм мой вечный должник, и я могу представить, насколько это для него невыносимо. Ну то есть только теоретически могу. Я-то человек совсем другого склада: когда меня спасают, говорю «спасибо» и спокойно живу себе дальше в полной уверенности, что регулярное спасение друг друга – неотъемлемая часть нормальных взаимоотношений между людьми.

Но и это вполне можно было бы пережить. Тем более, что быть моим вечным должником легко и удобно: я не болтаю о своих добрых поступках на всех углах. И не донимаю сэра Корву требованиями деятельно выражать мне благодарность – например, низко кланяться при всякой встрече или держать на стене в гостиной мой парадный портрет.

Однако есть еще одна проблема. В семействе Блиммов существует легенда, будто их единственная дочь регулярно сбегает в далекий Арварох не просто ради собственного удовольствия, а спасаясь от ужасного меня.

Беда в том, что поначалу леди Меламори действительно меня побаивалась – много лет назад, в самом начале нашего знакомства, когда я за ней крайне неуклюже ухлестывал, а она никак не могла решить, что делать с таким счастьем. В смысле насколько далеко меня можно послать,

чтобы потом вернуть, если вдруг понадобится. Однажды она пожаловалась родителям, что новый коллега ее иногда пугает; ляпнула и забыла, а они запомнили навсегда.

С тех пор многократно изменилось все, начиная с самой Меламори, к чьей врожденной способности мотать мне нервы прибавились чрезвычайно полезная привычка регулярно спасать мою жизнь и удивительное умение привносить в нее радость, однако Блиммы по-прежнему считают, что в моем лице их дочь обрела вечный кошмар, от которого одно спасение – смотаться в Арварох. А тот факт, что Меламори стала первой за всю обозримую историю магии Соединенного Королевства ученицей тамошних буриуфов, которые, по идее, такому могут научить, что самому Лойсо Пондохве в страшных снах не снилось, ее родители полагают просто предлогом, придуманным, чтобы сохранить лицо. Люди часто выбирают считать правдой самую неприятную из возможных версий. А когда она одновременно еще и самая понятная, вцепляются намертво, чтобы никто не смог эту страшную якобы правду у них отнять.

Таким образом, в моем лице сэр Корва Блимм обрел злейшего врага, которого следовало бы придушить собственными руками. И одновременно вечного благодетеля, спасшего его любимую жену. Жить с такой непростой композицией в голове и правда не сахар, я ему от всего сердца сочувствую. Но изменить ничего не могу. Разве что на глаза пореже попадаться; впрочем, до сих пор это у нас получалось как бы само собой.

Интересно все-таки, какого лешего он пришел?

Одолев пятьдесят пять ступенек – да, я шел следом и злорадно считал – сэр Корва внезапно остановился и спросил:

– Ваш кабинет на самом верху?

– Да, в башне, – жизнерадостно подтвердил я.

– Нелепо так высоко карабкаться ради нескольких слов, которые можно сказать прямо здесь, – решил он.

Я так восхитился его здравомыслием, что наступил на горло своему пресловутому чувству комического, которое подстрекало меня забубнить: «Говорить о делах следует в кабинете, обедать в столовой, спать в спальне, а по лестницам можно только ходить вверх и вниз». Еще, чего доброго, поверит, что для меня это важно, вздохнет и пойдет дальше – мне же тогда за ним тащиться, умирая от любопытства, еще семьдесят три ступеньки, четко осознавая, что сам виноват.

Поэтому я кивнул:

– Как хотите.

– Нынче ночью мне приснилась моя дочь, – сказал сэр Корва таким тоном, каким обычно сообщают о досадных бытовых неприятностях специально вызванному мастеру по ремонту. – Обычно я не придаю значения подобной ерунде, но она поклялась нашей семейной клятвой, что этот сон имеет такую же силу, как визит наяву. Строго говоря, клятва в ее исполнении мне тоже всего лишь приснилась, но я не раз слышал, что сновидения, которые можно приравнять к реальным событиям, действительно существуют, поэтому всякое может быть. А вы решайте сами, принять мои слова на веру или выбросить из головы.

– Да чего тут решать. По моим сведениям, именно таким сновидениям Меламори и учится в Арварохе.

– Действительно, что-то такое она рассказывала, вернувшись из первой поездки, но я тогда особо не вникал. Ладно, тем лучше. По крайней мере, передавая ее слова, я буду выглядеть дураком только в своих глазах, а не в ваших.

– Она попросила вас что-то мне передать?!

Сказать, что я удивился, было бы изрядным преуменьшением. Глагол «офонарел», который я обычно использую в подобных случаях, тоже несколько слабоват. И не передает некоторых важных смысловых нюансов.

– Именно так. Моя дочь сказала, чтобы вы прекращали от нее прятаться. Если вам не хочется видеть кого-то во сне, об этом следует заявить прямо, а не малодушно отгораживаться защитными барьерами. На этом все.

Я открыл было рот, но вовремя осознал, что ничего, кроме площадной брани, на ум мне пока не приходит. Поэтому лучше помолчать.

Некоторое время сэр Корва с неподдельным интересом исследователя созерцал выражение моего лица. Наконец примирительно сказал:

– Да я и сам удивлен. Правда по иным причинам. И вовсе не горел желанием пересказывать вам эту чушь. Однако мои предки считали, что просьбы путников и изгнанников следует по мере возможности исполнять. Моя дочь знает, что я охотно следую старинным законам в тех случаях, когда это не требует совсем уж абсурдных жертв, но прежде она ни разу не обременяла меня подобными просьбами, ни наяву, ни, тем более, во сне. Исходя из этого, я сделал вывод, что ей, вероятно, крепко припекло.

– Спасибо, – наконец выговорил я. – Но на самом деле, даже если я захочу помешать кому-либо мне сниться, все равно не сумею. Из всех магических защитных барьеров я пока освоил только тот, который препятствует Безмолвной речи. Да и его – буквально пару часов назад.

– А. Так вот почему это диковинное существо, выдающее себя за

рыжую девчонку, не смогло с вами связаться, – понимающе кивнул сэр Корва. – Я думал, просто не умеет, что в его положении вполне простительно: все-таки оно не человек.

– Овеществленным иллюзиям магия дается даже легче, чем людям. А во всем остальном они не настолько от нас отличаются, чтобы из-за этого шум поднимать, – заметил я. – Что касается меня, так я просто последние несколько дней безвылазно просидел в Холоми, куда меня отправили за то, что перед этим вовсе не спал. Видимо, стены Холоми сами по себе неодолимый барьер.

– Зачем вы мне это объясняете? – удивился сэр Корва. – В мои планы не входит принуждать вас к общению с моей дочерью, во сне или наяву.

– Затем, что, если Меламори в своих сновидениях доберется до вас прежде, чем до меня, есть шанс, что вы вспомните и сможете передать ей мои слова. Чем раньше она узнает, в чем дело, тем лучше. Она сейчас учится намеренно сниться другим людям по собственному выбору, и любая неудача может надолго выбить ее из колеи. А то и вовсе лишит желания учиться дальше. В магии без уверенности в своих силах далеко не уйдешь.

– Неудача в магии! – недоверчиво усмехнулся сэр Корва. – Вас пугает эта проблема? Не что-то еще, а именно она?!

– Да не то чтобы пугает. Просто кажется довольно серьезной. Все остальное ерунда. Любые недоразумения между людьми рано или поздно как-нибудь разрешаются. А ошибки, сделанные при изучении магии, к сожалению, далеко не всегда.

– Не сосчитать, сколько раз этот Мир изменялся до полной неузнаваемости, – сказал сэр Корва. – Говорят, в древние времена целые материки исчезали под водой, в небе появлялись незнакомые созвездия, женщины ели отцов своих детей, а зимы бывали такими лютыми, что из туч вместо дождя сыпался лед и лежал на земле, не растаяв, целую дюжину дней кряду, а то и две. И только одно осталось неизменным со времен младенчества моих предков: все угуландские колдуны непременно чокнутые, один другого хуже. Извините за откровенность, сэр Макс.

– Да мне-то что. Я вообще приезжий. То есть, будь я хоть тысячу раз чокнутый, вашу теорию своим примером подтвердить, к сожалению, не могу. Зато и не опровергну, если вдруг все-таки окажусь нормальным, в отличие от всех остальных.

Он улыбнулся – как-то неожиданно совершенно по-человечески, словно между нами отродясь не было никаких сложностей. И спросил:

– Вы проводите меня вниз? Я бы и сам нашел выход, просто не так воспитан, чтобы ходить по чужим домам без сопровождения, как

присланный по делу слуга. Я знаю, что вам все равно, но поскольку речь идет о моем поведении, мне – нет.

– Вообще не вопрос, – кивнул я, ощутив небывалый прилив энтузиазма.

Сэр Корва и правда прекрасный человек. Но провожать его к выходу – одно удовольствие, чего уж там.

После отбытия сэра Корвы Блимма в доме воцарилась настоящая благодать. Все выглядели совершенно счастливыми, но на всякий случай вели себя по-прежнему тихо. Я даже подумал, что следует составить список людей с особо тяжелым характером и время от времени приглашать их нас навестить – ради создания умиротворенной атмосферы после ухода дорогого гостя.

Раньше с этой задачей неплохо справлялся сэр Шурф Лонли-Локли, но в последнее время он совершенно распоясался. В смысле стал недостаточно строгим – даже с точки зрения собак. Впрочем, его уходу и прежде никто почему-то особо не радовался. Ну, то есть мне-то как раз понятно, почему, но я долгое время наивно полагал себя единственным утонченным ценителем его многочисленных достоинств.

Делать нечего, придется искать других злодеев. А потом придумывать, как их сюда заманить.

Я как раз мысленно составлял список возможных кандидатов, когда дверь открылась, и на пороге появился сэр Мелифаро, в этом смысле совершенно бесперспективный. Я так сразу ему и сказал:

– Ты точно не подойдешь.

Обычно Мелифаро за словом в карман не лезет. И в ответ на подобное приветствие много чего интересного может сказать. Но нынче вечером он был явно не в форме. Только уточнил:

– Для чего именно?

Ну как же так.

– Неважно, – отмахнулся я. И, приглядевшись к нему повнимательней, спросил: – У тебя что-то стряслось?

– Стряслось – не то слово, – мрачно согласился Мелифаро, усевшись, по своему обыкновению, на край стола. – Мою жену сегодня арестовала полиция. За хулиганство.

– Что?! Не может такого быть.

– Вот и я то же самое сказал, слово в слово, когда Трикки прислал мне зов. Думал, какая-то путаница. Например, арестовали одну из ее сестер.

– Такого тоже не может быть.

– Ну, все-таки у девчонок побольше шансов. Они учатся у Сотофы, а ее ученицы, говорят, поначалу часто сходят с ума. Потом их быстренько приводят в чувство и учат дальше, до нового обострения – такова повседневная жизнь Орденских ведьм. Я и подумал: видимо, одна из них временно чокнулась, удрала из Иафаха, набедокурила в городе и смеху ради назвалась именем сестры. Ну или действительно в тот момент верила, что она и есть Кенлех. Будь у меня близнецы, я бы сам наверняка путался, кто из нас кто... Ладно, неважно. Факт, что полиция арестовала именно Кен.

– Что она натворила?

– Ты не поверишь. Отправила в полет тетушку Айни.

– Звучит воодушевляюще. А кто такая тетушка Айни?

– Ай, ну да, – нетерпеливо кивнул Мелифаро. – Конечно, ты не знаешь. Тетушка Айни – наша соседка. Леди Айни Тулорая, живет одна в доме своего сына; сын какая-то средних размеров шишка в Канцелярии Забот о Делах Мира, разъезжает по разным странам, сейчас помощник посланника не то в Кангоне, не то еще где; неважно. Главное, старушка скучает, и Кенлех взяла ее под крыло. Таскала на какие-то спектакли, помогала выбирать наряды, иногда приглашала пообедать, не знаю, что там было еще, но отношения у них очень теплые, это факт. Сегодня Кенлех привезла ее на площадь Побед Гурига Седьмого, чтобы угостить мороженым, и вдруг на глазах у кучи народу отправила в полет...

– Вот с этого места поподробнее, – попросил я. – Как это – «в полет»?

– Да очень просто, как трактирщики отправляют заказы на дом клиентам. Я, кстати, даже не подозревал, что Кен это умеет. Когда успела? Я ее таким глупостям не учил. Однако факт остается фактом: старая леди поднялась в воздух – не слишком высоко, примерно на два человеческих роста, но чтобы испугаться до полусмерти ей как раз хватило – и начала летать вокруг памятника старому Королю. Визжала, говорят, так громко, что жители окрестных кварталов сбежались, потрясая дедовскими рогатками бабум.

– Да ладно тебе. Какие могут быть рогатки? Откуда вдруг?

– Не хочешь – не верь, – пожал плечами Мелифаро. – Я сам не видел, но рассказывают, один старик с огромной рогаткой там действительно был. Но не в нем, собственно, дело. А в том, что наша соседка с воплями летала над площадью, пока не прибыл наряд полиции. Ребята как-то убедили Кенлех это прекратить.

– И что ей теперь светит? – нахмурился я. – Лишь бы не Холоми. Там все-таки очень скучно. Надеюсь, обойдется изгнанием. Жалко, что твои родители уже уехали в кругосветное путешествие, но не беда, договорятся

и где-нибудь ее подберут...

– Еще чего не хватало, – нахмурился Мелифаро. – Чтобы вся эта компания развлекалась без меня? – И, помолчав, добавил: – На самом деле нам крупно повезло. Тетушка Айни наотрез отказалась писать жалобу. Сказала, Кенлех хотела ее развлечь и порадовать, просто сюрприз получился не самый удачный, но это можно понять и простить.

– А. Так у вас уже все в порядке? – обрадовался я. – И мне не надо бежать к Трикки каяться, что я как-нибудь нечаянно в припадке магического безумия или просто от недосыпа заколдовал Кенлех, превратив ее в полную дуру, поэтому с нее спроса нет?

– Ты это серьезно? – изумился Мелифаро.

– Что именно – серьезно? Что я ее заколдовал? Нет, конечно. Просто возможности не было, я до обеда в Холоми спал, а потом... Неважно. Был очень занят. А то бы, конечно, заколдовал, ты меня знаешь. Обожаю мучить людей, особенно ни в чем не повинных. Но с удовольствием признался бы в этом ужасном поступке, просто ради своей репутации. Давно пора ее восстановить, а то при виде меня уже даже младенцы не плачут. Ну что ты так смотришь? Кенлех мне не чужой человек. Да и ты не то чтобы посторонний. Естественно, я готов приврать, чтобы вам помочь. По крайней мере, пока вы не начали есть людей живьем. Я решительно настроен пресекать крайние формы людоедства, вот такой у меня бзик.

– Спасибо, – сказал Мелифаро. Но мрачности в нем почему-то только прибавилось.

Какое-то время он молчал, разглядывая не то позолоченные носки своих сапог, не то ковер у себя по ногам. Наконец я не выдержал:

– Ты чего? Все же в итоге отлично закончилось. Даже от тюрьмы никого не надо спасать.

– В этом смысле, конечно, – согласился Мелифаро. – Но видишь ли, я очень неплохо знаю Кенлех. И дело даже не в том, что такие шутки совсем не в ее вкусе – всех нас порой заносит...

– Вот именно.

– Но та Кенлех, с которой я был знаком все эти годы, опустила бы старуху на землю после первого же крика. И уж точно не веселилась бы, глядя, как та кружит над площадью, вереща от страха и умоляя немедленно все прекратить. А полицейские говорят, Кенлех хохотала так, что едва успокоили. И теперь не может объяснить свое поведение. Говорит, ей показалось, что это отличная шутка, и всем, включая леди Айни, очень весело. До сих пор удивляется, что в дело вмешалась полиция. И, похоже, не понимает, чего я от нее хочу.

– И безумием не пахнет?

– В том-то и дело.

– Слушай, – сказал я. – Не хочу тебя ни пугать, ни обнадеживать, но я готов спорить, что их всех кто-то заморозил.

– «Всех» – это кого именно? – насторожился Мелифаро.

– Расспроси Трикки, в последнее время у него каждый день подобные происшествия, порой еще и похуже. А на допросе все хулиганы в один голос твердят, что просто хотели повеселиться и насмешить остальных. А минувшей ночью один из стражей Холоми выступил в этом жанре. Попытался симитировать пробуждение Духа...

– Ничего себе, – присвистнул Мелифаро. – Симитировать? Это как?!

– Ну как, обыкновенно. При помощи куманских благовоний и «мешочка стонов». Очень убедительно получилось, мы с Камши чуть не обделались, пока не разобрались, что к чему. За дополнительными подробностями к шефу, он этого красавца лично допрашивал. Кстати, а Джуффину ты про Кенлех уже рассказал?

Мелифаро отрицательно помотал головой.

– Надо было конечно сразу идти к нему. Но это знаешь, как-то совсем нелепо: доносить начальству на собственную жену. С тобой все-таки проще в этом смысле. И во всех остальных. Хотя предложения оклеветать себя, чтобы нас выручить я от тебя не ожидал.

– И кто из нас после этого не разбирается в людях?

– В людях я как раз разбираюсь получше некоторых. В Ночных Кошмарах и прочих неизвестных науке чудовищах – вынужден признать, не всегда.

* * *

– А кстати, где ты этому научилась? – спросил Джуффин.

– Чему именно? – угрюмо спросила Кенлех.

Она была очень недовольна суетой, которую мы устроили из-за ее дурацкой шутки. Но еще больше собой, потому что как раз перед тем, как Мелифаро прислал ей зов и велел срочно ехать в Дом у Моста, зашла к соседке, чтобы принести извинения. И, застав там знахаря, наконец начала понимать, что шутка была не просто дурацкая. И вообще не шутка. А хрен знает что.

Впрочем, я тоже знаю, что это было. «Неспровоцированное магическое нападение без явной корыстной цели с причинением

умеренного вреда», выражаясь бюрократическим языком. Это по нынешним временам как минимум шесть лет изгнания – если бы пострадавшая за нее не заступилась. Чудом пронесло.

– Я имею в виду, где ты научилась поднимать в воздух и передвигать такие тяжелые предметы, – сказал шеф. – Уважаемая леди Айни Тулорая, разумеется, не предмет, но в данном случае значение имеет только ее вес. Просто я прекрасно помню, что еще летом ты даже с пустыми тарелками не справлялась. И вдруг такой прогресс.

– В Школе Начальной Магии леди Шуманы Тамайхуни, – неохотно ответила Кенлех. – Я знаю, как вы все относитесь к подобным школам, но она правда очень хорошая. По крайней мере, для начинающих, вроде меня.

– А как мы все к этому относимся? – насторожился Джуффин.

Кенлех молча пожала плечами, но скривилась так выразительно, что даже до меня начало доходить.

– То есть, ты думала, если мы узнаем, что ты посещаешь школу магии для начинающих, то перестанем тебя уважать?

Кенлех почти беззвучно пробормотала: «Не знаю», – но прозвучало это как явное «да».

– А пока мы уверены, что ты ничему не учишься, наше уважение к тебе будет становиться все крепче, день ото дня? – самым сладким из своего дежурного набора ласковых голосов для устрашения особо опасных преступников осведомился шеф. – Хорошо же ты обо всех нас думаешь, леди Кенлех!

– Ну ты даешь, – наконец сказал Мелифаро, который все это время сидел с таким видом, словно ему на голову только что упал шкаф.

При этом Кенлех выглядела как этот самый рухнувший шкаф, снаружи более-менее целый, но даже думать не хочется, что творится внутри. А сэр Джуффин Халли был похож на железный сейф, который пока только собирается упасть откуда-нибудь сверху и придавить всех разом. Но уже в деталях спланировал будущий полет и заранее им наслаждается.

В кабинете мучительно не хватало Шурфа с его советами насчет дыхательных упражнений, давным-давно всем осточертевшими, но сейчас своевременными, как никогда. Я бы сам с ними выступил, но заранее ясно, что никто не прислушается. Не то у меня амплуа.

– Но ты сам смеялся... – начала было Кенлех.

– Да я надо всем на свете смеюсь! – перебил ее Мелифаро. – Это вообще ничего не значит, кроме того, что я люблю посмеяться. Я думал, ты знаешь, что мне можно доверять.

– Ну я и не собиралась всю жизнь скрывать от тебя, что хожу в эту

грешную школу. Просто хотела сперва выучить побольше разных приемов, а уже потом рассказывать. Чтобы обойтись без ненужных споров. И чтобы сделать сюрприз.

– Вот что-что, а сюрприз у тебя получился, – встрял я. – До конца года будем его вспоминать. А чему еще тебя научили в этой школе магии? Извини, что спрашиваю, просто хочу заранее знать, к чему нам готовиться. И когда мне возвращаться из отпуска, чтобы ничего интересного не пропустить?

– Да не надо тебе ни к чему готовиться! – буркнула Кенлех. – В школе учат только самым простым вещам. Как говорит леди Шумана, базовым. Без которых в повседневной жизни теперь не обойтись.

– Практика показала, что в хороших руках и этого достаточно, чтобы устроить переполох. Ладно, ты мне лучше вот что скажи: как ты себя чувствовала, когда твоя соседка орала от страха, кружа над площадью? Я не в упрек, просто говорят, ты от души веселилась, а мне как-то не верится. Я до такой степени не разбираюсь в людях? Тебе правда было смешно?

Мелифаро зыркнул на меня столь угрожающе, словно я предложил немного попытать его жену каленым железом и послушать, в какой октаве она будет кричать. Нашел от кого ее защищать. А если Кенлех неприятны мои вопросы, тем лучше. От угрызений совести пока еще никто не умирал.

Вот и Кенлех от них не умерла. А даже ответила вполне человеческим голосом:

– Мелифаро спрашивал примерно о том же, только другими словами. Более деликатно. Поэтому я не сразу поняла, в чем вообще проблема. Чего он от меня хочет, с какой стати вмешались полицейские, что вам всем не так? Видишь ли, мне казалось, что тетушка Айни была очень довольна. И кричит не от страха, а от радости, как ребенок на карусели, потому что ей нравится летать. Но полиция утверждала обратное. И сама тетушка Айни теперь говорит, что натерпелась страху. К тому же, добравшись до дома, она слегла. Знахарь сказал, сильное нервное потрясение. Так что получается, весело было только мне одной. И вот это совершенно в голове не укладывается. Я привыкла себе доверять. А теперь, выходит, нельзя?

– Сам видишь, что получается, – сказал я Джуффину. – С остальными хулиганами я не был знаком лично, поэтому просто удивлялся, какие встречаются идиоты. Но Кенлех я более-менее знаю. И ты ее знаешь. А Мелифаро – почти как себя. И мы все поверить не можем, что она такое натворила. Если бы просто мужа прирезала, потому что надоели его наряды, тогда еще ладно бы...

– Не надо так говорить, пожалуйста, – попросила Кенлех. – Я знаю,

что ты просто шутишь, но мне все равно неприятно. Особенно сейчас, когда я сама не знаю, чего от себя ожидать.

– Извини. Шутки у меня ненамного лучше, чем у тебя на площади. Но я всегда примерно такой, поэтому можно не волноваться. А вот тебя, похоже, заморозили. Или чем-нибудь опоили. В общем, временно свели с ума – мало ли, что запаха безумия нет, и заклятие не опознается. Все равно что-то такое было, готов спорить – да хоть на тысячу корон.

– Вот сейчас поймать бы тебя на слове и заключить пари, – усмехнулся Джуффин. – Но, пожалуй, не стану. Не люблю проигрывать крупные суммы. А ты наверняка окажешься прав. Зато у меня теперь неплохой козырь для Сотофы. Кого-кого, а сестру своих учениц она в обиду не даст.

– А что мне теперь делать? – спросила Кенлех. Хвала Магистрам, не обреченно, а заинтересованно, явно рассчитывая получить инструкцию и немедленно приступить к ее исполнению.

– Хороший вопрос, – серьезно ответил ей Джуффин. – Для начала, как ты сама сказала, временно перестать себе доверять. Это тяжелая жизнь, согласен, но ничего не попишешь. Надеюсь, мы быстро поймем, что с тобой случилось и как это исправить. Но если нет, я бы посоветовал на какое-то время уехать из Угуланда.

– Уехать? – упавшим голосом повторила она.

– Это все-таки проще, чем годами жить, не доверяя себе, – мягко сказал шеф. – А как ты думаешь, почему ссылка во все времена была настолько популярным наказанием за магические преступления? Именно потому, что, когда человек, овладевший магией, не может справиться с самим собой, для него самого лучше находиться там, где очень трудно колдовать. В дальних краях долгая пауза между решением и магическим действием неизбежна, а чем дольше она длится, тем больше шансов успеть себя обуздать.

Кенлех совсем сникла. Джуффин укоризненно покачал головой и добавил:

– Не хочешь уезжать, оставайся, дело хозяйское. Это был совет, а не приказ. Формально ссылать тебя не за что. Леди Айни Тулорая уже заявила властям о твоей невиновности и вряд ли возьмет свои слова назад. Остается надеяться, что мы разберемся с этим делом раньше, чем ты успеешь еще что-нибудь натворить.

– На худой конец запру тебя в подвале, – подмигнул жене Мелифаро. – Ты как раз недавно спрашивала, зачем в нашем доме такой огромный подвал, который мы совсем не используем. А вот затем!

Он выглядел довольным, как будто уже все уладилось. Похоже,

заколдованная жена его совершенно устраивала – в отличие от просто злой.

* * *

– Ну слушай, так уже вполне можно жить, – сказал я Джуффину, когда мы остались вдвоем. – Даже мне понятно, с чего следует начинать; тебе – тем более. Интересно, в этой магической школе всех подряд приводят в полубезумное состояние? Или только отличников? Или, наоборот, двоечников, чтобы веселее было делать домашнее задание? А что, прекрасный ход.

– Я уже послал зов Трикки и попросил его отозвать дела хулиганов из Канцелярии Скорой Расправы на исследование, – кивнул шеф. – И первым делом выяснить, кто из них в этом году брал уроки магии, где, у кого, и чему именно обучался. Но если ты думаешь, что все в итоге окажутся учениками Школы Начальной Магии леди Шуманы Тамайхуни, вынужден заранее тебя разочаровать. У нее самое модное заведение такого рода в столице. И самое дорогое. И, между прочим, единственное, в котором соглашаются учиться члены аристократических семейств.

– Даже так?

– Ну да. Все-таки для них она более-менее своя. Формально леди Шумана не принадлежит к столичной аристократии, ее мать была со скандалом изгнана из семьи после брака с простым моряком, да еще и куманцем. Но это не отменяет того факта, что леди Шумана связана кровным родством с большинством знатных семейств. А с доброй четвертью еще и любовными узами, леди Шумане нравится похищать сердца. Даже Корва Блимм угодил в ее коллекцию; впрочем, не удивлюсь, если леди Шумана просто по старой дружбе помогала ему поддерживать репутацию светского человека. В их среде считается крайне неприличным подолгу сохранять верность в браке, уподобляясь жалким обывателям без страсти и воображения. Зная Корву, уверен, что пока леди Атисса болела, ему было совсем не до того. Но дом леди Шуманы Тамайхуни он в ту пору посещал исправно, как минимум, раз в полдюжины дней.

– Вот как, – сдержанно сказал я, стараясь не выказывать удивления. Не получилось, конечно, ни черта. Вдоволь налюбовавшись моей растерянной рожей, Джуффин сочувственно улыбнулся:

– Вполне нормально, что ты этого не знал. Вся твоя здешняя жизнь – бесконечный поток новой информации. Одних только бытовых мелочей на первых порах достаточно, чтобы свихнуться, а я еще и магии тебя учил в

ускоренном темпе. Неудивительно, что тебе было не до сплетен.

– Вообще-то Меламори периодически рассказывала о своих родителях довольно странные вещи, – вспомнил я. – Но я думал, она преувеличивает, просто для смеху. Боюсь, я переоценил ее чувство комического. Точнее, недооценил чувство комического, которым обладает сама жизнь.

– Да, наша аристократия часто ведет себя так нелепо, что кажется, они нарочно притворяются, чтобы всех рассмешить, – согласился Джуффин. – Тем не менее, для них все вполне серьезно. Я сам, хоть и переехал в столицу больше трехсот лет назад, никак не привыкну. Бывает, увидишь старого приятеля, задолжавшего тебе пару-тройку жизней со Смутных времен, он заводит обычный в таких случаях разговор, но в самый разгар беседы вдруг спохватывается, что до сих пор не продемонстрировал свои изысканные манеры, говорит: «Да ну вас в болото, совсем меня своей болтовней задурили!» – и, как ни в чем не бывало продолжает рассказывать о выращенных им цветах. А семейные сцены, в ходе которых супруги укоряют друг друга за недостаточное внимание к любовникам: «Как можно так распускаться, того гляди, станут говорить, что мы как лавочники живем!» А приемы, в ходе которых каждый опасается показаться остальным слишком вежливым, чего доброго, засмеют, что сделался угодлив, как старый Королевский придворный! Такая непростая жизнь.

– Чокнуться можно, – вздохнул я. – Какой во всем этом смысл?

– Да честно говоря, никакого. Их далекие предки, ближайшие соратники Халлы Махуна Мохнатого, вместе с ним основавшие Соединенное Королевство, веселые жизнелюбивые люди, никого не боялись, легко пренебрегали любыми условностями и устанавливали порядки, удобные им самим. А для потомков имитация их поведения стала тяжелой каждодневной работой, которая практически не оставляет времени и сил на собственно жизнь. Этим всегда кончается, когда наследуя традицию, перенимают не дух, а форму. Но мы отвлеклись. Я говорил о леди Шумане Тамайхуни. Вернее, о ее Школе Начальной Магии, обучение в которой недоступно большинству простых горожан. Так что вряд ли всех наших хулиганов околдовали именно у Шуманы – собственно, только это я и хотел тебе сказать.

– Интересно, чему там научат Кенлех? – невольно усмехнулся я. – Посылать всех к бешеным вурдалакам, не дожидаясь повода? Или заводить любовников в гармоничном соответствии с фазами луны?

– Судя по тому, как она обошлась со своей соседкой, толк от учебы есть, и немалый, – заметил Джуффин. – Это вообще-то девяносто пятая степень Черной магии – человека против его воли в воздух поднять. Готов

спорить, у тебя самого не с первой попытки получится. И, боюсь, даже не со второй. Леди Шумана Тамайхуни отличная учительница. И сама довольно способная ведьма. Сотофа, насколько я знаю, в свое время к ней очень внимательно приглядывалась, даже, вроде, кое-чему учила, рассчитывая, что та захочет вступить в Орден, да характерами не сошлись. Скажу тебе больше, даже сэр Кофа отзывается о школе леди Шуманы Тамайхуни без особого отвращения, а он в подобных вопросах крайне пристрастен. В смысле придиричив. Не будь это наш Кофа, я бы сказал, настоящий сноб. Как все колдуны старой школы, в глубине души уверенные, что звездный час угуландской Очевидной магии уже давно позади, и новичкам ничего выдающегося не светит.

– Вообще-то я не только от Кофы слышал, что большинство этих магических школ довольно сомнительные заведения, – осторожно сказал я. – И преподают там разные шарлатаны, в самом лучшем случае, бывшие послушники каких-то задрипанных Орденов...

– ...которые все равно знают и умеют гораздо больше, чем средний столичный житель после ста с лишним лет почти полного запрета на колдовство, – подхватил Джуффин. – Для начала совсем неплохо. Лучше так, чем вообще ничего. В свое время я был вынужден настаивать на принятии самого сурового варианта Кодекса Хрембера, а потом строго следил за его соблюдением – ты знаешь, почему. Но теперь, когда Мир больше не собирается рушиться от всеобщего колдовства, меня радует стремительное возрождение магических традиций. Косо, криво, левой пяткой вместо правой руки, с неизбежными идиотскими выходками, вроде той, что устроила леди Кенлех, а в сумме все равно хорошо – я имею в виду общую картину.

– Это да, – подтвердил я.

– Как по мне, лучше пойти к так называемым шарлатанам и научиться там хоть чему-нибудь новому, чем сидеть, сложа руки, сокрушаться об упущенных возможностях и завидовать собственным детям, у которых впереди интересная жизнь, – заключил шеф.

– А вообще ведется хоть какой-то учет? – спросил я. – Все эти школы, краткосрочные курсы практической магии, частные учителя – где-нибудь есть их полный список? Желательно, с подробным досье на учителей?

– Разумеется, такого списка нет...

– Нет?!

– ...ни у кого, кроме нас, – продолжил Джуффин, явно наслаждаясь моим замешательством. – Очень мило с твоей стороны в этом усомниться, сэр Макс.

Я развел руками.

– Ну извини.

– На самом деле за их деятельностью мы следим очень строго. Без специальной лицензии преподавать магию запрещено. Сам знаешь, кто у нас нынче выдает такого рода лицензии. И можешь вообразить, с каким удовольствием сэр Шурф перекладывает все соответствующие проверки и принятие решений на наши с Кофой плечи.

– Я бы тоже переложил. Кому и знать всю эту публику, если не вам.

– Вот именно. Все у нас переписаны и пересчитаны, включая леди Шуману Тамайхуни. Можешь спать спокойно.

– Ну, положим, для спокойного сна ситуация не совсем подходящая.

– Для моего – не совсем, согласен. А для твоего – вполне. Тем более, что у тебя продолжается отпуск.

– Но...

– А проблемы у нас, строго говоря, не по твоей части. Все эти красавцы, включая леди Кенлех, хулиганили наяву. И не в Хумгате. Даже не на Темной Стороне. И кстати, Трикки в твое отсутствие совсем неплохо справлялся, хотя хулиганов стало гораздо больше. Но если привыкнуть к идее, что теперь всегда будет так, разбираться с ними совсем несложно. Происшествия-то сами по себе пустяковые.

– И что, из-за того, что этот великий умник, видите ли, неплохо справлялся, я пропущу самое интересное?! – возмутился я.

– Самое интересное не пропустишь, – пообещал Джуффин. – Как только оно начнется, сразу тебя позову.

– Если еще дозовешься.

– Хочешь сказать, ты все-таки научился ставить защитный барьер?

– Вроде бы научился.

– «Вроде бы» – не тот ответ, который меня устраивает. Ладно, сейчас проверим. А ну давай, ставь.

Я отвернулся к стене, чтобы сосредоточиться. Представил, как вокруг моей головы вырастает здоровенный шар из непрозрачного камня. Шурф советовал черный, но у меня почему-то все время получалось что-то вроде зеленого малахита с прожилками. Впрочем, на результат цвет, как выяснилось, не влияет.

Какое-то время мы сидели молча. Я мысленно проверял надежность выстроенного барьера, а Джуффин мне не мешал. Наконец я решил, что готов к проверке, и тут он сказал:

– Судя по выражению твоего лица, ты меня не услышал. А то бы уже рвал и метал.

– А что такое ужасное ты пытался мне сообщить?
– Сказал, что решил вернуть тебя отдыхать в Холоми.
– Что за?!..
– Вот примерно такой реакции я от тебя и ждал. Но ее не последовало. Значит, барьер удался на славу. Притворство – не самая сильная твоя сторона.
– Но вряд ли я буду часто им пользоваться, – честно признался я. – Очень уж я для этого нервный. Сразу начинаю воображать Магистры знают что.
– А часто и не надо. Только когда ложишься спать, – сказал Джуффин. И тоном искусителя добавил: – И я больше не смогу разбудить тебя на рассвете. Ты же об этом всю жизнь мечтал.
Я посмотрел на него с интересом. А ведь да!

* * *

Джуффин и правда не разбудил меня на рассвете. Но только потому, что на рассвете я уже не спал. Примерно за час до этого выдающегося астрономического события меня разбудил сэр Шурф. Щадя мои нервы, сразу сказал: «Насколько мне известно, ничего не случилось».

«Отлично! – обрадовался я. – Ты теперь каждые полчаса будешь будить меня сообщением, что в Мире все в полном порядке? Спасибо, ты настоящий друг».

«Настолько далеко моя забота о твоём душевном покое все-таки не зайдет. Я и сейчас не хотел поднимать тебя без крайней необходимости, однако сэр Джуффин сказал, что если ты пропустишь вечеринку, которая началась в его кабинете, ты нам обоим этого никогда не простишь».

«Прямо так и сказал – “вечеринку”?» – изумился я.

Шурф ничего не ответил. Но, в общем, и так ясно, что уж кто-кто, а он совещание вечеринкой не назовет. Не его стиль.

«Погоди, это получается, и тебя за компанию разбудили? – спросил я. – То есть смысл всей этой суеты с защитным барьером заключается в том, что с ума от бессонницы мы с тобой сойдем одновременно? И счастливо воссоединимся в лучшем приюте безумных, где можно сутками напролет спокойно болтать обо всем на свете, не опасаясь куда-нибудь опоздать? А что, гениальный план».

«Не хотелось бы тебя разочаровывать, но одновременно все-таки вряд ли. Я крепче. Гораздо дольше продержусь. Это я к тому, что обо мне не

следует беспокоиться. По крайней мере, не на этот счет».

Спорить я не стал. Но не потому, что был с ним согласен, а по сугубо техническим причинам. Если хотите, чтобы я выслушал вас без единого возражения, просто используйте Безмолвную речь за час до рассвета. Слова поперек не скажу.

А еще в это волшебное время суток можно очень дешево купить мою душу. Буквально за один глоток бальзама Кахара. Максимум – за два.

...Но на этот раз я даже не вспомнил о бутылке с бодрящим зельем. Потому что мое любопытство проснулось прежде ответственного за хозяйственные вопросы ума. И сразу завопило: эй, что там у них за вечеринка? Почему «никогда не прощу»? Чего?!

Не дождавшись ответа, любопытство железной рукой ухватило меня за шиворот и вытащило из постели. Другой железной рукой оно меня одело. Ни умывать, ни причесывать, что характерно, не стало. Решило: и так сойдет.

После этого любопытство проводило меня до порога и дало такого пинка, что я полетел в направлении улицы Медных Горшков, как ракета. И только примерно на полдороге задался вопросом, какого черта не отправился в Дом у Моста Темным Путем. С другой стороны, может, оно и к лучшему, что обошелся без магии. Все роковые ошибки в своей жизни я совершал именно по утрам.

Поэтому я проявил благоразумие, обычно мне несвойственное, и остаток пути тоже прошел пешком. В конце концов сладкий осенний воздух вполне того стоил. Не говоря уже о наливающихся бледной предутренней синевой небесах.

Вполне закономерно, что в Управление Полного Порядка я прибыл в состоянии, мало пригодном не только для работы, но даже для ее условно убедительной имитации. Зато для вечеринки самое то, – злорадно ухмылялся я, пересекая коридор таким быстрым шагом, словно был еще в самом начале пути.

Первое, о чем я подумал в момент удара: «Кофино зловещее пророчество сбылось, я все-таки вмазался в стену». Сэр Кофа Йох, наблюдая скорость моих хаотических перемещений по коридорам Дома у Моста, и правда предрекал катастрофу чуть ли не с первого дня моей службы. Даже удивительно, что я так долго с этим тянул.

Но потом, уже сидя на полу и потирая пострадавший лоб, я осознал, что стена была какая-то недостаточно твердая. Зато чересчур теплая и подвижная. И... да вот же она передо мной сидит!

К счастью, в свое время я не поленился освоить немудреный знахарский прием, помогающий от ушибов. Всего-то и надо – представить, как из твоей ладони, прижатой к больному месту, бьет ледяной родник, и сказать про себя короткое заклинание – вполне, кстати, созвучное с привычным «ой, блин». С открытыми ранами примерно то же самое, только одним воображаемым родником не отделаешься, их приходится мысленно зашивать; в такие моменты я всегда искренне радуюсь, что у меня нет знахарского призвания, и эту работу не приходится проделывать ежедневно. Штопка – не мое сильное место, я и пуговиц-то за свою жизнь пришил хорошо если штук пять.

С ушибами все-таки проще. Уж насколько я был сонный и оглушенный ударом, а справился буквально за пару секунд. И во все глаза уставился на сбитого мной незнакомца. Это зрелище захватило меня целиком.

Его лицо, обрамленное пышной копной всклокоченных сивых волос, было белым – не бледным, а именно белым, словно бы вылепленным из снега, причем не особо старательным мастером: нос получился слишком велик, лоб непропорционально высок, рот перекошен, подбородок в форме садовой лопаты, натурально грядку можно вскопать. И удивительные глаза разного размера и цвета: левый большой, круглый и темный, а правый – ярко-зеленый, узкий, изогнутый как серп. И будто всего этого было мало, чтобы произвести незабываемое впечатление, лицо по диагонали пересекал кривой уродливый шрам – редкое украшение по нынешним временам. После отмены запрета на колдовство в столице Соединенного Королевства стало очень легко избавиться от шрамов, любой начинающий знахарь охотно возьмется за такую простую работу и сделает за один прием.

Единственное, что не вызывало вопросов, – это его одежда. Самое обычное лоохи темно-серого цвета, у меня самого примерно такое же есть; правда, сэр Мелифаро наверняка сейчас застонал бы, что фасон вышел из моды целых три дюжины дней назад, а этот ужасный оттенок серого способен навлечь на владельца вечный позор, но я настолько далек от мира высокой моды, насколько это вообще возможно. Меня даже куманскими штанами на Королевском приеме не проймешь.

Пока я беспардонно глазел на незнакомца, тот внимательно разглядывал меня. Хотя интересен я разве только в качестве ответа на вопрос: «Что за придурок сбил меня с ног среди ночи в пустом коридоре?» А как самостоятельное зрелище не представляю собой ничего выдающегося. Самый обычный сэр Макс.

Наконец я усилием воли включил голову – насколько это в моем случае вообще возможно – и сказал:

– Извините, пожалуйста. Я спешил и одновременно задумался. Опасное сочетание.

– Не извиняйтесь, я нарочно с вами столкнулся. Чтобы на вас посмотреть.

Говорил он словно бы дуэтом; один голос был низким, глубоким и вкрадчивым, а второй – высоким и ломким, как у подростка. В сумме это производило непередаваемое впечатление – совершенно непонятно, кто на самом деле с тобой говорит.

Я был так ошеломлен его удивительным двойным голосом, что пропустил мимо ушей смысл сказанного, хотя в другое время сразу кинулся бы выяснять, с каких это пор у нас заведено бросаться на людей в коридоре с корыстной целью на них посмотреть? Однако вместо этого спросил – кажется, просто в надежде снова услышать, как он отвечает этим своим невозможным дуэтом:

– Вам помощь нужна? Я не знахарь, но с ушибом справлюсь.

– Справляйтесь, – кивнул незнакомец. – А то голова и правда теперь гудит.

Я коснулся его лба, как положено, одновременно вообразив родник, и вот тогда меня, как говорится, накрыло. Ничего себе сюрприз.

Я уже говорил, что обычно довольно чувствителен к магии. И способного колдуна, даже необученного, легко отличаю от остальных. А рядом с по-настоящему могущественными людьми испытываю такой подъем, что хоть не отходи от них ни на шаг. Но ощущения от прикосновения к этому белолицему были настолько острые, что я бы, будь моя воля, прикрутил кнопку. Однако, где у него эта грешная кнопка, я, конечно, не знал.

Ясно, что такому существу вряд ли могла понадобиться моя помощь, чтобы справиться с ушибом. И вообще чья бы то ни было помощь в каких угодно делах. Но я все равно собрал волю в кулак и благополучно довел до конца простенький трюк с исцелением. Во-первых, я упрямый. А во-вторых, начатое колдовство нельзя прерывать.

– Спасибо, – поблагодарил белолицый. – Забавно, но, похоже, действительно помогло. А ведь мне еще в детстве пришлось научиться обходиться без помощи знахарей. Они со мной не справляются, и это довольно обидно. Вечно все сам! Но вы внесли в мою жизнь приятное разнообразие. Мне понравилось получать от вас помощь. Если однажды что-нибудь заболит, сразу пойду к вам.

К этому времени я настолько пришел в себя, что задал наконец вопрос, с которого, по уму, следовало бы начинать:

– Слушайте, а вы вообще кто?

– Я – Гэйшери. Можно сказать, ваш бывший коллега. Был им примерно восемьсот тысяч лет назад – при условии, что календарям, составленным вашими современниками, можно доверять. А это совсем не факт.

Он говорил без тени улыбки, но я все равно слышал, как он смеется – не ушами слышал, а как бы всем телом сразу. Или даже воздухом вокруг него. Отличная штука этот беззвучный, но явственно льющийся смех. Иметь дело с могущественными колдунами вообще одно удовольствие – пока у них хорошее настроение. Зато когда скверное, хоть на край света от них беги. И от себя, пережившего этот лютый ужас, заодно.

– Ну и чего мы тут расселись? – вдруг спросил белолицый. На этот раз только одним, высоким голосом и таким возмущенным тоном, словно мы сидели на полу уже часа полтора, причем исключительно по моей прихоти.

Я рта не успел открыть, а он вскочил и заодно поднял меня – не протянул руку, вроде бы даже не прикоснулся, а просто увлек за собой, подхватил, как ветер бумажный лист. Я, кажется, и шагу не сделал, а мы уже каким-то образом очутились в кабинете Джуффина, причем я сидел на подоконнике, а белолицый – прямо на полу, у ног леди Сотофы Ханемер, удобно расположившейся в кресле.

– Ого, какая у нас гостя! – обрадовался я. – Если это и есть обещанная вечеринка, то лично для меня она уже удалась.

– Ты пока даже не представляешь, насколько она удалась, – ухмыльнулся Джуффин.

А буривах Куруш не сказал ни слова. Даже не спросил, почему я явился без угощения. Он, нахохлившись, сидел на шкафу под самым потолком – если не знать, что он тут есть, пожалуй, и не заметишь – и делал вид, будто спит. Но на самом деле, понятно, работал. В смысле добросовестно запоминал все, что здесь говорится. Бедная его голова.

– Я бы предпочла пригласить всех вас к себе в беседку, – улыбнулась мне леди Сотофа. – Приятно принимать гостей на своей территории; да и грех сидеть взаперти в такое прекрасное утро. Но ничего не поделаешь, Мастер Гэйшери не любит Иафах.

– Не люблю? – внезапно взвился белолицый и стукнул кулаком по полу так, что зазвенели оконные стекла. – Да я ненавижу это место! Не преуменьшайте силу моих чувств.

– Ладно, – кивнула леди Сотофа. И, снова обернувшись ко мне, сказала без тени улыбки: – Извини, я невольно ввела тебя в заблуждение в вопросе исключительной важности. Мастер Гэйшери ненавидит Иафах.

– Ненавидит так люто, что наотрез отказывается стирать его с лица земли, – добавил Джуффин. – Потому что просто уничтожить – слишком мало для выражения столь сильного чувства. А значит, не стоит возни.

Все трое мололи чушь, сохраняя полную серьезность. Однако меня не проведешь: я знал, что они сейчас хохочут. Безмолвно, но от души. И от нее же наслаждаются моим замешательством. Что по-человечески понятно. Говорят, когда я сбит с толку, выгляжу довольно смешно.

– Вы оперу любите? – спросил я.

Белолицый меня, кажется, вовсе не услышал. Зато Джуффин с Сотофой удивленно переглянулись – что это с ним? Какая может быть опера с утра пораньше? Рехнулся совсем? С чего вдруг?

Будем считать, один-один.

Не дождавшись ответа, я продолжил:

– Лично я не особо. Правда, однажды видел постановку старинной оперы, времен чуть ли не Халлы Махуна Мохнатого, и это было настолько ужасно, что уже почти хорошо. Но современная угуландская опера – развлечение совершенно не в моем вкусе. Однако некоторые неоспоримые достоинства у нее все-таки есть. Например, перед началом представления всем зрителям раздают либретто, где кратко и внятно пересказывается сюжет. Это облегчает понимание происходящего. Сразу становится ясно, что толстяк в красных штанах с воплями бежит по сцене не потому, что внезапно сошел с ума, а просто исполняет роль Ульвиара Безликого в один из самых трагических моментов жизни великого завоевателя. И полураздетые дамы висят под потолком не потому, что полные идиотки, а согласно авторскому замыслу, изображают боевой полет его разъяренных дочерей. Не то чтобы понимание делало зрелище более увлекательным, но по крайней мере, не нужно сидеть и думать, кто тут худший дурак – ты сам или певцы. Все молодцы, все на своем месте, у каждого своя роль. Я это к тому, что вот прямо сейчас мне мучительно не хватает либретто. Так что если хотите аплодисментов, будьте любезны, введите меня в контекст.

– Красиво излагаешь, – одобрительно заметил Джуффин. – В награду за это открою тебе самую смешную часть так называемого контекста: у нас в гостях, можно сказать, овеществившееся ругательство. Самый настоящий Темный Магистр. Так когда-то в незапамятные времена называли магов, принадлежащих Темной Стороне. Вернее, они сами так себя называли. А остальные внимали им, открыв рты.

– Мы просто так шутим, – объяснил белолицый. – Дразним друг друга. По-моему, «Темные Магистры» звучит очень смешно. А что вы теперь так ругаетесь – это просто прекрасно. Именно о такой славе я всегда мечтал.

– Мастер Гэйшери Мара – один из старших Древних, – сказала мне леди Сотофа. – Вот тебе и все «либретто», сэр Макс.

– Это как раз то небольшое, что я уже понял. Собственно, Мастер Гэйшери Мара сам проговорился насчет восьмисот тысяч лет.

– Вы должны звать меня просто по имени, – строго сказал белолицый. – «Мастер» – официальное обращение. А вы не пришли ко мне с просьбой о помощи. И к счастью, не мой ученик. Я говорю «к счастью» не для того, чтобы вас обидеть. Просто подозреваю, что с вами я бы не справился. А не справляться я ненавижу больше всего на свете. Так бы всех и поубивал!

Он снова стукнул кулаком по полу и рассмеялся – на этот раз вслух. Я тоже невольно улыбнулся. Все-таки он был невероятно обаятельный, несмотря на жуткую белую рожу и театральный шрам.

– А вы просто так к нам пришли? – спросил я его. – Из любопытства? Посмотреть, что в итоге стало с Миром много тысячелетий спустя? Или у вас что-то случилось?

Моего невинный вопрос так возмутил белолицего, что тот даже смеяться перестал.

– У нас что-то случилось? – переспросил он. И повторил, почти перейдя на крик: – У нас случилось?! Вы с белого бонхи в болото рухнули? Случилось – у вас!

– Мастер Гэйшери любезно пересек Мост Времени, чтобы своими глазами взглянуть на Кенлех, – объяснила мне леди Сотофа.

– И теперь мы ее ждем?

– Да никого мы не ждем. Мастер Гэйшери ее уже видел. Поглядел издали на спящую, этого достаточно. Заодно осмотрел всех остальных этих ваших – подследственных? подозреваемых? осужденных? Не знаю, каков в точности их юридический статус...

– Теперь уже понятно какой, – усмехнулся Джуффин. – Невинные жертвы, без пяти минут оправданные Королевским судом за преступления, совершенные в результате насильственного магического влияния на их разум и волю.

– В результате моего Благословения, – вставил наш Темный Магистр. Он выглядел ужасно довольным собой.

– Преступления под влиянием Благословения – это натурально новая эра в истории криминалистики, – одобрительно сказал я. – До сих пор как-то обходились проклятиями, скучный у нас народ. Но если вы думаете, будто я хоть что-то понимаю...

– Конечно, не думаем, – заверил меня Гэйшери. – Просто лично мне

пока абсолютно все равно, понимаете вы или нет. А ваши коллеги пусть сами выкручиваются. С удовольствием послушаю, как они будут вам все объяснять. Может, тоже хоть что-нибудь пойму. Например, с какой стати они вообще подняли переполох.

– Мастер Гэйшери создал... – начал было Джуффин, но белолицый его перебил:

– Не «создал», а просто выклянул у Темной Стороны. Как и все остальные свои приемы, от которых есть хоть какая-то польза. Какой прок от магии, придуманной людьми?!

Джуффин невозмутимо кивнул и продолжил:

– Мастер Гэйшери выклянул у Темной Стороны и первым применил на практике магический прием, известный его современникам под названием «Благословение Гэйшери». Я сам узнал о нем только сегодня, прежде никто, включая самого Мастера, ни о чем подобном мне не рассказывал. И вроде бы ни в одном из дошедших до нас письменных источников никаких упоминаний о Благословении Гэйшери нет. Но леди Сотофа, как я теперь понимаю, все-таки была в курсе. По крайней мере, сразу сообразила, к кому обращаться за помощью.

– На самом деле я тоже впервые слышу об этом Благословении, – призналась леди Сотофа. – Просто удачно совпало. Я соскучилась по Мастеру Гэйшери. И воспользовалась твоей просьбой, как предлогом с ним повидаться и попросить со...

– Вот это самое ужасное во всех вас! – воскликнул Гэйшери, поочередно срываясь то на басовитый рык, то на негодующий визг. – Почему я ненавижу – так и знайте, не-на-ви-жу! – связываться с родившимися в вашу эпоху: для того, чтобы повидаться со старым другом, вам недостаточно просто соскучиться. Вам нужен, мать вашу через три тысячи гаснущих звезд, какой-то сраный предлог!

Сотофа и Джуффин слушали его брань без тени обиды. Я бы сказал, с умилением. Даже с нежностью, словно он был буривухом. Того гляди, Курушевы орехи ему отдадут.

– Нет, ну правда, это же нелепо, – неожиданно спокойно добавил Гэйшери. – Взрослые люди, сознательно посвятившие себя высшей магии, и при этом деловитые и расчетливые, как купцы. Никуда не годится! Маг должен слушать свое сердце, и только сердце. Это у дурака главное – голова.

– Однако вы тоже довольно долго нас не навещали, – заметил Джуффин. – И – разумеется, это просто случайное совпадение – пропали из виду сразу после того, как мы благополучно завершили некоторые общие

дела.

– Ну вы сравнили! – возмутился Гэйшери. – Я – совсем другое дело. Я же... Я действительно очень, просто очень, вы даже не представляете насколько занятой человек!

– И правда, совсем другое дело, – согласился Джуффин. А леди Сотофа тихонько, как школьница, прыснула в кулачок. Только я рассмеялся в голос, как невоспитанное хамло.

Впрочем, ко мне тут же присоединился сам Гэйшери. Он каким-то образом вдруг оказался рядом, на подоконнике и заговорщически пихнул меня локтем в бок.

– Когда я веду себя, как полный придурок, меня надо очень внимательно слушать, – шепнул он. – Потому что именно в эти моменты я говорю дельные вещи. А в остальное время – что на язык подвернется, как и вы все. Так что про сердце запомните. Слушайте только его. И никому не давайте сбить себя с толку. Даже этим двоим. Они все-таки слишком умные. Я бы сказал, возмутительно умные! Впрочем, сам знаю, что иначе нельзя. В ваши нелепые времена простодушные редко доживают даже до совершеннолетия. Я бы сам небось не дожил.

– Времена изменились, – заметил я. – И продолжают меняться – вот прямо сейчас. Так что теперь наверное будут... будем доживать.

– Не примазываются! – звонко рассмеялся Гэйшери. И добавил уже серьезно: – Вы, к сожалению, совсем не простодушны. Просто пока довольно неопытны, это разные вещи. А жаль!

Он еще больше искривил свой и без того перекошенный рот, не то от досады, не то просто дразнился. И вдруг исчез. Вернее, оказалось, что он уже сидит не на моем подоконнике, а на подлокотнике кресла Джуффина. И что-то шепчет ему на ухо. А у шефа Тайного Сыска при этом настолько озадаченный вид, что я, пожалуй, и не припомню, видел ли его таким хоть когда-нибудь.

Однако у меня в этом деле был свой интерес. Буйный Темный Магистр с ужасным лицом и двумя голосами, озадаченный Джуффин, притихшая леди Сотофа – все это прекрасно и поучительно. Однако если уж эти красавцы подняли меня до рассвета, чтобы я посмотрел, как они развлекаются, пусть платят за ущерб, нанесенный моей хрупкой психике. Подробные объяснения плюс три кружки камры – мой обычный тариф.

Но ни одного кувшина с камрой в обозримом пространстве не обнаружилось. Стол Джуффина, обычно уставленный посудой из «Обжоры Бунбы», сейчас был девственно чист. Видимо, наш гость ненавидит горячие напитки примерно с такой же страстью, как Иафах.

– Такое предложение, – сказал я. – Я не буду ныть, что никто не угощает меня камрой, а смиренно добуду себе из Щели между Мирами горькую черную пакость, которую вы даже нюхать не можете, и, не поморщившись, выпью ее у вас на глазах. А за это вы мне скажете человеческими словами, что за Благословение такое, почему от него становятся нелепыми хулиганами, и какого лешего сэр Гэйшери ошастливил несколько дюжин наших современников. И почему не кого-то, а именно их?

– А это не я! – звенящим от возмущения детским голосом выкрикнул белолицый.

Я натурально почувствовал себя директором школы, вызвавшим на ковер расшалившегося ученика.

– Это правда не он, – серьезно подтвердила леди Сотофа. В роли заботливой классной руководительницы обвиняемого она была упоительно хороша.

– В том-то и дело, сэр Макс, – сказал Джуффин. – Это и есть самое интересное. По всему выходит, кто-то в Ехо не только теоретически знает о существовании древнего Благословения Гэйшери, но и умеет его применять.

– Да было бы что уметь! – фыркнул белолицый. – Научиться способен любой, для этого вообще колдуном быть не надо. И сила Сердца Мира не нужна, мое Благословение светом небес Темной Стороны питается. Так изначально и было задумано – чтобы все подряд могли где угодно, без посторонней помощи и особых усилий друг друга благословлять. У нас это отлично работает: люди довольны, не скучают, никому не завидуют, и каждый заведомо благодарен всем подряд. Даже интересно, почему эта традиция не прижилась, забылась со временем? Что стало не так?!

Я все-таки достал из Щели между Мирами чашку кофе. Потому что кофе – это тоже своего рода Благословение. Узкоспециализированное, только для меня.

Джуффин и леди Сотофа традиционно скорчили брезгливые рожи. На самом деле, запах кофе им до одного места, просто они любят меня дразнить. Зато Гэйшери переметнулся на подоконник и буквально сунул в чашку свой здоровенный нос.

– Вытащили из другого Мира? – обрадовался он. – Ну вы молодец! Ловко выкрутились, чтобы избежать напитков, приготовленных при помощи этой вашей так называемой «Очевидной магии», которая только портит естественный вкус.

Я не стал говорить, что ничего такого не избегаю, а преспокойно

смешиваю одно с другим. А то, чего доброго, снова начнет стучать кулаком и орать: «Ненавижу!» Мило, не спорю, но это представление я уже видел. А от повторов быстро впадаю в тоску.

Гэйшери тем временем отобрал у меня чашку и осушил – залпом, до дна.

– Извините, похоже я вам ничего не оставил, – сказал он; впрочем, без особого раскаяния. – Но вы же можете добыть еще?

– Сколько угодно, – кивнул я. Спрятал руку под полую лоохи, извлек из Щели между Мирами еще одну чашку кофе и очень быстро, пока не отняли, выпил все.

– Противоречивый напиток, – заметил Гэйшери. – Как, собственно, и вы сами. Я не люблю горький вкус, но у этой горечи есть обаяние, которому трудно противиться. Пока пил, думал: «Больше никогда!» Однако минуты не прошло, а я уже хочу повторения. Хотя заранее понимаю, что, сделав глоток, снова прокляну все на свете. А допив, попрошу еще... Нет-нет-нет! – воскликнул он, заметив, что я снова прячу руку под полу лоохи. – Это я теоретически рассуждаю. На самом деле с меня хватит. Обычно на другом конце Моста Времени я вообще ничего не ем и не пью. Не то чтобы это могло нанести ущерб организму, просто у меня такая примета. Даже не столько примета, сколько предубеждение: не хочу, чтобы мое тело хотя бы отчасти состояло из материи будущего, в котором меня уже нет. Как-то это чересчур поэтично. А от поэзии один вред!

Я ушам своим не поверил, хотя вроде бы уже успел убедиться, что этот древний Темный Магистр – конченный псих.

– Какой вред может быть от поэзии?!

– Да самый обыкновенный. Она бывает настолько хороша, что может заменить вдохновенному человеку магию. Занять в его жизни все предназначенное для магии место. Уж я-то знаю, о чем говорю! Сам однажды так влип. Только и делал, что читал и писал стихи – ну, правда, в обнимку с собственной Тенью, а ей все довольно быстро надоедает, не продержалась и дюжины лет. Как я тогда сердился, не представляете! Но, положив руку на сердце, только легкомыслие Тени и спасло меня от окончательного превращения в литератора. Ужасно могла бы сложиться судьба!

У меня голова шла кругом – не столько от его откровений, сколько от физической близости такого могущественного существа. Пока Гэйшери сидел рядом с Джуффином и Сотофой, все-таки было полегче. А теперь – хоть в окно от этого счастья сигай.

Но я взял себя в руки – уже, наверное, в сотый раз за это бесконечное

утро – и попросил:

– Вы бы все-таки рассказали мне про свое Благословение. Как оно действует и для чего предназначено? И самое главное, что теперь делать со всеми этими нашими хулиганами?

– А зачем с ними что-то делать? – удивился Гэйшери.

– Ну как же... – начал было я, намереваясь сказать, что все околдованные, ну или ладно, благословленные, вели себя, мягко говоря, странно и причинили кучу неприятностей другим.

Но Гэйшери не дал мне договорить. Метнулся к Джуффину и зарычал на него низким утробным басом:

– Это ваше влияние! Ну, поздравляю! Он такой же зануда, как вы!

Джуффин ответил на его рык улыбкой, которую в данных обстоятельствах иначе как ангельской не назовешь. И, больше не обращая внимания на разбушевавшегося гостя, повернулся ко мне.

– Благословение Гэйшери не подчиняет человека чьей бы то ни было воле, – сказал он. – А только временно усиливает его магические способности, придает вдохновения и устраняет присущий подавляющему большинству людей неосознанный страх перед магией, который мешает позволить ей проявиться через нас. При этом Благословение обычно действует не больше суток. Часто гораздо меньше, всего несколько часов. После чего человек возвращается в свое обычное состояние, но уже обогащенный опытом пробуждения силы и вдохновленный на дальнейшие занятия магией. Собственно, в этом и заключается смысл. Мастер Гэйшери сейчас в ярости, поскольку, по его мнению, мы должны радоваться, что кто-то раздает его Благословения направо и налево, а не пытаться это пресечь. Теоретически я понимаю его позицию...

– То-то и оно, что только теоретически! – передразнил его Гэйшери и скорчил неопишимо омерзительную рожу. Хотя, казалось бы, куда еще.

Но это нехитрое действие совершенно его успокоило, и он одарил нас улыбкой, лучезарной, как занимающийся за окном рассвет.

– Так вот, – невозмутимо продолжил Джуффин. – Теоретически Мастер Гэйшери прав. Но на практике у нас концы с концами не сходятся. Я имею в виду, что в отличие от современников Мастера Гэйшери, которые обычно сразу кидались учиться летать или приводить в порядок хозяйство, наши как-то уж больно много пакостят. Что-то тут не так.

– Ну так вы учтите, что благословенный перестает бояться не только себя и магии. Окружающие, включая этих ваших блюстителей порядка в нелепой униформе, ему тоже больше не страшны. Получивший мое Благословение делает, что захочет, без оглядки на остальных. Иными

словами, он просто честен, как никогда прежде.

– Это понятно, – согласился Джуффин. – Но...

– Довольно трудно представить, что наша Кенлех всю жизнь мечтала помучить какую-нибудь старушку и держала себя в руках только потому, что боялась полиции, – подхватил я. – Хороша честность!

– Вот именно. Кенлех мы все достаточно близко знаем; в каком-то смысле нам крупно повезло, что она влипла в эту историю. Благодаря ей, окончательно стало ясно: творится что-то не то. Я успел просмотреть дела остальных хулиганов. Трикки большой молодец, тщательно поработал, поговорил с их родными, друзьями, работодателями, соседями, хотя формально он не обязан проявлять такую дотошность в расследовании простых бытовых происшествий. Так вот, в подавляющем большинстве случаев вырисовывается примерно та же картина, что и с нашей Кенлех. Близкие твердят в один голос: «Не понимаю, как это могло случиться. Не такой он человек».

– А может быть, это все-таки не ваше Благословение, а просто что-нибудь похожее? – спросил я Гэйшери, заранее понимая, что сейчас начнется. Но я великий храбрец.

Впрочем, разнообразия ради он не стал орать. Окинул меня ледяным взглядом, причем как-то умудрился посмотреть сверху вниз, сидя на полу. Сказал:

– Ну разумеется. Я же такой слабоумный кретин, что не способен отличить отпечаток собственного Благословения от чьей-то чужой ворожбы. Возомнил о себе невесть что, позорище. А вы молодец, сэр Макс. Вывели меня на чистую воду.

Надо сказать, сарказм могущественного колдуна – страшная сила. Что-то вроде ведра кипящей смолы на голову, только одежда не портится. Даже не знаю, как я усидел на месте, не выскочив в спасительное окно.

– Мальчика можно понять, – неожиданно вмешалась леди Сотофа. – Это объяснение лежит на поверхности. Даже я о том же невольно подумала, хотя...

– И вы туда же! – взревел Гэйшери. – Я вам уже тысячу раз говорил: недоверие – наихудшая форма предательства, оно убивает медленно, зато навсегда. – Он умолк и вдруг совершенно спокойно добавил: – Ладно, Сотофа, ладно. Все-таки вы – это вы. Вам я еще и не такое прощал.

– Мастер Гэйшери простил меня даже когда я наотрез отказалась есть собственноручно испеченный им пирог, – сказала мне леди Сотофа. – Потому, между прочим, что своими глазами видела, как он совал туда дохлых водяных пауков!

– Которые потом превратились в сочные плоды лесной груши, – усмехнулся Гэйшери. – Вам же, собственно, хуже. Мне больше досталось. Это был мой лучший пирог.

– А оно не могло испортиться? – вдруг спросил Джуффин.

Мы с ним явно думали об одном и том же, поэтому я закивал так жаростно, что сполз с подоконника:

– От времени или от неправильного употребления! Или просто в плохих руках. Да от всего сразу!

– Что – «оно»?! – нахмурился Гэйшери. – Мой пирог? Ну так я его очень даже правильно употре...

– Благословение! – хором сказали мы с Джуффином.

– По форме осталось прежним, а действует совершенно иначе, – добавил я.

– Чего? – словно бы ушам своим не веря, переспросил Гэйшери. – ЧЕГО?!

Стены Дома у Моста явственно задрожали, потолок пошел трещинами, пол заходил ходуном, а утренний свет за окном померк и сменился тьмой, слишком густой даже для пасмурной зимней ночи. А до зимы нам всем еще бы как-то дожить. Шансов у нас, похоже, немного. Этот Мастер Гэйшери все-таки конченный безумец. О чем, интересно, думали Джуффин с Сотофой, когда притащили его в гости? Может, он их заморозил? И с их помощью пробрался в это осеннее утро, чтобы устроить конец Мира на безопасном расстоянии от своей прекрасной эпохи? Просто из бескорыстной любви к концепции «no future»^[5]. Ему это должно быть идеологически близко, явный же панк.

Очень, кстати, похоже, что заморозил. Или благословил, как это у него называется. Такому, пожалуй, даже эти двое по силам. То-то они все утро так тихи и покладисты. А то бы давно показали ему, где скархлы ночуют. Крайне полезная информация для некоторых распоясавшихся Темных Магистров, мог бы – сам бы показал.

– Вы что, до сих пор ни разу не обсуждали какую-нибудь проблему с другими людьми? – укоризненно спросил я Гэйшери. – Не устраивали совещаний? Не искали решений общими силами? Потому что это вообще-то нормально – когда у каждого есть какие-то свои идеи и предложения, и он их высказывает, чтобы все остальные обдумали...

Я не договорил, потому что в этот момент гневно потрясавший кулаками Гэйшери исчез, зато вокруг моего тела обвилась гигантская змея, такая же белая, как его кошмарная рожа. И сдавила меня так, что вздохнуть стало невозможно. Ах ты ж гад.

Официально считается, что у меня тяжелый характер. На мой взгляд, это граничащая с лестью клевета. Но иногда она становится похожей на правду – в те прекрасные моменты, когда кому-нибудь приходит в голову нелепая идея на меня напасть. Или просто напугать, как это сделал Мастер Гэйшери; в глубине души я понимал, что дальше он все-таки вряд ли зайдет. Но разозлился я тогда, как давно уже не злился. Может быть, как вообще никогда. Даже ослеп от ярости, по крайней мере, меня обступила тьма, и единственным источником света в этой тьме стало желание поквитаться с обидчиком – будем честны, бессильное, я сейчас не то что шелохнуться, звука издать не мог. Встретиться бы с этим придурком на Темной Стороне, где одного моего слова достаточно, чтобы... Да что угодно. Вообще все.

Чтобы попасть на Темную Сторону, потаенную изнанку этого Мира, новички часами кружат по подземным коридорам, люди более опытные управляют побыстрее, настоящие мастера за пару минут, а мне в последнее время обычно бывает достаточно нескольких секунд глубокого сосредоточения. На самом деле не я один такой шустрый, это вполне нормальный этап; Джуффин как-то рассказывал, что в его жизни был прекрасный период, когда он то и дело оказывался на Темной Стороне нечаянно, не в меру развеселившись или, наоборот, от сильной усталости. У меня до таких провалов, вроде, пока не дошло, зато обычно достаточно просто вспомнить, как выглядит Темная Сторона: разноцветные потоки ветра, сияющие стволы деревьев, текущая земля под ногами и ослепительный свет, льющийся из трещин в небесной тверди, вся вот эта восхитительная зыбкая маета, тайная родина моего сердца и всего остального меня. Нарисуешь этот пейзаж в воображении и вдруг обнаруживаешь, что воображение тут ни при чем, просто ты уже там.

В смысле тут.

Очень удачно получилось. И на удивление легко. Видимо потому, что попасть на Темную Сторону, где с любым Древним Магистром можно говорить, в худшем случае, на равных, я тогда хотел больше всего на свете. А вспоминать и воображать – не руками размахивать. Этому колдовству даже целое стадо белых удавов не помеха. И вообще ничего.

Ну и, будем честны, от спутника очень много зависит. А спутник у меня на этот раз был – о-го-го. Хотя единственное, чего я тогда желал всем сердцем, – начистить ему рыло. Не убить, не превратить в какую-нибудь пакость, не подчинить своей воле, а просто отколотить, как мальчишку из параллельного класса, который долго изводил меня на всех переменах и вот

наконец достал.

Однако этот простой и невинный в сущности план с треском провалился. Потому что на Темной Стороне изменяются не только предметы, пейзажи и законы природы, но и люди. Собственно, в первую очередь мы. Я давно уже понял, что, когда человек идет на Темную Сторону, на самом деле никто никуда не идет, а превращается в существо, способное видеть изнанку Мира и взаимодействовать с ней. Можно сказать, сам выворачивается наизнанку, такими удивительными швами наружу, что только держись.

Мой организм устроен предельно просто: на Темной Стороне я счастлив, как пьяный подросток, которому только что трижды признались в любви. Вывести из состояния крайнего душевного подъема меня, конечно, возможно и тут, но для этого потребуются тяжелая артиллерия в виде настоящей беды. А продолжать сердиться на малознакомого древнего колдуна за то, что он превратился в удава и слегка меня придушил, на Темной Стороне настолько непросто, что даже пытаться не стоит.

Я и не стал.

Зато здесь я сразу оценил комическую сторону происшествия. Притащить на Темную Сторону Темного же Магистра с целью бескомпромиссно дать ему в глаз – это, конечно, по-нашему. Ай да я! Каких только анекдотов ни сочиняли обо мне в столице Соединенного Королевства, но самое смешное все-таки скрыто от посторонних глаз.

Так что сначала я просто смеялся – до слез, до слабости в ногах. И даже не сразу понял, что слабость в ногах у меня не только от смеха, но и от дополнительной тяжести: на моей шее по-прежнему висел этот грешный белый удав.

Впрочем, удавом он больше не был. Хотя так и не стал Древним Магистром с ужасным белым лицом. У меня на шее висел мальчишка, с виду, по здешним меркам, лет тридцати^[6], невысокий, довольно упитанный, с коротко стриженными рыжими кудрями и круглым веснушчатым лицом. Он обнимал меня, как любимого старшего брата, вернувшегося не то с недельной попойки, не то просто с войны, и восторженно верещал прямо в ухо: «Лихо у тебя получилось!» Но вовремя почувствовал, что я вот-вот рухну под его тяжестью, и спрыгнул на землю. А я перевел дух и наконец огляделся. И увидел, что мы с мальчишкой тут не одни. Неудивительно: не такие люди Сотофа и Джуффин, чтобы добровольно отказаться от дармовых развлечений. В оперу-то им всяко некогда ходить.

Они и не отказались, причем заявили сюда вместе со своими удобными креслами. Вот это я понимаю, высокий стиль.

Я был рад, что эти двое тоже здесь, но смотреть на них сейчас было почти невыносимо.

С леди Сотофой Ханемер такая проблема: она – самая красивая женщина в этом Мире. Ладно, возможно, одна из самых красивых, просто от остальных меня пока милосердно хранила судьба.

Леди Сотофа так хороша, что, будь моя воля, я бы ее вообще никому никогда не показывал, людей все-таки надо беречь. Она и сама это понимает, поэтому большую часть времени выглядит как милая седая старушка. Но, увы, не на Темной Стороне.

С сэром Джуфффином Халли проблема немного иного рода. То есть умереть от его неземной красоты вряд ли кому-то грозит, зато у него совершенно разбойничья рожа. Настолько, что даже я при виде ее невольно начинаю прикидывать, куда бы перепрятать кошелек, хотя Джуфффин никогда в жизни не отнимал у меня деньги, наоборот, время от времени силой их всучивал – жалование, скопившееся за несколько лет моего отсутствия, например.

Неудивительно, что, заняв место начальника столичного Тайного Сыска, сэр Джуфффин Халли первым делом придал себе вид солидного пожилого джентльмена с доброй полусотней поколений добропорядочных зажиточных предков за спиной, а то бы Дом у Моста до сих пор считался гнусным злодейским притоном, который разумные люди обходят десятой дорогой, а неразумные – просто стороной. Он, кстати, и на Темной Стороне может сохранять этот благообразный облик. И добросовестно сохраняет, когда водит сюда учеников. Но сейчас почему-то решил, что можно не стараться. Ну или просто на радостях забыл.

Я говорю «на радостях», потому что эти двое, Джуфффин и Сотофа, выглядели настолько довольными, что светились – не в переносном, а в самом что ни на есть прямом смысле. Натурально сияли как уличные фонари, а это даже на Темной Стороне дело не совсем обычное. А толстый рыжий мальчишка, надо понимать, наш кошмарный Древний Магистр, прыгал вокруг них, корчил рожи и восклицал:

– А вы говорили: «Не связывайтесь, сами потом не обрадуетесь». А я связался и очень рад!

Мальчишка из него, кстати, тоже вышел довольно противный, из тех, за кем глаз да глаз, если не хочешь обнаружить у себя за шиворотом выводок пиявок, в кармане –дохлую крысу, а в волосах – паука. Но с

предыдущей версией, конечно, ни в какое сравнение. Вполне можно жить.

– «С ним» – это со мной, что ли, не связываться? – наконец спросил я. – Приятно слышать, но, по-моему, вы меня несколько переоцениваете...

– Да ладно тебе, – отмахнулась леди Сотофа. – Ты совершенно ужасный и сам это знаешь. Лично мне это не мешает, но даже я стараюсь пореже тебя дразнить.

– Так и я часто не собираюсь, – пообещал мальчишка. – Одного раза хватило. Все получилось. Я молодец!

Он повернулся ко мне и заговорил быстро и деловито, с серьезностью, которая совершенно не сочеталась с его детским обликом:

– Ты меня извини, пожалуйста. Во-первых, что перешел на «ты» – я на Темной Стороне со всеми так разговариваю. А в Море – всегда на «вы». Понимаешь, почему? Здесь, на Темной Стороне, каждый из нас – только тот, кто он есть. А в Море тот, кто есть почти всегда прячется за спиной того, кем он кажется – прежде всего, самому себе. Поэтому там я всегда обращаюсь одновременно к двоим, чтобы напомнить об истинном положении дел.

– Понимаю, – сказал я. – Отличный метод. Даже завидно, что его придумал не я.

– Хорошо, – кивнул Гэйшери и явно собирался продолжить рассказывать что-то важное, но я перебил его дурацким вопросом, который сам просился на язык:

– А ты что, действительно именно вот такой, каким сейчас выглядишь?

Сотофа и Джуффин, переглянувшись, расхохотались. А толстый мальчишка нетерпеливо поморщился:

– Вечно вам всем интересна всякая ерунда. Да какая вообще разница, кто как выглядит? Мне вот, например, плевать на ваши рожи. А вам на мои почему-то нет. Как ни стараюсь щадить ваши чувства, вечно выясняется, что кто-то недоволен моим внешним видом. А кто-то, наоборот, так доволен, что лучше бы не.

– Это он из милосердия так выглядит, – сквозь смех сказала леди Сотофа. – На Темной Стороне Гэйшери просто невыносимо красив...

– Вот кто бы говорил, – укоризненно заметил я.

– Ой нет, вообще никакого сравнения! – воскликнула она. – Он гораздо хуже меня. В смысле лучше. Хоть зажмуривайся. И результат, сам понимаешь, какой: ученицы, которых Гэйшери приводил на Темную Сторону, влюблялись в него по уши. И ладно, если бы только ученицы, у мальчишек тоже, как говорится, сдавали нервы, даже у лучших друзей. Само по себе это забавно и отчасти даже приятно, но в таком состоянии

ничему путному не научишься, о важном не поговоришь, и ничего, кроме своего спутника, толком не увидишь, так что непонятно, зачем вообще было сюда приходить. Я этот период немножко застала, так что рассуждаю не теоретически, сама свидетель: это была катастрофа, с которой никто не мог совладать. В конце концов, Гэйшери все достало, и он выпросил у Темной Стороны другую внешность, что-то вроде костюма для пребывания здесь. Любую, на ее усмотрение, лишь бы не мешала делам. А у Темной Стороны иногда просыпается чувство юмора. Своеобразное, но уж какое есть. С другой стороны, заказ идеально выполнен. Этого мальчишку невозможно вожделеть.

– Ну почему же, – возразил я. – Этого мальчишку сразу хочется оттащить за уши, не дожидаясь, пока что-нибудь натворит. Это разве не вожделение? Как – нет?! Вы что, серьезно? А я всю жизнь думал, оно и есть.

– Спасибо, – кротко промолвил Гэйшери. – Мне нравится вызывать сильные и яркие чувства; какие именно, в общем неважно, главное – зацепить. Но именно сейчас надо, чтобы ты меня внимательно слушал. А вожделение, уши и все остальное, с твоего позволения, как-нибудь в следующий раз.

– Извини, – сказал я. – Просто я же драться с тобой здесь собирался. Злость сразу прошла, а кураж, предназначенный для несостоявшейся драки, надо куда-то девать.

– Поэтому ты устроил балаган, – кивнул он. – Прекрасный метод, я сам часто так поступаю. Но сейчас для нас важно другое. Ты только что прошел на Темную Сторону одним легким шагом – по крайней мере у нас это называется так. Захотел и сразу тут оказался, без обычной подготовительной паузы. Это очень полезное умение, особенно для тебя. Знаешь, почему? У тебя воинственный характер и при этом ты не любишь убивать. Самое опасное сочетание: такие, как ты, легко заводят врагов, но крайне неохотно от них избавляются. А потом удивляются, что так рано пришлось умереть. И щитами тебя окружать бесполезно – быстро слетят, просто в силу твоего темперамента; долго объяснять, поэтому просто поверь на слово: ты – вот такой. Самый лучший щит для тебя наша Темная Сторона. Дело даже не в том, что ты здесь дома, это многие о себе могут сказать. А в том, что рядом с тобой дома она сама. Я знаю только одного человека, который так воздействует на Темную Сторону своим присутствием; вернее, знал. Его больше нет. Неважно. Здесь и сейчас есть ты, и мы говорим о тебе. Все, что тебе нужно, – это умение мгновенно оказываться здесь, если в Мире что-то пошло не так. Даже если тебе просто

померещилось, не беда, лишняя прогулка на Темную Сторону еще никогда никому не вредила. Теперь это умение у тебя есть, осталось сделать его привычкой, а еще лучше – рефлексом, что достигается многократными повторениями, ничего нового за разделяющие нас тысячелетия в этом смысле не изобрели. Но главное уже получилось! Не зря я тебя дразнил. Мне, учти, было непросто: врать и притворяться я не могу, а на тебя очень трудно всерьез рассердиться. То есть мне трудно; другим-то, уверен, легко.

– Кому как, – наконец подал голос Джуффин. – Лично я бы охотно взял пару-тройку уроков – вдруг однажды понадобится на него рассердиться, а я даже не знаю, с какого конца к этому приступать. Но встречаются талантливые самоучки. Некоторых я своими глазами видел: сэр Макс еще ничего не сделал, а человек уже на него авансом навеки зол.

– Мой метод тебе не подойдет, – отмахнулся мальчишка. – Просто он сказал то, что мне очень не понравилось. А тебя словами не рассердишь. У тебя другой подход: ты сразу прикидываешь, можно ли извлечь из чужих слов какую-то пользу. Если можно, радуешься, а нет – выбрасываешь из головы. Охотник есть охотник, для тебя все – добыча. Наши слова и дела, и мы сами, и весь Мир целиком. Сильная позиция, но мне, сам знаешь, она не по вкусу. Скажем так, для себя я бы этого не хотел.

– Глупо вышло бы, если бы мы все уродились одинаковыми, – пожал плечами Джуффин. – Этот Мир давно рухнул бы от скуки, глядя на нас.

– Именно так я себя и утешаю всякий раз, когда прихожу в ярость от того, что вы все совершенно на меня не похожи. Хотя, казалось бы, что может быть лучше? Но нет!

Мальчишка горестно шмыгнул носом, но тут же воспрянул духом, ухмыльнулся так же криво, как это делал белолицый Магистр и подмигнул Джуффину.

– Если тебе однажды понадобится по-настоящему рассердиться на Макса, просто предложи ему попробовать отнять у тебя добычу – в тот момент, когда ты ее еще не схватил. С пойманной этот номер вряд ли пройдет, своими достижениями ты не особо дорожишь. А вот становиться у тебя на пути в самый разгар погони я бы никому не советовал. Даже ему.

Джуффин с Сотофой заулыбались, как будто Гэйшери забавно пошутил. А я невольно поежился, потому что у меня буйное воображение. И чтобы сменить тему, спросил:

– А что я такое ужасное сказал, что тебе не понравилось? Неужели про совещания? Я тоже не особо люблю, когда со мной спорят, но в целом вполне можно пережить.

– Ты сказал, что мое Благословение могло испортиться в плохих

руках, – напомнил Гэйшери. – Остаться прежним по форме, но полностью изменить суть. И это, к сожалению, правда. Настолько страшная для меня правда, что проще умереть, чем с ней согласиться. Но мне пока нельзя умирать. Работы еще очень много. И сердце не велит бросать ее, не закончив. И договор связывает; впрочем, это уже не имеет отношения к нашим делам.

– Но почему страшная? – изумился я. – Как правда может быть страшной? По-моему, всегда лучше знать, что на самом деле случилось, чем не знать. Когда знаешь, можно попробовать все исправить. Если не выйдет, это, конечно, отдельный ужас, но все равно лучше действовать, чем сидеть в блаженном неведении, пока под ногами горит земля.

– Ты такой же практичный, как эти двое, – скривился мальчишка. – Хотя в Смутные Времена вроде не жил. Впрочем, ты сам себе вечное смутное время. Ладно, не понимаешь – не понимай, что с тобой делать. Тогда просто поверь мне на слово, бывает настолько паскудная правда, что в болоте я видел пользу от нее. Я бы предпочел не знать, что испортить мое Благословение легче легкого. Достаточно просто думать не в ту сторону – вот что хуже всего!

– «Не в ту сторону»? Это как?

– Например, благословляя кого-то магическим вдохновением, быть совершенно уверенным, что причиняешь ущерб, – неохотно сказал мальчишка. Он выглядел так, словно вот-вот кинется меня колотить. – Якобы магия – зло для человека или сам человек слишком зол для магии, что-то в таком роде. Тогда благословенный и правда вдохновится на самое худшее из того, на что способен...

– Ого! – оживился Джуффин. – Получается, наши хулиганы – исключительные добряки, если ничего худшего, чем мелкие пакости, не придумали?

– Получается, так, – равнодушно согласился Гэйшери. – А чему ты удивляешься? Настоящих злодеев во все века было мало, остальные довольствуются мелкими пакостями, да и то исключительно под настроение. Но лично мне, чтобы разорвать сердце на части, и одного злодея достаточно, если он таков, что сумел испортить мое Благословение. Даже не потому что оно мое, а своего всегда жалко. А просто потому, что эта скотина живет в моем Мире – вот прямо сейчас. Что бы я ни делал, как бы ни бился, а Благословение все равно испорчено! И это значит, что я не справляюсь. Уже не справился. Ни с чем!

– А ты-то тут при чем? – удивился Джуффин. – Наш злодей, во-первых, пока просто одна из рабочих гипотез. А во-вторых, если даже он

действительно существует, это его личное горе, что таким уродился. Или думаешь, это кто-то из твоих?..

– Конечно, из моих, – угрюмо сказал мальчишка. – Все, кто есть в этом Мире, мои. А ты как думал? Я тут живу; ладно, с вашей точки зрения, жил когда-то давно, но какая разница? Это мой Мир. Все, что здесь происходит – моя ответственность... Ай, да ну вас всех в задницу, ни хрена вы не понимаете! Не хочу больше об этом говорить.

Он развернулся и пошел прочь таким быстрым шагом, что это походило на побег.

Я растерянно посмотрел на своих старших товарищей – мол, чего это он? Леди Сотофа ободряюще улыбнулась, почти беззвучно сказала:

– Ничего, вернется. Не бери в голову, мальчик, ты тут вообще ни при чем.

А Джуффин ничего не сказал. Но судя по вдохновенно горящим глазам, обдумывал полученную информацию. Иного, впрочем, я от него и не ожидал.

Гэйшери и правда вскоре вернулся. Не будь я в курсе, что этот рыжий мальчишка – ужасающий Древний Магистр, решил бы, что вид у него зареванный. А так даже и не знал, что думать. И как это понимать.

Но его голос звучал совершенно спокойно.

– Извини, – сказал он мне. – Я начал объяснять, почему на тебя рассердился, и рассердился заново, что само по себе довольно нелепо, особенно на Темной Стороне. Просто мне невыносимо знать, что кто-то испоганил мое Благословение. Лучше бы и правда навсегда о нем забыли. А еще лучше было бы, если бы я всего этого не затевал. Но дело сделано, что теперь локти кусать. Ты, кстати, можешь укунить свой локоть? Я могу!

И действительно как-то так хитро вывернул руку, что локоть оказался у самого рта. Подмигнул мне:

– Что, завидно? – и не дожидаясь ответа, сказал: – Давайте вернемся обратно. Я в великой печали, а Темная Сторона меня таким видеть не любит. Ни к чему ее изводить. Вас – еще куда ни шло.

– Да нас поди изведи, – усмехнулся Джуффин. – Только давай без фокусов, ладно? У меня работа, у Сотофы толпа неразумных девчонок, которые без нее пропадут, у Макса... будем считать, и то и другое. Поэтому вернемся не в прошлом году и не полтора столетия спустя, а ровно через десять минут после того, как ушли.

Мальчишка презрительно скривился, зато я наконец вспомнил, кто тут у нас самый главный по вопросам переговоров с Темной Стороной. И

поспешно сказал, расставляя слова в таком специальном порядке, чтобы мое желание не исполнилось прежде, чем я обговорю все нюансы:

– Чтобы мы все вчетвером в кабинет Джуффина ровно через десять минут после сегодняшнего ухода оттуда на Темную Сторону вернулись – хочу.

Раньше я бы начал фразу: «Хочу, чтобы мы вернулись...» – это грамматически правильно, но больше ничего я бы сказать не успел, мы бы тут же вернулись, а вот куда именно и в какой момент времени – это целиком зависит от пресловутого чувства юмора Темной Стороны. К счастью, сэр Шурф в свое время подсказал мне подходящую формулировку, и с тех пор я все пожелания конструирую по его образцу. Он вообще прекрасно справляется с обязанностями моего головного мозга, с которым мне повезло несколько меньше, чем требуется в моем положении.

Ладно, черт с ним, зато со всем остальным повезло.

* * *

– Ты забыл про кресла, сэр Макс! – укоризненно сказал Джуффин. – Мы тут, а казенная мебель по твоей милости осталась на Темной Стороне. Возмутительная халатность. Это что ж мне теперь, к новому привыкать?

Дверь распахнулась, и в кабинет медленно и печально вползли кресла из Зала Общей Работы. Далеко не такие удобные, как прежде стояли тут, это правда. Я не раз имел возможность сравнить.

– Так тебе и надо! – рассмеялась леди Сотофа. – А я говорила: не стоит мебель за собой таскать.

– Очень здорово вы с Темной Стороной договариваетесь, – двумя голосами сказал мне Гэйшери, удобно расположившийся на столе. – С первого раза все делает, как вы попросили. И так всегда?

Я уже успел забыть, как он ужасно выглядит, и теперь заново содрогнулся. Но в этот момент наш древний Темный Магистр улыбнулся, и я немедленно простил ему жуткую рожу и все остальное – задним числом и авансом. Все-таки невероятно обаятельный че... обаятельное существо.

– До сих пор вроде всегда получалось, – скромно ответил я. – У меня поначалу была другая проблема: чтобы не исполнялось вообще все сказанное, без разбора, а то даже со спутниками невозможно нормально поговорить. Но я быстро обнаружил, что это управляется сознательным намерением: вот сейчас я просто болтаю, а сейчас объявляю, чего хочу. Главное – самому отличать одно от другого. Ну и глаголы «хочу»,

«нуждаюсь», «мечтаю» и их синонимы все-таки без дела не употреблять.

– Мне обычно по несколько дюжин раз приходится клянчить, – признался Гэйшери. – И то среди наших считается, что Темная Сторона меня любит, как мало кого. Потому что сперва терпит мое нытье вместо того, чтобы вышвырнуть вон, а потом еще и желание выполняет – когда совсем уж надоем. А у вас, конечно, шикарно выходит... Ладно. Что вы теперь намерены делать?

– Вы меня спрашиваете? – удивился я.

– Всех троих. Вот узнали вы эту свою полезную правду, от которой мне теперь до конца жизни будет тошно – и что?

– Разбираться, – пожал плечами Джуффин. – Что же еще? Может, в итоге вообще выяснится, что никто ваше Благословение не портил, просто наши современники отличаются от ваших...

– Чем именно отличаются? – взвился Гэйшери. – Слепой готовностью при первой же возможности начать друг другу вредить?! Но это еще хуже! Жить в Мире, который пришел к такому итогу, я точно не готов.

– Это тоже всего лишь одна из возможных версий, – заметил шеф Тайного Сыска. – Причем порожденная не столько фактами, сколько моей привычкой заранее допускать вообще любую возможность. В качестве попытки вас утешить она и правда не удалась, но...

– Утешать вы не умеете, – отрезал Гэйшери. – Лучше и не беритесь. А если приспичило научиться, практикуйтесь на ком-то другом. С меня достаточно вашего обещания разобраться. В отличие от утешений, это у вас обычно неплохо получается. Разбирайтесь, сколько потребуется, я подожду. Не уйду, пока не выясню, что случилось. Я должен точно знать.

– Здесь и сейчас подождете? – деловито спросила леди Сотофа. – Или вернетесь через несколько наших дней? Я вас встречу, вы только скажите...

– Не надо мне сейчас пересекать Мост Времени, – мрачно сказал Гэйшери. – Ясно, что в таком настроении я даже Третий Ужас Небытия предпочту тяжелой повинности продолжать жалкое существование человека, чьи усилия оказались тщетными и пошли прахом. А исчезать мне сейчас нельзя: нарушу договор, подведу Дайшу. И не только ее.

Я подумал, что в искусстве делать слона из мухи этот тип превзошел даже меня. Но говорить ему, что несколько жалких хулиганов из далекого будущего вряд ли тянут на крах всей его жизни, не стал. Ясно же, что начнет орать, не дослушав. Или опять превратится в какую-нибудь гадюку и повиснет на шее. Или просто выскочит в окно, скорбно потрясая кулаками; нам же потом его по всему городу искать.

– А если все-таки заставлю себя вернуться, всем будет только хуже, –

добавил Гэйшери. – Я же проболтаюсь. Не смогу промолчать. Наши огорчатся, а этого нам точно не надо. У нас сейчас очень счастливый период: мы совсем недавно узнали, что грядущую гибель Мира, которая долго считалась неизбежной, гарантированно получится отменить. Не хочу, чтобы остальные тоже начали сомневаться, так ли это было необходимо. От общего настроения многое зависит. Его надо беречь.

– Если бы я знала, что эта история так сильно вас огорчит, пошла бы за советом к кому-нибудь другому, – сказала леди Сотофа. – Я же правда просто хотела лишний раз повидаться. Досадно, что так получилось. Мне очень жаль.

– Если бы вы знали и все равно поперлись ко мне, этого я не смог бы простить даже вам, – сердито буркнул Гэйшери. – А так ясно, что просто судьба. Больше не на кого сердиться.

Он внезапно вскочил с кресла и одарил нас всех лучезарной улыбкой.

– А судьба у меня совсем не такая дура, как может показаться на первый взгляд! Так что ладно, будем считать, все к лучшему. Мне даже интересно, к какому именно лучшему оно ухитрится обернуться на этот раз.

– От моего гостеприимства вы, конечно, откажетесь, – вздохнула Сотофа.

– Иафах я ненавижу даже сильнее, чем люблю вас! – жизнерадостно подтвердил Гэйшери.

– Зато меня вы недолюбливаете недостаточно сильно, чтобы заодно возненавидеть мой дом, – заметил Джуффин. – Там сад, между прочим, разбит вполне в вашем вкусе. Примерно как у Нены Босоногого, только не в лесу. И никакого мусора на дорожках. Но мусор вас, насколько я помню, только бесил. Так что...

– Все бы вам возводить напраслину и клеветать! – укоризненно сказал Гэйшери. – Не бесит меня Ненин мусор. К тому же его там вообще почти нет, подумаешь – какие-то жалкие кучки. И вас я люблю всем сердцем, просто по мере сил это скрываю, потому что нам обоим так проще и веселей. Но жить я хочу у него. Мне интересно, как это будет!

Он ткнул в меня пальцем и рассмеялся, явно наслаждаясь моим замешательством.

– Влипли, сэр Макс? Что может быть хуже незваного гостя! И отказать нельзя, не так вы воспитаны. Человеку моей эпохи в этом смысле гораздо проще: вежливыми мы отродясь не были. Лично я бы сейчас себе наотрез отказал.

– Да я бы тоже вам отказал, – честно признался я. – Просто понимаю,

что сам виноват: очень уж сильно в последние дни хотел развлечений. А в моем случае это все равно что послать официальное приглашение всем неприятностям в Мире сразу – наугад, какая первой поймает. Положа руку на сердце, вы, при всех ваших неоспоримых достоинствах, далеко не самый худший вариант.

– Я – отличный вариант, – заверил меня Гэйшери. – Самый необременительный гость за всю обозримую историю человечества. Кормить не надо, жить готов хоть в чулане, характер у меня покладистый...

На этом месте Сотофа и Джуффин дружно отвернулись, чтобы мы с Гэйшери не видели их злорадных улыбок, а я хотел сказать: «Это вам только кажется», – но благоразумно промолчал. Потому что на самом деле за покладистым характером – это ко мне. Мало ли, что со стороны не сразу заметно. Надо просто очень внимательно смотреть, вооружившись оптическими приборами. Старинное сельское заклинание, позволяющее отыскать иголку в стоге сена – всего-то двадцать первая ступень Черной магии – тоже сойдет.

– А вы собираетесь ходить по улицам? – вдруг спросила леди Сотофа.

Гэйшери кивнул:

– Конечно. Мне любопытно взглянуть, как людям сейчас живется. А что?

– Я вам уже говорила, вы наверное не расслышали, или забыли. Но... К сожалению, у нас по-прежнему такое не носят. Я имею в виду ваше лицо.

Если бы за прошедшие годы я не привык считать леди Сотофу Ханемер самым могущественным существом в этом Мире, я бы сейчас за нее испугался. А так только свою голову руками прикрыл.

Но Гэйшери, к моему удивлению, не стал обрушивать на нас потолок. Даже ни одного светильника не грохнул. Только спросил с совершенно искренним удивлением:

– А что не так с моим лицом?

Отличный вопрос. Даже интересно, как Сотофа будет выкручиваться, чтобы не сказать ему: «Все».

– Со времени вашего предыдущего визита, шрамы так и не вошли в моду, – вздохнула она. – И в отношении цвета лица мы по-прежнему довольно консервативны, хотя в последнее время горожане начали понемногу экспериментировать в этом направлении. В основном молодежь. А те, кто постарше, смотрят на них с неодобрением. К сожалению, пока это так.

– Ничего удивительного, что поколение, которое чуть не привело Мир к окончательной гибели, имеет ущербные представления о мужской

красоте, – надменно сказал Гэйшери. – Ишь – шрамы у них, видите ли, не вошли в моду! Надеюсь, хотя бы законом не запрещены?

– С законом никаких проблем у вас не возникнет, – заверил его сэр Джуффин Халли, анонимный автор примерно девяти десятых статей обновленного Кодекса Хрембера. – Но прохожие будут пялиться. Вы же этого вроде никогда не любили? Всегда старались быть неприметным... насколько могли.

– Пялиться они будут! – грозно взревел Гэйшери. – Я им попляюсь! Какого рожна я должен стараться ради спокойствия скверно воспитанного потомства диких скархлов^[7], сдуру блудивших с пьяными эльфами^[8]? Собрать бы всех скопом, да в ближайшем болоте уто... Так нормально?

Пока он орал, его лицо из белоснежного стало просто умеренно бледным, а жуткий шрам вовсе исчез. Правда, нос не особо уменьшился, и глаза остались разными. Но в сравнении с предыдущей версией Темный Магистр Гэйшери теперь казался почти красавцем. Вполне можно выпускать на улицу, не опасаясь за общественное спокойствие. Максимум, неразумные младенцы лишний раз поревут.

– Сойдет, – кивнул Джуффин. – Сэр Макс с куда худшими рожами по городу бегает, когда желает остаться неузнанным. И до сих пор жив.

– Что?!

На этот раз мы с Гэйшери выступили на диво слаженным трио. Только он гораздо громче. Так орать я все-таки не привык.

– Прекращай их дразнить, – укоризненно сказала леди Сотофа. – Не слушайте его, Мастер Гэйшери. Нормальное лицо.

– Сам знаю, что нормальное, – огрызнулся Гэйшери. И нетерпеливо дернул меня за полу лоохи, как ребенок, который заждался обещанного похода в кино: – Вы отведете меня к себе домой? Давайте пойдем пешком! Если уж оказался в вашем нелепом городе, в это нелепое время, хочу на все посмотреть.

«А это вообще ничего, что у нас Темные Магистры вот так запросто по улицам скачут? – осторожно спросил я Джуффина, перейдя на Безмолвную речь. – В смысле надо скрывать, кто такой Гэйшери? И он должен придумать какую-нибудь правдоподобную легенду? Или нет?»

«Пусть поступает, как хочет, – ответил шеф. – Понимаю, что поверить в это непросто, но Мастер Гэйшери всегда все делает правильно, даже если сперва кажется – ужас, чего творит. Собственно, особенно, когда ужас. Но сам, конечно, особо не болтай. Спросят, кто он, говори – старый друг решил навестить. Никто особо не удивится, что он с причудами, твоим знакомым еще и не такое с рук сойдет».

И добавил уже вслух:

– В полдень я собираю совещание. У тебя отпуск, я помню, что сам на этом настаивал. И не отказываюсь от своих слов. Но если ты внезапно испытываешь непреодолимое желание навестить Дом у Моста именно в это время, я, так и быть, не вышвырну тебя за дверь.

Леди Сотофа тоже воспользовалась Безмолвной речью. «Всякий раз, когда ты захочешь придушить своего гостя – а по моим прикидкам, это будет происходить примерно раз в четверть часа – вспоминай, пожалуйста о трех вещах, – попросила она. – Во-первых, о том, что именно с Мастера Гэйшери в Море началась высшая магия – та, которую теперь принято называть Истинной. Во-вторых, тебя же мы все как-то терпим. Теперь пришла твоя очередь потерпеть. А в-третьих, когда твое терпение окончательно лопнет, ты можешь позвать меня на помощь. Долго уговаривать не придется, сразу прибегу».

«По третьему пункту спасибо, – растерянно отозвался я. – А что двумя первыми вы меня натурально убили – ничего, воскресну. Мне не привыкать».

– Вы уже уходите? – спросил из-под потолка Куруш, за все утро не проронивший ни слова. И с непередаваемым облегчением добавил: – Как хорошо!

* * *

Вопреки предсказанию леди Сотофы, четверть часа спустя мне хотелось не придушить Гэйшери, а купить ему мороженое. Или леденец. Или что там еще положено покупать детям в ходе прогулки. Очень уж он оказался трогательным, этот древний Темный Магистр. Вертел головой во все стороны, останавливался чуть ли не на каждом углу, явно раздираемый желанием пойти во всех направлениях одновременно – в точности, как я во время первых прогулок по Ехо.

Я и сейчас люблю этот город, как саму жизнь, но восторга и удивления все-таки поубавилось: человек такая зараза, что быстро ко всему привыкает. А Гэйшери, как я понимаю, видел столицу Соединенного Королевства впервые.

– На самом деле я здесь уже был, – сказал он, отвечая на мои мысли. – Два раза. Когда тут шла война и сразу после того, как наступил мир, на мой вкус, довольно безрадостный, так что я даже начал думать, что ради него и стараться не стоило. Настроение в городе было такое, что я чуть не сдох.

Учтите, я не шучу и почти не преувеличиваю. Я очень чувствителен к тому, что обычно называют «общей атмосферой». Это мое слабое место – когда она недостаточно хороша. Но сейчас вполне ничего, жить можно. Даже не ожидал.

– Джуффин однажды сказал, что в последние годы из города ушел страх, – вспомнил я. – Не вообще весь, конечно, а тот, который – первая естественная реакция человека на все новое и непонятное. Думаю, он прав.

– Разумеется, прав, – кивнул Гэйшери. – В людях он разбирается, как никто. А я, кстати, не очень. Вечно всех сужу по себе. Знаю, что это неправильно и приводит к ошибкам, иногда роковым, но мне так больше нравится. Лучше часто ошибаться, оставаясь счастливым, чем всегда оказываться правым, а сердце при этом – ежеминутно в клочки. На самом деле, я однажды попробовал. Чуть ли не пять дюжин лет кряду был таким умным, что земле под моими ногами делалось тошно, а вместе с ней – мне самому. В конце концов, я это дело бросил. И с тех пор предпочитаю не разбираться в так называемых простых вещах.

Я невольно улыбнулся, потому что в «так называемых простых вещах» и сам не то чтобы разбираюсь. В сложных – еще туда-сюда. С переменным успехом. Через раз.

– Я вот смотрю сейчас вокруг, – сказал Гэйшери, – и вспоминаю, в какую ярость пришел, когда впервые узнал, что в самом Сердце Мира построили город, да еще и сделали его столицей. Совсем рехнулись, бедные дураки! При мне Сердце Мира сюда почти никого не пускает... не пускало. Так странно говорить о своей жизни в прошедшем времени! Для меня-то все есть прямо сейчас. Да, так вот, в наши дни Сердце Мира умело себя защитить: до заповедного острова, который нынче зовется Холоми, мало кто добирался живым. А чтобы пореже пытались – жалко, когда люди гибнут из-за своего любопытства – мы сговорились с лесными духами; говорят, их потом какой-то чокнутый эльфийский бродяга с приятелями^[9] разогнали, но при нас лесных духов в здешних местах было полно. Мы предложили им сделку: пообещали, что больше никогда не будем ругаться их именами, а за это они никому не дадут подойти к Сердцу Мира. Ребята свое слово держат крепко; оно и неудивительно, таким только повод дай... Ладно, неважно; в общем, я страшно ругался, узнав, что вокруг Сердца Мира однажды построят город, да еще и сделают его столицей огромного королевства, чтобы побольше суеты развести. Неудивительно, что после этого Мир решил рухнуть, я бы и сам на его месте, пожалуй, с горя повесился – так я тогда говорил. А теперь смотрю, вполне ничего получилось. Такой живой вышел город, с интересным характером, не хуже,

чем наши, разве что, несколько великоват. И атмосфера понемногу исправилась. Даже любопытно, как дальше пойдет. Надо будет сказать Сотофе, чтобы встретила меня на Мосту Времени когда-нибудь через тысячу лет. Оно же знаете, как устроено? Мост в прошлое можно построить одной своей волей. А в будущее – только если кто-то там тебя ждет. Потому что будущих всегда великое множество, а выбрать надо то из них, которое сумеет наступить. И ни в коем случае не ошибиться, если не хочешь свести Мир с ума. А я не хочу.

– Поэтому вы начали с меня, – кивнул я. – Ну и правильно. Я – не Мир, меня можно.

– Вас даже нужно, – серьезно сказал Гэйшери. – Осторожно, не спеша, всякий раз давая вам время привыкнуть к новому состоянию, но совершенно необходимо. Способность черпать силу в безумии – ваша сильная сторона. Эк вас перекосило! – рассмеялся он, посмотрев на мое лицо. – Ладно, ладно, я знаю, что за прошедшие тысячелетия слово «безумие» изменило значение. Я сейчас говорю не о болезни ума, а о его пластичности. О постоянной готовности отказаться от привычного представления о себе, стать чем угодно в любой момент и действовать из глубины этого нового существа. Так лучше звучит?

– Да, – согласился я. – Так вполне ничего. А мы между тем пришли.

– Это и есть ваш дом? – восхитился Гэйшери. – Ну вы хитрый какой! Такую красотищу себе захапали!

Мохнатый Дом и правда хорош. Во-первых, он самый высокий в этой части Старого Города. Во-вторых, очень древний, поэтому выглядит необычно: большинство его ровесников давным-давно перестроили до полной неузнаваемости или просто снесли. А в-третьих, он с ног до головы, то есть от земли и до самой крыши увит вечнозеленой гламитариунмайохой; это дурацкое название я много лет пытался запомнить и наконец победил. Но с тех пор полагаю ботанику сложнейшей из наук.

– Какой же я молодец, что напросился к вам в гости! – сказал Гэйшери. – Здорово будет в таком доме пожить! А башня наверху жилая?

– Еще какая жилая, – кивнул я, заранее понимая, чем это закончится. Страшный Темный Магистр из далекого прошлого твердо вознамерился захватить мой кабинет. А я не смогу ему отказать. И не потому, что вежливость жмет в коленках. Просто у него сейчас оба глаза одинаково круглые от восторга. И оба голоса от волнения звенят. Трепетный Темный Магистр попался. Хоть и буйный не в меру. Мне на таких везет.

– А можно?.. – взволнованно начал он.

– Можно, – обреченно сказал я. – Только учтите, диван там очень короткий.

– Тоже мне горе. Размеры – что дивана, что помещенного на нем тела – величина, легко поддающаяся изменению.

Действительно. Чего это я.

* * *

Я был уверен, что на фоне нашего нового гостя вчерашний визит сэра Корвы Блимма покажется моим домашним веселым праздником, и они, укрывшись в подвале, будут высовываться оттуда только чтобы робко спросить, когда закончится этот кошмар. Что, конечно, лишний раз подтверждает, до какой степени я не разбираюсь в людях, чудовищах, кошках, собаках, призраках, Древних Магистрах и в жизни как таковой.

Когда я распахнул дверь гостиной, навстречу нам метнулся белый мохнатый вихрь – Друппи в своем репертуаре, уж обрадовался, так обрадовался, теперь его не остановить. Я приготовился к неизбежному приземлению на ковер в момент столкновения с центнером бескорыстной собачьей любви, но на этот раз моя судьба повела себя подозрительно милосердно: Друппи промахнулся. Все когда-нибудь случается в первый раз.

– Ах ты, хренов засранец! – страшным басом взревел Гэйшери. Падать на пол ему явно не очень понравилось. По-человечески его можно понять.

От его крика кто угодно наложил бы в штаны, невзирая на их отсутствие. Но Друппи только восхищенно взмахнул ушами и лизнул Темного Магистра в нос.

Я внутренне приготовился дорого продать жизнь этого лохматого дурака, а заодно и свою. Но Гэйшери неожиданно расхохотался:

– А если с тобой вот так?

Миг спустя мой Друппи, гигантская овчарка Пустых Земель, несомненно, самый откормленный представитель этой породы, лежал на полу брюхом кверху. Над ним нависал Гэйшери, счастливый, как победивший в своей первой драке дошкольник.

– Что, получил? – торжествующе спросил он. – Сейчас добавлю, чтобы неповадно было! – и лизнул Друппи в нос.

Пес заскулил – кажется, просто от удивления. Такого поступка от представителя породы бескрылых двуногих он явно не ожидал.

– Всю жизнь об этом мечтал, – честно признался я. – Но не мог с ним

сладить. Тяжелый, зараза. А вы знатно поквитались – за меня и всех остальных.

– Просто вес тоже является величиной, легко поддающейся изменению, – объяснил Гэйшери, поднимаясь на ноги. Положил руку на загривок Друппи, который тоже вскочил и теперь отряхивался с крайне недовольным видом, сказал: – Ладно тебе. Ты мне тоже сразу понравился. Не сердись.

Я порадовался, что в гостиной сейчас нет Дримарондо – видимо, с утра пораньше убежал в Королевский Университет, где его попросили украсить своим присутствием экзаменационную комиссию, чтобы абитуриентам было не так страшно, все-таки говорящая собака кого хочешь развеселит. Его счастье: это у Друппи железные нервы, безразмерное сердце и легкомысленная башка, а для интеллигентного Дримарондо любой конфликт человека с собакой – личная драма. Особенно если люлей в ходе конфликта получил не человек.

Зато Базилио повезло несколько меньше: она была дома. Причем сидела не у себя, а в гостиной. И теперь смотрела на нашего гостя во все глаза.

– Привет! – сказал он благозвучным дуэтом. – Меня зовут Гэйшери. А вас – Базилио, если вы та самая юная леди, о которой мне говорила Сотофа. Я ее старый друг.

Базилио сразу растаяла и почти перестала стесняться.

– То-то я смотрю, вы такой прекрасный! – сказала она. – Если вы друг леди Сотофы, это все объясняет.

– Да, – согласился Гэйшери. – У Сотофы довольно сильно развита тяга к прекрасному. И у вас тоже, – эту реплику он адресовал мне. – Такая отличная девчонка, аж завидно! Сами наколдовали или кто-то помог?

– Да я вообще пальцем о палец не ударил, – сказал я, внутренне негодуя на его бестактность. – Базилио – иллюзия, овеществленная Трикки Лаем, заместителем начальника столичной полиции. Леди Сотофа была так добра, что помогла ей обрести человеческий облик. А я только имя дал.

– И вместе с ним долгую жизнь, – кивнул Гэйшери. – Имя – великое дело для таких, как она. Однако полицейский хорош! Напомните мне об этом его удивительном деянии, когда я снова стану ругать вашу полицию. При всей нелепости их униформы, от ребят все-таки есть толк.

– Да обычная у них униформа, что вы к ней прицепились. Только ремнями, пожалуй, подпоясываются зря.

– Вот-вот.

– А что, это настолько заметно? – несчастным голосом спросила

Базилио. – Я-то думала, что выгляжу как самый настоящий человек, а вы сразу догадались. Или вам просто леди Сотофа обо мне рассказала?

– Конечно, рассказала, – подтвердил Гэйшери. – Чтобы не очень удивлялся, когда вас увижу. Она же придала вам облик одной нашей общей подружки. Между прочим, величайшей красавицы древних времен.

– Правда, что ли, величайшей красавицы? – удивилась Базилио.

– А вы в зеркало никогда не смотрелись? – строго спросил Гэйшери. – Глаза-то у вас на месте. И вон какие большущие! Давно могли бы себя разглядеть.

Базилио расцвела. Вот как надо разговаривать с юными барышнями, даже если они чудовища. Впрочем, всякая юная барышня и есть чудовище – в своем роде. Об этом не следует забывать.

– А еще в этом доме кто-нибудь живет? – спросил Гэйшери, устраиваясь в кресле. – Или только вы втроем?

Ответ на этот вопрос не заставил себя долго ждать. Ну, то есть часть ответа. Точнее, две части. Эти части одновременно вспрыгнули ему на колени и замурлыкали. Хорошо быть Темным Магистром. Прежде Армстронг и Элла оставались равнодушны к моим гостям.

– Ух ты, да у вас тут настоящая ферма^[10]! – рассмеялся Гэйшери. – А сейчас придут индюки? И тоже ручные? Всю жизнь хотел погладить индюка, но они от меня всегда убегали, а я не ловил, я гордый. Не в моих привычках силой навязывать свою любовь!

– У нас нет индюков, – огорчилась Базилио. – Но если вам очень нужно, я могу превратиться в... почти в индюка. Немножко более страшного, чем просто индюк. Зато убегать не стану, гладьте сколько хотите, пока не надоест.

– Спасибо, юная леди, – серьезно сказал Гэйшери. – Это одно из самых щедрых предложений, какие я когда-либо получал. Не надо вам ни в кого превращаться, я и так доволен. Наблюдать в других искренние порывы великодушия я люблю больше всего на свете. Даже больше, чем гладить индюков.

– Ладно, – кивнула Базилио. – Честно говоря, я рада, что не надо превращаться, потому что не люблю свой первоначальный облик. Триkki хотел создать смешное чудовище для детского праздника и, на мой взгляд, немного перемудрил.

«Немного перемудрил» – это она, конечно, очень деликатно выразилась. Если бы меня сотворили чудищем с головой индюка, рыбьим туловищем, человеческими ногами и лисьим хвостом, я бы, будьте уверены, проклинал своего создателя последними словами как минимум тысячу лет.

Но Базилио – ангел, причем в гораздо большей степени, чем это требуется для приятной жизни среди людей, и лично я понятия не имею, как ее перевоспитать. Одна надежда, что Гэйшери дурно на нее повлияет. Или наоборот, Базилио сделает из него приличного человека? Даже интересно, кто кого.

Пока по очкам побеждала Базилио. Наш Темный Магистр сидел смирно, ни во что не превращался, ни на кого не орал и внимательно слушал ее обстоятельные разъяснения, что, кроме нас с кошками, в доме живет леди Тайяра, великий математик, но, к сожалению, призрак; впрочем, ей самой это нравится. Сэр Джуффин Халли предлагал вернуть ей телесность, потому что, оказывается, даже это умеет – представляете?! – но она наотрез отказалась. Сказала, может быть, когда-нибудь позже, а пока лучше оставить как есть, призрак способен круглосуточно заниматься научной работой, не отвлекаясь на всякие глупости вроде поиска заработка, еды, романов и сна. Еще у нас есть говорящий пес Дримарондо, тоже ученый, только лингвист, который вот прямо сейчас, к сожалению, занят в Королевском Университете, но после обеда придет. А еще есть слуги, но их обучали манерам при Королевском дворе, поэтому они, считайте, тоже что-то вроде призраков; правда, с поварами вполне можно дружить, хотя они ужасно серьезные, хуже Дримарондо и остальных профессоров.

Гэйшери слушал ее с таким любопытством, что я и сам начал думать – как же мы интересно живем! Надо, что ли, дома бывать почаще. А то все пропускаю, как последний дурак.

– Ты же сидя спишь, – вдруг сказала Базилио. – Тебе с нами скучно?

– Да ну, не выдумывай. Просто устал. Лег за два часа до рассвета, поднялся – за час. Великие математики вроде вас с леди Тайярой наверняка смогут произвести соответствующие подсчеты и выяснить, сколько я проспал. Хотя, по моим ощущениям, это вообще отрицательное число.

– Не может быть отрицательное, – серьезно возразила Базилио. – Очень маленькое, согласна, но положительное! Даже не знаю, что надо сделать, чтобы это число стало отрицательным, потому что если не спать вовсе, получится просто ноль... А, поняла! Вот если бы ты, например, отправился в какой-нибудь другой мир, провел там больше времени, чем прошло дома, и при этом тоже не спал...

– Ого! – удивился Гэйшери. – Оказывается, нынешняя молодежь получает совсем неплохое образование. Даже не ожидал.

– Поспи еще, – посоветовала мне Базилио. – А то опять достанешь из Щели между Мирами вместо чашки чаю чей-то скелет или выйдешь из дома в том месте, где нет ни двери, ни даже окна. Малдо сказал, что больше

не будет дыры в наших стенах заделывать: он навел справки и выяснил, что Мохнатый Дом официально считается шедевром древнего зодчества, здесь без разрешения какой-то специальной Придворной канцелярии по строительству ни одного кирпича заменить нельзя, даже руками, не то что с применением магии. И у него теперь волосы дыбом от того, что он по нашим просьбам творил.

Будь я древним Темным Магистром, заорал бы сейчас что-нибудь пафосное о малодушии, толкающем на предательство лучших друзей. А так пришлось кротко вздохнуть:

– Пусть не беспокоится, мы никому не расскажем. А поспать мне не светит: совещание в полдень. К тому же у нас гость.

– Что ж вам теперь, не спать все время, пока я у вас живу? – удивился Гэйшери. – Так не пойдет. До полудня еще почти три часа, ложитесь и спите. Без возражений. Скелеты и дырки в стенах нам тут не нужны. А дом мне покажет юная леди. И в башню отведет. И вас, когда нужно, разбудит.

– Ой, нет! – отказалась Базилио. – Только не я! Я два раза пыталась его будить, и мне совсем не понравилось то, что он мне на это сказал. Макс говорит, что сказанное спросонок не считается, но я все равно больше не хочу.

– Ладно, – решил Гэйшери. – Значит, я сам вас разбужу. И с превеликим удовольствием выслушаю все, что вы мне скажете. Может, чему-то новому научусь.

– Вы и мертвого уломаете, – сдался я.

– Даже не подумаю. С мертвецами договариваться – нашли дурака!

– Это просто такое выражение, – объяснила ему Базилио. – Причем довольно двусмысленное. Макс, с одной стороны, как бы сделал комплимент силе вашего убеждения, но одновременно намекнул, что уговорить человека на то, чего он и сам очень хочет, большого ума не надо. Только не спрашивайте, в чем именно заключается намек. Я не знаю! Макс много раз объяснял, но я так и не поняла. Пришлось просто принять на веру.

– Гипербола, – вздохнул я. – Явное и намеренное преувеличение на пустом месте. Оно работает на создание комического эффекта... возможно, только в моей голове. Ладно, разбудите меня, пожалуйста, как обещали, примерно за четверть часа до полудня. За это я прямо сейчас больше ничего умного не скажу.

И шагнул в свою спальню Темным Путем – как был, то есть вместе с креслом, на котором сидел. Видимо, сказывалось дурное влияние Джуффина и Сотофы, протащивших кресла на Темную Сторону. Какой-то

сегодня неудачный день для мебели. Или, наоборот, счастливый? Зависит от того, любит ли мебель путешествовать, или предпочитает простоять всю жизнь на одном месте. Родись я креслом, был бы рад, что меня уволокли на Темную Сторону или хотя бы переставили в спальню, перемены мне по душе. Но я – не кресло. Ни одно из этих чертовых кресел – совершенно точно не я.

Столь высокоинтеллектуальный внутренний монолог, несомненно, свидетельствовал, что отпуск мне все-таки был совершенно необходим. Причем еще в середине лета. Или вообще полгода назад.

* * *

– Ну слушай, – сказал сэр Джуффин Халли, осторожно, кончиком пальца проверяя остроту серебристо-синего серпа. – А чему ты, собственно, удивляешься? Зачем бы я все эти годы с тобой возился, если не для того, чтобы съесть твое сердце? Теперь время пришло. Луна стоит чрезвычайно удачно, следующего такого случая еще сто восемьдесят шесть лет ждать.

– Макс со свойственным ему самодовольством думает, будто прекрасен сам по себе, – холодно сказал сэр Шурф, доставая из-за пояса точно такой же серп. – Ему кажется, что возиться с ним – такое великое счастье, что можно еще приплатить. Не забывайте, половина – моя. Это я его сюда заманил.

Я слушал их, можно сказать, с возрастающим интересом – насколько вообще может интересоваться разговорами человек, висящий под потолком и связанный по рукам и ногам такими прочными заклинаниями, что потом от них на теле надолго останутся синяки. То есть остались бы – если бы мне было суждено еще сколько-нибудь прожить. А шансов на это исчезающе мало. Или даже отрицательное число, хотя Базилио сейчас непременно сказала бы, что число моих шансов выжить не может быть отрицательным, с точки зрения математики, оно просто равно нулю.

Вспомнив о Базилио, я тут же вспомнил и Гэйшери, с которым она осталась в гостинной. И как мне удалось сбежать на Темную Сторону, когда он обвинил меня, став змеей. Я вспомнил даже, как это делается – просто представляешь, как выглядит Темная Сторона, и – бац! – ты уже там; вместе со своими врагами или нет, дело десятое, их, если что, можно отдельно призвать для расправы. Ладно, как-нибудь разберемся. Сперва...

Но я не смог вспомнить, как выглядит Темная Сторона. Вообще

ничего, кроме названия. «Темная» – наверное, потому, что там всегда темно? Нет, стоп, быть того не может, чтобы я забыл Темную Сторону, все что угодно, только не ее. Я же был там сегодня утром, буквально только что. Хотел подраться с Гэйшери, но в итоге мы вроде поладили, я даже привел его к себе домой и оставил в гостинной с Базилио, а сам пошел спать... Мать твою! Спать! То-то и оно.

До меня наконец-то дошло, что происходит. И почему Джуффин с Шурфом ведут себя как чокнутые придурки. Просто вот такие сладкие у меня нынче сны.

Сразу мог бы сообразить, в чем дело, но мне так давно не снилась всякая пакость, что я просто отвык. И расслабился не в меру – даже проверять в случае неприятностей, сплю или бодрствую, перестал, что в моем положении, конечно же, непростительно. Интересно, это просто следствие переутомления или Мастер Гэйшери развлекается? Причем вовсе не обязательно со зла. Например, в его время так было принято: пришел в гости – не жадничай, подари хозяину дома хотя бы один достойный кошмар. Мне рассказывали, в древности наша Темная Сторона была ужасающим местом, так что даже логично, если древние маги дня спокойно прожить не могут, никого не напугав.

Ладно, для начала неплохо бы перестать висеть под потолком. Сплю я или бодрствую, а на твердой земле чувствую себя гораздо уверенней.

Приземление прошло на ура. Я даже уселся не на голую землю, а на роскошный позолоченный трон, скорее во вкусе какого-нибудь куманского лавочника, чем в моем, но для окончания нелепого кошмара – самое то.

Джуффин, злокозненно ухмыляясь, занес надо мной серп, я отмахнулся:

– А ну брысь отсюда. Ты – просто деталь моего сна, настолько дурацкая, что хоть медаль за такое достижение вручай.

Обиженная моим пренебрежением к смертельной угрозе копия шефа Тайного Сыска поспешно утратила портретное сходство с оригиналом и растаяла, как мороженое в печи. Сэр Шурф надменно вздернул бровь, аккуратно спрятал серп под белоснежным лоохи, даровал мне прощальный взгляд, полный немого укора, и исчез, не дожидаясь дополнительного приглашения. Вот кто умеет сохранять лицо в любой ситуации, даже когда он – просто чей-то кошмарный сон.

– Попытка не засчитывается, – сказал я вслух, в надежде, что если у этого кошмара есть автор, мои слова до него как-нибудь дойдут. – Впервые, я их совсем не боюсь. Времена, когда я втайне ждал чего-то

подобного, давным-давно позади. Во-вторых, если этим двоим зачем-нибудь понадобится мое сердце, я открыт к переговорам, и они это знают. Всегда можно попробовать отрастить новое, чтобы поделиться с близкими, интересная задача, почему нет?.. А в-третьих, в любом кошмаре главное не сюжет, а атмосфера. Вот если бы они ничего особенного не делали, только смотрели странно и отвечали невпопад, а я при этом чувствовал приближение неотвратимого ужаса, могло бы получиться вполне ничего.

– Хочешь сказать, у меня ни хрена не вышло? – упавшим голосом спросила Меламори.

Ну, то есть спросило об этом невесть откуда возникшее у подножия моего трона гигантское насекомое с избыточным, на мой взгляд, количеством острых жал и алчно извивающихся хоботков, но не было до сих пор такого, чтобы я ее не узнал.

Ну я и влип. Теперь придется утешать вместо того, чтобы ругаться. Хотя, по уму, за такое выступление голову бы оторвать. Но вида бурно рыдающей помеси комара-переростка с гигантской осой я, пожалуй, не переживу.

– Извини, – сказал я. – В голову не пришло, что это твоя работа. Думал, это... ну, в общем, один знакомый. Очень опытный маг. Поэтому и развел критику – чтобы ему стало обидно. А так-то просто отличный кошмар. Особенно своевременное упоминание об удачном положении луны. И некруглое число лет придало ему достоверности, сказали бы «двести» или «триста», я, как человек, понаслышке знакомый с основами астрологии, сразу заподозрил бы что-то не то...

– Не ври, – огрызнулось гигантское насекомое, по счастливому совпадению являющееся моей девушкой. – Сама знаю, что не получилось. Не кошмар, а какая-то наивная дрянь.

– А зачем ты вообще за это взялась? Тебе что, дали такое задание? Учишься создавать кошмарные сны? Ни хрена себе обучение продвигается! Хороши арварохские бурибухи. Я-то думал, они гораздо умнее людей.

– При чем тут какие-то бурибухи?!

Меламори так возмутилась, что утратила контроль за внешним видом и сделалась почти похожа на себя. Но я не стал ей об этом говорить, чтобы еще больше не расстроилась. А просто спросил:

– Как это – «при чем»? Ты же вроде у них учишься. Или уже нет?

– Меня пока не выгнали за бездарность, если ты это имеешь в виду, – отчеканила она. – Я учусь у бурибухов, конечно. Но при этом не тупо выполняю задания, а делаю, что хочу – в рамках поставленных условий. То есть в сновидениях, своем и чужих.

– А. То есть показать мне кошмар – твоя идея? Тогда еще ладно. По крайней мере, не надо снаряжать экспедицию в Арварох, вразумлять тамошних буривухов. Рад за них. Хоть у кого-то в этом Мире по-прежнему все в порядке с головой.

– Сам виноват, нечего было так долго от меня скрываться! – огрызнулась Меламори. – Я уже от отчаяния собственным родителям начала сниться, обоим, по очереди – просто чтобы проверить, что по-прежнему умею появляться в чужих сновидениях. Что не разучилась внезапно сразу всему.

Только тогда до меня наконец дошло: леди Меламори Блимм решила проучить меня за то, что я давно ей не снился. Даже не так – за то, что у нее долго не получалось присниться мне. И выбрала вот такой душевный сюжет. Сколько раз я уже говорил, что совершенно не разбираюсь в людях? Ничего не поделаешь, придется повторить.

– Я не скрывался, – сказал я. – Просто несколько дней просидел в Холоми. А тамошние стены работают как защита от всего на свете, включая посторонних сновидцев. В последнее время даже Харумба некоторым снится, а Холоми – нет. По крайней мере, никаких сновидцев там до сих пор не шастало. И вряд ли они а ближайшее время появятся, таков мой прогноз. Лично я там дрых вообще без сновидений. Очень, кстати, странное ощущение, как будто не спишь, а умер. Брык – и все.

– Как ты оказался в Холоми? – изумилась Меламори. – Убил кого-то не того? Или просто что-то разрушил? А теперь шеф тебя вытащил? И отправит в изгнание или дома оставит? Или ты прямо сейчас эту чушь сочинил?

– Джуффин и правда вытащил меня до срока, за хорошее поведение. Или, наоборот, за плохое, трудно вот так сразу сказать. Изначально предполагалось, что я просижу в Холоми дюжину дней и наконец-то отдохну. Так получилось, что в последнее время я почти не спал. Очень много всякого странного происходило... Ладно, неважно. Факт, что нарочно я от тебя не скрывался. И по-прежнему этого не умею. Да и зачем? В голову бы не пришло.

– Ой, – выдохнула Меламори. И исчезла.

Это она, конечно, зря. Но со сновидцами такое часто случается – от сильных эмоций, или просто потому, что кто-то разбудил. Последнее, впрочем, вряд ли возможно: арварохские буривухи, обучающие Меламори искусству сновидения, не только не станут мешать ей спать, но и шею намылят, если вдруг проснется сама.

Я, надо сказать, чувствовал себя довольно нелепо. Непонятно, как

теперь быть. Спать и видеть дурацкий сон о том, как сижу в одиночестве на позолоченном троне? Или проснуться? Или снова лечь спать – прямо во сне?

Но Меламори появилась прежде, чем я принял решение. Хвала Магистрам, она больше не выглядела как пародия на насекомое, нормальный человеческий человек. Сказала с понятной досадой:

– Опять меня вышвырнуло, извини.

– Ничего, главное, что быстро вернулась. Время дорого. Я всего на пару часов прилег. В любой момент могут разбудить.

– Интересно, кто теперь тебя будит? – усмехнулась она. – Неужели есть еще герои в столице Соединенного Королевства?

– Для этой цели пришлось вызвать из глубин прошлого специально обученного Темного Магистра. Он обещал попробовать. Рисковый мужик.

Я, конечно, обещал помалкивать о Гэйшери. Но, во-первых, во сне чего только не ляпнешь, особенно в страшном. А во-вторых, когда правда до такой степени похожа на глупую шутку, вполне можно ее разболтать.

Меламори, конечно, не приняла мои слова всерьез. Хотя ее житейский опыт вполне позволяет допустить нечто подобное. Он вообще все что угодно позволяет допустить.

– Ко мне вчера Корва приходил, – вспомнил я. – Специально, чтобы спросить, почему я от тебя прячусь. По-моему, этот визит был ему крайне неприятен, но он как-то перетерпел. Пока меня не разбудили, скажи, пожалуйста, зачем ты его в это втравила? Почему не приснилась, например, Нумминориху? Или еще кому-нибудь из друзей? Они бы тебе сразу сказали, что я отдыхаю в Холоми. А больше, как ты понимаешь, об этом никто не знал.

– А ты сам подумай, почему я не стала сниться друзьям, – откликнулась Меламори.

Она склонна переоценивать мои аналитические способности. Что наяву, что во сне.

– Ладно, – согласился я. – Подумаю. Может, лет через двести додумаюсь хоть до чего-нибудь. А зачем ты устроила мне кошмар при участии Джуффина и Шурфа? Я бы на их месте здорово рассердился, если бы узнал, что меня выставили таким дураком в чем-нибудь сне. Они-то чем тебе насолили?

– Ничем, – сердито сказала она. – Просто я хотела, чтобы тебе стало... неприятно. Долго гадала, чего ты сейчас боишься? Чем тебя можно пронять?

– И вспомнила, чего я когда-то боялся больше всего на свете, – кивнул

я. – Как долго косился на всех с недоверием после того, как чуть коньки не отбросил, попав под наваждение «Книги Огненных Страниц»^[11]. Вот этого я не понимаю! Что ты легко можешь рассердиться по любому поводу и без него, я в курсе. Что постоянно хочешь хоть в чем-то меня победить, тоже знаю; говорят, это нормальное желание для угуландских магов, начинающих и не только, в Эпоху Орденов такими были почти все. Но намеренно бить в уязвимое место – это совершенно на тебя не похоже. Не такой ты человек.

Меламори почернела и стала прозрачной; для совсем начинающего сновидца это обычное дело, но в ее случае означало, что она всерьез выбита из колеи. Все-таки уже не новичок.

– Я не сержусь, – сказал я. – И не обижаюсь. Не обдумываю страшную месть. Просто хочу понять, как тебе такое в голову пришло.

– Мне показалось, это скорее забавно, чем страшно, – наконец ответила она. – Джуффин и Шурф, решившие сожрать твоё сердце, как – помнишь, был такой сумасшедший поэт, похищавший людей, чтобы съесть их сердца^[12]? В общем, я думала, ты потом сам посмеешься. Заранее представляла, как мы с тобой будем над ними шутить.

– Забавно, значит, – повторил я. – Слушай, а тебя, часом, никто в последнее время не благословлял?

Сказал и тут же понял, что глупость. Меламори не в Ехо, а в Арварохе. Мало того, что просто далеко – расстояние, как сказал бы сейчас Гэйшери, величина, легко поддающаяся изменению – но туда даже силой никого не загонишь. А если все-таки загонишь, храбрые воины Тойлы Лиомурика Серебряной Шишки или кто у них там сейчас главный Завоеватель Арвароха, встретят героя на берегу. И похоронят потом без особых почестей, для некоторых, я знаю, это довольно важно, хотя лично мне плевать.

Сама Меламори в первый раз приехала в Арварох в качестве возлюбленной одного из военачальников, а во второй – ушла туда в сновидении, отправилась прямо в объятия тамошних буривухов, которые уже успели многому ее научить. Оба способа хороши, но нашим столичным злодеям, скажем так, не то чтобы легкодоступны, будь они хоть трижды великие колдуны, которых в детстве недостаточно сильно любил Великий Магистр какого-нибудь мятежного Ордена, чем нанес неизлечимую душевную травму, а нам теперь с этим счастьем в одном городе жить.

– Благословлял? – удивленно переспросила Меламори. – Это ты так шутишь?

– Забудь, я просто сказал, не подумав. Что неудивительно: я сейчас все-таки сплю.

– Я, между прочим, тоже, – напомнила Меламори. – И за свои поступки отвечаю только отчасти. Наяву я бы не стала насыпать на тебя такой кошмар... наверное, не стала бы. Но наяву у меня и подобной проблемы не возникло бы. Скрываешься от меня – на здоровье, взрослый человек, имеешь полное право. А когда не можешь ни присниться, ни проснуться, чтобы спросить, что случилось, чувствуешь себя беспомощной душой. А от беспомощности я всегда злюсь. Ты, между прочим, тоже.

Оно так.

– Ладно, – сказал я. – Проехали. Я не сержусь.

Но сказал я это уже не во сне, а сквозь сон, просыпаясь. Что довольно обидно. Теперь Меламори будет думать, я нарочно так внезапно проснулся, чтобы ей досадить.

* * *

– Я вам поверил! – возмутился Гэйшери. – А вы сделали из меня дурака! Это и есть ваша хваленая брань? «Проехали, я не сержусь»? Или теперь это считается непростительным оскорблением? Ну и времена!

– Извините, – вежливо сказал я. – К сожалению, слухи об ужасах, которые я творю в момент пробуждения с теми, кто меня разбудил, несколько преувеличены. Людям свойственно идеализировать ближних. К тому же они жить не могут без страшных легенд.

Гэйшери мгновенно успокоился.

– Вот это точно, – согласился он. – Обо мне тоже вечно всякую ерунду выдумывают. Ладно, если не будете браниться, хотя бы кофе меня угостите. Я мечтал о нем все время, пока вы дрыхли.

– Я тоже, – вздохнул я, привычным движением пряча руку под одеяло. – Спал и мечтал.

Посмотрел, с какой алчностью он вцепился в чашку, и спросил:

– Может, вас заодно накормить? Еда из далекого будущего какой-то иной реальности это, по-моему, настолько запредельный бред, что даже едой не считается. Чего вам голодным сидеть?

– Чувство голода не является хоть сколько-нибудь значимой проблемой для человека, способного сознательно управлять своим вниманием, – надменно сказал Гэйшери. – Это для вас, нынешних, великий подвиг какие-то несчастные полгода просидеть без жратвы, а я о ней даже не вспомню! –

и, оставив в сторону пустую чашку, с подчеркнутым равнодушием спросил: – А еда из иной реальности такая же странная, как этот горький напиток? Любопытно было бы ее изучить.

Покидая Мохнатый Дом, я оставил Темного Магистра наедине с полной сковородкой котлет, гигантским омлетом и целым яблочным пирогом. Он набросился на еду, как ветры Пустой Земли Йохлимы на любопытного путника. В моем сердце теплилась надежда, что ему худо-бедно хватит до моего возвращения. В самом деле, сколько может тянуться даже самое долгое совещание? Максимум пару часов.

* * *

– Живой, ну надо же! – обрадовался Джуффин, когда я ввалился в его кабинет, вернее, возник там из ниоткуда; Темный Путь – единственный известный мне надежный способ не опаздывать на совещания. Точнее не очень сильно на них опаздывать. Максимум – на четверть часа.

– И руки, вроде, не по локоть в крови, – одобрительно добавил шеф Тайного Сыска. – Или ты их просто отмыл, чтобы нас не шокировать?

– Да ладно тебе, сколько там той крови, – отмахнулся я, усаживаясь на подоконник. – Было бы что отмывать. Скажи сразу: я все самое интересное пропустил?

– Да ни хрена ты не пропустил, – встрял Мелифаро, для которого любое промедление лютая пытка. – Мы тут сидим, как зачарованные, и дружно ждем Кофу, пока он приканчивает свой восемнадцатый завтрак. Или, кто его знает, может, уже третий обед. Захватывающее приключение, присоединяйся, не пожалеешь.

Сварливый тон совершенно не сочетался с его откровенно счастливой рожей и вдохновенно сверкающими глазами. Еще вчера я удивлялся, как можно быть таким довольным, выяснив, что твою жену заколдовали? Но сегодня я его очень хорошо понимал. В некоторых случаях «заколдовали» и правда наилучший вариант.

– Восемнадцатый завтрак я бы и сам сейчас прикончил, – вздохнул я. – Не говоря уже о его семнадцати предшественниках. Но как-то у меня с ними сегодня не сложилось. Такая злая судьба.

Перед моим носом появились одновременно кружка камры, прилетевшая ко мне по воле Джуффина, слоеная булка из «Обжоры Бунбы», любезно пожертвованная леди Кекки Туотли, которая сегодня сияла, как именинница, и примерно полметра Длинного Зеленого

Гугландского Проклятия, то есть фирменного бутерброда из «Душистых Хрестиков». Нумминорих очень их любит, заказывает при всяком удобном случае и уничтожает со скоростью метр в три минуты, никому не предлагая попробовать, а тут натурально от сердца оторвал.

– Хорошо иметь паршивую репутацию! – заметил Мелифаро. – Приличному человеку никто без боя свою еду не отдаст, а злодею вроде тебя – запросто. Чтобы чего похуже не натворил.

– У-му-му, – сказал я с набитым ртом, что, по моему замыслу, должно было символизировать остроумный ответ, кто не разобрал, сам дурак. А про себя подумал: наверное, Гэйшери тоже кто-нибудь рассказал о пользе паршивой репутации. И он с тех пор как следует над собой поработал. Всем пример.

Так или иначе, а время до прихода Кофы пролетело для меня незаметно. Увлекательное занятие скрасит любую паузу, даже если она затянулась на целых полторы бесконечно долгих минуты.

Наконец в кабинет вошла пожилая леди в таком умопомрачительном наряде, что сразу стало ясно: с утра сэр Кофа Йох вел бурную светскую жизнь в «Розовом бузивухе» или где теперь у нас собираются столичные модницы в возрасте от двухсот до двухсот тысяч лет.

– С вашего позволения, я сохраню этот облик, – сказал Кофа. – У леди через час деловое свидание. Нет у меня времени заново ее наряжать.

– Дело хозяйское, – пожал плечами Джуффин. – При условии, что мальчики будут держать себя в руках.

– Твердо обещать не могу, – ухмыльнулся Мелифаро. – Как увижу красотку, сразу хочется ухватить ее за задницу, просто чтобы чем-то занять руки. Кенлех советует научиться вязать. Как думаете, поможет?

– Я его благословил, – сказал мне Джуффин. – И за компанию леди Кекки. Прямо с утра пораньше, чего тянуть.

– Что?! – подскочили пострадавшие.

– Я вас благословил, – любезно повторил шеф. – На правах начальника и потому что первыми подвернулись под руку. Ну что вы так смотрите? Не проклял же, в самом деле. Мне надо было проверить, как работает один старинный прием.

– И как? – спросил я.

– По моим наблюдениям, слегка поднимает настроение. Но не критично, примерно как стакан вина.

– И все?

– Почти, – невозмутимо кивнул Джуффин. – Ну вот разве что сэр

Мелифаро на радостях пошел пить камру с Трикки и сам не заметил, как за болтовней распутал восемь довольно занятных дел, на которых наша полиция уже давно поставила крест по причине полного отсутствия улик и хоть какой-нибудь внутренней логики. Причем сработал, как настоящий пророк: просто увидел события внутренним взором. Версии пока проверяются, но по первым собранным фактам уже ясно, что он прав.

– А, так вот почему на меня нашло! – обрадовался Мелифаро. – Из-за какого-то вашего Благословения? И это теперь навсегда?

– По словам создателя этого приема, максимум на сутки. Скорее, меньше. Извини.

– Слушайте, да я только рад. Решать головоломки все-таки гораздо интересней, чем прорицать.

– Будут тебе головоломки, – пообещал ему шеф. – В самое ближайшее время, сколько сможешь унести, – и повернулся ко мне. – А леди Кекки у нас теперь ходит Темным Путем, который при этом сама и прокладывает. Она бы, конечно, и так выучилась, но вряд ли прямо сегодня. Я ставил примерно на середину зимы.

– Ого! – присвистнул я. – Вот это действительно круто. Ну вы даете – сразу все!

Кекки молча кивнула. Глаза у нее явно были на мокром месте, но она пока держала себя в руках. По-моему, зря. Лично я обожаю ревущих девушек – при условии, что они рыдают от радости. Смотрел бы и смотрел.

– В общем, в моем исполнении Благословение Гэйшери работает в точности как было задумано, – подытожил Джуффин. – Все довольны, вдохновенно колдуют и никому не пакостят. А что у вас, Кофа?

– Мой дворецкий самостоятельно вылечил свое колено, что само по себе большая удача. Хромал он уже прилично, а идти к знахарю отказывался наотрез. При этом подшутить надо мной старик не пытался. И в доме ничего не сломал – вас же это интересует?

– И это в частности, – кивнул Джуффин. – Значит, Благословение Гэйшери нормально работает не только в моих руках. И не только на моих сотрудниках. Для полной уверенности надо еще на ком-то проверить, но, по-моему, уже и так все ясно. Я рад. Полезная штука это Благословение, было бы жалко, если бы оно испортилось от времени. А злоумышленник – да хоть дюжина! – дело поправимое. Одно удовольствие такие дела поправлять.

– Опять получилось! – изумленно сказал Мелифаро.

Все вопросительно на него уставились, только Джуффин ухмыльнулся:

– Сам все понял?

– Ну да. Я чуть не взорвался, дожидаясь, пока вы человеческими словами объясните, о чем вообще речь. И вдруг – раз! – и уже откуда-то знаю. Правда, только в общих чертах. Существует какое-то заклятие, которое вы называете «Благословением Гэйшери». То самое, которое наложили на хулиганов, включая Кенлех, и они временно чокнулись. Вы сперва решили, само заклинание – дрянь, но проверили на нас, и оказалось, оно полезное. Проблема в том, кто, как и зачем его применил.

– Так нечестно! – хором выпалили Кекки и Нумминорих.

– Без подробностей лично мне ничего не понятно, – добавила Кекки.

– Без подробностей вас из этого кабинета никто и не выпустит, – пообещал Джуффин. – Я вас сюда не сплетничать за кружкой камры, а работать позвал.

Пока шеф излагал ту часть подробностей, которую считал необходимым открыть, я успел скормить Курушу черный ландаландский леденец, до которых он великий любитель, поговорить с Базилио, которая, к моему изумлению, взяла расписывать достоинства нашего гостя вместо того, чтобы жаловаться на его ужасное поведение, послать зов Трикки Лаю и выяснить, что за последние сутки городская полиция задержала за дикие бессмысленные выходки целых тридцать семь человек. В отличие от новостей из дома, это мне не понравилось: как-то очень уж резко возросло число хулиганов, начиналось-то с двух-трех случаев в день. Так и до настоящей эпидемии недалеко.

– Это понемногу становится похоже на эпидемию, – сказал Джуффин.

Я даже вздрогнул от неожиданности – с чего это шеф озвучивает мои мысли? Но нет, просто совпало. Он как раз покончил с подробностями и перешел к предварительным выводам, на мой взгляд, довольно безрадостным. Но сам Джуффин, конечно, сиял. Он великий любитель серьезных проблем, чем хуже идут дела, тем ему веселей.

– Зато я, возможно, догадываюсь, ради чего заварили эту кашу, – неожиданно объявил шеф.

Он достал из ящика письменного стола большой лист дорогой голубой бумаги и торжествующе помахал им в воздухе.

– Это петиция, подписанная видными гражданами столицы, в основном, представителями старой аристократии. Кроме них отметились некоторые уважаемые старики – отставные чиновники, придворные и военные. Всего около двух сотен человек. Отдельно интересно, что список подписавшихся отчасти совпадает со списком авторов жалоб на скверную работу Управления Полного Порядка, которыми с начала осени неутомимо

заваливают Королевскую Канцелярию по надзору за работой государственных служащих. Кофа, вы эту публику хорошо знаете, пожалуйста, внимательно прочитайте подписи и подумайте, что интересного можете нам о них рассказать.

Нарядная пожилая леди кивнула, пыхнула трубкой, взяла документ и принялась его изучать.

– Я бы с неописуемым удовольствием зачитал этот шедевр вслух, если бы пытки не были запрещены законом, – сказал Джуффин. – Радуйтесь, счастливики, вы спасены.

– Такой ужасный текст? – восторгнулся Нумминорих, большой любитель лингвистических пыток.

– Не то слово. Совершенно жуткий извод так называемого «официального придворного языка» времен первых Гуригов; кто бы мне объяснил, почему до сих пор считается хорошим тоном излагать свои мысли столь витиевато, что у адресата начинает гудеть голова? Вкратце суть послания сводится к следующему: наши видные граждане обеспокоены постоянно растущим неприятных происшествий, в последнее время захлестнувших столицу, шокированы вопиющим неуважением к человеческой жизни и собственности и пророчат, что не за горами новые Смутные Времена. В связи с чем настоятельно предлагают пересмотреть новейшие поправки к Кодексу Хрембера и отменить – желательно, сразу все. На худой конец, половину, сохранив право беспрепятственно колдовать исключительно за адептами Ордена Семилистника, членами старейших аристократических фамилий, высшими государственными чинами и, так и быть, отдельными выдающимися гражданами в знак признания их особых заслуг.

– Они что, совсем сдурели? – опешил я.

– Можно сказать и так. На самом деле это старая песня. В ходе работы и над самим Кодексом Хрембера, и над поправками к нему, я слышал ее практически ежедневно, из разных уст. Одна из самых нелепых идей, какие мне доводилось встречать в связи с ограничениями Очевидной магии: сделать ее привилегией для избранных. Притом, что магия и так для избранных, просто избирает сама, не особо интересуясь ни происхождением, ни так называемыми особыми заслугами. Однако наиболее нелепые идеи обычно оказываются самыми живучими. Вероятно, потому, что их сторонникам больше нечем занять свои бедные головы. И свободного времени у них в связи с этим – завались. Кстати, точно такие же послания сегодня утром получили Его Величество и Великий Магистр Ордена Семилистника. Обоих, как вы и сами наверняка догадываетесь, это

только насмешило. А меня – нет.

– Ну и зря, – заметила нарядная дама, в смысле Кофа, возвращая ему письмо. – Я более-менее знаю всех подписавшихся. Заговорщики из них, как из меня бродячий циркач.

– Совершенно уверен, что, приведи вас судьба на цирковую арену, вы удивите публику так, что внукам потом рассказывать будут, – заметил шеф.

– Да ну вас к Темным Магистрам. Ладно, допустим, сравнение неудачное. Я только и хотел сказать, что не могу вообразить, как леди Танита Герейва или, скажем, сэр Лотти Хлом бегают по городу, раздавая древние благословения, чтобы получить повод обвинить население в массовых беспорядках и потребовать изменить закон.

– Чего я совершенно точно не думаю, так это что хотя бы один из подписавших петицию замешан в раздаче Благословений, – отмахнулся Джуффин. – Серьезные дела так не делаются. Не совсем же они дураки.

– Положа руку на сердце, некоторые из списка – совсем.

– Достаточно уже того, что они всерьез верят, будто каким-то несчастным письмом можно добиться изменений в законе, – вставил я.

– Этим конкретным вряд ли, но вообще петиции – вполне обычная практика, – заметил Кофа. – Точнее, была обычная – до Смутных Времен. Потом-то такая веселая жизнь началась, что хоть обпишись, ничему не поможешь. Но когда-то именно так все и делалось: граждане регулярно писали послания Королю и законодателям, те читали и принимали меры. Ну или не принимали, по обстоятельствам. Правда, подписей тогда старались собрать побольше. Двести, как здесь, это все-таки несерьезно.

– Закон Гурига Третьего о праве на защиту покоя, официально разрешивший гражданам околдовывать и просто колотить уличных исполнителей деревенских песен в темное время суток, был принят после первой же петиции, подписанной, если не ошибаюсь, всего полутора сотнями просителей, – вмешался Нумминорих, когда-то изучавший историю. – Инициаторы просто поленились собирать подписи, заранее было ясно, что закон и так примут. Очень уж всех достали эти певцы, начиная с самого Короля, но он был слишком деликатным человеком, чтобы принимать настолько суровый закон по собственной инициативе.

– Ну да, всякое бывало, – согласился Кофа. – Я на самом деле даже рад, что горожане вспомнили об этой традиции. Она воскресает только в хорошие времена. Хотя начало, конечно, нелепое. Нет чтобы попросить таможенные пошлины на ввоз иноземных пряностей отменить!

– То есть само по себе письмо – не полное безумие? – уточнил я.

– Нет, что ты, – очень серьезно сказал Джуффин. – Совсем нет.

– Надо же! Ладно, допустим. Но все равно адресатов они выбрали крайне неудачно. Королю – это понятно, ему по званию положено всякую ерунду получать. Но предположить, что вы с Шурфом из-за нескольких хулиганов вот так запросто откажетесь от плодов своей многолетней работы...

– Ну, положим, сэр Шурф получил петицию просто за компанию с Королем. Ему, видишь ли, теперь тоже по званию положено получать копию любой отправленной Королем ерунды, – усмехнулся Джуффин. – Младенцу понятно, что он по этому поводу пальцем не пошевелит. Так что на меня вся надежда.

– На тебя?!

– Конечно, – невозмутимо ответил шеф. – Неужели ты думаешь, будто мы доложили всему населению Соединенного Королевства, что я и есть главный инициатор поправок к Кодексу? Ну ты даешь!

О моей житейской наивности впору слагать легенды. Причем я сам знаю, что это так. Но все равно каждый раз удивляюсь заново, как впервые, обнаружив, что подлинное устройство Мира не совсем соответствует простой и понятной картине внутри моей головы.

– Именно так я до сих пор и думал, – признался я. – А ты сомневался? Спасибо. Очень мило с твоей стороны иметь хоть какие-то иллюзии на мой счет.

– Я почему-то был уверен, что рассказывал тебе, какая у нас тут была потеха. Ну ладно, нет, значит нет. Коротко говоря, мы тогда все свалили на Нуфлина. Представили дело так, будто новый Великий Магистр всего лишь исполняет последнюю волю покойного – возвращает гражданам Соединенного Королевства право колдовать. А я, разумеется, в ярости, как и положено человеку, получающему Королевское жалование за бесконечное счастье всем все запрещать, а потом ловить и жестоко карать бедных незащитных нарушителей порядка, преимущественно, вдов и сирот. И что Орден Семилистника несколько лет существовал без Великого Магистра, тоже моя вина. Я прятал от всех завещание Нуфлина^[13], пока сэр Шурф не вывел меня на чистую воду. А я почему-то его не прикончил – это, конечно, самое слабое место нашей легенды. С другой стороны, тогда у него еще были Перчатки Смерти. Так что, и правда, вполне могли разойтись вничью. Потом я демонстративно подавал в отставку, Король отказывался ее принимать и ежедневно издавал указы, призывающие нас к примирению; Его Величество до сих пор с нежностью вспоминает те времена, когда мы на полдня втроем запирались в его секретном кабинете – якобы для очередного этапа переговоров. Во-первых, он получил

прекрасный предлог задвинуть подальше все остальные государственные дела, а во-вторых, сэр Шурф в первый же день заграбастал ключи от Орденского винного погреба и с пустыми руками на встречи не приходил. Передать не могу, с каким сожалением мы объявили о достигнутом примирении! Дай нам волю, до сих пор продолжали бы в том же режиме, но нельзя слишком долго держать население в страхе грядущей новой гражданской войны. Впрочем, мы с Шурфом до сих пор остаемся в натянутых отношениях и общаемся исключительно по работе, ради блага Соединенного Королевства – такова наша официальная позиция. В конце концов, за сто с лишним лет все привыкли к вражде между Тайным Сыском и Орденом Семилистника. Зачем зря нервировать людей?

– Это было очень смешное время, – заметила нарядная дама. – Жалко, что ты не застал.

Судя по особой сентиментальной интонации, Кофе обычно несвойственной, можно было предположить, что ему от этих заседаний тоже кое-что перепадало. Не понимаю, кстати, почему все так помешаны на винах из погребов Ордена Семилистника. Они, конечно, старые, редкие, уникальные, обладают какими-то хитрыми свойствами и, что особенно важно, доступны крайне узкому кругу лиц, но сколько я их в последнее время перепробовал, ни одно не сравнится со сваренным по гугландскому рецепту глинтвейном из безымянного кабака, затерянного в лабиринтах нашего центра среди развалин бывших Орденских резиденций, бедняцких лачуг и модных кварталов, застроенных Новыми Древними архитекторами для особо эксцентричных столичных богачей.

– То есть все, кроме пары дюжин посвященных, уверены, что ты ухватишься за любой повод снова запретить магию? – спросил я.

– Именно так, – подтвердил Джуффин. – Мы решили, что для всеобщего благоденствия полезно, если все будут думать, будто я – лютейший противник идеи свободного колдовства. А потому с превеликим удовольствием съем живем каждого за малейшее нарушение обновленного Кодекса. Меньше ненужных соблазнов для старой гвардии и талантливой молодежи, пока не способной себя обуздать.

– Тогда получается, это прошение совсем не такое нелепое, как мне показалось? Если у его авторов есть основания надеяться, что ты на их стороне.

– В том-то и дело, сэр Макс.

– Значит, так, – внезапно сказал Мелифаро. – Я решил узнать, как все обстоит на самом деле. Ну, если уж я вдруг временно стал провидцем...

– Я на это рассчитывал, – нетерпеливо кивнул шеф.

– Получается, напрасно рассчитывали. Ничего я не увидел. И не понял. Никаких озарений, сплошной туман. Но знаете что? Похоже, дело не во мне. И не в том, что это ваше заклятие, Благословение или как его там, больше не действует.

– По идее, должно действовать, – нахмурился Джуффин. – Всего три часа с небольшим прошло.

– Штука в том, что я не просто не дождался ничего похожего на озарение, а ощутил явственное сопротивление. Словно меня насильно разворачивают в другую сторону: сюда не смотри! И даже что-то вроде смутного страха, как будто если узнаю чужую тайну, случится несчастье – непонятно, какое и с кем, но совершенно ужасное. Хотя я в жизни не боялся такой ерунды. Каких-то конкретных опасностей – пару раз было. Ну ладно, даже не пару раз. Но испугаться дурацкого предчувствия – это что-то новенькое. На самом деле даже смешно.

– Особенно если учесть, что страх тебе сейчас вообще испытывать не положено, – нахмурился Джуффин. – Благословение Гэйшери делает человека бесстрашным, а ты и без него совсем не трус. Это, получается, какой же силы должен быть ужас, чтобы ты его все равно почувствовал?! Интересная вырисовывается картина. Даже не ожидал.

– Заклинание Хамарра? – деловито спросил Кофа. – Оно как раз защищает тайны от провидцев. И вызывает у них неконтролируемый страх.

– Я тоже сразу о нем подумал, – кивнул шеф. – По описанию очень похоже. Но если так, то за этой грешной писулькой, – он хлопнул ладонью по листу голубой бумаги, – стоит как минимум один серьезный игрок. Эй, молодежь, знаете, что такое закливание Хамарра? Вопрос риторический, догадываюсь, что нет. Оставшихся в живых знатоков можно пересчитать по пальцам. В эпоху Орденгов некоторые мастера окружали этим заклятием свои самые сокровенные тайны. Особо настырных провидцев, которые не отступались после первых неудачных попыток узнать чужой секрет, оно сводило с ума. А у многих других просто навсегда отбило охоту всерьез колдовать. Страх такой силы мало кому на пользу. Ты-то, сэр Мелифаро, очень легко отделался, если это и правда оно. Больше не пытайся разгадать эту тайну. То есть пытайся, но старым добрым дедовским способом – думая головой. Можешь начинать прямо сейчас.

– Ладно, – согласился Мелифаро. – Головой, так головой.

С этими словами он метнулся на потолок и принялся по нему расхаживать. Выглядит, конечно, как дешевый школярский выпендрей, вроде позолоченных крыльев на его сапогах и полудюжины драгоценных укумбийских серег в левом ухе. Но Мелифаро и правда легче думать,

находясь в движении, сидеть на одном месте для него само по себе тяжелый труд, отвлекающий от умственной деятельности. В кабинете особо не разгонишься, здесь всюду мебель и толкуются какие-то люди, в смысле мы все, зато на потолке – необъятный простор.

Поэтому на манеру сэра Мелифаро, задумавшись, скакать по потолку никто не обращает внимания, кроме разве что меня. Да и я – только из зависти. Для меня это до сих пор довольно непростое занятие, отнимающее уйму сил. Но я, конечно, старательно тренируюсь втайне от друзей и домашних, чтобы при всяком удобном случае пускать им пыль в глаза.

По потолку Мелифаро расхаживал мучительно долго – по его собственным меркам. То есть секунд пять. Наконец он спросил Джуффина, остановившись прямо над его головой:

– Я правильно понимаю, что это заклятие-благословение, которое накладывали на хулиганов, довольно редкая штука? Мне показалось, даже вы о нем ничего не знали – еще вчера, когда расспрашивали Кенлех.

– Правильно понимаешь. Я о нем узнал только сегодня ночью.

– И это точно оно, а не просто что-то похожее? Ошибки быть не может?

Я невольно улыбнулся, вспомнив, как взвился в ответ на такое предположение Гэйшери. Чем хороши несносные типы вроде него – на расстоянии их выходки сразу начинают казаться забавными. Вот уж кого можно полюбить всем сердцем только за то, что его прямо сейчас здесь нет.

Джуффин тоже улыбнулся; подозреваю, примерно с теми же мыслями. Но вслух сказал:

– Ошибка исключена. У нас надежный эксперт.

– Тогда это может оказаться дополнительной зацепкой, – оживился Мелифаро. – Кроме обычных следственных проверок – наличия у всех пострадавших от Благословения общих знакомых, их учебы в школах для начинающих магов вроде той, куда ходит Кенлех, и тому подобного, – надо искать людей, которые хотя бы теоретически имеют доступ к подобным тайнам. И тогда, если я хоть что-то понимаю в таких вопросах, все пути ведут в Иафах. В тамошней библиотеке куча древних рукописей, каких больше нигде нет. А имя главного подозреваемого, большого любителя библиотечных архивов, я назову только если вы выдворите из кабинета это чудовище, – злорадно добавил он, направив на меня указующий перст. – Они всегда заодно!

– Смешно, – без тени улыбки согласился Джуффин. – Но смех смехом, а я готов спорить, в библиотеке Иафаха ничего подобного нет. По крайней мере, леди Сотофа Ханемер тоже узнала о Благословении Гэйшери только

минувшей ночью, одновременно со мной.

– А то она всему по книжкам учится! – возмутился Мелифаро. – Прямо целыми днями в библиотеке сидит!

– Целыми, не целыми, но в отделе древних рукописей Иафаха она в свое время знатно покопалась, – заметил Джуффин. И задумчиво добавил: – Правда, к тому моменту, когда Сотофа получила доступ к тайным хранилищам Орденской библиотеки, Нуфлин уже успел кое-что оттуда распродать. Он довольно рано понял, что шансов на долгую жизнь у него немного; все вокруг еще предрекали Магистру Нуфлину Мони Маху великую будущность, а он уже на Харумбу копил. Впрочем, это не имеет отношения...

– Слушай, а может, как раз имеет? – спросил я. – Если Нуфлин продавал древние рукописи, значит, кто-то их покупал? По-моему, это логично. И если так...

– Да, покупатель рукописей или его наследники вполне могли отыскать там упоминание о Благословении Гэйшери. Если конечно оно вообще хоть где-нибудь есть, что далеко не факт. Эта традиция могла просто передаваться в какой-нибудь семье из поколения в поколение. С древними тайнами так довольно часто случается – хранятся, никому не нужные, вперемешку с прочими полубезумными дедовскими заветами, пока в семье не рождается кто-то, способный по достоинству их оценить. Мне рассказывали, Орден Ледяной Руки именно так и возник: будущий первый Великий Магистр вовремя сообразил, какую пользу можно извлечь из глупой, как думали его родители и сестры, семейной легенды о Мертвой Руке.

– Может, так. А может, записки о Благословении Гэйшери купили какие-нибудь странствующие шиншийские принцессы, увезли невесть куда, а потом их внучки смастерили из них веера. Но проверить-то все равно не помешает.

– Не помешает, согласен. Но как ты себе представляешь такую проверку?

Я таинственно ухмыльнулся. Вот что-что, а эту проверку я представлял себе очень хорошо. В отличие от остальных следственных действий, которые для меня – темный лес.

Джуффин сразу понял ход моих мыслей и перешел на Безмолвную речь.

«Собираешься припахать Великого Магистра правящего Ордена для черновой следственной работы?»

«Да ну что ты. Я пока не настолько обнаглел. Максимум, на что я

способен, – предложить своему другу захватывающее приключение в духе старых добрых Смутных времен. Незаконно вламываться в дома честных граждан с преступной целью перетряхнуть их неприкосновенные частные библиотеки – отличное занятие. Мне заранее завидно. Правда, теперь он умеет становиться невидимым, поэтому, пожалуй, обойдется без драк, что по-человечески довольно обидно. Но для дела даже хорошо».

«Думаешь, Шурф согласится задвинуть свои дела, чтобы поработать на нас?»

«На что только не пойдешь ради собственного удовольствия», – заметил я, в кои-то веки показав себя знатоком человеческих душ.

Впрочем, я и есть великий знаток человеческих душ, просто не всех подряд, а отдельно взятых. Можно сказать, избранных. Примерно двух.

– Мне скоро уходить, а я еще ничего толком не успел рассказать, – укоризненно заметил Кофа, явно раздраженный нашим многозначительным молчанием.

Он, конечно, не сомневается, что быстро разузнает все, что от него скрывают и еще пару-тройку дополнительных тайн в придачу, просто чтобы нас проучить, но все равно не любит, когда при нем секретничают – как, наверное, всякий нормальный человек.

– И правда, – согласился Джуффин. – А ведь как я вас ждал! В этом кабинете слишком высокая концентрация благословенных. Вероятно, на меня это влияет, примерно как погода на стариков. Так что вам поведала леди Тамайхуни?

– Шумана ведет себя крайне странно, – сказал Кофа. – Если бы мы с вами беседовали без свидетелей, я бы сказал, как полная дура. А так говорю просто: «странно». Я все-таки воспитанный человек.

– Несомненно, – подтвердил Джуффин. – Удивительно. А в чем выражается ее ду... странность?

– Она зачем-то принялась врать. Хотя мы не первый день знакомы, и Шумана знает, что со мной откровенность обычно только на пользу. Я в свое время не раз ее выручал. Если бы она чего-нибудь натворила и попыталась скрыть, я бы еще как-то понял. Но возводить на себя поклеп?..

– Поклеп?

– Ну да. Я только заикнулся о таком специальном тайном древнем заклинании для магического вдохновения, как Шумана тут же призналась: да, конечно она в курсе, специально разузнала парочку для помощи ученикам. Но меня не обманешь, сразу видно, когда человек выдумывает на ходу. Я попросил Шуману продемонстрировать свои чудесные умения, но она отговорила тем, что все это чересчур сложно, требует большой

предварительной подготовки и каких-то особых условий. Пообещала, что покажет в следующий раз, когда луна будет в нужной фазе, и всякая прочая чушь тоже как-нибудь удачно совпадет. Но Благословение Гэйшери, которому вы меня научили, проще простого. И никаких особых условий не требуется. Впрочем, и так было ясно, что она врет. Вот интересно, зачем?

– Ну так, может, она не поклеп на себя возвела, а нарочно похвасталась? – предположила Кекки. – В надежде, что ты кому-нибудь расскажешь, по городу поползут слухи, и ей будет дополнительная реклама. Желающие вдохновиться сразу прибегут.

– Ну может быть, – неохотно согласился Кофа. – Хотя зачем дополнительная реклама Шумане, к которой и так очередь на год вперед – притом, что она бессовестно задрала цену? Не спорю, Шумана неплохая учительница, уж точно получше всех остальных, но сорок восемь корон с носа за краткий курс в четыре дюжины дней, как по мне, перебор.

– Очень интересно, – задумчиво сказал Джуффин. – А она, часом, не околдована? Как на ваш взгляд?

– Еще вчера я с уверенностью сказал бы, что нет. А теперь какая, к Темным Магистрам, уверенность? Если уж кто-то в столице орудует разными древними заклинаниями, о которых лично я ничего не знаю, а потому не могу различить...

– Да, – мечтательно подтвердил Джуффин. – Похоже, у нас начинаются интересные времена.

Кофа, судя по кислому выражению лица пожилой модницы, которой он нам казался, явно не разделял его энтузиазма. Но открыто возражать не стал.

– А можно устроить так, чтобы я на них посмотрел? – вдруг спросил молчавший до сих пор Нумминорих. – Вернее, постоял достаточно близко, чтобы различить запах. Я бы сам всех разыскал и придумал предлог подойти поближе, но нам, как я понимаю, надо побыстрей.

– Кого именно ты хочешь понюхать? – оживился шеф.

– Всех, – почти беззвучно признался Нумминорих.

На него до сих пор иногда находят приступы былой застенчивости. Удивительно, но это так. Впрочем, он тут же взял себя в руки и заговорил быстро и уверенно:

– Задержанных полицией хулиганов – ну, это просто. Половина еще под следствием, адреса остальных мне даст Трикки. Преподавателей курсов, на которых они учились магии – как я понял, многие задержанные учились; правда, в разных местах. И еще людей, которые подписали петицию. Вот с этим я сам, пожалуй, быстро не справлюсь. Большинство

имен ни о чем мне не говорят. И в дом к таким важным персонам вряд ли вот так запросто зайдешь.

– Но зачем? – удивились Кофа и Мелифаро.

Я, честно говоря, тоже удивился. Но изобразил на лице восхищенное понимание, просто чтобы его подбодрить.

– Что именно ты надеешься унюхать? – прямо спросил Джуффин.

– Сам пока не знаю. Но рассуждаю так: если это не череда случайных совпадений, значит, есть человек или группа людей, которые устроили заговор. Ну, что-то в таком роде. Вряд ли они организовали все на расстоянии, вообще ни к кому не приближаясь. Обычно для серьезных разговоров люди встречаются лично. Особенно, если при этом собеседника необходимо заколдовать. Если мне повезет, с кем-то заговорщики встречались недавно, и есть шанс, что я распознаю запах. Если повезет еще больше, этот запах повторится хотя бы несколько раз. А если совсем крупному, запах окажется достаточно сильным и внятным, чтобы куда-нибудь меня привести. Шансов совсем немного, это я и сам понимаю. Но почему бы не попробовать?

– Звучит крайне неубедительно, – усмехнулся шеф. – Я хочу сказать, достаточно неубедительно, чтобы разбудить во мне азарт. Ладно, договорились, делай, как считаешь нужным, от нас – любая посильная помощь. Если раздобудешь таким способом хоть какую-то мало-мальски полезную для следствия информацию, с меня корона. Если нет... ладно, если нет, Магистры с тобой, можешь ничего не платить. Нечестно силой принуждать своих подчиненных к пари.

– Если нет, с меня тоже корона, – твердо сказал Нумминорих. – Мне так будет легче справиться с неудачей: не конец Мира, а просто корону проиграл.

– Отличный подход, – кивнул Джуффин. – По рукам. А я, пожалуй, последую твоему примеру. Тоже принимаюсь к подписавшим петицию – в меру своих скромных способностей. И побеседую, в меру довольно нескромных. Кофа, подскажите, с кого начинать?

– Вам тех, что поумнее? Или наоборот?

– Хороший вопрос. Мне – разных. Парочку самых умных, парочку самых глупых, парочку эксцентричных и просто наиболее влиятельных, если таковые среди них есть. По возможности, полный спектр, с вашими комментариями. И сами, пожалуйста, сконцентрируйтесь сейчас на этом деле. Мне нужна максимально полная информация обо всех подписавших эту грешную петицию. Все остальное, кроме самого неотложного, – побоку.

– Ладно, – кивнула нарядная дама и пыхнула Кофиной трубкой. –

Собственно, самое неотложное – это ваша просьба собрать информацию о тех преподавателях начальных ступеней магии, у которых учились задержанные полицией. Что следует сделать раньше?

– Одновременно!

– Этого я и опасался.

– С учителями я, наверное, могу немножко помочь, – скромно сказала Кекки. Глаза ее при этом не просто сияли, а натурально полыхали торжеством. – Весной я начала собирать коллекцию...

– Коллекцию? – удивленно переспросил Кофа.

– Ну да. Некоторые люди коллекционируют старинные пуговицы, другие – драгоценные камни, а я – подробные сведения о столичных преподавателях магии. Для собственного удовольствия и на всякий случай. Так и знала, что однажды пригодится! Эти преподаватели – интереснейший народ.

– Здорово все-таки, что ты передумала уходить от нас в дипломаты! – сказал я.

А Джуффин адресовал ей восхищенный взгляд, в сравнении с которым даже ежегодная Королевская награда лучшим государственным служащим – необязательный сувенир. Не то чтобы шеф Тайного Сыска скупился на выражения одобрения, скорее, наоборот. Но сейчас он не просто выражал одобрение, а искренне ликовал – как же нам с тобой повезло! – а это большая редкость.

– Моя коллекция пока неполная и, к сожалению, не совсем совпадает с вашим списком, – призналась Кекки. – Но примерно две трети...

– Это очень много, – сказал Кофа. – Спасибо, ты здорово облегчила мне жизнь. И наверняка сможешь взять на себя остальных шарлата... преподавателей. Заодно и свою коллекцию пополнишь. А я займусь подписавшими петицию.

– Если вы научите меня этому древнему Благословию, я могу провести эксперимент, – предложил Мелифаро, спустившийся наконец с неба на землю. В смысле с потолка на письменный стол. – Заколдую парочку хулиганов и посмотрю, как они будут себя вести. Если как в прошлый раз, усмирю. А если нет, попрошу сравнить впечатления. Неофициально, можно сказать, по-дружески попрошу. Я видел список, там есть несколько моих старых приятелей. Плюс, собственно, Кенлех. С нее и начну. Уверен, она будет рада помочь.

– Да, это имеет смысл проверить, – кивнул Джуффин. – А Благословение Гэйшери очень простое. Я вас всех научу.

Я открыл было рот, чтобы объявить: «Вот и наступил Соединенному

Королевству полный конец обеда», – но не успел, потому что меня не стало. К счастью, не вообще, а только в кабинете, откуда я, с точки зрения стороннего наблюдателя, внезапно исчез.

* * *

Согласно первому, если ничего не путаю, закону термодинамики, исчезнув из кабинета Джуффина, я тут же как миленький образовался в другом месте. К счастью, не в каком-нибудь наскоро выдуманном специально для меня ледяном аду без одеял, табака и горячих напитков, а всего лишь в башне Мохнатого Дома. По ощущениям это было очень похоже на обычное хождение Темным Путем с той только разницей, что на этот раз от меня не потребовалось никаких специальных усилий. Даже решения принимать не пришлось. И вот это мне совсем не понравилось.

– Извините, что так получилось, – сладкозвучным дуэтом сказал Гэйшери.

Он царственно возлежал на моем диване, каким-то немыслимым образом уместившись там целиком, и вид имел, мягко говоря, недостаточно виноватый. Как по мне, чем с такой довольной рожей извиняться, лучше уж просто промолчать.

«Ты куда подевался? – раздался в моей голове голос Джуффина. – У тебя все в порядке?»

«Почему-то оказался дома, хотя специально ничего для этого не делал», – объяснил я.

«Ясно все с тобой», – откликнулся шеф. И умолк прежде, чем я успел спросить, что именно ему ясно, и как мне, сироте, без этой ясности жить.

– Это моя вина, – признался Гэйшери и одарил меня невинной улыбкой младенца, только что перевернувшего на парадный костюм гостя кремовый торт. – Я соскучился.

– Что?! – переспросил я.

Похоже, в это короткое «что» мне удалось вложить целую бездну смыслов. И смыслы были что надо, один другого ослепительней. Во всяком случае Гэйшери даже улыбаться перестал. Но при этом не принялся орать, а, напротив, очень спокойно сказал:

– Вы, наверное, подумали, будто я нарочно призвал вас сюда ради собственного удовольствия? Это и правда было бы свинство. Но я ничего не делал. Мое желание повидаться привело вас сюда само, без участия моей сознательной воли. Так порой случается. Я, конечно, способен

держат свои желания под контролем. Но, сами видите, не всегда.

– Ни хрена себе, – резюмировал я. Хотел сказать сердито, но вышло скорей восхищенно. Я, к сожалению, честный человек.

И тут меня осенило.

– Слушайте, – сказал я, – а на кой вообще нужны все эти наши расследования, если вы можете просто призвать к своим ногам злодеев, испортивших ваше Благословение – вот как сейчас меня...

– Не могу, – отрезал Гэйшери.

Голос у него остался всего один, да и тот подозрительно тихий и бесцветный. Зато смотреть на Гэйшери стало по-настоящему страшно, хотя на своем веку я повидал довольно много рассерженных людей, добрая половина которых была вполне могущественными колдунами. Однако чтобы от гнева два глаза слились в один, а из-под кожи лица проступили огненные очертания черепа, скорее птичьего, чем человеческого, – такой красоты мне до сих пор не показывали.

Сэр Шурф много раз говорил, что в критической ситуации у нас есть право на все, кроме растерянности: растеряться, считай, добровольно умереть. Он совершенно прав, но кому от этого легче. Все равно я часто теряюсь перед лицом опасности, а что жив до сих пор, так это просто такая счастливая судьба.

Удача и на этот раз от меня не отвернулась. Вместо того, чтобы оторвать мне голову или обрушить на нее потолок, Гэйшери извлек из воздуха здоровенный нож, именуемый в наших краях «грибным» в память о стародавних временах, когда в лесах Угуланда на одиноких путников часто нападали полоумные грибы-оборотни, и всадил его себе в сердце. И упал, обливаясь кровью.

От моей растерянности, конечно, и следа не осталось. До такой степени не осталось, что я сперва запустил ему в голову Смертный Шар, рявкнул: «Не смей умирать!» – вежливо исправился: «Не смейте», – спохватился, что формулировка вышла недостаточно внятная, поспешно добавил: «Пусть ваше тело немедленно исцелится от всех последствий ранения», – и только после этого испугался, зато так сильно, что в глазах потемнело.

Гэйшери вскочил и расхохотался нелепым дуэтом, одновременно визгливо и хрипло:

– Ну вы даете! Поверили, что я взаправду зарезался! И ну сразу спасать! Но молодец, неплохая реакция, успели бы, если что.

Никакого ножа в его груди не было и в помине. И крови ни капли. И глаз снова две штуки, и огненный птичий череп больше не просвечивал

сквозь кожу – вот это особенно утешительно. В вопросах человеческой анатомии я – консерватор, каких поискать.

– Ну елки, да кто ж вас знает, – сердито сказал я, начиная осознавать, что стал жертвой идиотского розыгрыша. – От вас чего угодно можно ожидать. Вы же псих.

– Вы тоже, – огрызнулся Гэйшери. – И магия ваша дурацкая вам под стать. Она же задумывалась, как боевая, а вы с ее помощью зачем-то порабощаете чужую волю. И зверски исцеляете беззащитных умирающих, пользуясь их полной беспомощностью. Как вас вообще на улицу выпускают? И главное, зачем?!

– А то я сидя дома ничего натворить не могу.

– Резонно, – согласился он. И улыбнулся так добродушно, что я решился спросить:

– Вы что, просто для смеху этот спектакль устроили?

– Для смеху! – скривился Гэйшери. – Да просто чтобы вас ненароком не зашибить. И заодно наглядно продемонстрировать, до какой крайности вы способны довести спокойного, уравновешенного человека, а то вы, похоже, пока не в курсе. Вы вообще осознаете, что посмели мне предложить?

– Помочь нам с расследованием, – вздохнул я. – А что? Я всем такое при каждом удобном случае предлагаю. Не хотите, не помогайте, кто ж вас заставит. Уж точно не мой Смертный Шар, они вам, как я понял, до одного места. Но с вашей помощью было бы проще. И гораздо быстрее.

– Вы что, не понимаете?! – взревел Гэйшери. Но тут же осекся и печально сказал: – Да, вы действительно не понимаете, насколько чудовищную вещь мне предложили: призвать к себе человека, испортившего мое Благословение. Увидеть его собственными глазами, удостовериться в его существовании раз и навсегда. И жить потом с этим воспоминанием все отпущенные мне годы. По доброй воле сделать то, что для меня хуже ста тысяч смертей!

– Просто, как и вы, сужу о других по себе, – объяснил я. – На вашем месте я бы хотел поймать засранца как можно скорей. Чтобы... ну, даже не знаю. По обстоятельствам. Например, дать ему в глаз.

– Я не настолько гневлив, – надменно сказал Гэйшери. – И ударить могу только очень близкого человека. К чужому лишний раз прикосаться не стану. А такого мерзавца побрезгую даже испепелить.

– Ладно, – вздохнул я, – извините, что так получилось. Просто человеку вроде меня довольно сложно понять, что творится у вас в голове.

– Человеку вроде вас это как раз должно быть совсем несложно, –

возразил он. – Я потому и рассердился, что вы – это вы. С других-то спроса нет, – и, помолчав, вдруг добавил: – На самом деле, я тоже считаю, что в сложившейся ситуации мой долг – вам помочь. Благословение, испорчено оно или нет, мое, а значит, моя ответственность. Но сделать, как вы сказали, я не могу. Моя магия питается силой желаний моего сердца. Я физически не способен сделать то, чего так сильно не хочу. А чувствовать себя беспомощным, кроме всего, крайне противно. Давно забытое ощущение. Будь моя воля, я бы его не вспоминал.

– Вот это я могу понять. Сам больше всего на свете ненавижу беспомощность. Я, конечно, зря полез к вам со своими идеями. Мог бы сообразить, что если вы чего-то не делаете, значит, на то есть причины.

– Вот именно, – подтвердил Гэйшери. – Но ладно, хотя бы сейчас вы это поняли. Лучше поздно, чем никогда.

– Если вам когда-нибудь покажется, что мы достигли необходимой степени душевной близости, можете дать мне за это в глаз, – предложил я.

Гэйшери посмотрел на меня с нескрываемым интересом.

– А знаете, вас я, пожалуй, мог бы стукнуть прямо сейчас, – наконец сказал он. – Эта идея не вызывает у меня внутреннего протеста. Но драку можно отложить на потом. Лучше помогите мне разобраться с кофе. Очень его хочу.

– Да было бы с чем разбираться, – улыбнулся я, привычно пряча руку под лоохи, чтобы залезть в Щель между Мирами.

– Нет-нет! – остановил меня Гэйшери. – Я хочу научиться добывать его сам. Пока вас не было, несколько раз пытался, но так и не отыскал реальность, откуда вы его достаете. Она вообще существует? Или вы сами ее выдумали, а теперь пользуетесь? И больше никто? Отличный ход, если так!

– Конкретно эта вроде бы объективно существует, – не слишком уверенно сказал я.

– Тогда давайте вы мне ее покажете. А дальше я разберусь.

С этими словами Гэйшери ухватил меня за локоть. Я не то что ответить, даже моргнуть не успел, а вокруг уже не было ничего, только сияющая тьма Коридора между Мирами и железная хватка моего спутника.

Ничего себе темп.

Похоже, теперь только от меня зависело, застрянем мы в этой вечности навсегда, или все-таки куда-нибудь попадем. И куда именно – это тоже было исключительно моей проблемой. Гэйшери находился рядом и ждал; по идее, в Хумгате нет вообще ничего, включая путешествующих через

него странников, но я как-то очень убедительно, всем несуществующим телом, ну или просто всей искрой сознания чувствовал его нетерпение и любопытство. И полное доверие к происходящему в целом и лично ко мне – а ведь как только что ругался. И в глаз пообещал дать.

Пришлось собраться – это потребовало почти панического усилия воли – и позволить одной из бесконечного множества реальностей, существующих и только желающих осуществиться, забрать нас обоих себе. В таком деле главное не перепутать, но что-что, а уж эту реальность, свою родину, то ли подлинную, то ли мнимую, данную мне в чрезвычайно достоверных воспоминаниях, я отличу от любой другой даже в бредовом сне, на который сегодняшний день становился похож все больше и больше, хотя, казалось бы, куда еще.

Награда воспоследовала незамедлительно: я тут же обнаружил под своей задницей твердый стул. Надо сказать, крайне умиротворяющее ощущение. К стулу, как выяснилось буквально секундой позже, прилагался не менее твердый пол, а также оранжевый потолок, белые стены, изрисованные какими-то причудливыми схемами, окна, за которыми проезжали автомобили, заставленный грязной посудой стол и ликующая улыбка сидящего напротив Гэйшери. В интерьере маленькой городской кофейни он, носатый, всклокоченный, закутанный в серое лоохи, смотрелся как черт знает что. Я, надо понимать, выглядел не лучше. И думал сейчас только об одном: надо срочно отсюда удирать. Ну или готовиться отвечать на вопросы, стараясь при этом никого не убить. Люди не виноваты, что внезапно возникшие неведь откуда придурки, закутанные не то в занавески, не то в покрывала, пробуждают в них естественное любопытство. Я бы сам на их месте сейчас, разинув рот, глазел.

– У меня нет местных денег, – сказал я своему спутнику. – А за счет Короля тут вряд ли наливают, поэтому...

Однако в этот самый момент на столе перед Гэйшери появился белый картонный стакан, до краев наполненный кофе, судя по цвету, сильно разбавленным молоком. Просто появился, и все. Притянутый, надо думать, силой его желания, как я четверть часа назад. Вот это, я понимаю, мастер. Куда уж мне с моим жалким «рано или поздно, так или иначе». Можно начинать рыдать от зависти.

Но рыдать я не стал.

Вместо этого попросил:

– Оставьте попробовать. Понятия не имею, почему мы оказались именно здесь; реальность вроде какая надо, но это место – я имею в виду кофейню – мне не знакомо. Хотя бы пойму, хорош ли у них кофе.

Бесполезная информация лучше, чем вовсе никакой.

– Лично мне очень нравится, – объявил Гэйшери, протягивая мне картонный стакан. – Не так горько, как было у вас.

Я не стал говорить Темному Магистру, что настоящим кофейным гурманом ему никогда не стать. Нравится человеку полное фуфло – вот и славно. По крайней мере, обойдется без скандала. Куда нам сейчас еще и скандал.

– Лично мне, чтобы попасть в Хумгат, нужно выйти в какую-нибудь дверь с закрытыми глазами, – сказал я, возвращая ему стакан с остатками кофе. – У вас, как я убедился, с этим гораздо проще. Допивайте и пошли домой. У меня куча дел. Если вам интересно, сами потом сюда вернетесь. Я вам даже подходящий костюм...

Я не успел произнести: «одолжу».

Обратный путь занял всего какую-то долю секунды. Я еще не успел понять, что происходит, а у меня под ногами уже возник твердый, надежный пол моего кабинета. Я был готов расцеловаться с каждой половицей, но вместо этого просто на них сел. Говорят, в ногах правды нет, однако в моих ногах внезапно образовалась какая-то крайне неприятная правда, иметь дело с которой я пока не был готов.

– Спасибо за предложение, – вежливо сказал Гэйшери. – Но вряд ли я в ближайшее время захочу им воспользоваться. Странное место. Материя там какая-то очень уж тяжелая и плотная. И воздух слишком густой. А я люблю, когда легко дышится. Но все-таки кофе – отличный напиток, выше всяких похвал. Теперь знаю, откуда его таскать. И вас по этому поводу больше не побеспокою.

– Мне на самом деле совсем нетрудно угощать вас, чем захотите, – откликнулся я. И лег на пол, не в силах совладать с головокружением.

Странно вообще-то. Обычно путешествия между Мирами идут мне на пользу, а тут вдруг так позорно расклеился. От неожиданности, что ли?

– Вы в порядке? – спросил Гэйшери. До него, похоже, начало доходить, что я не просто ради удовольствия на полу валяюсь.

– В полном, – соврал я. И, подумав, признался: – Только голова кружится. Не знаю почему. До сих пор от прыжков через Хумгат сил у меня только прибавлялось.

– Это потому, что вы пошли не по своей воле. Я вас туда потащил, не спросив. А чужой воле вы сопротивляетесь, даже когда ничего нежелательного лично для вас не происходит. Просто потому, что воля не ваша. Вы очень упрямый. На самом деле для магии это отлично; вам

наверняка часто говорят обратное, потому что с упрямыми крайне неудобно иметь дело – так вот, никому не верьте, прекрасное свойство характера, я сам такой. Но иногда случаются небольшие накладки – вот как сейчас. Ничего, я все исправлю... если вы разрешите. А то, чего доброго, сделаю только хуже.

– Разрешаю, – милостиво промолвил я.

А если смотреть правде в глаза, жалобно пролепетал. Из последних сил.

И тут же испытал ни с чем не сравнимое желание трижды перекувыркнуться через голову и подпрыгнуть до потолка. Но благоразумно ограничился первым пунктом. Даже частью первого пункта. Всего один раз перекувыркнулся и сразу же встал на ноги, как взрослый серьезный человек.

– Круто! А что это было? Ваше Благословение?

– К вам бы я поостерегся его применять, – усмехнулся Гэйшери. – И вашим друзьям отсоветовал, уж не обижайтесь. Вы и без того постоянно пребываете в таком состоянии, словно вас кто-то очень крепко, можно сказать, беспощадно благословил. А сейчас просто вернулась ваша собственная сила, потраченная на сопротивление. Я всегда присваиваю чужую силу, впустую разбазаренную в моем присутствии; при удобном случае отдаю, нет – оставляю себе. Не то чтобы своей не хватало, просто жалко, когда добро пропадает. Я вообще довольно хозяйственный, вопреки бытующему среди обывателей мнению, будто посвященные в высшую магию со временем становятся крайне непрактичными и нерасчетливыми людьми.

Он тут же наглядно продемонстрировал свою хозяйственность, добыв буквально из воздуха – красивый жест, я так пока не умею, мне обязательно надо куда-нибудь спрятать руку – два белых картонных стакана. Один протянул мне. Сказал, сияя от гордости:

– Теперь я могу вас угощать!

Я – очень плохой актер. Базилио с помощью леди Тайяры наверняка смогла бы вывести формулу, доказывающую, что мои способности к лицедейству – не нулевая, а отрицательная величина. Но тут собрался с силами и сумел таки изобразить самое настоящее удовольствие от дрянного, в сущности, латте с каким-то ягодным сиропом. Так вошел в роль, что практически его испытал. Гэйшери, понятно, страшно подумать насколько старше и опытней, но кофе из Щели между Мирами достал впервые, а значит, находился под защитой главной и чуть ли не единственной статьи моего внутреннего уголовного кодекса, строго-

настрога запрещающей критиковать новичков.

– Мне понравилось путешествовать с вами через Хумгат, – неожиданно сказал Гэйшери. – Вы забавный.

– На любой сельской ярмарке за деньги можно показывать, – подхватил я.

Гэйшери укоризненно покачал головой.

– При чем тут сельские ярмарки? Быть забавным – большое достоинство для мага. Других Темная Сторона к себе даже близко не подпускает. По крайней мере, в мое время дело обстояло именно так. У вас-то все через задницу, до сих пор не пойму, через чью именно, и с какой стороны расположен выход из нее. Но вы даже без скидок на свою нелепую эпоху в высшей степени забавный человек.

– Да с вами тоже не особо соскучишься, – вздохнул я.

К счастью, он не уловил мой сарказм и не стал обижаться. А важно кивнул:

– Это да, – и внезапно помрачнев, добавил: – Вы говорили, у вас куча дел. Идите, если вам надо.

– К сожалению, надо. Вы меня прямо с совещания выдернули. Причем в такой интересный момент, когда Джуффин собирался научить всех присутствующих вашему Благословию. А я пропустил. Придется мне теперь всех вокруг проклинать – не со зла, а просто по причине невежества.

– Даже не вздумайте! – рявкнул Гэйшери, да так громко, что с полки упало несколько книг. К сожалению, не ему на голову, все-таки справедливости в мире нет.

– Нельзя вам никого проклинать, – уже гораздо мягче добавил Гэйшери. – Догадываюсь, что вы хотели меня насмешить, но шутить на эту тему тоже не надо. Есть вещи, о которых могущественным людям лучше даже в шутку не говорить.

– Это вряд ли получится, – честно сказал я. – Так вышло, что я – феерическое трепло.

– Да не то что бы именно феерическое, – снисходительно отмахнулся он. – Скажем так, не самый тяжелый случай. Видели бы вы некоторых моих друзей! А насчет Благословения не беспокойтесь. Я сам вас в два счета научу. Если хотите, конечно.

– Спрашиваете! Еще как хочу!

– Это очень просто. Сперва надо представить себе, что вы и есть Мир...

– Ни хрена себе «просто»!

Я не собирался его перебивать. Само вырвалось.

– Гораздо проще, чем кажется. На самом деле даже представлять необязательно, достаточно подумать: «Я – весь Мир». Но если удастся подключить воображение, вам самому будет гораздо приятней, а это очень важно. Получать удовольствие от колдовства, я имею в виду. Вы, надеюсь, согласны?

Я молча кивнул.

– Если вы – Мир, значит, ваше сердце в этот момент – Сердце Мира, – продолжил Гэйшери. – Об этом тоже необходимо подумать; в идеале – вообразить. А потом мысленно отдать свое сердце человеку, которого решили благословить. Вот и все.

– Как – все?! – опешил я. – Подумать, вообразить, и больше ничего не надо? Никаких заклина...

– Какие, в задницу, заклинания?! – взревел Гэйшери. – На хрена они тут? Совсем сдурели со своей Угуландской магией! Стыд и позор!

Если бы у меня за стеной жили соседи, они бы наверняка решили, что меня убивают, и вызвали бы полицейский наряд. Но за стеной у меня только необъятный простор, хмурое осеннее небо и птицы, а они не имеют привычки чуть что сразу бежать в полицию. Так что обошлось.

– Вы, любители заклинаний, считаете Мир тупым и ленивым, – бушевал Гэйшери. – Думаете, без принуждения он ничего делать не станет. Оскорбительное отношение! Это вы сами тупые и ленивые. И при этом донельзя практичные, противно смотреть! Насочиняли дурацких заклинаний, чтобы всегда получать один и тот же гарантированный результат, и почему-то считаете это магией. Тогда как настоящая магия – игра, которую мы предлагаем Миру. И его радостное согласие с нами играть. А не вот эта позорная профанация – чуть что, махать руками и вопить: «ДерьмундЫ!», – или какие там заклинания у вас нынче в моде...

– Ну слушайте, – сердито сказал я, – вы так на меня накнулись, словно я лично изобрел Угуландскую Очевидную магию, а потом шантажом и угрозами заставил всех вокруг ее применять. Тогда как я просто учусь по ходу дела чему придется – Очевидной, Истинной, старинной лесной, древней кейифайской, всему подряд.

– Ваша правда, – неожиданно легко согласился Гэйшери. – Угуландскую Очевидную магию совершенно точно создали не вы. Какой с вас спрос. И, если на то пошло, предлагать Миру свою игру вы без моих советов распрекрасно умеете. И Мир всегда рад с вами играть. А что кучу заклинаний вызубрили – ну так время сейчас такое нелепое, совсем без Очевидной магии не обойтись, это я и сам понимаю. Не сердчайте, меня иногда заносит. Я – довольно несдержанный человек. Для магии это

полезное качество, поэтому я не стал от него отказываться. Решил, главное – доставлять радость Миру, а люди как-нибудь потерпят меня таким, каков я есть.

– Ничего страшного, – великодушно сказал я. – Зато вы подали мне прекрасный пример. Буду теперь говорить всем желающим исправить мой характер: «Для магии это полезное качество, а вы как-нибудь потерпите». И пока они оглядываются по сторонам в поисках тяжелого предмета, чтобы огреть меня по башке за такое нахальство, быстренько всех благословлять.

– Очень разумная линия поведения, – совершенно серьезно подтвердил Гэйшери. – Я сам всегда именно так и поступаю. Мое главное житейское правило: в любой непонятной ситуации благословляй. Всех подряд, но в первую очередь тех, кто мне сильно не нравится. И заодно несчастных безумцев, которым по какой-то непостижимой причине не нравлюсь я сам.

«Например, меня», – весело подумал я. Хотя на самом деле Гэйшери постепенно начал казаться мне вполне приятным собеседником. Впрочем, я так быстро ко всему привыкаю, что на третий день потопа наверняка откажусь вылезать на сушу: там же совершенно невозможно плавать. Знать ничего не желаю, даже не уговаривайте, глупости какие выдумали – по твердой земле ходить.

– Пойду все-таки выясню, до чего они там договорились, пока меня не было, – сказал я. – А не то лопну от любопытства.

– Ладно, – кивнул Гэйшери. – Становиться на пути у любопытного – непростительное преступление. Постараюсь больше не хотеть немедленно вас увидеть... не очень сильно этого хотеть.

И на том спасибо.

* * *

Пока я развлекал гостя, совещание успело благополучно завершиться. Джуффин сидел в кабинете один, но вид при этом имел настолько отрешенный, что я сразу понял: он с кем-то говорит. И залез на подоконник, чтобы не мешать. Меня, конечно, подмывало опробовать на нем новое умение, но как-то рука не поднялась. До сих пор был уверен, что мне плевать на субординацию и прочие глупости в таком роде, однако вынужден признать: благословить сэра Джуффина Халли я не решился именно по этой причине. Оказывается, в глубине души я уверен, что начальство без специальной команды лучше не благословлять.

С другой стороны, куда ему еще.

– Мастер Гэйшери соскучился? – наконец спросил шеф. – Тебе еще повезло, что всего лишь с совещания выдернул. Мог бы и в более интересный момент.

Я постарался не давать воли воображению. Но содрогнулся все равно.

– Совершенно невыносимый тип этот ваш Мастер Гэйшери.

– Я на тебя через двадцать тысяч лет посмотрю.

– Ого. Ему двадцать тысяч лет?

– По очень приблизительным прикидкам. Сам-то он давным-давно сбился со счета, а остальным до такой ерунды тем более дела нет.

– А ведет себя как подросток, – невольно улыбнулся я.

– Ничего удивительного. За такую долгую жизнь даже этому вполне можно успеть научиться, – ухмыльнулся шеф. – Ладно, обменяться впечатлениями еще успеем. Ты мне лучше по делу что-нибудь умное скажи.

– А я уже сказал тебе умное: надо отправить Шурфа в тайный поход по чужим библиотекам. Потому что если вдруг...

– Это понятно, – нетерпеливо кивнул Джуффин. – Его, собственно, и ждем. А еще? Я не требую от тебя готовых решений, просто скажи, что ты обо всем этом думаешь?

– Честно? Я пока ничего не думаю. Вообще ни о чем. Этот наш, как ты выражаешься, общий друг сперва смеху ради зарезался, а потом воскрес и потащил меня в Хумгат, чтобы я показал ему реальность, откуда добываю кофе. И все мои умные мысли остались сам понимаешь где.

– Отличная перезагрузка. У тебя сейчас должна быть на редкость свежая голова. Вот и употреби ее по назначению: подумай о зреющем в столице заговоре.

– С точки зрения моей на редкость свежей головы, это вообще никакой не заговор, а полная хрень, – сердито сказал я. – Ладно, предположим, я, в силу отсутствия соответствующего опыта, недооцениваю эффект всех этих жалобных писем, петиций или как там они называются. Возможно, иногда от них и правда бывает толк. Но слушай, по-моему, надо быть конченным психом или просто непрошибаемым дураком, чтобы искренне верить, будто несколько дюжин вполне безобидных хулиганских выходок и одно письмо за парой сотен подписей – достаточная причина, чтобы снова переписать законы. В Эпоху Кодекса вообще никто не был доволен существующими порядками, и что это изменило? Аж ничего.

– Конченным психом или непрошибаемым дураком, – повторил Джуффин. – Да, пожалуй, ты прав. Ну или просто очень высокомерным человеком, полагающим, будто все остальные – безвольные игрушки в его

руках.

– Как по мне, это и есть непрошибаемый дурак. Один из подвидов... Слушай, а может быть, имеет смысл разбить ему сердце?

– В смысле соблазнить и бросить? – обрадовался шеф. – Отличная идея. И действительно свежая, таким методом мы с преступностью еще не боролись. Где ты был в Смутные Времена? Но сперва хотелось бы выяснить, кого именно следует соблазнять. В этом вопросе у нас пока нет полной ясности. Или предлагаешь всех подряд, без разбора?

– Боюсь, ты переоценил оригинальность моего ума. Я всего-то имел в виду: созвать газетчиков, показать им это письмо и официально заявить, что менять законы никто не будет, даже если небо рухнет на землю, а число хулиганских выходов возрастет до тысячи в день. Может, тогда заговорщики напьются с горя, поплачут и уgomонятся? Никто не любит тщетных усилий, даже дураки.

– Письмо уже у сэра Рогро, вместе с моим официальным комментарием. Правда, не таким, как ты предложил, а примерно таким, какого от меня все заранее ожидают: закон есть закон, все изменения в нем утверждены Королевской волей, и я намерен пресекать любые нарушения, как делал это до сих пор. А напоследок я со свойственной титулованным старикам ностальгической грустью признал, что поддерживать порядок в столице Соединенного Королевства до принятия пресловутых поправок было значительно легче. Что на самом деле вранье, давно я так не скучал от безделья, как в последние годы. Но служебные тайны я журналистам отродясь не разглашал.

– Но почему?..

– Потому что для официального оглашения моей настоящей позиции пока не пришло время. Прежде, чем разбивать сердца заговорщиков, надо постараться их соблазнить. Например, намекнуть, что я на их стороне. Может, рискнут, позовут в игру. От таких безумцев можно ждать каких угодно сюрпризов, в том числе и приятных, почему нет.

– Ну и зачем тебе в таком случае моя голова?

– Как – зачем? Просто для радости. Приятно знать, что не я один сразу же подумал о газетах.

– А Кофа?

– Кофа – само собой. Он, можно сказать, всегда о них думает. Кстати, он обратил мое внимание на тот интересный факт, что газетчики до сих пор не получили копию петиции. Хотя, по идее, любому дураку ясно, что это самый надежный способ не дать адресатам отправить письма видных граждан в мусорные корзины – если уж все население о них оповещено,

волей-неволей придется хоть как-то реагировать.

– Это ясно не любому дураку, а только дураку с навыками стратегического мышления, – невольно улыбнулся я. – Мне бы, например, в голову не пришло. С другой стороны, я и петиций не сочиняю... Слушай, а может быть, это выдает человека старой школы, презиравшего всякие новомодные новшества вроде газет, которым еще сотни лет не исполнилось? Или просто не имеющего о них представления. Раньше не думал, что такое возможно, но та же леди Тайяра узнала о существовании газет только от меня.

– Леди Тайяра даже о существовании неба над собственной головой ежедневно узнавала от сторонних свидетелей и тут же выбрасывала эту информацию из памяти, как несущественную. Рассеянных гениев вроде нее по одному на поколение, да и то, хвала Магистрам, не на каждое. А вот о презрении к новшествам я тоже сразу подумал. Впрочем, и так ясно, что за этими письмами стоят люди старой закалки. Идею особых привилегий для аристократии и чиновников современной при всем желании не назовешь. Хотя сделать особой привилегией разрешение колдовать даже в годы правления Древней Династии никому в голову не приходило. Для того, чтобы всерьез считать такую возможность реальной, нужно иметь очень... скажем так, своеобразное устройство ума.

– Не то чтобы у меня обширные знакомства в этих кругах; из старой аристократии я, кажется, только Блиммов знаю. Да и то по большей части понаслышке.

– Еще сэра Рогро, – напомнил Джуффин. – Но он, конечно, исключение из всех мыслимых правил. Сам по себе, ни на кого не похож.

– А Блиммы не исключение?

– Скорее нет. Хотя такого гордеца, как Корва, среди нынешних аристократов, пожалуй, не сыщешь. Если хоть кому-то из них старинные традиции действительно близки по духу, то это Корве. Можно подумать, он и правда родился на закате Древней Династии; хоть студентов-историков к нему посылай для изучения тогдашних нравов. Корва будет спускать их с лестницы, а они – торопливо конспектировать на лету.

– Я как раз хотел сказать, что, немного зная Корву, не могу вообразить, что наши аристократы вдруг решили добиваться каких-то привилегий. Мне кажется, в их духе скорее сидеть и ждать, когда остальные сами им все дадут и еще хорошенько попросят: «Возьмите, пожалуйста, сделайте милость». А они еще трижды подумают, брать или не брать.

– Да, Корва такой. Своего не возьмет, пока дюжину раз покорнейше не попросят. Скажу тебе больше, он – единственный избранник Темной

Стороны, который наотрез отказался учиться, причем именно потому, что я недостаточно почтительно сформулировал свое предложение. «Спасибо, но я уже не мальчишка, чтобы чему попало у чужих людей учиться», – вот и весь разговор.

– Ничего себе. Я не знал.

– Да никто об этом не знал; по крайней мере, я до сих пор никому не рассказывал. Корве не повезло: мне в ту пору было не до церемоний. Начало Эпохи Кодекса, вся столица – один большой приют безумных на свежем воздухе, и я в этом приюте главный санитар, в такой ситуации не до возни с новыми учениками. Просто не смог пройти мимо выдающегося таланта, предложил ему помощь, а когда он отказался, вздохнул с облегчением: дело хозяйское, может быть, вернемся к разговору когда-нибудь потом. Но после того, как я сманил Корвину дочку на государственную службу, стал его тайным врагом номер один. Ну, теперь-то, пожалуй, номер два – сразу после тебя. Но кому от этого легче. Уж точно не самому Корве. Сочувствую ему всем сердцем, но помочь ничем не могу. Вот уж кто сам себе лютей враг.

– Да не то слово. Отказаться от своего призвания из-за какой-то хрени...

– Это для нас с тобой хрень, а для Корвы – фундамент, на котором построена вся его жизнь. Это я не к тому, конечно, что он правильно поступает, построенное на подобном фундаменте рушить не жалко. Просто хорошо понимаю, почему вышло именно так. И ты, конечно, совершенно прав в том смысле, что Корва никаких привилегий просить не стал бы. Но большинство наших аристократов совсем не дураки потребовать для себя кусок послаще. И поскандальить, если откажут, и взять, что дадут, не поблагодарив.

– Не самая лестная характеристика.

– Обычная. Многие люди таковы, просто далеко не у всех находятся хоть какие-то мало-мальски убедительные основания вести себя подобным образом. А у аристократии они есть.

– Прекрасный портрет заговорщиков у нас вырисовывается, – усмехнулся я. – Непрошибаемые дураки и высокомерные хамы, игнорирующие существование газет. Карикатурные персонажи, хоть пьесу о них пиши.

– Надеюсь, Мир избежит такого несчастья.

– Если снова не посадишь меня в Холоми, где больше нечем заняться, избежит. Но знаешь, о чем я сейчас думаю?

– Будешь смеяться, нет. Просто не решаюсь прочитать твои мысли:

а вдруг там уже готов первый акт?

– Да ладно тебе, я не настолько гений, чтобы сочинять в уме. Помнишь, Гэйшери сказал, чтобы испортить его Благословение, достаточно «думать не в ту сторону»? Считать, что магия – зло для человека или люди – зло для магии, как-нибудь так. Звучит совершенно нелепо, но ладно, допустим, кто-то и правда до сих пор так думает. Может быть, даже многие. Например, люди, по чьим семьям особо жестоко проехали Смутные Времена. И, скажем, старики из Ордена Семилистника, среди которых, по словам Шурфа, полно поклонников безумных идей Кофиного покойного батюшки...

– Так и есть.

– Хорошо. Значит, «не в ту сторону» у нас думает целая куча народу. Но все равно у меня не укладывается в голове...

– Что именно у тебя не укладывается? Не тяни.

– Я немного побыл рядом с Гэйшери. И, кстати, собираюсь подать на тебя в суд за это знакомство, причинившее мне душевные страдания, несовместимые с разумной жизнью. Ладно, вру, нет у меня времени таскаться по судам. Но слушай, это кем же надо быть, чтобы испортить его Благословение? Я сейчас имею в виду, не какой скотиной, а какой невероятной силищи существом. Может быть, отсюда и надо плясать? Вряд ли у нас вообще кто-то настолько крутой найдется. Но вдруг у Гэйшери там, в прошлом, есть какой-нибудь лютый враг, решивший довести его до цугундера таким хитровыкрученным способом? Ну или не хитровыкрученным, а, наоборот, самым простым – если знать, насколько Гэйшери не все равно, что станет с его наследством в далеком будущем...

– Понимаю, – кивнул Джуффин. – Я бы на твоём месте тоже так рассуждал. Просто я в силу сложившихся обстоятельств знаю о Мастере Гэйшери, его магии, окружении и той эпохе в целом немного больше, чем ты. Искать среди Древних – пустой номер. Хотя бы потому, что у Мастера Гэйшери нет врагов.

– Правда, что ли? – изумился я.

– Чистая правда. Во-первых, по меркам своей эпохи, Мастер Гэйшери очень мягкий и дружелюбный человек – не смотри на меня так, сэр Макс, я не шучу. Он кстати и по нашим меркам примерно такой же, если привыкнуть к его манере свободно выражать свои чувства; собственно, скандалит он тоже исключительно из добродушия, чтобы быстро выпустить пар и не натворить настоящей беды. Обычная проблема при избыточном могуществе, мы все через это проходим, и Мастер Гэйшери решил ее наиболее простым и приятным для него самого способом. А во-

вторых, древние вообще не умели враждовать. Нет этого в их природе. Убить, если нужно для дела, любой из них способен, но испытывать к противнику соответствующие чувства, да еще и стараться как-то отравить ему жизнь, с их точки зрения, настолько абсурдно, что лучше даже не пытаться это вообразить.

– Прекрасная позиция, – одобрил я.

– Вряд ли это можно назвать «позицией». Скорее особенностью их внутреннего устройства. Древние маги выглядят как люди, но отличаются даже от самых эксцентричных из нас куда больше, чем, скажем, коты от лисиц. С Мастером Гэйшери в этом смысле гораздо проще, чем с остальными: он обожает играть в чужие игры. И, по мере возможности, соблюдает правила. По крайней мере, искренне старается соблюдать.

– Сотофа мне сказала, именно с Гэйшери началась наша Истинная магия. И я не представляю, как?..

– Ну, положим, сама по себе Истинная магия не имеет начала и, тем более, конца. Но для людей, живущих в этом Море, возможность приобщиться к Истинной магии действительно началась именно с Мастера Гэйшери. Я бы с удовольствием рассказал тебе больше, но...

Джуффин нахмурился, отвернулся и вдруг рассмеялся:

– Сэр Шурф так привык во всем принимать твою сторону, что даже сейчас, сам того не зная, действует в твоих интересах. Прислал мне зов, сказал, у него вышла какая-то непредвиденная задержка, поэтому он опоздает примерно на четверть часа.

– Ровно настолько, чтобы мы успели посплетничать о Гэйшери? Ничего не скажешь, он настоящий друг.

– Собственно, сам Мастер Гэйшери может рассказать тебе гораздо больше.

– Сам говоришь, он только кажется человеком. Не уверен, что из его объяснений я хоть что-то пойму.

– Ты-то? Не переживай, поймешь. Еще, пожалуй, и побольше, чем я. Но ладно, общую картину я обрисую. Представь себе избалованного мальчишку из зажиточной фермерской семьи, который был достаточно умен и одновременно безумен, чтобы, внимательно присмотревшись к окружающей жизни, решить, что не хочет взрослеть. Сказал себе: такая жизнь не для меня. Неинтересно, и точка. Хочу чего-то другого. Сам не знаю чего, но очень сильно хочу!

Я невольно улыбнулся. Очень знакомо. Сколько себя помню, всегда хотел неизвестно чего. На самом деле чего угодно, лишь бы не того, что считается обычной человеческой жизнью. Невозможного. Того, чего нет.

Ну и, надо сказать, получил по полной программе. Грех жаловаться.

– Какое-то время он пытался жить, как ему нравится, невзирая на обстоятельства, – продолжил Джуффин. – Это, сам знаешь, довольно нелегко, когда вокруг люди, которых в жизни вполне устраивает все, кроме тебя.

– Кроме твоего нежелания их устраивать, – вставил я.

– Можно и так сказать. Впрочем, родители его очень любили и были готовы кормить и наряжать хоть до старости лет, но от такой жизни Мастер Гэйшери быстро заскучал и сбежал из дома – якобы в город, учиться, а на самом деле куда глаза глядят. Перепробовал кучу разных занятий, убедился, что от всех его на второй день тошнит, а с таким подходом много не заработаешь. Одно время он разбойничал в лесах вокруг Шанери, богатейшего из тогдашних городов, но огорчать ограбленных ему не понравилось, а отнятый силой кусок в горло не лез. Несколько раз учился у разных знахарей и колдунов, но в итоге ни с кем не сложилось: учителя считали его бездарным лентяем, он их – тупицами без капли воображения, а исконную магию драххов^[14], предназначенную, в основном, для облегчения повседневной жизни и удовлетворения хозяйственных нужд, смертной тоской. Больше всего на свете он любил придумывать разные игры; дети и девушки его обожали, но профессию из этого не сделаешь. К тому же и с детьми, и с девушками он быстро начинал скучать. Говорит, однажды чуть не завел семью, но вовремя передумал, сообразив, что совместная жизнь с кем бы то ни было надоест ему максимум на третий день. Вроде завел приятелей среди лесных духов и демонов, охранявших в ту пору границы между явью и сновидениями, но и рядом с ними он тосковал о чем-то большем, а о чем именно, сам не знал. В конце концов, Мастер Гэйшери был вынужден признать, что не создан для человеческой жизни, ну или жизнь не создана для него. И тогда он отправился к Сердцу Мира, то есть на остров Холоми. В те времена об этом месте ходили такие слухи, что пойти к Сердцу Мира означало, в лучшем случае, сгинуть навек. А что в худшем, я даже предположить не берусь. Но в том, что за самовольным вторжением на запретную для всех территорию последует ужасное наказание, не сомневался никто. Может, кстати, и не зря так считалось: в юности наш Мир обладал довольно суровым нравом. Однако Мастер Гэйшери добрался до Сердца Мира без особых приключений, даже в Хуроне не утонул, хотя был готов к такому исходу: плавать он не то чтобы вовсе не умел, но учился в спокойных лесных озерах, а тут – быстрая река. Он вообще с самого начала был готов умереть в любой момент своего путешествия. Говорит, почти не сомневался, что этим закончится, но он и

так решил умереть. Просто подумал, что погибнуть на пути к таинственному Сердцу Мира куда интересней, чем повеситься. А в конце так устал от трудностей пути и постоянного ожидания смерти, что выбравшись из реки, тут же завалился спать, сказав напоследок: «Давай поиграем», – не имея в виду ничего конкретного. Просто решил, что это красиво. Хорошие последние слова. Но Сердце Мира отнеслось к его предложению совершенно серьезно. По крайней мере, проснулся Мастер Гэйшери на Темной Стороне. Провел там, как ему показалось, полгода, но вернулся домой спустя добрую тысячу лет. И уже не растерянным юношей, а примерно тем Мастером Гэйшери, которого мы с тобой знаем, бесконечно могущественным и способным абсолютно на все. В том числе пригласить в игру других растерянных юношей и девиц. Говорит, поначалу никого ничему не учил, а просто сразу тащил на остров Холоми знакомиться: «Это мой новый друг, давай возьмем его в игру».

– И все? Так просто?!

– Ну да. В этом основное отличие древних магов от нас: у них все очень просто. Или ты в игре, или тебя вовсе нет. Это не пустые слова: обязательным условием была готовность умереть, если Сердце Мира тебя не примет. А оно принимало в игру далеко не всех. Я хочу сказать, не все приглашенные просыпались рядом с Мастером Гэйшери на Темной Стороне. Некоторые переставали дышать, а некоторые исчезали неведомо куда; Мастер Гэйшери уверен, что их забирал Хумгат и выбрасывал на берег какой-нибудь иной реальности, но это только гипотеза, точно он сам не знает. И Темная Сторона ему не говорит.

– Ничего так вступительный взнос, – вздохнул я. – На таких условиях я бы, наверное, не рискнул... Или рискнул бы? На самом деле, конечно, смотря в какой момент.

– Не сомневаюсь, момент Мастер Гэйшери всегда выбирал верно. Впрочем, это тоже только гипотеза. Я начала эпохи Старших Древних своими глазами не видел. Застал их уже очень опытными – язык не поворачивается сказать «взрослыми» людьми. Зато про их магию знаю довольно много. И не только как теоретик, хотя до настоящей практики в этой области мне еще далеко. Ты говорил – кем надо быть, чтобы испортить Благословение Гэйшери? Так вот, поверь, кем угодно. Личное могущество тут вообще не при чем.

– А почему такое возможно? Где слабое место?

– Как водится, там же, где наиболее сильное. Магия древних пластична и подвижна, как сама жизнь. И в гораздо большей степени, чем мы привыкли зависит от личности самого мага. Я имею в виду, что

современный маг может сколь угодно искренне не одобрять убийства, но если он все-таки применит соответствующее заклинание, его противник будет убит. А с магией древних этот номер не прошел бы. Если не хочешь убивать, то хоть в лепешку расшибись, все равно никого не убьешь. Зато в твоих руках смертельное заклинание даст какой-нибудь другой интересный эффект. Какой именно, опять же зависит только от личных склонностей мага. Забавно, кстати, что я объясняю это именно тебе – человеку, чьи Смертные Шары подчиняют чужую волю вместо того, чтобы просто убивать, как им положено. Ты вообще очень похож на Древних, сэр Макс. То-то Мастер Гэйшери в тебя так вцепился – почуял родную душу. Мы для него все-таки совсем чужаки.

– Да ладно тебе. Я не настолько ужасный.

– Все мы так о себе думаем. И все как один ошибаемся, – усмехнулся Джуффин. – Ну что, теперь тебе ясно, почему Благословение Мастера Гэйшери может испортить любой желающий, была бы голова набекрень? Учти, если скажешь, что нет, я швырну в тебя этим кувшином. Устал объяснять.

Я внимательно посмотрел на кувшин из-под камры, стоявший на его столе, вздохнул:

– Выглядит довольно тяжелым. А ты меткий, я в курсе. Договорились, будем считать, что мне ясно – причем вообще сразу все. В частности, тот факт, что нет никакого смысла искать нового Лойсо Пондохву. Даже не знаю, хорошая ли это новость. Как следователь я разочарован, а как мирный обыватель скорее рад. Но все равно этого «думающего не в ту сторону» обязательно надо как можно скорей отыскать. Или «думающих», если их несколько. Не нравится мне ход их мыслей, – и скорчив страшную рожу, согласно моему творческому замыслу, изображающую Гэйшери, я стукнул кулаком по подоконнику и добавил: – Так бы всех и поубивал!

– Сперва, будь любезен, обсуди со мной список намеченных жертв, – сказал сэр Шурф. – Не то чтобы я был против убийств как таковых, в некоторых случаях они бывают полезны. Но ты – человек настроения, знаю я тебя. Сперва убьешь, не подумав, а потом сам будешь жалеть. И мне придется потратить, как минимум, вечер на утешения, хотя, на мой вкус, существуют куда более интересные темы для беседы. Не говоря уже о более интересных занятиях, чем болтовня.

Он появился в кабинете Джуффина столь внезапно и так естественно включился в разговор, словно сидел здесь с самого начала, просто только сейчас нашел повод подать голос.

Теперь, когда они оба одновременно оказались рядом со мной, как в дурацком кошмаре, специально для меня сочиненном леди Меламори, я окончательно успокоился – не на их счет, конечно, и так ясно, что эти двое серпами махать не станут. На свой. Зная себя не первый год, я вполне допускал, что теперь мне какое-то время будет довольно неприятно находиться с ними наедине. Но нет. Только очень смешно вспоминать, какие грозные рожи они корчили в моем сновидении. Даже жалко, что им не расскажешь. Ну, то есть рассказать-то можно, но не совсем же я законченный гад – выдавать Меламори. Я бы на ее месте не хотел, чтобы кто-то узнал, какого я сваял дурака. И кстати, она о моих самых идиотских выходках никогда никому не рассказывала. Хотя, положив руку на сердце, было о чем.

Поэтому я просто сказал:

– Нет никакого списка. Я собирался дать волю вдохновению. Но по случаю твоего появления немотивированные убийства вполне можно отложить до лучших времен.

– Спасибо, что нашел для нас время, сэр Шурф, – улыбнулся Джуффин. – Ты обещал рассказать, что у тебя случилось. Совать нос в секреты вашего Ордена – мое старое хобби, ты помнишь. Ужасная привычка, хуже пьянства. Никак не могу с ней завязать.

– При всем уважении к вашим дурным привычкам, я вынужден хотя бы формально соблюдать устав Ордена, запрещающий открывать посторонним наши секреты, – важно сказал Шурф. И, выдержав прекрасную томительную паузу, добавил: – Однако, будучи разумным человеком, всерьез считать сегодняшнее происшествие тайной я не могу.

– Да не тни ты! – поморщился Джуффин. – Что стряслось?

– Боюсь, с вашей точки зрения, нечто ужасное, – трагически заломив бровь, сообщил Шурф. И вопреки сказанному, вдруг расхохотался, закрыв лицо руками. – Придется вам с Кофой навсегда забыть о сокровищах винного погреба Ордена Семилистника, – сквозь смех пробормотал он. – Полный конец обеда ему настал!

Времена, когда сэр Шурф Лонли-Локли улыбался примерно два раза в год, да и то только на Темной Стороне, где становился похож на живого человека, хвала Магистрам, давным-давно миновали. И смеется он в последнее время еще и почаще, чем я, особенно когда никто, кроме меня же, не видит. Но не так. У каждого человека своя манера смеяться, и почти истерический хохот, от которого сейчас сотрясилось тело моего друга, мягко говоря, не совсем в его духе. В первый и последний раз на моей памяти он так ржал в Кеттари, когда я нечаянно добыл из Щели между

Мирами сигарету с марихуаной и сдуру ему предложил^[15]. К счастью, неопытность уберегла меня тогда от осознания масштабов катастрофы, зато теперь я задним числом содрогаюсь всякий раз, вспоминая это веселье. И не то чтобы жажду его повторить.

Впрочем, под потолок от смеха Шурф даже тогда не взлетал. Все-таки победа над земным притяжением требует слишком большого сознательного усилия, чтобы позволить себе роскошь взлететь нечаянно. Такое, говорят, случается только с некоторыми, самыми одаренными детьми, но и у них очень быстро проходит.

– Обычно ты высказываешься гораздо более содержательно, – укоризненно заметил со шкафа буривых Куруш.

А я спросил:

– Ты чего?

Шурф только отмахнулся – дескать, разве не видите, я занят. И буду таким приятным образом занят ближайшие триста лет.

Но несколько секунд спустя он внезапно успокоился. Приземлился обратно на стул, отнял руки от лица, вытер слезы полкой своей магистерской мантии – жест для него столь же немыслимый, как высморкаться в занавеску, – и сказал:

– Погодите. Похоже, со мной что-то не так. Какое-то постороннее воздействие. Довольно слабое и вряд ли опасное, но я его не ожидал. И по-хорошему не должен был допустить.

– Потрясающе! – восхитился Джуффин. – Ты все-таки почувствовал. А я, каюсь, нет.

– Что именно я почувствовал? О чем речь?

Я начал догадываться, что произошло.

– Благословение Гэйшери. Вот так оно действует на людей. Ты, надеюсь, уже в курсе?

– Да, леди Сотофа вкратце рассказала про вашего гостя. Но испытывать на мне его прием не стала. Сказала, будет перебор. Я так понимаю, вы придерживаетесь иного мнения, но, судя по моим ощущениям, права скорее она. Мне сейчас приходится прикладывать немалые усилия, чтобы справиться с избытком неуместного энтузиазма, который в сложившейся ситуации скорее мешает, чем способствует полноценному участию в беседе.

– Не то чтобы я всерьез полагал, будто тебе не хватает могущества и вдохновения, – признался Джуффин. – Просто ты – мой единственный шанс понять механизм воздействия Благословения Гэйшери на человеческую психику. Все-таки твой самоконтроль позволяет отслеживать

самые тончайшие изменения. А я, каюсь, эти изменения проморгал, хотя был заранее предупрежден и следил за своим настроением. Но оно улучшилось очень естественным образом. Можно сказать, само.

– Вы правы, очень естественным образом, – кивнул Шурф. – Потому что изменения действительно приходят изнутри, я бы сказал, из области сердца. Просто я слишком хорошо знаю свои возможности, чтобы поверить, будто мое настроение изменилось так резко без каких-либо внешних причин. В этом смысле я довольно предсказуем, по крайней мере, для самого себя. И могу заранее просчитать свою реакцию на то или иное событие, включая приятное щекочущее тепло в груди – нечто подобное мне не раз доводилось переживать во время путешествий на Темную Сторону; впрочем, не только там. Нетрудно было догадаться, что налицо какое-то внешнее воздействие. Но я, к сожалению, не заметил, в какой именно момент оно началось.

– А. То есть ты просто логически пришел к такому выводу, – вздохнул Джуффин. – Ясно. Значит, будет в моей жизни одной загадкой больше. Ладно, ничего не поделаешь. Извини, что без спроса благословил.

– Ничего страшного. Мне было полезно лишний раз убедиться, что мой так называемый полный контроль над собственным поведением – всего лишь иллюзия. Неприятно, но лучше никогда об этом не забывать.

– Полного контроля вообще не существует в природе, – отмахнулся Джуффин. – С чего ты взял, будто он достижим? Забудь.

Когда что-то подобное говорю я, Шурф, в лучшем случае, показывает мне кулак, а в худшем, читает такую поучительную лекцию, что лучше бы уж действительно стукнул. Но Джуффина он выслушал с одобрительной улыбкой – вот что значит сила авторитета. Ну или эффект Благословения, поди разбери.

– Так что случилось с вашим винным погребом? – спросил шеф.

– Нет больше никакого погреба, – объявил сэр Шурф. – Вернее, само помещение цело, чего нельзя сказать о коллекции. Сэр Кима отправил ее в дальний полет.

– Чего?! – изумился я.

А Джуффин, будучи человеком практическим, сразу спросил:

– Куда?

– Говорит, в Пустую Землю Йохлиму, пусть безумные ветры выпьют за наше здоровье и угомонятся. Оригинальная идея – усмирить ветры вином, не представляю, откуда он ее взял. Так или иначе, а бутылки действительно улетели в направлении Чирухты. Я увидел буквально самые последние. Мог бы помахать им на прощание. Однако не помахал. Непростительная

невежливость!

На этом месте он снова расхохотался. Но, по крайней мере, не до слез. И взлетать не стал. Вот что значит железная выдержка.

– И ты даже не попытался их вернуть?! – воскликнул Джуффин. – Ну слушай, сэр Шурф, этого я от тебя не ожидал! А Сотофа, интересно, чем думала?!

– Но как?..

– Малое Заклинание Призыва! Сам мог бы догадаться! – рявкнул шеф Тайного Сыска. И исчез.

Мы с Шурфом переглянулись.

– Я и правда мог бы догадаться, – вздохнул он.

– Просто ты не особо дорожишь этой винной коллекцией. Если бы улетела Орденская библиотека, ты бы про Заклинание Призыва сразу вспомнил. И беднягу Киму, боюсь, на месте взглядом убил бы. А потом воскресил бы, но только для того, чтобы убить еще раз. Потому что за такое преступление одной смерти мало. А тут – ну, подумаешь, вино улетело. Что тебе то вино. Ты вообще укумбийское бомборокки больше любишь, сколько бы ни прикидывался гурманом, знаю я тебя.

– Пожалуй, ты прав.

– Ничего, теперь Джуффин приберет ваше добро к рукам. Запрет у себя в погребе и будет выдавать тебе, в лучшем случае, пару бутылок по праздникам... Может быть. Если ты придумаешь, чем его шантажировать. Мой тебе совет, начинай думать прямо сейчас.

– Считаешь, он отправился домой?

– Готов спорить, именно туда. У него отличные погреба. Куча свободного места. А хранить незаконную добычу прямо в Управлении Полного Порядка, по-моему, даже для него перебор.

Мы переглянулись и рассмеялись.

– А ты случайно не знаешь, зачем он меня позвал? – наконец спросил Шурф. – Темным Магистрам ведомо, когда он вернется, а мне не следует особо расслаиваться: в Иафахе сейчас, как ты понимаешь, переполох. На Старших Магистров больно смотреть, винный погреб был их последним убежищем от невзгод. Несколько стариков от горя совсем спятили, начали говорить, что не следовало принимать поправки к Кодексу Хрембера – вот до какой крайности из-за них дошло! Хотя совершенно непонятно, чем эти грешные поправки могли навредить нашему винному погребу: все-таки Кима Старший Магистр Ордена Семилистника, а не простой горожанин, ему дополнительное разрешение на колдовство ни к чему.

– Ну так отлично! – обрадовался я. – Может, они тебя в связи с этим

свергнут? Было бы хорошо.

– Не с моим счастьем. Куда им кого-то свергать. Я велел всем скорбящим выкинуть из голов законодательные фантазии и заняться своими делами, тем все и кончилось. А Киму взяла под крыло Сотофа. Обещала защитить его от разгневанных соратников и от самого себя. Сказала, готова спорить, Киме тоже досталось это нелепое древнее Благословение из недобрых рук. Похоже на то. Насколько я успел изучить Киму Блимма, ничего худшего, чем разорение Орденского винного погреба он совершенно точно не способен натворить.

– Кима – славный человек, – согласился я.

– Это очень точное определение. Для Старшего Магистра магического Ордена, на мой взгляд, даже несколько чересчур славный, но я с подобными недостатками я довольно легко мирюсь.

– погоди, это получается, у вас в Иафахе кто-то раздает Благословения Гэйшери? – спохватился я. – Вот, значит, где надо искать!

– Не хотелось бы обрубить тебе крылья, но это довольно маловероятно, – сказал Шурф. – Кима большую часть времени проводит в городе, в Иафахе появляется эпизодически, а в отведенных ему покоех ночует хорошо если дюжину раз в год.

– Это он зря. Сидел бы на месте, отличный вышел бы сюжет: злобные старые колдуны из Ордена Семилистника, превратили древнее магическое Благословение в проклятие; кстати, насколько я понял из объяснений, мировоззрение покойного Магистра Хумхи о вреде магии – необходимое и достаточное условие для этого фокуса. Но важно не это, а что у тебя наконец-то появился бы веский повод выставить их вон.

– Да, это было бы идеально. Но жизнь, к сожалению, не всегда старается понравиться нам с тобой.

– И совершенно напрасно. Кому вообще нравится, если не нам?

– Так ты в курсе, зачем я здесь? – нетерпеливо спросил Шурф. В благословленном состоянии ему явно не сиделось на месте. Знакомая проблема, лично мне не сидится практически всегда.

– Я не просто в курсе. Джуффин позвал тебя по моей просьбе.

– Интересные дела. С каких это пор тебе нужны посредники для встречи со мной?

– Не для встречи, а для введения в контекст. Впрочем, если что-то упущу, Куруш мне поможет. Он все запоминал.

– К сожалению, без личной просьбы сэра Джуффина Халли я не могу разглашать служебную информацию, даже если она не кажется мне секретной, – объявил буривах. – А он ничего подобного перед уходом не

сказал.

Я укоризненно посмотрел на вероломную птицу. Сколько пирожных и леденцов ему скормил, и все зря.

– Ладно, – вздохнул я, – как-нибудь без тебя справлюсь. Значит, так. Джуффин говорит, в вашей Орденской библиотеке нет книг, в которых упоминается Благословение Гэйшери...

– Правильно говорит. Ни о чем подобном я до сих пор не то что не читал, краем уха не слышал. И леди Сотофа тоже. А она знает нашу библиотеку даже лучше, чем я.

– Да. Но к тому моменту, как она добралась до тайных хранилищ, твой предшественник уже успел кое-что распродать. Скорее всего, как раз самые древние рукописи, просто потому что они наиболее дорогие. И я подумал: вполне возможно, покупателем стал кто-нибудь из жителей Ехо. И тогда рукопись до сих пор хранится в одной из частных библиотек.

– И?..

Сказать, что Шурф выглядел заинтересованным, все равно, что объявить утопленника слегка промочившим ноги.

– Если бы нам удалось узнать, в чьей именно, это помогло бы быстро завершить дело. И, кстати, освободить мою башню от засевшего там Темного Магистра. Пока мы не выясним, кто испортил его заклинание, он оттуда не уйдет. А единственный человек, способный в кратчайшее время перелопатить тысячи книг и заодно имеющий представление, чьи частные собрания заслуживают внимания, – это у нас, как ни крути, ты. Ну и проверить все это незаметно, обманув все хитрые замки и охранные амулеты, ты тоже способен, как мало кто... Эй, ты чего так странно на меня смотришь, словно прикидываешь, как лучше откручивать мне голову – по часовой стрелке, или все-таки против? Я же не собираюсь тебя заставлять. И даже не то чтобы уговариваю. Просто подумал, вдруг тебе интересно...

– Вероятно, из-за этого нелепого древнего Благословения я испытываю очень сильное желание повиснуть у тебя на шее, сэр Макс. Но с учетом моего роста и веса это будет скорей покушение на убийство, чем выражение благодарности. Поэтому мне приходится сдерживать свои чувства. А это сейчас, поверь, довольно непросто.

– Спасибо, – искренне сказал я. – Моей шее и так нынче досталось. Например, на рассвете на ней висела змея. Вот такая здоровенная! – я развел руки в стороны, увидел, что это не произвело особого впечатления и мстительно добавил: – В толщину.

– Прекращай меня смешить, – строго сказал мой друг. – Не забывай, я все еще нахожусь под воздействием Благословения Гэйшери. И

одновременно под воздействием твоего восхитительного предложения; еще вопрос, от чего голова кругом сильнее. А мне сейчас надо сосредоточиться и составить план действий. Потому что без четкого плана довольно сложно совместить управление Орденом с рядом незаконных вторжений в жилища граждан.

На этом месте он не выдержал и все-таки рассмеялся. И даже снова воспарил над стулом. Но не сильно, максимум на два метра. То есть, с учетом обстоятельств, очень неплохо держал себя в руках.

– Ты нечаянно взлетаешь или нарочно, для смеху? – на всякий случай уточнил я.

– Непроизвольно. Вероятно, это древнее Благословение отчасти возвращает человека в детство. Ну или не всякого человека, а только меня. Я в детстве часто так взлетал – без усилий, от избытка чувств или даже просто задумавшись. Причем до сравнительно позднего возраста. Отец уже начал думать, я таким навсегда останусь, и очень этим гордился. Но, к сожалению, все-таки прошло.

– Что у тебя прошло? – спросил Джуффин, как ни в чем не бывало, материализовавшись в своем кресле.

– Способность произвольно взлетать, – ответил Шурф. И взмыл к потолку.

– Да, это очень заметно, – подтвердил шеф. – Прямо-таки бросается в глаза. От всего сердца тебе сочувствую. Жалкая участь – всю жизнь ходить ногами по твердой земле.

Он выглядел таким довольным, что можно было не сомневаться: знаменитая коллекция старых вин Ордена Семилистника спасена.

– Извини, что без приглашения вторгся на твою территорию, – сказал он, задрав голову к потолку. – Твой предшественник от подобного нахальства в гробу перевернулся бы – если бы у него был гроб. Но я был вынужден поступить таким образом, поскольку Малое заклинание Призыва доставляет искомый предмет именно туда, где находится призывающий. Я подумал, всем будет проще, если бутылки сразу вернутся в Орденский погреб, и не придется перетаскивать их с места на место.

– Вас там кто-то видел? – строго спросил сэр Шурф.

– Дырку над тобой в небе, за кого ты меня принимаешь?! Естественно, нет. С точки зрения нескольких свидетелей небывалого чуда, бутылки вернулись сами. Если совершь, что это произошло по твоей воле, я не обижусь. Напротив, настоятельно рекомендую придерживаться именно такой версии. Если в сердцах старейших адептов Ордена остался хотя бы

слабый намек на способность испытывать благодарность, их преданность тебе обеспечена навек.

– Ну ты даешь! – сказал я. – Я был уверен, что ты призовешь бутылки в свой погреб.

– Такая мысль меня посетила. Но я вовремя одумался. Оказаться обладателем подобных ценностей – не самая завидная судьба. Все вокруг хотят их заполучить и всеми правдами и неправдами уговаривают поделить. Постоянно приходится выбирать между двумя одинаково невыгодными позициями: скупца и простака, который делится с кем попало. Нет уж, сэр Шурф, мучайся со своими сокровищами сам.

– Ладно, – невозмутимо ответил тот из-под потолка. – Буду мучиться. Мне не привыкать. Но вам за спасение нашего винного погреба причитается как минимум дюжина бутылок.

– Две, – твердо сказал Джуффин. – Не беспокойся, я себя не обидел. Скажи лучше, Макс уже ввел тебя в курс дела? Я не настолько безумен, чтобы обременять тебя поручениями, но он уверен, что ты сам будешь рад.

– Да не то слово, – подтвердил Шурф. – Знали бы вы, сколько лет я об этом мечтал.

– Отыскать в древних книгах упоминания о Благословении Гэйшери? – удивился Джуффин. – Да брось, ты же о нем не знал.

– Я мечтал лично осмотреть некоторые частные библиотеки, хозяева которых на порог меня не пустили бы. Но пока служил в Тайном Сыске, не считал возможным нарушать закон ради собственного удовольствия. А потом, сами знаете, стало несколько не до того.

– Ты бы все-таки спустился с неба на землю, – заметил Джуффин. – Неудобно разговаривать, задрал голову.

– Тем более, что людям вообще не положено летать, – обиженно добавил Куруш, все это время с крайним неодобрением взиравший на происходящее. – Птицам и так некуда от вас деваться!

– Мое положение в пространстве – естественное следствие древнего Благословения, – невозмутимо ответил Шурф. – Думаю, вы и сами понимаете, что еще дешево отделались.

Но на землю все-таки спустился. Уселся на стул и сказал:

– По примерным прикидкам придется осмотреть сто сорок восемь библиотек. Из них семнадцать – в первую очередь. Там шансы отыскать что-то по-настоящему интересное особенно велики.

– Ни хрена себе – сто сорок восемь! – изумился я. – Думал, в столице найдется – ну, максимум, дюжина заслуживающих внимания частных собраний.

– На самом деле, сто сорок восемь это не слишком много, – заметил Шурф. – На осмотр первых семнадцати мне при удачном стечении обстоятельств должно хватить сегодняшней ночи, а потом – как пойдет. Может быть, искомая рукопись найдется в первый же день, и вопрос будет закрыт. Некоторое неудобство заключается в том, что, помимо этого захватывающего исследования, я буду вынужден продолжать заниматься текущими делами. С другой стороны, а когда было иначе? Ладно. Сегодня же начну. А сейчас, с вашего позволения, откланяюсь. Мне следует срочно вернуться в Иафах... хотя бы для того, чтобы присвоить ваши лавры, сэр, – он отвесил Джуффину церемонный поклон и, криво ухмыльнувшись, добавил: – Скажу, что просто исполнил свой долг; в качестве благодарности присутствующие могут провалиться под землю, этот жест я оценю.

– Пожалуй, зря я все-таки тебя благословил, – вздохнул Джуффин. – Трудно тебе сейчас в Иафахе придется.

– Трудно – возможно. Но вряд ли именно мне.

С этими словами сэр Шурф исчез. А я спросил Джуффина:

– Как думаешь, он разнесет Иафах по кирпичику?

– С чего бы? – удивился шеф. – Сэр Шурф, насколько я успел его изучить, не настолько любит монотонный физический труд. И в целом мне его настроение скорее нравится. Но знал бы ты, как я сейчас рад, что послушал Мастера Гэйшери и не стал благословлять еще и тебя.

Остаток дня я провел как в старые добрые времена – работал самым настоящим заместителем Господина Почтеннейшего Начальника Тайного Сыска. Иными словами, спал в его кресле, пока шеф наносил запланированные визиты. Самое поразительное, что меня никто не разбудил. То ли коллеги, запуганные Абилатом, договорились меня беречь, то ли просто были слишком заняты. Скорее, второе – насколько я успел их всех изучить.

Так или иначе, а разбудил меня сам Джуффин. Ну, то есть как – разбудил. Просто поднял кресло в воздух и вытряхнул меня из него на пол, как занявшего хозяйское место кота. Но я не рассердился, а даже обрадовался. Обычно на столь грубое попрание человеческого и мебельного достоинства шеф бывает способен в лучшие моменты своей жизни – когда идет по следу. Хорошо так, бодро идет.

– Как же я сразу не догадался, где тебе следует проводить отпуск, – сказал он, пока я поднимался, отряхивался и пытался всем своим видом изобразить хоть какое-то подобие праведного гнева.

Получалось не очень. Говорю же, из меня скверный актер. Но Джуффин все равно поспешно выдал мне кружку камры, чтобы уравновесить причиненное зло. И я, конечно, сразу сменил гнев на милость. Полное отсутствие гнева на милость, но все равно же сменил.

– Да, в твоём кресле отлично спится. То ли ты его так удачно заколдовал, то ли просто потому, что на службе спать теоретически не положено.

– Будешь смеяться, не просто «теоретически не положено», а официально запрещено, – ухмыльнулся Джуффин. – Давненько я не перечитывал наши служебные инструкции, а ведь там еще куча смешных вещей.

– Ты, я так понимаю, отлично провел время? – спросил я.

– Да, неплохо. И собираюсь продолжить, вот только дух переведу. Но дежурить в моем кабинете совершенно необязательно. Тем более, ты уже выспался. А у тебя дома гость.

– То-то и оно, – вздохнул я. – Такой распрекрасный гость, что я бы, знаешь, с радостью поработал в ночную смену. Убить случайно никого не надо? Или полы помыть?

– Спасибо, но пока нет.

– Так и знал.

– Не ломай комедию, – отмахнулся Джуффин. – Тебе же самому интересно, что там творится.

– Прямо сейчас – нет. Мне пока вообще ничего не интересно, я же только проснулся, не забывай. Но через полчаса – вполне возможно...

– Значит, пойдешь домой пешком. Медленным шагом. Какие проблемы?

– А ты мне ничего не расскажешь? – удивился я. – У тебя же небось тысяча новостей.

– Не преувеличивай, максимум полторы дюжины. К тому же, сам говоришь, что тебе пока ничего не интересно.

– Я соврал.

– Знаю. Но новости все равно будут завтра. Мне нужно спокойно подумать. А делать это в твоём присутствии – ну уж нет. Ты на меня действуешь хуже этого грешного Благословения. И, по-моему, вообще на всех.

К сожалению, я не из тех, кого утешают комплименты. Но когда Джуффин желает остаться в одиночестве, с ним не поспоришь. Пришлось уйти, как был – растрепанным и безутешным. И почему-то с кружкой из-под камры в руках. Спросонок я порой становлюсь на диво хозяйственным,

что да, то да.

* * *

Когда на пороге гостиной на меня налетел вихрь, я совершенно не удивился – Друппи в своем репертуаре, мне не привыкать. Удивился я буквально секундой позже, обнаружив, что, во-первых, не лежу на полу, а все еще стою на ногах; во-вторых, вместо здоровенной собаки у меня на шее висит что-то вроде человеческого существа, а в-третьих, это существо – Базилио. Ну и дела. До сих пор она была образцом хороших манер.

Теперь былой образец хороших манер висел на мне, дрыгая ногами от восторга, и верещал что-то нечленораздельное, но явно оптимистическое. Ну и то хлеб.

– Ты что, в Университет поступила? – догадался я.

– Да какой, в козью задницу, Университет?! – восторженно завопила Базилио.

Не то чтобы я запрещал ей ругаться. Напротив, всячески поощрял ее развитие в этом направлении. Да что там, откровенно подстрекал. Но, увы, почти безуспешно: старательно вызубренные бранные слова Базилио произносит так робко, словно боится поранить об них язык. Но сейчас козья задница вылетела из ее уст, как привычная формула приветствия «хорошего дня».

Однако упоминание о Королевском Университете все-таки привело ее в чувство. Базилио отпустила меня и вполне спокойно сказала:

– В Университете остался еще один экзамен; леди Тайяра уверена, я его распрекрасно сдам. Но важно не это. А то, что я теперь могу есть еду! Нормальную человеческую еду, ты представляешь?! Она оказалась такая замечательная! В сто раз лучше любой наколдованной. Как я до сих пор без нее жила?

– Что?! – изумился я. И тут же на всякий случай перепугался. Все-таки Базилио – овеществленная иллюзия и пытаться ей положено исключительно иллюзиями. Тоже овеществленными, при помощи примитивного бытового колдовства.

– А тебе не вредно? – осторожно спросил я.

– Мне полезно! – объявила Базилио. – Так Гэйшери сказал.

А. Ну если Гэйшери, тогда понятно. Хотя все равно не понятно ни черта.

– Он был очень голодный, – сказала Базилио. – Но наотрез

отказывался от еды. Что-то такое объяснял про парадоксы времени; на самом деле ужасно интересно, но я, к сожалению, мало что поняла. Тогда я предложила ему свою еду, наколдованную. Он продолжал говорить про парадоксы, но все равно попробовал – интересно же! И ужасно плевался. Кричал, что нельзя кормить ребенка безвкусной отравой. «Ребенок» – это, видимо, я. А тут еще леди Тайяра наябедничала, что она от этой моей еды вообще умерла; я пыталась объяснить, что на самом деле, не от еды, а от убийственного заклятия, которое на нее перед этим наложили, но Гэйшери не слушал, только страшно ругался... ну, то есть, честно говоря, совсем не страшно, а даже немножко смешно. Но я почти не смеялась, потому что это невежливо – смеяться, когда кто-то кричит.

– Рад, что тебе понравилось, – растерянно сказал я. – Потому что, насколько я понимаю, кричать он будет довольно часто.

– Конечно, будет, – кивнула Базилио. – Уж такой он чувствительный человек. Обещал, что меня тоже научит; говорит, это гораздо веселее, чем вежливо молчать.

– Ну как тебе сказать... – осторожно начал я, но Базилио не дослушала. Куда подевалась ее обычная деликатность? Впрочем, я примерно представлял, куда.

– Попробую – пойму, – отмахнулась она. – Но главное не это. А то, что накричавшись, Гэйшери пошел на кухню, отобрал у поваров пирог, который они испекли для себя, принес мне и сказал: «Ешь! Ничего с тобой не случится». И оказался прав. Ничего не случилось. И мне очень понравилось! А Гэйшери пообещал, что теперь так будет всегда. И сам поел со мной за компанию, сказал, что на все парадоксы времени вместе взятые ему на самом деле плевать. Мы еще потом к соседям ходили, в «Свет Саллари». А на обратной дороге – в новый трактир на Мокрой площади, где триста сортов мороженого, проверять.

– Проверка, как я понимаю, прошла успешно?

– Не то слово! – подтвердила Базилио. – Наверное, я теперь стану страшной обжорой. Но Гэйшери говорит, если много колдовать, особо не растолстеешь. Поэтому я теперь буду много колдовать.

– Ну, может, оно и неплохо, – сказал я. – Магия – прекрасное хобби для юной леди. Уж всяко лучше, чем курить трубку или вышивать.

И огляделся в поисках Гэйшери. Куда подевался? Почему не приходит на меня орать?

– А, вот и вы! – воскликнул Гэйшери.

Что удивительно, он не свалился нам на головы откуда-нибудь с потолка, а вошел из коридора, как самый обычный человек. Извлек из

воздуха картонный стаканчик с кофе и вручил мне. Очень мило с его стороны.

– Тоже мне, великие угуландские маги, – сварливо, но вполне спокойно сказал он. – Взялись овеществлять иллюзию, так делайте это как следует, а не наполовину, чтобы потом ребенка голодом морить. Не знали, небось, подходящего заклинания? В голове одно «дерьмундЫ»?

– Да не то чтобы одно, – хладнокровно заметил я. – Даже у меня, пожалуй, пара тысяч разнообразных вариаций наберется; у остальных гораздо больше, я все-таки почти новичок. Но по сути вы правы: подходящего заклинания у нас не нашлось. Спасибо, что помогли. Я очень рад за Базилио. И за кофе спасибо. Он сейчас кстати, как никогда.

– Хотя вам больше нравится горький и без молока, – усмехнулся Гэйшери. – Но вы решили мне об этом не говорить. Вы все-таки чересчур вежливый, вот в чем ваша беда.

До сих пор бедой я считал совсем другие свои особенности. Но леший его разберет, этого Темного Магистра. Вдруг он прав, и для полного счастья мне достаточно прекратить вполне беспомощные попытки не выглядеть совсем уж невыносимым хамлом, которые Гэйшери принимает за вежливость? Ух, заживу тогда.

Но ему я сказал:

– Дело не в вежливости. Просто вы только сегодня научились этому фокусу – я имею в виду, любить кофе, что, по моим наблюдениям, гораздо труднее, чем добывать его из Щели между Мирами. А новичков критиковать нельзя, чтобы не утратили энтузиазм. Только поддерживать и хвалить.

– Ну надо же, – удивился Гэйшери. – Неожиданный поворот! Любому другому я сказал бы на это: «Не разводите сопли, с чего вы взяли, будто другой человек нуждается в вашей похвале, будь он хоть триста раз новичок?» Но с вами спорить не стану. Великодушие вам, пожалуй, даже идет.

Я люблю, когда со мной отказываются спорить, особенно собеседники, от которых этого не ждешь. Самый короткий путь к моему сердцу – сперва продемонстрировать склочный характер, а потом соглашаться со всем, что бы я ни сказал. Вот и сейчас я сразу решил, что Гэйшери, при всех его странностях, на самом деле, просто отличный. И Базилио нынче выглядит на редкость счастливой. И дома все-таки очень хорошо.

Стоило мне подумать, как хорошо дома, как в моей голове, согласно закону подлости, тут же раздался голос Трикки Лая.

«Извини, – сказал он, – я помню, что у тебя отпуск, и обещал сэру

Джуффину, что больше не буду дергать тебя по пустякам. Но тут такое дело: в четвертом доме по улице Трех Сирот завелось чудовище, больше всего похожее на чей-то страшный сон. Лично я никогда раньше ничего подобного не видел и сразу решил, что это по вашей части – в смысле Тайного Сыска. Сэр Кофа, которого я позвал на помощь, говорит, что это фэтан^[16]. По его словам, почти новорожденный, то есть, совсем недавно вызванный и пока не очень опасный. А еще он говорит, что ты умеешь с ними разбираться...»

«Фэтан?! – переспросил я. – Мать твою четырежды на дне колодца! То есть, не твою, а его. Или сразу обеих, с тобой за компанию. Не приближайтесь к нему, я мигом».

– У вас такое лицо, словно вы сейчас кого-то убьете, – заметил Гэйшери.

– Да почему же «словно»? – ухмыльнулся я. И ушел Темным Путем, не попрощавшись. Сам говорил, что моя беда – вежливость, пусть теперь терпит. А Базилио к моим внезапным исчезновениям не привыкать.

* * *

Я был уверен, что вернусь очень быстро, максимум через четверть часа. Сколько там возни с новорожденным фэтаном – шарахнуть его Смертным Шаром и приказать убираться домой. Бедняги такому негостеприимному обращению только рады – невелико счастье, внезапно утратив телесность и память, оказаться в ином мире, в плену у сдуру призвавшего тебя колдуна.

С этим делом я и правда справился быстро, но если уж попал в лапы заместителя начальника Городской Полиции, который, во-первых, соскучился, а во-вторых, никогда не отказывал себе в удовольствии меня припахать, считай, влип, как тот фэтан. Только и счастья, что тело на месте, но сбежать домой ненамного проще. И, что самое ужасное, совершенно не хочется. Такова сила обаяния Трикки Лая, в полной мере унаследованная у него Базилио. Ей тоже никто ни в чем не может отказать.

Поэтому домой я вернулся – ну, не то чтобы совсем на рассвете, все-таки осенью довольно поздно светает. Но совсем незадолго до него. И хотел в этот момент только одного – тишины и покоя. Даже моя общительность имеет предел.

Тишина и покой у меня обычно хранятся на крыше. По крайней мере,

там шансы получить их в свое распоряжение довольно высоки, особенно в это время суток, да еще в такую погоду, когда по черепице стучит мелкий осенний дождь. Но с чем-чем, а с дождем справиться легче легкого. Для него у меня есть очень хорошее «дерьмундЫ» – в смысле заклинание, от которого над головой появляется своего рода невидимый тент.

Сперва я просто сидел, наслаждаясь возможностью никого не видеть и ничего в связи с этим не говорить. Потом, вечность спустя, извлек из Щели между Мирами чашку крепкого кофе. Еще одну вечность спустя закурил. В сумме эти две вечности вряд ли составили бы десять минут, но какая разница, если за это время я почувствовал себя настолько отдохнувшим, что снова обрел чудесную способность воспринимать некоторые сигналы, поступающие из внешнего мира. Например, слышать звуки. Точнее голоса.

Голоса раздавались из башни, то есть из моего кабинета, оккупированного Темным Магистром. Один из них принадлежал самому Гэйшери, да и второй я тоже сразу узнал. И удивился не тому, что сэр Шурф пришел в мое отсутствие – во-первых, он часто так делает, а во-вторых, ясно же, что человек погибает от любопытства, на его месте я бы и сам погибал – а тому, что у него нашлось время на этот визит. Что Шурф в принципе способен думать хоть о чем-то постороннем, дорвавшись до несанкционированного обыска чужих библиотек. С другой стороны, библиотеки никуда не денутся, а Темный Магистр – дело ненадежное, сегодня он есть, завтра нет. Глупо было бы упустить шанс.

О чем они говорят, отсюда было не разобрать, но, судя по интонации, взаимопонимания собеседники благополучно достигли. В смысле обошлось без скандала. Ничего удивительного, сэр Шурф Лонли-Локли – такой специальный человек, на которого почему-то совершенно невозможно орать, даже когда очень хочется. Я много раз проверял.

Меня, конечно, подмывало к ним присоединиться, но мое чувство такта, обычно крайне умеренное и не доставляющее особых неудобств, будучи умноженным на усталость, вырастает до небывалых размеров. В такие моменты я даже на линию горизонта стараюсь пристально не смотреть, чтобы не смутить солнце и не помешать его восходу. Поэтому я не стал соваться в башню. Но и уходить с крыши тоже не стал: зря, что ли, старался, мастерил защиту от дождя? Нет уж, буду сидеть, насколько ее хватит. Ну или пока не надоест.

Они, впрочем, сами почуяли мое присутствие. Удивительно, кстати, что не сразу. Может быть, когда я очень устал, меня, с точки зрения стороннего наблюдателя, как бы вовсе нет?

– Почему ты тут сидишь? – спросил Шурф, по пояс высунувшись из окна башни.

– Так получилось, – откликнулся я. И, понимая, что объяснение вышло недостаточно развернутое, добавил: – Набегался. Устал. Но, если что, я вас не подслушиваю.

– Естественно, ты не подслушиваешь. Это технически невозможно. Сидящие на крыше не могут разобрать, что говорят в кабинете, и наоборот, даже если окно открыто. Я сам заколдовал эту башню еще в середине лета, причем по твоей же просьбе.

– Надо же, какие странные у меня бывают желания, – искренне удивился я.

Они, тем временем, вылезли на крышу и уселись рядом со мной.

– Ха! Да тут не капает! – обрадовался Гэйшери. – Это что, колдовство такое? Остроумная идея. Удивительно, но мне до сих пор даже в голову не приходило, что когда надоело мокнуть, можно не прекращать весь дождь целиком, а только прикрыть от него свою макушку. Буду знать!

И вручил мне картонный стаканчик, на этот раз с простым черным кофе, не то чтобы крепким, зато горьким, как мои сожаления об отсутствии сахара, который в кои-то веки мог бы немного исправить дело. Зато обошлось без сиропа и молока, и на том спасибо. На такое, наверное, только я способен: завести в доме древнего Темного Магистра и использовать его как плохо отрегулированный кофейный автомат.

– Спасибо, – сказал я. – Извините, я не хотел вам мешать.

– Значит, не слишком расстроишься, узнав, что не помешал, – усмехнулся Шурф. – Мне все равно пора. Скоро рассвет, а у меня еще четыре библиотеки из намеченных на сегодня семнадцати не исследованы. Я так устал от обилия информации, что был вынужден сделать небольшой перерыв. Зашел к тебе, чтобы полчаса спокойно полежать на диване, но место было занято твоим гостем. Впрочем, я все равно прекрасно отдохнул: у тебя в кабинете довольно мягкий ковер, а сэр Гэйшери был столь любезен, что не предложил мне немедленно выметаться прочь.

– Ну вы же не мой гость, – объяснил Гэйшери. – Своих гостей каждый должен выставлять самостоятельно. А делать чужую работу – нашли дурака!

Они одновременно улыбнулись, совершенно одинаково, краешком рта. Надо же, сколь глубокого взаимопонимания можно достичь всего за какие-то несчастные полчаса.

– Ты пока ничего не нашел? – спросил я Шурфа.

Тот отрицательно помотал головой:

– К счастью, нет. То есть, разумеется, к сожалению, для вас-то чем скорей, тем лучше, это я понимаю. Но сами по себе поиски настолько увлекательны, что было бы довольно досадно прерывать их в самом начале.

Можно подумать, у меня были какие-то иллюзии на этот счет. Но я заранее придумал выход.

– Погоди, почему это «прерывать»? А вдруг интересующие нас рукописи найдутся сразу в нескольких библиотеках? Это может оказаться бесценной уликой. И одновременно существенным вкладом в историю магии. Так что ты уж, пожалуйста, в любом случае осмотри все пятьдесят миллионов частных собраний или сколько их там у нас.

– Всего сто сорок восемь. Но мне нравится ход твоих рассуждений, – откликнулся Шурф.

– Еще бы он тебе не нравился. Ты сам всегда говорил, что любое дело следует делать на совесть или вовсе не браться. Считай, я наконец-то внял.

– А что он ищет, если не секрет? – спросил Гэйшери, после того, как Шурф, вдохновленный ходом моих рассуждений, исчез.

– Старинные рукописи, в которых упоминается ваше Благословение. Откуда-то наш гипотетический злодей должен был о нем узнать; так почему бы не из каких-нибудь древних книг?

– Вы что, правда надеетесь таким образом кого-нибудь отыскать? – презрительно скривился Гэйшери.

– Боюсь, шансов на это немного, – честно признался я. – Просто сэр Шурф обожает рыться в библиотеках, особенно в чужих. А поскольку он человек занятой, ему нужен очень серьезный предлог, чтобы позволить себе такое удовольствие. Вы на нас по сходному поводу уже сегодня ругались, так что вряд ли имеет смысл начинать заново. Ничего не поделаешь, мы – такие, каковы есть.

– Да, в ваше время магам непросто живется, – кивнул Гэйшери. – Сердиться на вас бесполезно, это я уже понял. Но правда же – безобразие! Так нельзя. У настолько могущественного человека, как ваш друг, вообще не должно быть обязанностей, одни развлечения – вот как у вас.

– Хренасе развлечения! – возмутился я. – Да я от усталости едва жив!

– Устали вы или нет, дело десятое. Главное, вам это нравится. А то бы пальцем о палец не ударили.

Ну да. Нечем крыть.

– У вас прекрасный друг, – вдруг сказал Гэйшери. – Необыкновенно приятный собеседник с редким талантом предельно внятно объяснять сложные вещи. За эти полчаса я узнал о вашей эпохе, пожалуй, больше, чем

из всех предыдущих разговоров и наблюдений. Но, конечно, не это самое главное. Сразу видно, что вы во всем заодно и вместе можете гораздо больше, чем поодиночке. Настолько близкая дружба большая удача для мага, многих могущество обрекает на одиночество, не всем так везет, как вам. Смотрите, не убивайте его никогда!

Он так строго это сказал, словно я уже точил топор, выкрикивая в адрес Шурфа нечленораздельные проклятия. Или членораздельные, один черт.

– Ладно, – кивнул я, – не буду. Исключительно ради вас. На какие только жертвы не пойдешь, чтобы порадовать гостя.

– Это не смешно! – рявкнул Гэйшери.

Хорошо так, от сердца рявкнул, не поскупился на децибелы. С добрым утром, столица Соединенного Королевства! Я всегда считал, что нашему городу не помешал бы колокольный звон, но так тоже неплохо. По крайней мере, бодрит.

– Это совсем не смешно, – повторил он, уже гораздо тише. И очень печально, так что я даже испугался: а вдруг Гэйшери – пророк и предвидит грядущее?

Хотя совершенно непонятно, что должен устроить сэр Шурф, чтобы столь смелое пророчество получило шанс осуществиться. Нападать на меня, злобно вращая глазами, не поможет, это мы уже проходили^[17]. И даже полуторачасовыми лекциями о пользе всего полезного меня, как показывает практика, не проймешь.

– Я знаю, о чем говорю, – внезапно сказал Гэйшери. – У меня был такой же близкий друг, и мне пришлось его убить. А он не стал сопротивляться, хотя если бы захотел, от меня бы и воспоминания не осталось. Только сказал удивленно: «Ну ты и псих!» С тех пор я настолько один, что даже не могу произнести его имя. Что, впрочем, только справедливо. Это я заслужил.

Я уставился на него, потрясенный – не столько самим фактом этого бесконечно давнего уголовного происшествия, сколько тем, что Гэйшери мне зачем-то о нем рассказал.

– Он был лучшим из людей, – продолжал Гэйшери. – Живым воплощением магии с бесконечно добрым сердцем и острым умом. На мой взгляд, он был даже чересчур умен, поэтому и думал не в ту сторону – так я это называю. Считал, что людям лучше держаться подальше от магии, потому что в конце концов никчемные дураки, дорвавшиеся до тайных знаний, погубят Мир. Я с ним не особо спорил: пусть говорит, что хочет. Тем более, что среди людей и правда полно дураков. Только я считал – и до

сих пор стараюсь держаться этого убеждения – что магия может их исправить, своим существованием привнося в любую дурацкую жизнь наивысший смысл. Мой друг на это обычно говорил, что я тоже дурак, но настолько прекрасный, что нет никакого смысла меня исправлять, поэтому мы почти никогда не ругались, разве только по пустякам. Плохо другое: он был любимчиком Темной Стороны – не просто одним из многих избранных, а родным для нее существом. Темная Сторона ликовала, когда он туда приходил, а он рад стараться, сидел там почти безвылазно. И они так сроднились, что Темная Сторона начала перенимать ход его мыслей. А Темная Сторона, что бы вы о ней ни думали, – живое сознание Мира; в каком-то смысле Темная Сторона и есть сам Мир. Так что весь Мир вслед за моим другом стал думать не в ту сторону: будто магия в человеческих руках – великое зло...

– Что? – потрясенно переспросил я. И повторил: – Что?!

– То, что слышали, – отрезал Гэйшери. – Мой друг заразил своими мрачными мыслями весь Мир. Я понял, что происходит, когда у Темной Стороны окончательно испортился характер, и она начала запугивать всех, кто к ней приходил. Только со мной оставалась приветливой – ясно почему: ее любимчик всегда был мне рад. Но ладно, пусть бы пугала, мы ее любим всякой. И, кстати, наша любовь постепенно снова смягчила ее нрав. Гораздо хуже то, что мысли моего друга предопределили будущее Мира. Мир попал под его влияние и твердо решил рухнуть, когда люди станут слишком много колдовать. Я поздно спохватился; то есть, спохватился-то почти вовремя, просто долго с этим делом тянул, не хотел убивать самого близкого человека. Но пришлось. А как вы думаете, почему я ввязался в спасение Мира? И остальных наших уговорил, хотя они совсем не горели желанием делать чужую работу. Да и не принято у нас насильно спасать.

– Потому, что если бы Мир все-таки рухнул, получилось бы, что вы зря убили лучшего друга? Можно было оставить как есть? А раз уцелел, значит, все было сделано правильно?

– Да, – кивнул Гэйшери. – Вы меня понимаете. Именно в этом я и пытался себя убедить. Собственно, до сих пор пытаюсь, изо дня в день. Не сказал бы, что всерьез надеюсь однажды добиться успеха, но это уже иной вопрос. К тому же не затянул бы я так надолго, Мир, глядишь, не успел бы сродниться с идеей собственной гибели от человеческого колдовства и устремиться к ней, как к желанному финалу. Окажись я решительней, все пошло бы иначе; не знаю в точности, как, слишком много несбывшихся будущих видел, и все они давно перепутались у меня в голове. Ну да какая разница, если есть только то, что есть.

– Никогда ни о чем подобном не слышал, – вздохнул я.

– Естественно, не слышали. Я об этом никому из ваших не рассказывал. Вы – первый. И вовсе не потому, что я думаю, будто мой рассказ вам хоть чем-то полезен, это все-таки вряд ли. Не берите в голову, я совсем не пророк. Просто у меня сегодня поганое настроение, а вы умеете слушать. И вовремя подвернулись под руку. Устал я от этой ноши. К тому же, когда в Море такая пакость творится, поневоле начинаешь думать, что все было зря.

Я не стал говорить, что на самом деле ничего особенного в Море не творится. Подумаешь, выискался какой-то деятельный придурок, или несколько – а в какую эпоху без них обходилось? Однако по себе знаю: в минуту отчаяния разумные аргументы не действуют. А когда она заканчивается, человек преспокойно находит эти аргументы сам, столько, сколько понадобится и еще парочку про запас.

– Думаете, я преувеличиваю? – усмехнулся Гэйшери. – Это вы просто еще не поняли, что я всегда прав. Даже когда говорю глупости. Особенно когда говорю глупости! Кто ж виноват, что правда часто бывает так же глупа, как люди? Вот и моя такова. Столько тысячелетий прошло, Мир уцелел, не рухнул, но живущие здесь люди по-прежнему думают не в ту сторону, вместо радости бесконечных возможностей видят в магии зло. Не такого будущего я хотел для своего Мира! – он умолк и вдруг совершенно по-детски обиженно добавил: – Я совсем иначе это себе представлял.

– Ну слушайте! – не выдержал я. – Ничего не делается сразу, в один день. На все нужно время. Сами подумайте: у нас война между Орденами всего сто с небольшим лет назад закончилась. Вы сами сегодня заметили, что в городе прекрасная атмосфера. И это только начало, то ли еще будет. Надо просто подождать.

– Вот чего я терпеть не могу, так это ждать, – мрачно буркнул Гэйшери.

– Я тоже. Но вам проще: сами говорили, что можете пересечь Мост Времени и посмотреть, как у нас все будет через тысячу лет.

– Могу, если меня там кто-нибудь встретит, – неохотно согласился он. – Я давно решил договориться с Сотофой, на нее в таком деле можно положиться, но... Положа руку на сердце, я просто боюсь. Я и сейчас к вам идти боялся. Я вообще не особо храбрый, только делаю вид. Думал, а вдруг стало еще хуже, чем было? Приду и увижу, что уцелевший по моей воле Мир совсем запаршивел? И как я потом буду жить с таким грузом? А придется – еще восемьсот с лишним лет, согласно договору. Раньше мне уходить нельзя. Но рискнул. И правильно сделал, сам вижу, что стало

заметно получше. Однако нет никаких гарантий, что мне понравится то, к чему вы придете через тысячу лет. Поэтому посмотрю на ваше будущее за несколько дней до смерти. Чтобы не слишком долго мучиться, если выйдет не по-моему. А если по-моему – отлично, умру счастливым, точно зная, что все-таки справился. С какой стороны ни глянь, так лучше всего.

– Я почему-то был уверен, что вы вообще бессмертны, – зачем-то сказал я.

– Ну так все люди бессмертны, – равнодушно пожал плечами Гэйшери. – Почему только я? Но это не означает, что каждый обязан вечно жить одну и ту же жизнь. Впрочем, поначалу я именно так и планировал. Мне очень нравилось, быть таким, каким родился, думал, от добра добра не ищут, лучше, пожалуй, все равно не получится, оставляем как есть – навсегда. Однако с тех пор многое изменилось. И я уже очень долго жду, не дождусь возможности начать какую-нибудь новую игру. В следующий раз не буду убивать самых близких, даже ради спасения целой сотни Миров. Оно того не стоит, сэр Макс.

Я не стал говорить ему: «Понимаю». Хотя, наверное, понимал.

– Но насчет того, что на все нужно время, вы абсолютно правы, – неожиданно весело сказал Гэйшери. – Это же только у меня все быстро, а большинство людей медленные. Пока у них в голове уляжется новая информация и прорастет хоть какими-то переменами, звезды успеют погаснуть. Но это вовсе не значит, что ничего не делается. Делается, как может. Вечно я упускаю этот момент!

Он извлек из воздуха очередной белый картонный стакан, вручил его мне, сказал:

– По моим наблюдениям, желание пожаловаться посещает меня не слишком часто, примерно два-три раза в тысячу лет. Вам просто не повезло.

– Ничего страшного, – сказал я. – Мне почему-то часто жалуются.

– Такое уж впечатление вы производите на окружающих. Есть в вас какая-то неуловимая странность, придающая вам некоторое сходство с наваждением – ясно, что таких людей не бывает, а значит, и вас, вероятно, нет. Пожаловаться вам – почти то же самое, что сделать это наедине с собой. Вроде бы выговорился, а все равно не считается – очень удобно, великий соблазн. Умом при этом понимаешь, что вы существуете вполне объективно, но мало ли, что мы все понимаем умом.

– Тем не менее, я действительно объективно существую. Объективнее не бывает, – сухо заметил я.

Это, можно сказать, моя больная мозоль. Я так долго сомневался в

подлинности – не то своей, не то всего со мной происходящего, что до сих пор предпочитаю думать на эту тему поменьше. В идеале вообще не вспоминать.

– Разумеется, вы существуете, – согласился Гэйшери. – Я говорю не о настоящем положении дел, а только о впечатлении, которое вы производите на сторонних наблюдателей. Интересная разновидность обаяния, я бы, пожалуй, тоже так хотел. Однако для объективно существующего человека вы отлично держались, спасибо. И даже более-менее меня утешили, что особенно удивительно: обычно в такие моменты я не прислушиваюсь к чужим словам. А теперь я наконец-то получу ответ на давно волновавший меня вопрос: что приснится, если уснуть в далеком будущем, спустя много тысячелетий после собственной смерти? До сих пор мне ни разу не удавалось поспать в столь удивительных обстоятельствах, но сейчас у меня появился шанс. Я очень устал. И настолько спокоен, насколько это вообще возможно для меня.

С этими словами он через окно влез в башню и погасил там свет. А я остался наедине с жидким латте, в котором едва различался кофейный вкус. Впрочем, в качестве стакана молока на ночь оно вполне годилось.

Шансов уснуть после всех этих разговоров у меня было немного, однако я хорошо себя изучил и знаю, как обхитрить организм: главное – не укладывать его в постель, а с максимальными неудобствами разместить в любом непригодном для сна месте. Кабинет Джуффина – идеальный вариант, но черепичная крыша – тоже вполне ничего, особенно в холодное осеннее утро, вскоре после дождя, если не полениться и призвать к себе одеяло, сойдет.

Я и правда задремал; мне даже приснился какой-то невиданный зверь лилового цвета, пушистое тело с крыльями летучей мыши на тонких паучьих ногах удачно уравновешивалось симпатичной собачьей рожицей с белым пятнышком на носу. Зверь ломился в запертое окно моего кабинета и на все попытки наладить общение, смущенно бубнил, что обязательно навестит меня когда-нибудь позже, а сейчас ему очень надо присниться Гэйшери: возможно, это его единственный шанс стать сновидением Темного Магистра из далекого прошлого. Такую возможность упускать нельзя.

Я не стал препятствовать карьере нелепой химеры и дальше спал без сновидений. Но, к сожалению, очень недолго. Максимум полчаса.

– Если ты пришел присниться Гэйшери, то он дрыхнет в башне, –

сказал я очередному видению, закутанному в непромокаемое лоохи, вроде тех, что носят моряки. – А я, так и быть, обойдусь.

Сперва сказал и только потом понял, что это, во-первых, Нумминорих. А во-вторых, он вроде бы пришел вполне наяву. Что в общем нормально: он часто заявляется на мою крышу без приглашения. Якобы учится ходить Темным Путем по моему запаху, а на самом деле, конечно, в расчете как бы случайно застать здесь что-нибудь интересное, а если повезет, влипнуть в историю. Ему, кстати, довольно часто везет.

Но сегодня он опоздал. История, в которую он мог бы влипнуть, уже отправилась в постель.

– Извини, – сказал Нумминорих. – Я тебе не снюсь. Хотел посидеть и спокойно подумать. Был совершенно уверен, что в это время ты спишь.

– Ну а что я, по-твоему, делаю? – спросил я и натянул на голову одеяло.

– Прямо на крыше? – удивился он.

Я промолчал, поскольку ответ на этот вопрос, как мне казалось, был вполне очевиден. Чего зря языком молоть. Обладай я могуществом Гэйшери и его способностью нечаянно, по недосмотру воплощать свои страстные желания, Нумминорих сейчас исчез бы отсюда и оказался в лучшем случае в Арварохе. Заодно грозной повелительнице кошмаров леди Меламори привет бы передал.

Однако ему повезло, так я пока не умею. Что только к лучшему, а то по утрам столица Соединенного Королевства становилась бы абсолютно пустынно. А ближе к вечеру постепенно снова заполнялась бы населением – к этому времени я обычно начинаю скучать по человеческим голосам. Каждый день ни с того, ни с сего исчезать, а потом заново появляться – довольно нервная жизнь, лично я для себя такого бы не желал.

– Ладно, – вздохнул Нумминорих. – Раз ты тут спишь, пойду думать в другое место.

В этот момент во мне зачем-то проснулась не то совесть, не то любопытство, не то сразу все.

– О чем ты собираешься думать? – спросил я, высунув из-под одеяла небольшую часть носа.

– Об удивительных результатах своего расследования, – сказал он. И не слишком уверенно добавил: – Вряд ли это срочно. Потом расскажу. Мне надо будет с тобой посоветоваться. Проснешься – пришли мне зов.

– Уже проснулся, – объявил я, высунув из-под одеяла остаток носа. За носом наружу зачем-то пролезла вся остальная голова. – Советуйся давай.

Обнаружив, что можно не ждать до обеда, Нумминорих натурально

расцвел. И торопливо, пока я не передумал, затараторил:

– Я решил начать с подписавших петицию. Потому что до них трудней всего добраться, ну и пока Кофа плащ-невидимку не отобрал. Успел найти и обнюхать примерно половину. Сам в свою затею не особенно верил, но как ни странно, вышло по моему: у всех присутствовал слабый след одного и того же запаха, причем явно мне знакомого. Я не сразу понял, что это такое, но потом вспомнил. Леди Меламори так иногда пахла. Не всегда, а...

– Меламори?!

На этом месте я проснулся окончательно и бесповоротно. Некоторые новости чрезвычайно бодрят.

Впрочем, миг спустя я опомнился.

– Меламори в качестве главы заговорщиков была бы ослепительно прекрасна. Даже жаль, что она беспробудно спит в Арварохе. По крайней мере, еще вчера там спала.

– Так я и говорю: не всегда, – перебил меня Нумминорих. – Это не один из ее основных запахов. Она так только изредка пахла. Причем, как правило, когда была в плохом настроении. Я немного подумал, сопоставил некоторые факты и сообразил, что в плохое настроение Меламори обычно приходила после того, как навещала родителей. Пару раз даже говорила мне что-то вроде: «Зачем я вообще к ним хожу? Люди должны встречаться не из вежливости, а для радости». В общем, полчаса назад я пробрался в особняк Блиммов. У них там на входе отличные охранные амулеты, старинные, хоть в музее выставляй, но я с такими, ты знаешь, легко договариваюсь. А с замками справиться – вообще не вопрос. В общем, теперь я точно знаю, что правильно догадался. Люди, чьи подписи стоят на петиции, недавно побывали в доме Блиммов. Ну, то есть сравнительно недавно, дня три-четыре с тех пор прошло, запах все-таки слабоват.

– Здорово! – сказал я. – Ну у тебя и нюх! Правда, в итоге наверняка выяснится, что Блиммы недавно устраивали вечеринку, и все наши жалобщики у них веселились. Они же, как говорится, люди одного круга. Но все равно интересный факт. А о чем ты собирался думать, да еще и со мной советоваться? С такими новостями надо бежать прямо к Джуффину. Пусть он думает, он умный. У него, не поверишь, из туловища растет голова. Своими глазами видел. Вот такая большущая! – и я широко развел руки в стороны, щедро, от сердца преувеличив размеры начальственной головы.

Нумминорих улыбнулся, не то чтобы очень жизнерадостно, но для человека, не спавшего всю ночь и обремененного новыми скорбными знаниями, вполне ничего.

– Я и хотел сразу к Джуффину, – сказал он. – Но потом почему-то засомневался. Все-таки родители Меламори...

– И что, им по этому поводу все можно? – удивился я. – Ну уж нет! Скажу тебе больше, если ты вдруг унюхаешь, что все городские злодеи в последнее время побывали у меня дома, с этим тоже надо бежать к Джуффину, пусть разбирается. Вдруг я по ночам в бессознательном состоянии руковожу столичным преступным миром? Такие вещи о себе лучше знать. И принимать меры. Мне тоже, к сожалению, можно не все.

– Не то чтобы я думал иначе, – с явным облегчением сказал Нумминорих. – Просто хотел быть уверен, что ты на меня не рассердишься.

– Я? Рассержусь? На тебя? Из-за Блиммов?!

– Ты всегда защищаешь близких.

– Защищаю, конечно. Если ты вдруг проснешься не в настроении и убьешь пару сотен мирных граждан или просто превратишь их в горбатых жаб, обращайся. Сразу отведу тебя на Темную Сторону, проверю, нет ли на тебе какого-нибудь интересного чужого заклятия, а если нет, попрошу ее перевоспитать тебя из злодея обратно в нормального человека – все лучше, чем Смертный Шар метать. А потом помогу эмигрировать в какую-нибудь другую реальность, потому что в этой за тобой наверняка будет гоняться как минимум Городская полиция в полном составе. Плюс родные и близкие жертв. Кого другого отдал бы Канцелярии Скорой Расправы, пусть разбирается, а тебя – нет. Но только на своих условиях – чтобы вреда от тебя больше не было. А сказать: «Молодец, продолжай в таком духе, я тебя прикрою», – извини, все-таки вряд ли. Я нервный. Не люблю, когда в городе творится бардак.

Нумминорих, слушая меня, заметно приуныл, я тут же почувствовал себя занудой и моралистом, устыдился и поспешно добавил:

– Все равно спасибо, что решил посоветоваться. Теоретически глупость, а на практике мне приятно, что ты был готов утаить важную улику, поставить под угрозу безопасность Соединенного Королевства и вдобавок проиграть шефу корону – исключительно ради меня.

– Ой, а ведь точно! – оживился Нумминорих. – Мы же поспорили на корону! И получается, я ее уже выиграл. Важные сведения или неважные, но он сказал: «Если раздобудешь хоть какую-то информацию». И я ее раздобыл.

– Сейчас мы его обрадуем, с утра пораньше, – сказал я. И послал зов сэру Джуффину Халли, хоть и осознавал, что в данное время суток это скорей злодейство, чем доброе дело. Практически кровавая месть.

Однако шеф откликнулся сразу и был, по моему впечатлению,

чрезвычайно бодр.

«Приходите оба, я как раз у себя в кабинете», – сказал он.

* * *

– Блиммы во главе политического заговора это просто отлично! – обрадовался Джуффин, выслушав Нумминориха. – Будет жаль, если это неправда, очень уж смешно. Но насколько я знаю Корву, он более-менее способен договориться с одним человеком. Максимум с двумя – при условии, что они будут не только беспрекословно его слушаться, но и благодарить за каждое указание. Трое – уже перебор.

– А вечеринки Блиммы устраивают? – спросил я.

– Случается. Леди Атисса обожает принимать гостей. Корва ради нее кое-как их терпит, а гости кое-как терпят его. Впрочем, у Блиммов великолепный повар. И, спасибо стараниям Магистра Кимы, всегда найдется несколько бутылок вина из погребов Семилистника, это отчасти компенсирует кислую физиономию хозяина дома и его естественное нежелание украшать собой вечер. Можно сказать, создает баланс.

– Как же все сложно! – вздохнул я.

– Ну что ты. Наоборот, очень просто. Я тебя сейчас научу. Получаешь приглашение, надеваешь самое дорогое лоохи, какое сможешь отыскать у себя в шкафу – в новом, только что купленном на приеме появляться нельзя, это считается дурным тоном. Нарядившись, приходишь в гости чуть позже заявленного времени, опаздывать необходимо, но не больше, чем на полчаса. Вежливо здороваешься, хозяин дома в ходе краткой светской беседы дает понять, что считает тебя болваном, это довольно обидно, но тут приносят вино и подают паштеты, краем уха ты слышишь, что примерно то же самое Корва говорит всем подряд, добродушно думаешь: «Утопить бы его в болоте», – и берешь с подноса бокал.

– Спасибо, – поблагодарил я. – Это бесконечно ценное знание. Теперь я умею ходить на великосветские вечеринки. Даже жаль, что никогда не позовут.

– Может, они и петицию во время вечеринки подписали? – предположил Нумминорих, каким-то чудом сохранявший разум, невзирая на наше дурное влияние.

– Вполне может быть, – легко согласился Джуффин. – При условии, что Корву, который не допустил бы в своем доме такое безобразие, вызвал садовник по срочному делу, а леди Атисса выкатила гостям бочку

«Сладкого обещания» третьего года Кодекса, под него я бы и сам все что хочешь подписал. В любом случае ты удивительный молодец. Обнаружить запах помещения, в котором человек побывал несколько дней назад, а после этого многократно принимал ванну и переодевался – по-моему, совершенно немыслимо. А ты даже источник запаха опознал.

– Может, аристократы считают мытье ниже своего достоинства? – предположил я. – И догола не раздеваются по той же причине? Вообще никогда?

– Блестящая версия, – похвалил меня шеф. – Ничего более абсурдного я не слышал с тех давних пор, когда в первый и последний раз попытался обсудить рабочие проблемы с генералом Бубутой Бохом. Превзойти даже его – это действительно надо уметь.

Я скорчил зверскую рожу, дважды стукнул кулаком по столу и признался:

– Это шутка была, а не версия. Довольно глупая даже в качестве шутки, согласен, но я пока в отпуске. Имею полное право не блистать интеллектом. И вообще ничем не блистать.

– Ишь, размечтался, – хмыкнул Джуффин. – Отпуск ему подавай. Не надо было раньше времени убегать из Холоми. Спал бы сейчас, как младенец, горя бы не знал.

– На самом деле запах в ванной далеко не сразу смывается, если не пользоваться специальными средствами, – сказал Нумминорих, который все это время терпеливо ждал паузы, чтобы встрять в разговор. – Но специальные средства для полного устранения запаха, насколько я знаю, практически перестали использовать еще в конце Эпохи Орденгов, сочтя их излишеством. К счастью, люди недооценивают возможности нюхачей. Вот, скажем, вы, – он улыбнулся Джуффину, – дня три, а то и четыре назад были в одном из портовых трактиров, точно не скажу, в каком, но велики шансы, что в «Соленом Омлете». И наверняка с тех пор не один раз мылись и даже ходили на Темную Сторону. А запах все равно есть!

– Вот это меня и удивляет, – кивнул Джуффин. – Честно говоря, я стараюсь пореже думать, как много ты знаешь обо всех нас.

– На самом деле не очень много, – смущенно улыбнулся Нумминорих. – Боюсь, мне просто не хватает житейского опыта, чтобы опознать большинство ваших запахов. Ясно только, что у всех вас очень интересная жизнь.

– У меня – так точно, – сказала леди Кекки Туотли. – Интересней не придумаешь. Похоже, кражи со взломом – мое призвание. Обидно, что оно

только сейчас мне открылось. И Правдивый Пророк, когда я к нему ходила, даже не намекнул. Но лучше поздно, чем никогда.

Я еще не успел сообразить, откуда она взялась, а Кекки взяла мою кружку, залпом допила оставшуюся там камру и положила на стол Джуффина несколько листов очень плотной бумаги, с виду старинной; впрочем, я не эксперт.

– Это случайно не тот документ, за которым вы отправили на охоту сэра Шурфа?

Мы с Джуффином уставились не на бумаги а на нее. Мы оба совершенно точно помнили, что о Шурфе и библиотеках говорили не вслух.

– Извините, – сказала Кекки, примерно с таким же самодовольным видом, с каким извинялся Гэйшери, выдернув меня с совещания. – Кофа когда-то угробил кучу времени, сил и нервов, чтобы научить меня подслушивать чужую Безмолвную речь. Но именно в этом деле я оказалась тупа, как пробка, так что он в конце концов сдался, сказал: «Я для тебя плохой учитель, может, кто-то другой как-нибудь». А сегодня вдруг само получилось. Заметила, что вы перешли на Безмолвную речь, попробовала Кофин прием, который мне никак не давался, и вдруг все услышала. Из-за этого вашего древнего Благословения, я так думаю. Ужасно жалко, что скоро пройдет.

– Ну так умения при тебе останутся, – утешил ее Джуффин. – Чему научилась, то уже твое. Благословение Гэйшери дарует нам не чудесные способности как таковые, а только вдохновение, чтобы их раскрыть. А если все-таки разучишься, благословлю тебя еще дюжину раз, мне не трудно. Но только при условии, что твердо пообещаешь не слишком увлекаться кражами со взломом. Они не каждый день бывают уместны. Впрочем, сегодня, похоже, благоприятный день для краж.

Он склонился над принесенными бумагами, какое-то время внимательно их изучал, наконец посмотрел на Кекки, как будто впервые ее увидел и сразу решил жениться. Ну или наоборот, четвертовать.

– Где ты это взяла?

– Судя по запаху, в доме леди Шуманы Тамайхуни, – влез Нумминорих.

Кекки кивнула:

– Именно там. Кофа предложил мне заявиться к ней под видом богатой бездельницы, которая не хочет учиться в группе, ищет преподавателя для индивидуальных занятий и готова платить такие огромные деньги, чтобы у леди Шуманы от жадности закружилась голова. Он рассчитывал, что, если

мне удастся ее обаять, появится шанс узнать что-нибудь интересное: перспективной будущей ученице могут рассказать и показать гораздо больше, чем старому приятелю из Тайного Сыска. Не знаю, насколько мне удалось обаять леди Шуману, но старинной рукописью она у меня перед носом помахала, суля открыть великое множество тайн. Я поблагодарила, пообещала вернуться и пошла заниматься другими делами, приметив, в какой шкаф она спрятала бумаги. А под утро вернулась. Решила, надо на всякий случай вам эту рукопись показать.

– Значит, все-таки леди Шумана Тамайхуни, – задумчиво сказал Джуффин. – Неожиданный поворот. Ладно, тем интересней. Осталось понять, что за документ перед нами: настоящая древняя рукопись, или подделка. Нам нужен эксперт. Макс, если уж у тебя без всяких благословений открылся чудесный дар внушать сэру Шурфу, будто бесплатная работа на Тайный Сыск – наилучший способ приятно провести свободное время, примени его, будь любезен, еще раз.

– Да с удовольствием. Позвать Шурфа взглянуть на неизвестную ему древнюю рукопись – все равно, что двести раз кряду спасти ему жизнь, в промежутках угощая обедами. Теперь он будет моим вечным должником, а не твоим.

Шурф не дослушал мои объяснения; справедливости ради, правильно сделал, особой внятностью они не отличались. И ни слова в ответ не сказал, а просто появился в кабинете Джуффина. Вид у него был одновременно очень довольный, смертельно усталый и – не то чтобы по-настоящему встрепанный, но для него, пожалуй, все-таки да.

Не поздоровавшись с присутствующими, он сразу склонился над столом, на котором лежала Кеккина добыча. Почти незаметно поморщился; я очень хорошо знаю это выражение его лица, означающее высшую степень праведного негодования при обнаружении вопиющего непорядка в крайне важных вопросах. Например, когда в знаменитом шиншийском супе «Тысяча специй» их оказывается всего восемьсот тридцать одна.

– Бумага действительно довольно старая, – наконец сказал Шурф. – Навскидку ее можно датировать концом Хоттийской династии... ну, возможно, не самым концом, но совершенно точно второй половиной периода их правления. Впрочем, коллекционной редкостью она не является, в ту пору производили довольно много бумаги, качество у нее отменное, сохраняется прекрасно, так что запасов более-менее хватает на всех нынешних любителей старины. А вот что касается чернил, это стыд и позор.

Я посмотрел на него с интересом. Похоже, я не знаю чего-то очень важного о чернилах, их моральном облике и даже возможно, порочном влиянии особо беспутных чернил на написанный ими текст.

– Чернила современные, – с плохо скрываемой неприязнью пояснил мой друг. – Причем их даже не пытались обработать, чтобы создать хоть какую-то иллюзию старины. Взяли обычные сравнительно недорогие так называемые «вечные» тарунские чернила, какие можно купить, как минимум, в полудюжине лавок; о Сумеречном рынке уже не говорю. Не знаю, на что рассчитывал автор этой подделки, но даже мне, постороннему человеку, стыдно за него.

– А содержание? – нетерпеливо спросил Джуффин. – По сути там все верно описано, это я тебе сразу могу сказать. Меня интересует, сочинен текст нашим современником, или переписан со старого образца?

Шурф взял в руки бумаги и разглядывал их очень долго. То есть, секунды три. Насколько я его знаю, за это время он успел перечитать написанное раз пятьдесят.

– А вот это по-настоящему интересно, – наконец сказал он. – Похоже, второе. Ну или очень умелая фальсификация. Но я, пожалуй, даже не знаю, кто из ныне живущих специалистов способен достичь такого уровня достоверности. Так что текст, скорее всего, переписан из оригинального источника.

– Причем самой леди Шуманой Тамайхуни, – добавил Нумминорих. – Кроме нее и Кекки эти бумаги в последнее время никто в руках не держал.

– Вот как, – задумчиво сказал Джуффин. – Интересно, зачем ей?.. Ладно. Узнаем.

– Что касается текста, – добавил Шурф, – здесь, конечно, требуется гораздо более тщательная экспертиза. Но ряд синтаксических особенностей позволяет предположить, что перед нами фрагмент «Песни обо всем»^[18] принца Аллоя, до сих пор никогда не попадавший в руки исследователей. Если я прав, это самое значительное открытие со времен находки оригинальной рукописи «Книги безумий». Оригинал обязательно надо отыскать!

Его глаза полыхали таким вдохновенным огнем, что мы не стали с ним спорить. Надо так надо. Пусть ищет. Кто ж ему запретит. А что этот грешный оригинал нужен не столько для его удовольствия, сколько в интересах следствия, бестактно было бы вот прямо сейчас напоминать.

– Если на этом все, я, с вашего позволения, вернусь в библиотеку леди Кумары Анамури. – сказал Шурф. – Макс оторвал меня от работы в очень интересный момент.

– Ты нашел там упоминание о Благословении Гэйшери? – обрадовался Джуффин.

– К сожалению, пока нет. Зато у нее обнаружилось уникальное издание «Теней неушедших»^[19], с авторскими комментариями самого Мори Злопамятного, которые были изъяты при последующих редакциях – не то потому, что разглашают тайны, которых обычному читателю не следует касаться, не то просто по причине вопиющей непристойности некоторых оборотов. Даже мне показалось, что комментатор местами перегибает палку, хотя смутить меня, пожалуй, несколько трудней, чем убить.

– Ух ты! – восхитился я. – Перепиши эти комментарии для меня, пожалуйста.

– Чтобы ты выучил их наизусть и выкрикивал при каждой встрече, втайне надеясь, что однажды я выйду из себя и начну гоняться за тобой с топором и фермерскими заклинаниями для укрощения свирепых коз? Ладно, перепишу.

Вот что значит настоящий друг.

– У тебя Орден вконец не развалится, пока ты тайком читаешь непристойности по чужим библиотекам? – сочувственно спросил Джуффин. – Не то чтобы я буду безутешен, но Сотофа нам не простит.

– Этот грешный Орден не развалился за несколько столетий постоянного присутствия Нуфлина Мони Маха. Так что мое кратковременное отсутствие уж точно переживет, – надменно сказал Шурф.

– Похоже, Благословение Гэйшери отлично помогает от избытка ответственности, – заметил я.

– Кому как, – пожал плечами Джуффин. – По моим наблюдениям, каждый получает именно то, чего ему не хватает – не вообще, а вот прямо сейчас.

– О да, – с чувством подтвердил сэр Шурф. И исчез.

– А у меня только нюх еще сильнее обострился, – уныло сказал Нумминорих. – Больше вроде никаких перемен. Сегодня это оказалось очень полезно, но все равно обидно. С другими вон что творится! А со мной – нет.

– Так это потому, что ты сперва решил, чем собираешься заниматься, а уже потом получил Благословение, – объяснил ему шеф. – Я имею в виду, у тебя к этому моменту была четкая цель, которой ты очень хотел достичь. И заранее беспокоился, вдруг ничего не получится. Поэтому Благословение Гэйшери подействовало именно на твое обоняние: ты сам так хотел. Это, кстати, объясняет, почему тебе удалось почти невозможное. Положа руку на сердце, я не особо верил в успех.

– И проиграли корону! – напомнил ему Нумминорих.

– Точно. Держи.

Джуффин положил на стол монету с профилем Его Величества Гурига Восьмого и пообещал:

– Ближе к вечеру благословлю тебя еще раз, посмотришь, что будет, только постарайся ничего не загадывать наперед. Забуду – напомни. А теперь марш по домам. Все трое! И чтобы я вас раньше, чем в обед в Управлении не видел.

Мы уставились на шефа с немым изумлением. Не знаю, кто как, а я сразу подумал, что для полного счастья Джуффину, оказывается, не хватало гуманности. Ну или просто наплевательского отношения к работе Тайного Сыска. Что, впрочем, в его случае примерно одно и то же.

– В запутанных делах вроде этого невозможно предугадать, когда у нас появится возможность перевести дух, – сказал он. – Может, уже завтра, а может, только к началу зимы. Поэтому пока она есть, глупо не воспользоваться.

– А она есть? – недоверчиво переспросил я, убежденный сторонник истерического метода расследования, когда все хаотически перемещаются по городу, нервно размахивая руками, питаются исключительно печеньем на совещаниях и сутками напролет не спят.

– Утренние газеты только что вышли, – объяснил Джуффин. – К обеду, надеюсь, станет более-менее понятно, какой они возымели эффект. Заодно проверим, заявит ли леди Шумана Тамайхуни о возмутительной краже старинной рукописи, или замнет этот вопрос.

– А Блиммы? – спросил Нумминорих. – Нам разве не надо срочно?..

– Срочно пока вообще ничего не надо, – твердо сказал шеф. – Никуда твои Блиммы от нас не денутся. Они же не в курсе, что ты про них кое-что интересное разнюхал. Зачем им куда-то бежать? Впрочем, их побег многое расставил бы по местам и заодно развлек бы публику. Даже жаль, что на него никакой надежды. Все. Марш по домам!

* * *

Обычно в таких случаях я иду куда угодно, но только не по указанному маршруту. Чувство противоречия – топливо, на котором функционирует мой организм. Но тяжелый приступ гуманизма у Джуффина привел меня в такое замешательство, что я дисциплинированно шагнул Темным Путем прямо в гостиную Мохнатого Дома. И сразу понял, что вовремя. Вернее,

почти вовремя. К самому интересному все-таки опоздал.

В центре гостиной на полу сидела леди Тайяра Ката, завернутая в старое куманское одеяло, уже некоторое время влачащее безрадостную судьбу официальной собачьей подстилки, и рыдала взхлеб, как младенец, у которого отобрали любимую погремушку. Рядом расположилась Базилио, хвала Магистрам, тщательно одетая и даже не по самой последней столичной моде, то есть, без содрогания вполне можно смотреть. Вид у нее был чрезвычайно растерянный. Неудивительно, до сих пор в нашем доме главной ревой была она. А все остальные в моем лице вечно ломали голову, как ее на этот раз утешать.

– Что у вас стря?.. – бодро начал я. И умолк буквально на полуслове, наконец-то сообразив, что именно не так в этой уютной домашней сценке. На полу рыдала сама леди Тайяра, а не призрак, поселившийся у нас после ее трагической гибели.

– Сам видишь, – сказала Базилио. – Леди Тайяра воскресла. Я думала, быть живым человеком гораздо лучше, чем призраком. Но леди Тайяра, по моему, как-то не очень довольна.

– «Не очень довольна» это еще мягко сказано, – согласился я. – Впрочем, иногда люди плачут от радости, настолько сильной, что иначе невозможно ее перенести.

– Да какая, в болото, радость?! Вся моя работа хромой козе под хвост! – объяснила леди Тайяра, не прекращая рыдать. – Я же только-только начала разрабатывать специальную магию для призраков! С особыми ритмами и всем остальны-ы-ы-ы-ы-ы-ы-ым.

На этом месте она буквально захлебнулась слезами.

– Ага. Значит, все-таки не от радости, – вздохнул я. – Жаль. Потому что совершенно не представляю, как вас утешить. То есть представляю, но я, к сожалению, не маньяк-убийца, поэтому не возьмусь. – И спросил Базилио: – Это Гэйшери устроил?

– Ну а кто же еще? – невольно улыбнулась она.

– Я думал, он спит.

– Спал. И уже пошел спать дальше. Но час назад спустился из башни, сказал, очень трудная это работа – смотреть чьи-то будущие сны. И попросил принести ему камру, которую варят наши повара.

– Дырку в небе над нашим домом. Каким чудом он до сих пор цел? – искренне удивился я.

Если бы Гэйшери разрушил Мохнатый Дом, после дегустации нашей камры, я бы, пожалуй, не смог его упрекнуть. Потому что повара хоть и стали вполне пристойно готовить, отринув прискорбные традиции

Королевской кухни, но камру до сих пор предпочитают варить по дворцовому рецепту. В результате единственное достоинство изготовленного ими напитка заключается в том, что он все-таки не яд.

– Ну что ты, Гэйшери не настолько злой, – укоризненно сказала Базилио. – Он даже посуду не бил. Только обзывал камру разными удивительными словами, было очень смешно! Особенно про слезы бешеной кошки и помет болотного духа... Или наоборот, слезы болотного духа и жидкий кошачий помет? Но между делом все-таки выпил полторы кружки, страшно при этом кривляясь и плюясь. На шум прилетела леди Тайяра, и Гэйшери сразу забыл про камру. Сказал, что думал о леди Тайяре весь вчерашний вечер и решил, что такой прекрасной юной леди не помешало бы добавить немного телесности. После этих слов она сразу стала живой, только без одежды, но это, по-моему, совсем не беда. Завернулась в подстилку и расплакалась. А Гэйшери сказал, что пообещал еще несколькими сотням сновидений непременно увидеть их в ближайшее время. И пошел наверх. Иными словами, сбежал подобра-поздорову.

– Юу-у-у-у-у-у-у-у-уной ле-е-е-еди! – сквозь слезы передразнила леди Тайяра. – Да я как минимум вчетверо старше этого нахала!

– Это вряд ли, – возразил я. – Говорят, нашему гостю около двадцати тысяч лет; точно никто не может сосчитать, все сбиваются.

– Тоже мне, великая трудность до двадцати тысяч сосчитать! – презрительно фыркнула леди Тайяра. – Любой школьник сумеет. Но он все равно молодец, жить двадцать тысяч лет подряд это разумный выбор. Довольно много можно успеть.

– Может, и вы теперь столько проживете, если уж все равно воскресли, – сказала ей Базилио. – Почему нет?

Надо же, какая способная, слету научилась утешать. По крайней мере, леди Тайяра окончательно прекратила реветь и ответила почти нормальным голосом:

– Может, и проживу. Но на данном этапе работы мне было гораздо удобней оставаться призраком. Прекрасное состояние! Вечное сияние чистого разума, и никаких забот. А теперь начинай сначала: деньги, имущество, жилье, так называемое человеческое общение и прочие невыносимые хлопоты. И сон – столько драгоценного времени снова придется на него тратить! А если еще, упаси меня от такой беды Сердце Мира, чья-нибудь задница в очередной раз понравится? Тогда прощай ясность мысли на целую дюжину дней. Ненавижу, когда рушатся мои планы! Особенно если настолько невовремя, – заключила она. Но уже не скорбно, просто сердито.

А с сердитыми леди мне гораздо легче найти общий язык, чем с рыдающими. К такому их агрегатному состоянию я как-то больше привык.

– С Гэйшери ничего не поделаешь, – сказал я леди Тайяре. – Это такое стихийное бедствие вроде потопа, его можно только переждать и постараться выйти с наименьшими потерями.

– Да я уже потеряла все! – воскликнула она, скорбно воздев к потолку руки. Кстати, очень красивые руки. Я и забыл.

– Не все, а только свое бестелесное состояние, – возразил я. – Голова-то осталась при вас. И то, что в ней. Это главное. При такой голове какая разница, есть у вас тело или нет?

– Это был комплимент, или вы надо мной подшучиваете? – строго спросила леди Тайяра.

– Первое, разумеется. По-моему, ваша голова – это совсем не смешно.

– Вы можете и дальше оставаться у нас. Сами видели, сколько здесь пустых комнат, – предложила Базилио, адресовав мне при этом такой умоляющий взгляд, что даже если бы я ненавидел нашу гостью всем сердцем, все равно не смог бы устоять.

– Вы же не бросите Базилио, – сказал я леди Тайяре. – Вы сейчас нужны ей как воздух. Сами говорили, она очень способная, а способным людям надо постоянно учиться, причем на пределе возможностей. А другой такой учительницы во всем Море не отыскать.

– Но теперь она будет учиться в Университете.

– Если еще поступлю, – напомнила Базилио.

– Да поступишь, конечно, – отмахнулась леди Тайяра. – Кого туда и брать, если не тебя.

– В том и проблема, – объяснил я. – Ей там будет слишком легко. К тому же кто-то должен ежедневно вытряхивать из ее бедной головы глупости, которым нынче учат студентов. Я совершенно точно не потяну. Поэтому готов идти на любые расходы. Кров, стол, жалование по вашему желанию; бонусом прилагаются интриги, скандалы, расследования, нашествия Безумных Магистров, – я многозначительно возвел глаза к потолку, подразумевая башню, в которой залег Гэйшери, – и другие оригинальные способы отрывать вас от работы в самый неподходящий момент. Но по крайней мере, моя задница не будет вас отвлекать. В смысле вы на нее уже вдоволь нагляделись, скучное повседневное зрелище, как законный пейзаж.

Леди Тайяра наконец-то рассмеялась. Теперь, по моему опыту обращения с сердитыми леди, дело должно было пойти на лад.

– Я в этом деле и сам пострадавший, – сказал я. – Только расхвастался

друзьям, что у меня в доме завелся призрак величайшего математического гения, как вдруг – оп-па! – и нет никакого призрака. Но живой гений, я думаю, тоже вполне сойдет. Впрочем, если вам у нас надоело, съезжайте, конечно. Ваши интересы все-таки важней моего хвастовства.

– Пока я была призраком, ваше гостеприимство казалось мне вполне нормальным делом, – вздохнула леди Тайяра. – Большинство призраков вообще никого не спрашивают, заводятся, где хотят. А теперь как-то сразу стало неловко. Как будто вы...

– Меценат! – подсказал я. – Обычный невежественный меценат с большим сердцем. Желаю по мере своих скромных возможностей способствовать свободному развитию наук. Лучше бы, конечно, вы были чудовищем вроде Базилио, мне так привычней; с другой стороны, математики и есть чудовища. Страшнейшая из наук.

Она снова рассмеялась. Все-таки я молодец.

На этом я счел свой долг хотя бы частично исполненным, плюхнулся на диван и закрыл глаза. Сквозь навалившуюся на меня блаженную дрему слышал, как леди Тайяра говорит «Идем отсюда, не будем ему мешать», – а опытная в делах такого рода Базилио ей объясняет: «А мы и не помешаем, если только не встанем ногами ему на голову и не начнем скакать».

Святая правда, скакать у меня на голове, когда я сплю, не надо ни в коем случае. У меня очень чуткий сон. Впрочем, голоса, звон посуды, хлопки оконных ставен, бульканье льющейся из кувшина камры, грохот упавшего на пол подноса и смех ему никогда не мешают. В высшей степени умиротворяющий фон.

* * *

Зато я сразу проснулся от хлопка парадной двери, который, по идее, вообще не должен быть слышен в гостиной, звукоизоляция в Мохнатом Доме выше всяких похвал. Но что мне какая-то дурацкая изоляция и прочие законы физики, если у меня чутье как у сторожевого пса.

Несколько минут я лежал и прислушивался к звукам: кто пришел, чего хочет и придется ли мне в связи с этим встать с дивана или сойдет и так? Однако тут уже законы физики на мне отыгрались. В смысле не слышно было ни черта.

Наконец в гостиную вошла Базилио – одна, без леди Тайяры. И даже без собак; интересно, кстати, куда они сегодня подевались? Спрятались подобру-поздорову в подвале, чтобы Гэйшери не облагодетельствовал их

между делом какими-нибудь чудесными превращениями? Молодцы, если так. Потому что если умника Дримарондо превратить в человека, он нам этого никогда не простит, высокомерия в нем больше, чем во всех столичных аристократах вместе взятых: если уж я, такой распрекрасный, родился собакой, значит собаки – венец природы, а все остальные виды – всего лишь ее беспомощные попытки повторить этот грандиозный успех.

А если сделать из Друппи еще одну говорящую собаку, сам он вряд ли на это обидится, но мне заранее страшно при мысли о том, сколько ласковых слов нам всем придется выслушать в ближайшую сотню лет. После чего усталый оратор возьмет небольшую паузу, чтобы выпить воды, и все начнется сначала. Ужасная, между прочим, была бы жизнь.

– Ты не спишь? – обрадовалась Базилио. – Вот хорошо! Я как раз мучилась – будить тебя или не будить. Потому что, с одной стороны, очень жалко. А с другой, я должна с тобой посоветоваться прежде, чем сделать чрезвычайно ответственный шаг.

– Час от часу не легче. Какой такой ответственный шаг?

– Там пришли люди. В большинстве незнакомые; впрочем, некоторых я знаю в лицо, они здесь рядом живут. Я сперва думала, они к тебе по какому-то делу, но оказалось, ко мне; тебя настоятельно просили не беспокоить.

– И чего они хотят? – зевнул я, заранее успокоившись: наверняка речь о каких-нибудь житейских пустяках. Может, наконец-то собрались разбить сад в центре площади, о котором говорят еще с прошлого года? Было бы хорошо.

– Хотят, чтобы я подписала петицию...

– Чего?! – взревел я.

– Петицию, – повторила Базилио. – Это такое специальное письмо Королю...

– Спасибо, я знаю, что такое петиция. И о чем они просят Короля? Отменить поправки к Кодексу Хрембера и запретить магию? Даже не вздумай связываться. Ты что!

– Наоборот. Там написано, что жители столицы Соединенного Королевства просят Его Величество ни в коем случае не отменять никакие поправки и магию не запрещать, потому что она – смысл и основа жизни; там немножко иначе сказано, другими словами, но по сути примерно так... Слушай, неужели это правда? Могут издать закон, что нельзя колдовать?

– Не могут, – твердо сказал я.

И проснулся настолько окончательно и бесповоротно, что тогда казалось – больше вообще никогда в жизни не усну. А проснувшись, тут же

сообразил, что только что разгласил секретную информацию, за что, между прочим, согласно пресловутой служебной инструкции, полагается по ушам. И поспешно добавил:

– Только соседям пока не говори, что никаких изменений в законе точно не будет. И на меня ни в коем случае не ссылайся. Это секрет. Сэр Джуффин затеял интригу – ты же знаешь, его хлебом не корми, дай поставить всех на уши. Не хотелось бы ему помешать. Поэтому не спеши пока никого успокаивать. Просто сама не переживай.

– Ладно, – серьезно кивнула Базилио. – Не буду переживать. Но мне все-таки очень хочется подписать эту петицию. Там про магию так красиво сказано! Почти как поэзия конца Эпохи Орденов – ну, которая совсем без рифм. Как ты думаешь, можно?

– Когда так сильно хочется, можно вообще все на свете, даже если я говорю, что нельзя.

– На самом деле я тоже так думаю, – неожиданно легко согласилась Базилио. – Просто не знаю, можно ли мне подписывать официальные письма. Все-таки я не... не совсем человек.

– А какая разница? – удивился я. – Имя у тебя есть? Есть. Для подписи этого совершенно достаточно. А то если начнем выяснять, кто тут у нас до какой степени человек, окажется, что официальные письма в столице подписывать вообще некому. Вокруг сплошные потомки людей-невидимок, гномов, древесных духов, бессмертных эльфов из Уандука и лесных оборотней – счастье, когда хотя бы не грибов.

– А бывают грибы-оборотни? – изумилась Базилио.

– Еще как бывают. Помнишь, Трикки как-то раз заходил к нам с помощником?

– Маленький такой, рыжий и очень серьезный? Который про кошек спрашивал, есть ли от них доход?

– Именно. Мне говорили, у него бабка из семьи оборотней-грибов. А сэр Корва, который вам всем не понравился, ведет род от самого Халлы Махуна Мохнатого, а значит, от людей-невидимок... Или не он, а его жена? Неважно, вся наша старая аристократия в этом смысле удивительно хороша. А у сэра Джуффина и леди Сотофы в роду были лисы-оборотни, как почти у всех уроженцев графства Шимара. В общем, вот так, навскидку, сразу и не вспомнишь, кто у нас «совсем человек». А, точно! Сэр Кофа же. И еще Трикки, если уж он из Чирухты^[20], там почти все более-менее люди. Впрочем, он бывший призрак, как и леди Тайяра, а значит, вряд ли считается. Так что неважно у нас с настоящими людьми.

– Еще, получается, наши соседи настоящие люди, – подсказала

Базилио. – Леди Лари и все остальные. Они же из Урдера, а это как раз в Чирухте.

Я неопределенно пожал плечами – дескать, наверное, так и есть. Не рассказывать же Базилио, что наши любимые соседи, хозяева трактира «Свет Саллари», вообще никакие не люди, а просто овеществившееся сновидение очень старого дерева. Я не сплетник. Совсем.

* * *

Прежде, чем подняться в башню, где спал Гэйшери, я, как всегда в подобных случаях, пережил нешуточную внутреннюю борьбу. Потому что, с одной стороны, мне надо было задать ему один важный вопрос. Еще вчера было надо, но кто ж мне виноват, что я только сейчас додумался. Я вообще довольно медленно соображаю, ничего не поделаешь, это так.

С другой стороны, разбудить спящего, с моей точки зрения, преступление, оправданий которому нет. То есть необходимость необходимостью, а муки совести потом обеспечены, и спасибо моей короткой памяти, что не на века.

С третьей стороны – в любом деле непременно должна быть третья сторона, – по словам Базилио, Гэйшери жаловался, что смотреть наши сны тяжелая работа. Так что, может быть, в его случае несвоевременное пробуждение – долгожданный обеденный перерыв?

Но я все равно колебался. До такой степени, что поднялся в башню по лестнице вместо того, чтобы мгновенно вломиться туда Темным Путем. Правильно сделал: пока поднимался, Гэйшери проснулся сам, то ли почуввав мое приближение, то ли просто так удачно совпало.

– Соскучились? – спросил он приветливым дуэтом. Но тут же с досадой поморщился: – Ай, уже понял, что не соскучились, а приперлись скандалить. Даже не начинайте! Не поможет. Пусть хоть Мир пополам треснет, а дело уже сделано, и ничего не исправить. Я не стану заново ее убивать.

– Кого убивать? – опешил я. Но тут же сообразил: – А, леди Тайяру? Да ну вас, зачем. Она уже вполне смирилась со своим воскрешением. По крайней мере, больше не ревет.

– Ну и хвала Сердцу Мира! – с явным облегчением сказал Гэйшери. – А то такой шум подняла! Хотя воспитанные люди в подобных случаях говорят «спасибо». Не так уж много шансов у призрака снова стать живым.

– Просто это чудесное событие не совсем совпало с ее текущими

рабочими планами, – объяснил я. – Но ничего, я считаю, что ради такого дела планы можно и поменять.

Обрадованный моей покладистостью Гэйшери тут же выдал мне картонный стаканчик с кофе. Я выпил его, не поморщившись. Более того, получил какое-то подобие извращенного удовольствия. Говорю же, я очень быстро ко всему привыкаю. Даже к помоям из дрянной кофейной машины. Даже когда в качестве этой машины выступает древний Темный Магистр.

– Я на самом деле вовсе не сторонник насилия над личностью, – примирительно сказал Гэйшери. – Но иногда оно бывает во благо. Особенно когда исходит от меня, – самодовольно усмехнулся и объяснил: – Если уж этой девице так повезло, что я тут оказался, и она мне понравилась, надо ловить момент. А то потом уйду, и кто вернет ей телесность, когда затоскует по простым человеческим радостям? Джуффин? Ай, не смешите!

– Ну вообще-то он вроде умеет, – осторожно сказал я.

– Что он умеет? За полгода ценой огромных усилий создать призраку более-менее сносное тело, которому, чтобы снова не развоплотиться, надо вечно сидеть возле Сердца Мира, как на цепи?

Крыть было нечем. Так и есть. Тот же Трикки^[21] не может съездить не только домой, в Тулан, а даже на ярмарку в Нумбану, хотя уж она-то совсем рядом, ночь в амобилере, если как следует гнать. Как по мне, ярмарка – невелика потеря, но Трикки по этому поводу втайне грустит.

– Ничего, – утешил меня Гэйшери. – Джуффин еще научится. И вы научитесь, если захотите. Это легко. Просто вы оба пока совсем молодые. И бестолковые. Что нормально, лично я в ваши годы вообще ни хрена не умел, а понимал еще меньше. Вы-то оба как раз вполне ничего.

Слышать, что я пока слишком молод, мне приходится регулярно. Но попасть в ряды бестолковой, но способной молодежи за компанию с сэром Джуффином Халли, который прожил больше семисот лет и, по моему впечатлению, знает о магии чуть больше, чем вообще все, было и лестно, и одновременно очень смешно.

– А все равно готов спорить, что вы пришли по делу, а не потому что соскучились, – сказал Гэйшери. – Такие разные намерения не перепутаешь даже со сна.

Я покаянно развел руками:

– Сами знаете, что у нас творится. Когда такой бардак, соскучиться можно разве только по самому себе.

– Ой, как хорошо сказано! – обрадовался Гэйшери. – Я сам еще в детстве понял: суэта, обычно именуемая повседневной работой, не дает

человеку регулярно встречаться с самим собой. А без этих встреч считай, что и жизни у тебя не случилось. Некому ее было жить! Зато самого себя очень легко заманить на свидание интересной игрой.

– В моем случае работа это и есть интересная игра. Но иногда ее становится слишком много. Или внезапно усложняются правила. Или ставки делаются чересчур велики, а это изрядно портит удовольствие.

– Да, – серьезно кивнул Гэйшери. – Бывает и так.

– Собственно, я хотел задать только один вопрос, – сказал я. – Можно ли благословить человека, которого вы увидели во сне? Я имею в виду, при условии, что он настоящий сновидец-практик, а не просто пустое видение...

– А бывают «просто пустые видения»? – нарочито удивился Гэйшери. – Надо же, чего только люди не придумают! Я и не знал.

Я не стал с ним пререкаться, только адресовал умоляющий взгляд – давайте подискутируем позже, сил моих сейчас нет.

Гэйшери, надо отдать ему должное, внял.

– Да можно, конечно, – сказал он. – Какая разница? Сновидения – другая сторона жизни. Но тоже жизнь.

– Ясно, – кивнул я. – Спасибо.

– Сейчас, небось, скажете, что вам пора убегать, – скривился Гэйшери.

– Да что ж за наказание! – я возвел глаза к небу. – Вдобавок ко всем вашим достоинством еще и пророческий дар.

– Нет его у меня! – отрезал Гэйшери. – А был бы, я бы давно от него избавился. Не представляю, что может быть скучней. Просто я, как ни странно, достаточно умен, чтобы предугадывать поступки предсказуемых зануд, вроде вас. Ладно, бегите. У меня дел еще побольше вашего! Сдуру обещал толпе сновидений, что непременно их посмотрю. Уж не знаю, зачем им это понадобилось, но умоляли настойчиво. Некоторые рыдали, рассыпаясь такими сиротскими блеклыми искрами – видели когда-нибудь, как ревет глупый сон, который никто не хочет смотреть?

Я озадаченно помотал головой.

– Ну и ладно. Ничего вы не потеряли. Зрелище так себе. Но меня, к сожалению, совсем несложно разжалобить. Поэтому я им твердо пообещал, что никого не обижу. А слово надо держать.

С этими словами Гэйшери закрыл глаза и как подкошенный рухнул на диван. Я смотрел очень внимательно, поскольку его способность удобно разместиться на этом коротком диване впечатляла меня больше всех остальных чудес вместе взятых. На этот раз мне удалось заметить, что тело Гэйшери сделалось явственно меньше, а диван, в свою очередь, немного

подрос. То есть, получается, может человек найти компромисс, когда хочет. Просто договариваться с диванами ему, вероятно, приятней, чем с людьми.

Что касается меня, вниз по лестнице я спускался пешком, как и пришел. Но не сдуру, как обычно, а просто потому что мне лучше думается на ходу.

Думалось мне настолько отлично, что примерно на середине пути я сел на ступеньку и послал зов Шурфу. Спросил: «Слушай, а среди библиотек, в которых ты рылся, была библиотека Блиммов?»

«Блиммов? – удивился мой друг. – Но зачем? Не хотелось бы без особой нужды дурно отзываться о людях, поэтому о ценности их книжного собрания я, с твоего позволения, умолчу».

«Все-таки поройся, как только найдется свободная минута, – попросил я. – На всякий случай, надо проверить. Я потом тебе все объясню».

«Ладно», – согласился мой друг.

Уж на что Безмолвная речь не передает интонаций, а я все равно почувствовал, что за этим коротким «ладно» стоит отчаянная самоотверженная готовность пожертвовать ради меня всеми своими принципами и идеалами разом. Потому что для Шурфа искать раритет в заведомо скверной, не заслуживающей интереса библиотеке – все равно, что подбирать объедки у задней двери портового трактира. Впрочем, за объедками он пошел бы куда охотней, знаю я его.

«Только не ограничивайся книжными полками, – сказал я. – Посмотри во всем доме. Если рукописью активно пользуются, она может быть где угодно – хоть под подушкой в спальне, хоть на столе...»

Воцарилась долгая пауза. Наконец Шурф сказал:

«Слушай, а ведь ты прав. Рукопись может быть где угодно. Это же только мне очевидно, что любую книгу после использования следует немедленно ставить на место. А люди часто бросают их где попало, включая садовые беседки – вот чего я, к сожалению, не учел. И это означает, что мне придется еще раз пройтись по всем домам, где я был вчера. Спасибо, что подсказал».

На его месте я пришел бы в отчаяние, обнаружив, что все придется начинать сначала. Но Шурф только что не ликовал. Да и то, полагаю, просто в силу привычки. Так долго притворялся сдержанным человеком, что сам себе поверил, будто таков и есть.

«Для начала опробую Малое Заклинание Призыва, – бодро сказал он. – Пока я не знал, что именно ищу, оно было бесполезно. Но поскольку я своими глазами видел копию, возможно, сумею призвать оригинал».

«Ну точно! – восхитился я. – Так получается, ты можешь просто призвать оригинал, не выходя из своего кабинета? А Нумминорих потом разнюхает, откуда он...»

«Не выходя из кабинета, все-таки вряд ли. Древним рукописям не следует самостоятельно преодолевать большие расстояния, некоторые не выдерживают такого насилия и рассыпаются в прах. Я отдаю себе отчет, что мое объяснение звучит, как наскоро сочиненный предлог растянуть удовольствие, но, к сожалению, у меня был подобный опыт. А заставить рукопись переместиться в соседнюю комнату вполне допустимо, до сих пор я не слышал, чтобы это приводило к катастрофам. Поэтому обойти все дома мне все-таки придется. И в каждом, очень аккуратно рассчитывая радиус действия заклинания, призывать. Но так все равно гораздо быстрее».

«Ладно, тебе виднее. Только начни, пожалуйста, с Блиммов, – напомнил я. – Понимаю, что тебе неохота, но...»

«Когда это я игнорировал твои просьбы?»

Шурф так искренне удивился, что у меня возник огромный соблазн огласить весь список его прегрешений. Но я благоразумно отложил это удовольствие на потом: в моем списке несколько тысяч пунктов, а мне с трудом дается Безмолвная речь.

* * *

Я опасался, что припрусь в Дом у Моста первым, поскольку забыл уточнить у Джуффина, когда именно, по его мнению, происходит обед, до которого нам всем надлежало отдыхать. Вспомнил все, что я знаю о так называемом нормальном человеческом образе жизни, и решил, что примерно через два часа после полудня будет в самый раз. И – не то чтобы опоздал, но оказался там позже всех, кроме самого шефа. Впрочем, он появился буквально минуту спустя, я еще не все принесенные с собой леденцы Курушу скормил.

Вид у Джуффина был такой сияющий, что я сразу понял: нам всем кранты. В смысле, дело плохо, ничего не понятно, ситуация ухудшается с каждой минутой, а на горизонте уже маячит целое стадо новых тучных холеных угроз. Это обычно чрезвычайно поднимает ему настроение. А мне – наоборот. Я, в сущности, скучный хмырь.

– Двадцать шесть! – торжествующе сказал Джуффин, падая в свое кресло. И, вероятно, сочтя, что мы недостаточно потрясены магией этого

числа, повторил практически по слогам: – Двадцать шесть!

– Заговорщиков? – встрепенулся Мелифаро. – Всего, или только тех, кого вы уже поймали?

– Лично я пока вообще никого не поймал, – ответил шеф Тайного Сыска, да так самодовольно, словно именно это и являлось возложенной на него непосильной задачей: никогда, ни при каких обстоятельствах никого не ловить. – Двадцать шесть это...

– Писем на ваше имя с просьбой не изменять Кодекс! – выпалила Кекки. – По моим прикидкам, их должно быть двадцать четыре, но я могла что-то пропустить.

– Ты совершенно права, на мое имя действительно только двадцать четыре, – сказал Джуффин. Он явно был приятно удивлен ее проницательностью. – Двадцать шесть петиций прислали Королю; видимо авторы двух решили, что копию мне отправлять бесполезно, не прислушаюсь. Но остальные все-таки отправили. То ли просто из вежливости, то ли верят, что меня можно переубедить. Потрясающая наивность. Однако на практике наивные мечтатели оказываются правы куда чаще, чем принято полагать.

– У нас в Новом Городе сами продавцы газет подписи собирали, – сказал Нумминорих. – Показывали всем прохожим статью с вашими комментариями, говорили: «Дело плохо, сэр Халли грустит о старых временах, надо срочно отправлять письма Королю и Великому Магистру Семилистника, пока он им головы не задурил», – совали под нос наскоро составленную петицию, и все сразу подписывались. Даже мне предложили, хотя в нашем квартале все прекрасно знают, кто я такой. Я сказал, что не имею права подписывать общественные петиции, поскольку являюсь государственным служащим высшего ранга, но вызвал из дома Хенну и няню детей. Они с удовольствием подписались, а Хенна еще и ошибки исправила. Может, зря: с ошибками было смешней и больше трогало сердце.

– А к нам прямо в дом вломились, – пожаловался я. – Правда, не лично ко мне, а к Базилио. Меня настоятельно просили не звать. Но все равно молодцы. В смысле каковы нахалы! Пора что-то делать с моей репутацией. Мантию Смерти, что ли, снова начать носить?

– По крайней мере, из всех твоих нарядов это был самый приличный, – заметил Мелифаро.

Кто бы говорил.

– Тебе уже ничего не поможет, – ухмыльнулся сэр Кофа. – Сколько не распускай по городу слухи, что ты плотоядный демон из ледяного мира,

пришедший в Мир погреться и заодно досыта поесть, или какой-нибудь наскоро воскрешенный Древний Магистр с одним из камней Холоми на месте сердца, но в глазах широкой общественности ты теперь в первую очередь человек, у которого дома живет знаменитая говорящая собака из Королевского Университета, а на крыше вечно какая-нибудь теплая компания выпивает и ржет так, что у соседей оконные стекла звенят. Эти неумолимые факты никакой Мантией Смерти не перешибешь.

– Двадцать шесть петиций, вы только вдумайтесь! – нетерпеливо перебил нас Джуффин. – И всего на трех меньше тысячи подписей, на остальных – значительно больше. При этом с момента выхода утренних газет прошло всего шесть часов; то есть надо понимать, это только начало, капля в будущем море. Вы вообще осознаете масштабы происходящего? Лично я от наших горожан такой прыти не ожидал. Ишь как вцепились в магию, никому теперь свое право колдовать без боя не отдадут. С боем, впрочем, тоже не отдадут, ни на каких условиях. Такой подход вызывает уважение. Они молодцы.

– Я, кстати, вполне ожидал, – заметил Кофа. – Только скорость недооценил. Предполагал, к обеду будет максимум полдюжины писем. Ошибся. Но вектор развития событий правильно определил.

– Я думал, если в столице все действительно настолько прекрасно, как мне представляется, к вечеру нам с Королем придет два-три письма, – усмехнулся Джуффин. – А они вон как! Придется мне пересмотреть свои взгляды. Нельзя так недооценивать людей.

– А я вообще не предполагал, что кто-то что-то такое предпримет, – покался я. – Больше того, когда Базилио прибежала советоваться, можно ли ей ставить подпись, я сперва подумал, что какие-то горе-энтузиасты написали еще одно письмо с просьбой запретить магию. Потому что их достали хулиганы, и вообще раньше было спокойней. Ужасно на них разозлился. Оказалось, зря.

– Ну, тебе еще и не то можно, – утешил меня Мелифаро. – Какой с тебя спрос? Что плотоядный демон из ледяного мира может понимать в человеческой жизни? Ложку с кровью невинных жертв мимо пасти не проносишь, уже молодец.

Я показал ему кулак. Тем и утешился. Потому что по сути он был совершенно прав.

– Во всем этом есть только одно неудобство, – сказал Джуффин. – Его Величество просит меня... я бы сказал, очень настоятельно просит успокоить людей.

– В каком смысле «успокоить»? – удивился сэр Кофа. – Наложить заклятие на всех горожан сразу, чтобы сидели тихо и не мешали следственным мероприятиям?

– Это я бы и сам с радостью сделал, – ухмыльнулся шеф. – Однако околдовать столько народу сразу, за один прием, разве что Древним было по силам. Да и то сомневаюсь. В легендах подобных историй, конечно, полно; я даже не думаю, что они врут, просто в то время были совсем малонаселенные города, как сейчас деревни. А средних размеров деревню я бы, пожалуй, легко заколдовал. Впрочем, Король никаких чудес от меня не требует, а всего лишь просит сделать еще одно официальное заявление для прессы и твердо пообещать, что отменять поправки к Кодексу мы не станем, даже если в столице начнется полный бардак. По сути он прав, не стоит без особой нужды держать людей в напряжении, но именно сейчас такая необходимость есть. За минувшие сутки мне удалось покорить столько сердец, что жалко было бы бросить это дело на середине.

Кофа аж подобрался, как огромный кот перед прыжком.

– Вам удалось? Я правильно понимаю?..

Джуффин кивнул:

– Кое-что удалось. По крайней мере, меня обещали нынче вечером познакомить с человеком, который аргументированно объяснит мне, почему отмена последних поправок в Кодексу действительно жизненно необходима. Вернее, которая объяснит. По нескольким оговоркам я понял, у них всем заправляет некая леди. Что, кстати, удивительно: женщины редко действуют настолько глупо. Разве только когда влюблены в дурака. Ладно, разберемся. Главное, мне удалось убедить Короля подождать до завтра. Не без усилий, но удалось. Имейте это в виду. Можете начинать жаловаться на мою твердолобость в частных беседах с приятелями; это не то чтобы приказ, скорее просьба о помощи. Мне очень нужно окончательно убедить заговорщиков, что мне можно доверять. А времени почти не осталось.

– Будут вам сплетни о вашей твердолобости, – пообещал Кофа. – Вообще не вопрос. Основную аудиторию я примерно представляю, с ней довольно легко работать. И, кстати, леди Кекки давно не была при Дворе. Уж там найдется кому пожаловаться на начальство, чтобы попало в нужные уши.

– Но на мне висят учителя магии... – начала было Кекки.

– Ты до сих пор не поняла, что с учителями нам ничего не светит? – укоризненно спросил Кофа.

А шеф деликатно сказал:

– Ты проделала невероятную работу. Собранные тобой сведения

бесценны и пригодятся нам в будущем, я уверен, не раз. Но что в нашем деле по-настоящему важно – умение быстро менять свои планы сообразно требованию обстоятельств. А обстоятельства сейчас таковы, что самое главное дело – жаловаться на меня всем подряд.

– Ладно, – кивнула Кекки. – Надо так надо. Нажалуюсь. Отведу душу. Но смотрите, чур потом без обид!

– Можешь заодно про меня пару-тройку пакостей сочинить, – предложил я. – Говорящая собака и веселые вечеринки – это, конечно, страшный удар по моей репутации, но может быть в сердцах горожан поныне жива надежда, что я отвратительный демон? Хотелось бы добавить им оптимизма. А то уже соседи в дом ломятся вместо того, чтобы десятой дорогой с воплями ужаса его обходить.

– Ладно, – пообещала Кекки. – Выдумать что-то убедительное будет непросто, но ради тебя можно и постараться. Ты же не очень огорчишься, если тебя больше никогда не пригласят ко двору?

– Твердая уверенность в этом сделала бы мою жизнь гораздо более безмятежной. А если еще и в оперу не позовут...

– А Блиммы? – спросил Нумминорих. – Мы будем с ними как-то разбираться?

– Разумеется, – пообещал ему Джуффин. – Кстати, по сведениям сэра Кофы, у них действительно были гости четыре дня назад. Не официальный прием, а что-то вроде дружеской вечеринки, без ужина, но с вином. При этом сэр Корва отсутствовал, что само по себе чрезвычайно интересно: по традиции, супруги обычно вместе принимают гостей; некоторые особо счастливые пары только на собственных приемах и встречаются, но Блиммы, конечно, не тот вариант, они дружные. В общем, если повезет, мне об этой вечеринке сегодня же и расскажут. А если нет, все равно расскажут – сами Блиммы, которых мы вызовем на допрос. Но до ночи их лучше не беспокоить.

– И леди Шуману? – с нажимом спросила Кекки.

– До ночи – вообще никого. Сделать вид, будто мы не ведем никакого расследования, непростая задача, согласен. Но я в вас верю. Как-нибудь продержитесь.

– Да просто отлично проведем время, сплетничая о вас, – улыбнулась Кекки.

А Нумминорих только печально вздохнул. Я хотел его утешить, напомнив, что у Трикки Лая всегда припасено немало изысканных развлечений для коллег из Тайного Сыска, только намекнул, что заскучал. Но меня отвлекли – как это обычно случается, голоса в голове. Вернее,

всего один голос. И это большая удача: никогда не забуду, как мне прислали два зова одновременно, чуть голова не взорвалась. С тех пор именно так я и представляю себе ад. А для местных уроженцев обычное дело, просто забавное совпадение, говорить, конечно, не очень удобно, но не более того.

«Ты можешь со мной встретиться? Прямо сейчас, в «Сияющем Горшке», это на границе центра и Нового Города. Чем скорее придешь, тем лучше. У меня всего час. Только измени, пожалуйста, внешность. Никто не должен знать, что я с тобой встречалась».

Обладательницу голоса я узнал не сразу. Очень уж давно мы не виделись. И кажется вообще ни разу не посылали друг другу зов. Во время путешествия по острову Муримах, в котором мы оба сопровождали Короля, пользоваться магией было строго запрещено^[22]. А потом как-то повода не находилось. Да и особого желания, будем честны.

И вдруг.

«Буду через несколько минут», – пообещал я. А вслух объявил:

– Вот и славно. Раз работать не надо, пойду на свидание. Хорошая девушка зовет.

Что характерно, они мне сразу поверили. Все. Понятия не имею, когда и каким образом я ухитрился заработать репутацию легкомысленного ловеласа, но было бы жалко вот так сразу ее потерять. Поэтому я ничего не стал объяснять, а закрыл лицо руками и попытался сосредоточиться на своей будущей внешности. С этим у меня часто возникают проблемы. Пресловутое чувство комического подсовывает воображению такие удивительные рожи, что на улицу с ними лучше не выходить. Не то чтобы я мечтал покорить Мир своей неземной красотой, но регулярно заставлять его с отвращением содрогаться в мои цели тоже никогда не входило. Однако обычно получается именно такой эффект.

– Ты решил от нее отделаться? – понимающе спросил Мелифаро, оглядев результат.

Остальные тактично помалкивали, всем своим видом выражая сочувствие – не то неизвестной им девушке, не то мне.

– На самом деле не очень ужасно, – наконец сказала Кекки. – Обычно у тебя получается гораздо хуже. Так что не переживай.

– Ничего удивительного, что поколение, которое чуть не привело Мир к окончательной гибели, имеет ущербные представления о мужской красоте, – укоризненно промолвил я. Специально чтобы порадовать Джуффина. Но насмешил почему-то всех.

На всякий случай я сперва вышел в коридор за Залом Общей Работы, где есть зеркало. Правда, оно у нас довольно нервное. По крайней мере, от моих отражений его поверхность регулярно идет рябью. Но я не теряю надежды воспитать в зеркале твердый характер. Все-таки не где-нибудь, а в помещении Тайного Сыска висит.

На этот раз, впрочем, зеркало выдержало испытание с честью. Не дрогнув, явило мне широченную узкоглазую рожу с низким лбом, крупным вздернутым носом и неожиданно аккуратным маленьким ртом. Ладно, Кекки права, бывает и хуже. По крайней мере, когда за дело берусь я.

Вполне удовлетворенный своим внешним видом, я сочувственно подмигнул уроду в зеркале – ничего, брат, это ненадолго, крепись – и шагнул в крошечное по столичным меркам помещение трактира «Сияющий Горшок», где кое-как разместились всего четыре обеденных стола. Три пустовали, за четвертым восседала женщина-великан – мощная шея, широченные плечи, каждая грудь размером с полторы моих головы и удивительным образом контрастирующее с огромным телом миловидное девичье лицо. Леди Лаюки Кепту, личного доверенного телохранителя Его Величества Гурига Восьмого, ни с кем не перепутаешь. Ничего подобного природа больше не создала.

– Отлично выглядишь, – сказал я, усаживаясь напротив.

– Ай, брось, – отмахнулась Лаюки. – Я тебе никогда не нравилась. Что, впрочем, скорее удача, чем беда. Но я все равно рада тебя видеть, даже таким... Особенно таким!

– Сама просила замаскироваться. Я старался.

– Оно и видно, что старался, – усмехнулась Лаюки. – Одно утешение, что никто не застывает меня с таким завидным кавалером. Хозяйка трактира моя двоюродная тетка. Я попросила ее на час закрыть заведение и никого сюда не пускать. И самой не соваться, пока не позову.

– Ну и зачем я тогда менял внешность?

– На всякий случай. Поверь профессиональному телохранителю, избыток предосторожностей еще никогда никому не вредил. Хочешь чего-нибудь съесть или выпить? Вообще-то, тетушка, при всей моей к ней симпатии, не лучшая повариха в столице. Мягко говоря.

– Спасибо, что предупредила. Ты настоящий друг.

– Ты правда так считаешь? – спросила Лаюки.

– Что именно?

– Что я – настоящий друг?

Я, признаться, опешил. Совершенно не ожидал подобной реакции на свою саркастическую реплику. Но Лаюки смотрела на меня с такой надеждой, словно всех, кого я объявляю своими друзьями, немедленно берут живыми на небеса. Или хотя бы бесплатно пускают в лучшие куманские притоны – например.

Поэтому я не стал разбивать ей сердце, объясняя, что просто употребил ни к чему не обязывающее шутливое выражение. А серьезно сказал:

– Ну а как иначе? Кем еще я могу считать человека, вместе с которым мы пересекли Болото Гнева, и оба остались живы?

– Только благодаря твоей идее идти порознь, – улыбнулась она. – Ты нас всех тогда спас. Я сегодня все утро вспоминала наше путешествие по Муримаху. Ты и правда был тогда очень хорошим другом всем нам. Что на самом деле удивительно. С Гуригом как раз понятно, он с кем угодно умеет поладить, а нам с Моти непросто угодить. Мы вредные. И очень ревнивые, когда дело касается нашей детской дружбы с Королем. И на тебя порой рычали совсем не по делу, а ты великодушно ничего не замечал.

– Да ладно тебе. Нечего там было замечать. Послушала бы, как лучшие друзья со мной периодически говорят... А что, кстати, с Моти? Как у него дела?

– Неплохо, если не врет. Он же вскоре после нашего путешествия возглавил Муримахскую резиденцию Ордена Семилистника, добился своего, и даже новый Великий Магистр его до сих пор оттуда не попер, хотя в Ордене ужас что творится, головы так и летят; то есть, строго говоря, не головы, а задницы с теплых мест... Ладно, про Орденские дела ты наверняка знаешь лучше меня. И из первых рук. Я не затем тебя позвала. Рада, что ты тоже считаешь меня другом. Тем лучше. Значит, между нами может состояться обычный дружеский разговор.

Она произнесла эту фразу с таким торжественным видом, словно обычный дружеский разговор – дело настолько небывалое, что удастся, в лучшем случае, пару раз в столетие, самым великим героям и могущественным колдунам.

– Дело в том, – объяснила Лаюки, – что я собираюсь выболтать тебе служебную тайну. Мне пришлось поклясться честью своих предков, что я не стану давать делу официальный ход. Клятва не является магическим заклинанием, то есть, ее нарушение не приведет к моей физической гибели, но преступить ее совершенно немыслимо, так уж меня воспитали. В

формулировке клятвы присутствует запрет обсуждать случившееся с родственниками, возлюбленными, знахарями, иностранцами, слугами, государственными чиновниками, случайными собутыльниками и так далее. Всего сорок пять пунктов; не думаю, что ты горишь желанием выслушать до конца. Однако там нет ни слова о близких друзьях; подозреваю, только потому, что образ жизни Королевского Телохранителя обычно не способствует возникновению близкой дружбы с другими людьми. Правда, строжайший запрет болтать о дворцовых делах с друзьями содержится в моей служебной инструкции. Но это как раз не беда, инструкция – не фамильная клятва, ее нарушение – не крах всей жизни, а обычное должностное преступление, ответственность за которое я, в случае чего, готова нести. Ради блага Его Величества я намерена использовать эту лазейку и исключительно по-дружески кое-что тебе разболтать.

– Ничего себе, что творится, – растерянно откликнулся я. – Тогда погоди немного. Мне нужно покурить. И вспомнить, как отлично мы проводили время на Муримахе. Надо как следует укрепиться в своих дружеских чувствах, если от них зависит честь твоих предков. Не хотелось бы их подвести.

– Давай, – кивнула Лаюки. – Вспоминай. Можешь начать с вурдалачьих ягод. В какого огромного кота ты тогда превратился! И как лихо за один присест сожрал окорок, которого нам всем должно было хватить минимум на полдюжины дней.

– А потом проснулся на дереве. Голый, как дурак.

– Да ладно тебе. Умные люди тоже иногда раздеваются догола. Лично я на своем веку даже голого профессора видела... ладно, будем честны, двух голых профессоров.

– А я – ни одного, представляешь? – печально признался я.

– Не беда, – утешила меня Лаюки. – Какие твои годы. Налюбуешься еще.

Мы изумленно уставились друг на друга, словно бы не в силах поверить, что и правда несем такую чушь, и расхохотались. После чего я вполне предсказуемо осознал, что мы с Лаюки вовсе не притворяемся старыми друзьями. Мы и есть самые настоящие старые друзья. Просто давно не виделись, но с учетом наших профессий это вполне объяснимо. Мне приходится отсыпаться в Холоми, а Лаюки вообще практически неотлучно находится при Короле. С редкими перерывами на созерцание голых профессоров.

– Ладно, чего тянуть, – отсмеявшись, сказала Лаюки. – Или я скажу это сейчас, или никогда не решусь. Слушай, друг, у нас в Замке Рулх

Магистры знают что творится. Сегодня с утра один придурок напал на Короля.

Я не заорал «что?!» только потому, что утратил дар речи. Покушение на Его Величество, а Тайный Сыск до сих пор ни сном, ни духом? Так не бывает, потому что так не бывает, точка, знать ничего не хочу.

Или Джуффин все-таки в курсе? Однако вряд ли он стал бы это скрывать. Не то чтобы он обо всем подряд мне рассказывает, но о самых странных происшествиях обычно все-таки да – просто на всякий случай, вдруг какую-нибудь судьбоносную глупость скажу. И клятвой молчания его не свяжешь, не изобрели пока таких клятв.

– Справедливости ради, покушение было совершенно нелепое, – продолжила Лаюки. – Никаких боевых заклинаний, даже без оружия, хвала Магистрам, обошлось. Этот придурок просто попытался зашибить Короля стулом. Стулом, сэр Макс! Поднял его в воздух силой какого-то чудодейственного заклинания из арсенала ярмарочных фокусников и заставил устремиться в направлении Королевской головы.

– Дурость какая! – вырвалось у меня.

– Вот именно. Тем не менее, некоторая опасность для Королевской жизни все же имела место. Тем более, что меня рядом не было: дома я за Королем по пятам не хожу. Замок Рулх считается совершенно безопасным местом... вернее, считался до сегодняшнего дня.

– И чем дело кончилось?

– По словам придворных, присутствовавших при инциденте, Гуриг ловко поймал стул за ножку и разбил его в щепки. А потом – только не падай! – отпустил покусившегося на него придурка.

– Отпустил?!

Лаюки нетерпеливо кивнула:

– Именно. Не на улицу выпустил, конечно. Схватил за шиворот и увел куда-то Темным Путем, с глаз долой. Говорит, на другой континент. Куда именно, не уточняет, но мне ли не знать, что большая часть наследных Королевских Темных Путей, по которым можно провести даже неспособную к магии свиту, проложена в Уандук. Зная Гурига не первый год, не сомневаюсь, что он этому негодяю еще и денег дал. Не мое дело, конечно, но, по-моему, несправедливо. За покушение на убийство следует наказывать, а не вознаграждать. Впрочем, ладно. Важно сейчас не это. А то, что нападавший – из числа дворцовых слуг. Ты вообще представляешь, как их сейчас отбирают и готовят?

Я отрицательно помотал головой.

– Тогда поверь на слово: отбор строжайший. И подготовка

соответствующая. По идее, для любого дворцового слуги совершенно немислимо не только напасть на Короля, а даже на секунду усомниться в необходимости при всяком удобном случае отдать за него свою жизнь...

– На них накладывают какие-то заклинания или просто воспитывают? – поинтересовался я.

– Второе, – мрачно сказала Лаюки. – Как видишь, этого, к сожалению, недостаточно. Но династия Гуригов всегда славилась уважением к свободе чужой воли. Отец нынешнего Короля даже в разгар Смутных Времен не позволял околдовывать своих слуг. Мой отец, который в ту пору был его доверенным телохранителем и предотвратил не одну сотню покушений, неоднократно пытался убедить Его Величество наложить парочку соответствующих заклинаний хотя бы на самое ближайшее окружение, но безуспешно. А я и заводить эту песню не стану, не те сейчас времена. Сам видишь, как Гуриг относится к своей безопасности: отправил преступника развлекаться, а с меня и свидетелей взял клятву не болтать.

– А почему, кстати? – спросил я. – Отпустить бедного придурка, который пытался убить тебя стулом – это мне как раз понятно, сам так не раз поступал. Но перед этим не помешало бы разобраться в причинах его поступка и принять меры безопасности...

– Так именно поэтому! – воскликнула Лаюки. Она чуть не плакала. – Больше всего на свете Гуриг боится этих грешных мер безопасности. Он же сейчас меняет дворцовые порядки, все силы на это кладет. У любых перемен, сам знаешь, всегда есть противники. По идее, для Короля невелика беда, но когда противники – примерно три четверти твоих собственных придворных, даже Королю приходится нелегко. И заранее ясно, что сейчас началось бы: при старых порядках никаких покушений не было, давайте вернем все как было, отменим тайные Королевские прогулки и забудем дворцовые реформы, как страшный сон.

– Понимаю, – кивнул я. – Но Джуффину-то можно было бы рассказать. Вряд ли он потребует немедленного возобновления шестичасовых дворцовых трапез и возрождения древней церемонии ежеутреннего торжественного хоровода вокруг Королевского горшка.

– Ты что, сдурел? – опешила Лаюки. – Какого хоровода, какого горшка? Не было у нас никогда такой церемонии.

– У вас не было, а во времена Халлы Махуна Мохнатого была, – не моргнув глазом, соврал я. – Самое время ее возродить, я так считаю. Но сэр Джуффин Халли не разделяет моих консервативных убеждений. Поэтому ему совершенно спокойно можно все рассказать.

– Ты бы слышал, как я упрасивала Гурига поговорить об этом

покушении с сэром Халли, – горько вздохнула Лаюки. – Но добилаась только неопределенного обещания вызвать его, если еще что-нибудь случится. А пока, по его мнению, вообще не о чем говорить.

– Еще как есть, – мрачно сказал я. А про себя добавил: «Если уже при Королевском дворе испорченные Благословения начали раздавать».

– Что ты намерен делать? – требовательно спросила Лаюки.

В другое время я бы возмутился – что за начальственный тон? Что намерен, то и сделаю, тебя забыл спросить.

Но Лаюки можно было понять. Все-таки она только что рискнула своей карьерой – и хорошо хоть не честью предков – выболтав Королевскую тайну. Естественно, ей хотелось убедиться, что не зря.

– Для начала побеседую по душам с этим горе-террористом, – сказал я. – Как его, кстати, зовут?

– Мулар Перула. Но как ты собираешься с ним говорить? Я же сказала, Гуриг неизвестно куда его увел.

– А вот это как раз совершенно неважно. Имени мне достаточно, чтобы его отыскать.

– Правда, что ли? – недоверчиво спросила Лаюки.

Ее удивление понятно. Способа добраться Темным Путем до человека, чье местонахождение неизвестно, до недавних пор не существовало. Я сам его изобрел. Вернее, попросил изобрести леди Тайяру, она у нас гений, ей – раз чихнуть. Но техническое задание я все-таки сформулировал грамотно, так что имею право присвоить часть ее лавров и без зазрения совести на них почивать.

– Правда, – сказал я. – И заставить его выложить все начистоту, включая имена подстрекателей, если таковые были, для меня тоже не проблема. А по итогам разговора станем думать дальше, если окажется о чем. Может быть, сразу все и прояснится. В любом случае, буду держать тебя в курсе. И не выдам даже под пытками. Тем более, что пытаться меня вряд ли кто-то рискнет.

– Но если Король поймет, что Тайный Сыск в курсе...

– Ну и что? Проболтаться мог любой из свидетелей – это во-первых. А во-вторых, может быть мы за Королем круглые сутки подсматриваем. Вообще ничем больше не занимаемся, забросили все дела, очень уж жизнь у Его Величества интересная. Мало ли, какое тайное древнее колдовство у нас в арсенале... Ну что ты так на меня уставилась? Успокойся, никто не подсматривает за Королем, я это только что выдумал. Но ты сразу поверила, это отлично. Значит, есть шанс, что поверит и он. Впрочем, до этого, надеюсь, не дойдет. Я постараюсь, чтобы Его Величество навсегда

остался в полной уверенности, что всех нас провел. Ему это поднимает настроение, как мало что.

– Было бы хорошо, – вздохнула Лаюки. И спохватилась: – Только ты мне зов не присылай. Я сама с тобой свяжусь, когда буду точно уверена, что никто не подслушивает.

– А при дворе многие умеют подслушивать Безмолвную речь? – удивился я.

– Официально считается, что всего четыре человека, включая меня. Но хвастаться подобным умением, чтобы в твоём присутствии все сразу умолкали – ищи дураков! Так что я подозреваю примерно каждого третьего – не совсем безосновательно. И всех остальных – просто так, за компанию. При моей профессии иначе нельзя.

* * *

Я довольно долго мучился с формулировкой. Когда хочешь прийти Темным путем не в заранее выбранное место, а подобраться к конкретному человеку, место все равно следует упомянуть хотя бы в общих чертах: «на берегу», «на улице», «в доме», «в пустыне», «в болоте рядом с таким-то»; в том, собственно, и заключается фокус, чтобы хоть как-то привязать цель своего пути к твердой земле.

Местоположение Мулара Перулы было мне неизвестно. Оставалось только гадать, как поступил с ним Гуриг? Запер в помещении? Бросил на улице незнакомого города? Увел на какой-нибудь необитаемый остров? Забросил в арварохские джунгли, где не то что каждый шаг, каждый вдох опасен для жизни? Впрочем, зная нашего Короля, я практически не сомневался, что действительно просто отпустил, сунув в карман кошелек с парой дюжин корон, который всегда носит при себе на случай тайной вылазки в город. И почему бы не где-нибудь в Уандуке, как предположила Лаюки. Она-то знает Короля куда дольше, чем я.

Особого выбора у меня все равно не было, и я решил начать с формулировки: «Где-нибудь в Уандуке, рядом с человеком по имени Мулар Перула». Вдруг повезет.

Повезло.

Причем повезло мне вдвойне, но это я понял чуть позже. А в первый момент не понял вообще ничего. Только мелькнула ужасная догадка: а вдруг Муларперула или что-то ему созвучное это, к примеру,

действующий вулкан? С моими пробелами в географии Мира еще и не так можно влипнуть.

Жарко здесь, впрочем, не было. Только очень темно и дымно. Дым, надо отдать ему должное, приятно благоухал. На заднем плане вздымались столбы огня, но помещение они почему-то не освещали и не согревали; последнее только к лучшему. Не люблю запекаться заживо без яблока во рту.

Любой коренной угуландец, от рождения обладающий превосходным ночным зрением, сразу оценил бы обстановку. А я, хоть и стал в последнее время видеть в темноте гораздо лучше прежнего, довольно долго к ней привыкал. И еще ничего толком не мог разглядеть, когда откуда-то справа раздался человеческий голос, скорее мальчишеский, чем мужской, и спросил:

– Вы пришли меня казнить?

Возможно, для создания теплой доверительной атмосферы имело смысл подтвердить его опасения, но я не люблю давать пустых обещаний. Тоже мне, нашел палача. Поэтому я неопределенно сказал:

– Посмотрим. Как пойдет.

– Король привел меня сюда, сказал, что комната оплачена и велел успокоиться, – сказал голос из темноты. – Я спросил: «Перед казнью?» – а он рассмеялся: «Вот балда!» – и исчез. А я остался ждать палача, или Королевскую телохранительницу, она красотка, но все равно очень страшная, такая огромная, что двумя пальцами любую шею ломает... Сперва я боялся, а потом почему-то успокоился. Я даже вас не боюсь, только грустно стало, жизнь все-таки удивительно хороша, особенно прямо сейчас. Наверное, из-за дыма. Здесь такой сладкий дым, мысли от него путаются, но при этом становятся возвышенными, а все, кого я когда-то любил, целуют меня в лоб и в шею. Я их не вижу, но каждый раз понятно, кто именно поцеловал...

Я наконец начал догадываться, что попал в один из знаменитых куманских притонов, куда меня столь настойчиво отправлял отдыхать шеф. Сюда приходят за наслаждениями – не всегда столь невинными, как описывал мой невидимый пока визави, но в том числе за такими. Кому что нравится, можно заранее заказать, подробно оговорив детали.

Хвала Магистрам, что Мулар Перула занимал отдельную комнату, и я не ввалился в общий зал. Обломать кайф сразу несколькими дюжинам куманцев и любопытствующих иноземных гостей это, конечно, был бы венец моей карьеры. Но я пока морально не созрел до такого венца.

Мне даже этому отдельно взятому горе-террористу портить отдых

совсем не хотелось. Не потому что я великий гуманист и считаю посещение притона обязательной наградой за покушение на Королевскую жизнь. Просто я всем телом чувствовал его блаженную расслабленность и сам постепенно подпадал под его влияние. Вернее, под влияние куманских благовоний... Ах ты ж черт. Я вдруг осознал, что времени у меня очень мало. Еще немного, и я, чего доброго, улягусь рядом с подозреваемым. И мы будем мирно блаженствовать до завтрашнего утра или на какой там срок Гуриг оплатил ему комнату. Может, на дюжину дней? Или на тысячу лет? Чтобы уж точно больше никогда ни на кого не покусился. Отличное решение, я бы на месте Короля так и поступил.

А на своем месте мне только и оставалось усилием воли стряхнуть блаженное оцепенение, достать из кармана самопишущую табличку, сказать: «Не грустите, никто вас убивать не собирается, мне только пару вопросов надо задать», – и шарахнуть беднягу своим Смертным Шаром. Уж насколько я это дело не люблю, но сейчас мне было не до церемоний. Надо, чтобы он отвечал максимально точно и, по возможности, быстро, пока я сам окончательно не раскис в этом блаженном дыму.

Я все равно раскис, но, по крайней мере, записывал исправно. И даже не забыл напоследок приказать Мулару Перуле забыть о моем визите. А то хорош я буду, если Король придет навестить своего незадачливого убийцу и узнает, что здесь уже побывал сэр Макс из Тайного Сыска... вернее, какой-то неизвестный урод с ошеломительно длинным носом, но при слове «урод» все имевшие счастье лицезреть мои чудесные преображения сразу невольно вспоминают меня.

* * *

– Лихо ты все провернул, – сказал Джуффин.

Похоже он не просто разыгрывал свою обычную партию довольного каждым чихом неопытных сотрудников начальника, а действительно был удивлен. Да я и сам не ожидал от себя такой прыти. Я всегда считался крупным специалистом по всякому непостижимому и неопределенному и полным профаном в так называемых простых делах. Мой фирменный метод ведения допроса можно изучать на курсах для молодых полицейских: ярчайший пример того, как ни в коем случае поступать нельзя.

Однако сегодня я вроде все сделал правильно. Видимо, бессонные ночи, проведенные в обществе Трикки Лая, пошли мне на пользу. Сам не

заметил, как многому у него научился. Ну или просто удачно постоял в его тени – говорят, был в древности такой метод обучения. Суть его в том, что нужно оказаться рядом с большим мастером своего дела в правильно выбранный лунный день в соответствующем настроении, желательно вблизи от Сердца Мира, и тогда его мастерство передастся тебе как бы само. Жаль, что технические подробности давным-давно позабыты, но вполне может статься, что мы с Трикки, мотаясь по местам удивительных происшествий, их как-нибудь случайно воспроизвели. Все-таки я везучий, да и он в этом смысле вполне ничего.

Все эти соображения пронеслись у меня в голове с бешеной скоростью, но сразу же пошли на второй круг, а потом и на третий. Подолгу думать об одном и том же для меня обычно невыносимо, но сейчас почему-то было приятно крутить в уме эту чепуху. Если таковы последствия кратковременного пребывания в куманском притоне, непонятно, откуда у них там берутся мало-мальски вменяемые люди, способные выполнять разного рода работу. Или на потомков кейифайев эти грешные благовония действуют как-то иначе? А наши сограждане приходят в себя на обратной дороге? Благо из Капутты в Ехо даже при попутном ветре дней сорок плыть.

– Тебе нехорошо? – наконец спохватился Джуффин.

– Наоборот, – честно признался я. – Но что-то мне подсказывает, что это не самое продуктивное для меня состояние. То ли память предков, то ли интуиция, то ли просто здравый смысл.

– «Память предков» – хорошая шутка, – ухмыльнулся шеф. – Ладно, не переживай, куманские благовония очень быстро выветриваются из организма. Всего за сутки, – и вдоволь насладившись моими тщетными попытками изобразить на лице хоть какое-то подобие огорчения, добавил: – Но я не зря славлюсь своей жестокостью. Хочешь перестать быть счастливым? Я тебе с удовольствием помогу.

– Всегда знал, что на тебя можно рассчитывать в такой беде, – сказал я после того, как ледяная ладонь Джуффина опустилась на мой затылок, и блаженство как миленькое прошло.

– В качестве платы за исцеление можешь подарить мне табличку с именами подозреваемых, – сказал он.

– Ну так тебе и принес. Мне-то она зачем? Я не знаю никого из этих людей.

– Да я и сам знаком хорошо если с дюжиной, – признался Джуффин. – Никогда не имел обширных связей среди мелкой дворцовой прислуги. Но ничего, как-нибудь разберусь.

Список на моей табличке состоял из ста сорока восьми пунктов. Примерно три четверти – имена, остальные – более-менее внятные описания внешности людей, с которыми Мулар Перула не был знаком. «Красивая темноволосая леди в голубом лоохи», «мужчина средних лет с круглым загорелым лицом» и все в таком роде. Но все равно лучше, чем ничего.

После того, как юный террорист с душераздирающей честностью, охватившей его под воздействием моего Смертного шара, сообщил мне, что идея напасть на Короля, используя стул как магическое оружие, пришла ему в голову не в результате сговора с какими-нибудь злодеями, а совершенно внезапно, как единственный шанс прославиться на века, я окончательно убедился, что бедняга стал жертвой испорченного Благословения Гэйшери. И не придумал ничего лучше, чем заставить Мулара Перулу назвать мне имена, должности, звания и приметы всех, кого он встретил этим утром. Или хотя бы видел издалека. К счастью, мои Смертные Шары могут быть чрезвычайно полезны для памяти – если я специально об этом попрошу.

Оставался, конечно, шанс, что кто-то благословил его, предусмотрительно спрятавшись за занавеской, но тут ничего не поделаешь, в любом деле непременно есть такой гадский шанс.

– Пожалуй, можно изрядно сократить этот список, – задумчиво сказал Джуффин. – Если в последние дни в Замке Рулх никаких странных происшествий, кроме этого покушения, не было, интересующий нас человек вряд ли входит в штат дворцовой прислуги. А то он бы там уже кучу народу наблагословлял, и такое началось бы, что Гуригу при всем желании не удалось бы от нас это скрыть. Я послал зов Кофе, попросил зайти так быстро, как сможет. Он наверняка знает, кто все эти люди. Ну или кого о них расспросить. А пока...

Но я так и не узнал, что «пока». Помешали обстоятельства.

– Я нашел рукопись. И теперь совершенно уверен, что это действительно неизвестный до сих пор фрагмент «Песни обо всем», записанный рукой Кати Малори, близкого друга и постоянного спутника принца Аллоя, а значит, под диктовку самого автора, – сказали обстоятельства. В смысле сэра Шурф.

– У Блиммов? – сразу спросил я.

– Разумеется, нет. Я с самого начала не рассчитывал обнаружить у них хоть что-нибудь интересное. Но ради твоего спокойствия очень тщательно обыскал их библиотеку. Вынужден заметить, она оказалась даже хуже, чем

я предполагал.

А Джуффин не задал ни одного вопроса. Вообще слова ни сказал. Только смотрел во все глаза. И его можно было понять.

Во внезапном появлении Шурфа не было ничего удивительного, все мы умеем ходить Темным Путем. Однако на этот раз вместо того чтобы сдержанно возникнуть на пороге кабинета, как положено взрослому серьезному человеку, он густым облаком дыма вылетел из кувшина с камрой и только после этого окончательно материализовался, причем сидящим не в кресле, а на столе, как какой-нибудь, прости господи сэр Мелифаро. Или, чего доброго, я.

Такого неподдельного изумления на лице шефа Тайного Сыска я давненько не видел. А может быть, вообще никогда. Немудрено: Джуффин знаком с Шурфом, если не ошибаюсь, лет двести. И все эти двести лет наверняка был совершенно уверен, будто знает, чего от него ожидать. Хотя бы в общих чертах.

– Действие Благословения Гэйшери уже должно было закончиться, – наконец сказал он.

– Оно и закончилось, – согласился Шурф. – Часа четыре назад. Но, во-первых, я счастлив, потому что совершил одно из самых важных открытий за всю историю современного литературоведения. А во-вторых, любой человек, знакомый с элементарными основами самодисциплины, способен воспроизвести вдохновенное состояние, наступающее от Благословения, самостоятельно. Причем без особого труда.

– Да ладно тебе – «с элементарными»! – укоризненно сказал Джуффин. – Не преуменьшай.

– Просто не хочу выглядеть хвастуном, превознося свои достижения в этой области, – объяснил Шурф. – Тем не менее, состояние и правда вполне достижимое своими силами, без чужого вмешательства, исключительно при помощи определенного ритма дыхания и соответствующего волевого импульса. Но справедливости ради, вынужден признать: не всем это будет так же легко, как мне.

Он наконец слез со стола, уселся в кресло и укоризненно сказал:

– Вообще-то я рассчитывал удивить именно тебя, сэр Макс. А ты сидишь с каменным лицом.

– Извини. Просто я только что вернулся из куманского притона. И все происходящее кажется мне вполне закономерным, – откликнулся я.

И потом с удовольствием созерцал его округлившиеся глаза. Сэр Шурф тоже, небось, все эти годы думал, будто знает, чего от меня ожидать.

– Где именно я нашел рукопись, никого не интересует, я правильно

понимаю? – наконец спросил Шурф подчеркнуто холодным тоном, хорошо знакомым мне по старым временам. В ту пору этот тон в его исполнении считался совершенно нейтральным, но сейчас явно был выбран для наглядной демонстрации того факта, что он всерьез огорчен.

– Сам виноват, – усмехнулся Джуффин. – Обставил свое появление, как ярмарочный фокусник, и хочешь, чтобы мы при этом сохраняли серьезное отношение к делу. Так не бывает, извини. У балагана свои законы жанра.

– Лично я пока просто радуюсь, что рукопись все-таки была не у Блиммов, – объяснил я. – И одновременно огорчаюсь, что не угадал.

И поставил перед ним кружку чая, которую оперативно извлек из Щели между Мирами. Уж я-то знаю, как это лихо умиротворять.

Шурф и правда сразу умиротворился. Буквально после первого же глотка. И сказал:

– Рукопись хранилась у нас, в Иафахе. Библиотека исключается; значит, в каком-нибудь тайнике, или даже просто в чьих-то личных покоях. Точнее пока сказать не могу. Я просто применил на территории Иафаха малое заклинание Призыва. Можно сказать, исключительно ради вопиющей нелепости этого жеста: Великий Магистр тайком от адептов Ордена обыскивает их спальни, как директор начальной школы. Поучительный случай. Никогда прежде я не совершал бессмысленных действий только потому, что они меня забавляют, и сразу такой блестящий результат. Видимо, следует и в дальнейшем время от времени так поступать.

– Ха! Еще бы! – обрадовался я. – Да меня только за это в Тайном Сыске и держат. За чудесную способность совершать бессмысленные действия, которые почему-то приносят блестящий результат.

– Ну что ты, не только за это, – утешил меня Джуффин. – У тебя есть еще два неоспоримых достоинства. Тебя Темная сторона очень любит. И ты никогда не поешь в общей уборной.

Возразить было нечего. Я вообще нигде не пою.

– На самом деле я в некоторой растерянности, – признался Шурф. – Что след заговора ведет в Иафах, это даже логично. Кому, как не нашим старикам, испортить Благословение Гэйшери? Мы с Максом еще вчера об этом говорили: слишком идеальный сценарий, чтобы оказаться правдой, а жаль.

– Но почему он не может оказаться правдой? – удивился Джуффин.

– Вы сами сказали, что этот заговор окружен заклинанием Хамарра. А такие ступени магии им не под силу.

– Ты уверен? – мягко спросил Джуффин.

Лично я от такого его тона мгновенно утратил бы всякую уверенность в чем бы то ни было вообще. Но Шурф упрямый. Его с толку ничем не собьешь.

– Скорее да, чем нет, – тоже очень мягко сказал он.

Почему в небе над улицей Медных Горшков в этот момент не полыхнуло ни одной молнии, я не понимаю до сих пор.

– Ты же сам рассказывал, что их кумир Хумха Йох, – напомнил я Шурфу. – А покойный, насколько я знаю от Кофы, вышел из Ордена и демонстративно отказался от магии^[23]. Долгие годы жил, как простой обыватель, очень старательно не колдовал. Иногда срывался, но в целом держался молодцом, хранил верность собственным принципам. Может, и эти красавцы живут по его примеру? Только из Ордена выходить не стали. Зачем? И так хорошо. Если делать вид, будто на старости лет утратил былые способности, силой никто колдовать не заставит. При этом в Иафахе очень удобные апартаменты. И кормят на славу. И отличные винные погреба.

– А откуда ты знаешь, какие у них апартаменты? – удивился Шурф. – Ты что, к кому-то из моих Старших Магистров в гости ходил?

– Конечно. Ко всем по очереди. Зачем выбирать кого-то одного? Сидел у них практически круглосуточно, организовывал этот грешный заговор. А то как-то скучно живем.

Не то чтобы они мне действительно поверили. Но на какую-то долю секунды все же усомнились – а вдруг? Я это точно знаю, я видел их глаза.

Потом Джуффин все-таки рассмеялся, а Шурф укоризненно сказал:

– Врешь ты, сэр Макс. На самом деле у наших Старших Магистров ужасные апартаменты. Довольно тесные, без окон, чтобы ни сквозняком, ни чужой магией не продуло, и загромождены старой мебелью. Ты бы в таком помещении и получаса не высидел. Но им самим, разумеется, нравится, тут ты прав.

– Допросить их не хочешь? – спросил Джуффин. – Требовать, разумеется, не имею права, но сам понимаешь, это здорово упростило бы мне жизнь.

– Это было первое, что пришло в голову мне самому. Но по-настоящему могущественный человек вполне способен соврать так, что даже я не замечу. Остальные ничего интересного не расскажут. А от заклинаний, подавляющих волю, хотелось бы воздержаться. Ими даже Магистр Нуфлин со своими особо не злоупотреблял, а мне и подавно не пристало. И уж точно не сейчас. Общее настроение Ордена только-только

начало выправляться, слишком легко вернуть все назад. Честно говоря, было бы жаль.

– Ты прав, – кивнул Джуффин. – Я предложил, не подумав. Сам никогда не применял заклятий такого рода к своим ученикам и просто людям, с которыми намерен вместе работать. Вообще стараюсь их избегать. Для пользы дела все допустимо, но у всякого насилия своя цена, и необходимо ясно представлять последствия. А заклятия, подавляющие волю, качественно изменяют связь между магом и его жертвой. И беда не в том, что жертва обидится и огорчится, а в том, что в дальнейшем будет бессознательно сопротивляться человеку, который такое однажды с ней проделал. И не сможет принять от него самый искренний дар, даже если этот дар – сила. Особенно если она! Я и для тебя, сэр Шурф, стал бы гораздо лучшим учителем, если бы не начал знакомство с Большого заклинания Призыва^[24]. Но у нас с тобой выбора не было. А сейчас явно не та ситуация. При всем моем уважении к заговорам, как таковым, на вопрос жизни и смерти этот все же не тянет.

– Да, – кивнул Шурф. – Что-то в таком роде я и хотел сказать.

– А можно сделать так, чтобы я на них посмотрел? – спросил я.

– На что? На кого? – хором спросили оба.

– На Старших Магистров Ордена Семилистника. Сами знаете, мне рядом с могущественными людьми... примерно как в куманском притоне. Только еще и бодрит. Сразу пойму, кто чего стоит. И с кем следует в первую очередь поговорить.

Я был почти уверен, что Шурф меня сейчас стукнет – вон как глаза засверкали. Все-таки Благословение Гэйшери страшная вещь, даже самопальное. Ну или особенно самопальное, кто его разберет. Вдохновляет со страшной силой, причем сразу на все. Но Шурф быстро усмирил бушевавших в его сердце демонов гордыни, все девятьсот миллионов штук. И сказал, как ни в чем не бывало:

– Сделай такое одолжение. Если я ошибаюсь в оценке их потенциальных возможностей, в моих же интересах как можно скорее об этом узнать. Я придумаю достаточно убедительный повод собрать вместе всех Старших Магистров и позову тебя. Но не прямо сейчас, а ближе к ночи, если ты не против. Старики считают излишнюю спешку неуважением к их заслугам. Не хотелось бы без особой нужды их раздражать.

– Делай как тебе удобно, – согласился я.

Легко быть уступчивым в мелочах, когда по большому счету уже настоял на своем.

– Это очень разумная идея, – сказал Джуффин.

Однако вид у него при этом был не слишком довольный. Настолько не слишком, что я прямо спросил:

– Что-то не так?

Шеф неожиданно рассмеялся:

– Не обращай внимания. Помнишь, Мастер Гэйшери сказал, что единственный способ меня разозлить – попытаться отнять мою добычу в разгар погони? Он, дырку над ним в небе, и тут оказался прав. Я слушал тебя сейчас и думал: это что же получается, я старался, интриговал, раздавал обещания, чуть не рассорился с Королем, организовывал встречу с таинственной незнакомкой, которая еще неизвестно насколько полезна, а этот засранец окинет взглядом Старших Магистров Семилистника, и дело, чего доброго, будет раскрыто? Нет уж, так не пойдет! Эта охота – моя!

– Если тебе интересно все сделать самому, я могу ни на кого не смотреть, – предложил я. – Найду, чем еще заняться. На худой конец, просто вернусь в тот притон.

– Даже не вздумай. И вообще избавляйся от скверной привычки легко мне уступать. Я, сам видишь, далеко не всегда безупречен. Удивительно даже не то, в каких дураков превращает людей азарт, а то, что одним из этих горе-оборотней периодически оказываюсь я сам.

– У меня ощущение, что мы все сегодня хороши, – примирительно сказал я. – В смысле, с придурью. Словно не настоящий заговор раскрываем, а просто пробуем играть в новую игру и не слишком беспокоимся о ее результатах. И настроение соответствующее.

– Может быть, дело в том, что этот так называемый заговор сам по себе чрезвычайно нелеп, и нормальному здравомыслящему человеку непросто поверить в его серьезность? – предположил сэр Шурф, здравомыслящий человек, каких поискать. Правда, боюсь, уже в прошлом. Небось пройдет еще пара дюжин лет, и любая правдивая история о том Шурфе Лонли-Локли, с которым я был знаком прежде, будет восприниматься как абсурдная клевета.

– Да просто Мастер Гэйшери в городе, – усмехнулся Джуффин. – Вот и все.

– Кстати, он сегодня почти весь день спит. Просыпался только затем, чтобы злодейски воскресить леди Тайяру. Она поревела, потом смирилась. Сразу хотел тебе рассказать, но вы меня с толку сбили этим своим совещанием.

– Да какая разница, спит он или бодрствует, – нетерпеливо отмахнулся Джуффин. Новость о леди Тайяре, похоже, не произвела на него никакого впечатления. – Мастеру Гэйшери вообще ничего специально делать не

надо, достаточно просто быть. Рядом с ним ни одна реальность подолгу не выдерживает, начинает понемногу сходиться с ума. И мы вместе с ней. Впрочем, как ни странно, обычно это всем только на пользу. Как тебе куманский притон.

– А ты действительно туда ходил? Это не шутка? – спросил меня Шурф.

Он никак не мог в это поверить. Поскольку знает обо мне страшную правду: когда дело касается отдыха и развлечений, я – консерватор, каких Мир не видел. Даже незнакомую еду пробую крайне неохотно, а тут вдруг – целый незнакомый притон.

– Ходил, – гордо сказал я. Но потом решил быть честным до конца и признался: – По работе. И вообще, можно сказать, нечаянно. В смысле не знал заранее, куда именно попаду. Но кстати этот сладкий дым у них действительно вполне ничего. Очень мило одурманивает. Хотя все равно не понимаю, как можно сидеть там сутками? Кроме бесконечного блаженства ничего интересного не происходит.

Шурф и Джуффин обменялись страдальческими взглядами и укоризненным хором сказали:

– Так в том и смысл!

* * *

Упоминание о Гэйшери лишило меня остатков той вполне выносимой разновидности тревожности, которая обычно заменяет мне душевный покой. Чтобы не маяться, я решил пойти посмотреть, что творится в Мохнатом Доме. Тем более, что в Управлении стало скучновато: все наши по-прежнему где-то шлялись, леди Лаюки Кепта не выходила на связь, чтобы сообщить о новых покушениях на Короля, Куруш дремал на шкафу, Шурф за каким-то лешим отправился в свой драгоценный Иафах, а Джуффин принялся дотошно изучать принесенную им рукопись и на целых полторы минуты умолк с таинственным видом. То есть молчал он наверняка гораздо дольше, просто уже без меня.

По дороге я купил свежий выпуск «Суеты Ехо». Во-первых, чтобы узнать, сколько еще писем в защиту магии успел получить Король: Джуффин после полусотни утратил к ним интерес и подсчитывать перестал. Во-вторых, показать леди Тайяре, как выглядит газета, я еще в ее прошлой жизни это обещал, да забыл. А в-третьих, я был почти уверен, что сам факт существования газет приведет в ярость Гэйшери. Будет, небось,

стучать кулаками по столу, орать: «Какая глупость!» Вот и славно. А то что-то он как-то притих. То спит, то пьет кофе, то воскрешает мертвых – пенсионерский режим. Поневоле начнешь беспокоиться, все ли в порядке с дорогим гостем, не вредит ли его здоровью слишком долгое пребывание в далеком будущем, и что мы все станем делать, если это сокровище не убережем.

Я не покупал газет с прошлой осени – с тех самых пор, когда там писали о моих трупах, заполонивших город. Трупы и правда имели место; к их чести следует сказать, что они лежали смирно, никого не обижали и быстро исчезли, не оставив после себя ни одного пятна^[25]. Но все, что писали по этому поводу столичные журналисты, оказалось таким абсурдным враньем, что я рассердился, причем не как герой городских новостей, а как условно разумный читатель: за кого меня принимают?! – и объявил прессе бойкот. А потом просто отвык покупать газеты. В общем, очень долго их не читал и почти забыл, какие они бывают. Неудивительно, что теперь мне было интересно, почти как в первый раз. Я читал на ходу, как школьник, вырвавший из алчных рук библиотекарки приключенческий роман, хотя объективно ничего особенно интересного в газете не было, разве только полицейские новости, но уж их-то я привык узнавать из первых рук.

Однако именно полицейскими новостями я и зачитался, да так, что только оказавшись на площади перед Мохнатым Домом, обнаружил на месте этого самого дома зияющую пустоту. Впрочем, не то чтобы действительно зияющую. Вместо разверстой бездны на месте моего жилища были вполне убедительные булыжники, между которых пробивалась изрядно пожухшая, но все еще полная боевого задора трава.

У меня, мягко говоря, не железные нервы. Даже думать не хочу, из какого материала их изготовили, но собираюсь написать по этому поводу жалобу, знать бы только куда; за тысячей подписей дело не станет. Однако это неудобство уравнивается крайне удачным устройством моего организма: когда происходит что-то по-настоящему страшное, я веду себя так, словно никаких нервов у меня вовсе нет.

Вот и сейчас я не только не хлопнулся в обморок, а даже не охнул. И не послал зов Джуффину и леди Сотофе, чтобы они немедленно мчались сюда всех спасать. Вместо этого я очень аккуратно сложил газету – иногда такие простые действия помогают собраться с духом – и связался с Базилио. Хвала Магистрам, она отозвалась сразу, и я спросил: «Ты сейчас где?»

«Дома», – ответила она. И начала рассказывать, как отлично они с леди

Тайярой проводят время, разбирая какую-то задачку, которую ученые всех эпох объявляли не подлежащей решению. Тогда как на самом деле, ситуация небезнадёжна: нужно просто изобрести принципиально новую математику – такую, чтобы по ее правилам эту задачу можно было решить. Но я, честно говоря, не особо внимательно слушал. Все живы-здоровы, вот и хорошо.

И мало того, что живы-здоровы, так даже из этого Мира никуда не подевались, а то хрен бы мне удалось использовать Безмолвную речь. Из этого я сделал вывод, что Мохнатый Дом стоит на месте, просто стал невидимым. А это точно не проблема. Полная ерунда.

Я его даже потрогал, провел рукой по шершавой стене, осторожно погладил мягкие иглы гламитариунмайохи и окончательно успокоился: честные тактильные ощущения гораздо убедительней любых идей.

«А Гэйшери спит?» – спросил я.

«Не знаю, – ответила Базилио. – Но в гостиную не спускался. Мы специально тут весь день занимаемся, чтобы его не пропустить».

Очень хорошо, – подумал я, с наслаждением рисуя в воображении сцены кровавой расправы. Заранее ясно, что я этому гаду даже скандала путного не устрою, но каждый имеет право на прекрасные несбыточные мечты.

Чтобы оказаться в башне, достаточно было сделать шаг. Я уже почти год назад освоил искусство Темного пути и, по идее, давным-давно должен был привыкнуть к этому своему умению. И, в общем, привык – в том смысле, что больше не удивляюсь возможности мгновенно оказаться на другом континенте, или, проснувшись за пять минут до начала совещания, все равно почти не опоздать. Но великому чуду победы над собственной лестницей я, наверное, не перестану удивляться никогда.

Гэйшери сидел на полу, скрестив ноги, облокотившись спиной на диван. Вид у него был заспанный, рядом стоял всего один пустой картонный стаканчик, в руке он держал второй, из чего я, применив дедуктивный метод, факторный анализ, божественное озарение и просто житейский опыт, сделал вывод, что проснулся он примерно четыре минуты назад. Возможно, как раз от моих безмолвных внутренних воплей под стенами исчезнувшего дома. И поделом ему, если так.

Увидев меня, этот гад приветливо улыбнулся и отчитался:

– Всех посмотрел, никого не обидел.

– Кроме меня, – огрызнулся я.

– А что, я и вас должен был увидеть во сне? – удивился Гэйшери. – Так

вы ко мне за этим не приходили. А я слишком деликатен, чтобы позволить себе увидеть вас во сне по собственной инициативе.

Да просто живое воплощение деликатности. Нет слов.

Но Гэйшери, конечно, тут же меня обезоружил, протянув белый картонный стакан с кофейно-молочной бурдой. Я обреченно вздохнул, взял угощение, уселся рядом с ним на ковер и спросил:

– Вы зачем сделали мой дом невидимым?

– А он стал невидимым? – обрадовался Гэйшери. – Отлично!

И хихикнул тоненько, как толстый мальчишка, которым он был на Темной Стороне.

– Хренасе «отлично»! – укоризненно сказал я. – Представляете, что я почувствовал, когда пришел домой, а дома – нет?

– Да какое мне дело до ваших чувств? – отмахнулся Гэйшери. – У меня свои есть. Даже несколько больше, чем требуется, но тут ничего не поделаешь, некуда их девать. А если вы думаете, будто я нарочно все это устроил, то, как говорит в таких случаях леди Базилио, садитесь, два.

– А она так говорит? – удивился я. – Ну надо же. Каких только выражений она от меня не нахваталась. Вот что значит трудное детство в неподходящей компании.

– Не прибедняйтесь. Такое «трудное детство» называется «счастливая судьба».

Но меня сейчас волновало другое.

– Значит, вы не нарочно сделали дом невидимым?

– Само получилось, – кивнул Гэйшери. – И знали бы вы, как я этому рад! В юности, когда я очень любил секреты, как положено всем молодым дуракам, каждый дом, в котором я проводил хотя бы полдня, тут же становился невидимым. Всем это очень нравилось... кроме, конечно, зануд вроде вас. Но потом это у меня почему-то прошло. А сегодня случилось снова. Помолодел я тут с вами, оказывается. И поглупел. Приятный сюрприз! Опасался, будет наоборот.

– Рад, что для вас все так удачно сложилось, – вежливо сказал я. – А нельзя ли теперь вернуть моему дому видимость? Я уже с перепугу чуть не помер на месте. Не хотелось бы новых жертв.

– Что за чахлое поколение! – скривился Гэйшери. – Всех вас легче напугать, чем насмешить.

– Напугать нас совсем несложно, – согласился я. – Поставьте под сомнение существование тех, кого мы любим, и дело, считайте, сделано. Нам очень не нравится терять близких, такие уж мы слабаки.

– Вам бы семейные ценности на площадях проповедовать, – буркнул

Гэйшери. Но судя по выражению его лица, нечто смутно напоминающее совесть я в нем все-таки пробудил.

– Боюсь, именно что-то в таком роде меня в ближайшее время и ждет. Соседи наверняка уже побежали в полицию. А как только в Управлении Полного Порядка узнают, что Мохнатый Дом исчез, поднимется страшный переполох. И мне буквально с минуты на минуту придется выходить на площадь, чтобы успокоить, самое меньшее, человек сто.

– Ладно, – неохотно признал Гэйшери. – Для людей, отвыкших от магии, такие сюрпризы и правда перебор. Не беспокойтесь, все уже в порядке. Все желающие могут пялиться на ваш драгоценный дом, сколько влезет.

Я не поленился выйти на улицу, чтобы проверить. Дом стоял на положенном месте с таким невинным видом, словно никогда не исчезал. Заодно я послал зов Трикки Лаю и сказал: «Если к тебе сейчас прибегут с криками, что Мохнатый Дом исчез, не пугайся, это была просто глупая шутка».

А этот засранец ответил: «Да уже прибежали. Я сразу так и подумал, что шутка. Даже дергать тебя понапрасну не стал».

Вот у кого железные нервы. И неиссякаемый запас здравого смысла. А я – жалкий паникер.

...Однако, вернувшись в башню, я сказал, стараясь сохранять крайне мрачный вид:

– Как я и думал, полиция уже в курсе. Но самый лютый ужас я успел предотвратить: теперь никто не заявится нас спасать.

– Это очень жестоко с вашей стороны, сэр Макс, – печально заметил Гэйшери. – Теперь, получается, мы так и будем жить несчастливыми до конца своих дней?

Я так удивился, услышав из чужих уст очень типичную для меня самого фразу, что даже не рассмеялся.

Но он, конечно, сразу почувствовал перемену моего настроения. И начальственным тоном спросил:

– Вы уже отыскали этого... этих... Ну, кого собирались? Или еще копаетесь?

– Копаемся, – подтвердил я. – Пока только древнюю рукопись нашли.

– Что за рукопись?

– Ту самую, которую без особой надежды на успех искал по моей просьбе сэр Шурф. Где подробно рассказывается о вашем Благословении, – объявил я, втайне рассчитывая сразить его этой новостью. – Оказалось, такая рукопись действительно существует. Называется «Песнь обо всем». И

все это время была спрятана в Иафахе. Осталось выяснить, кто именно ее там хранил.

Но Гэйшери только с досадой поморщился:

– Как же у вас все медленно! Три кулака в звездную задницу! Как же невыносимо медленно все у вас! – и, посмотрев на меня, сварливо спросил: – Вы чего ржете? Любой нормальный человек на вашем месте сейчас рассердился бы. Я же, в сущности, несправедливо к вам придираюсь. Зачем такое терпеть?

– Звездная задница! – сквозь смех объяснил я. – Перед глазами теперь стоит!

– Главное, держите себя в руках, – строго сказал Гэйшери. – Вы все-таки очень могущественный человек, даже без скидки на свою эпоху. И должны понимать, что любой воображаемый предмет, на котором сконцентрировалось все ваше внимание, в любой момент может стать полновесной частью реальности. А вы, готов спорить, не умеете их отменять.

– Да кто же в здравом уме станет отменять звездную задницу? У меня рука не поднимется. Никогда!

Пока мы вместе смеялись, я окончательно и бесповоротно простил этому дурацкому Темному Магистру все выходки сразу, оптом. Еще и на будущее остался некоторый запас.

Не знал, что кратчайший путь к моему сердцу лежит через звездную задницу. Но в общем всегда смутно предполагал что-то подобное. То есть особых иллюзий на свой счет все-таки не питал.

– А это что такое? – спросил Гэйшери.

Он поднял с пола газету, о которой я уже забыл. Повертел в руках, поднес к самому носу, одобрил:

– Отлично пахнет. Это и есть та самая так называемая древняя рукопись? А зачем вы мне ее приволокли?

– Да какая же она, к лешему, древняя рукопись? – растерялся я. – Это просто газета. И ей, по моим прикидкам, максимум два часа от роду. Специально принес: вдруг вам интересно почитать, что сейчас пишут в газетах.

– Неинтересно! – отрезал Гэйшери. И, смягчившись, добавил: – Все равно я могу только картинки смотреть. Я этих ваших будущих букв не знаю и знать не хочу. Какие-то они у вас дурацкие. Наши были гораздо красивей.

– А раньше был другой алфавит? – удивился я. – Вот это да!

– Нашли чему удивляться. Он даже на моем веку дважды менялся. За какие-то несчастные пару дюжин тысячелетий! Вечно находятся бездельники, которым больше нечем заняться, и начинают заново перерисовывать буквы. Какие глупцы! Наш Мир был беспредельно великодушен, дав нам язык, который способны понять все живые существа, чтобы людям легче было договориться между собой и даже с гостями из иных реальностей, если вдруг заявятся. В других мирах, по моим наблюдениям, в этом смысле особо не забалуешь: часто даже у ближайших соседей языки разные, хочешь их понимать – сиди, зубри. Нам просто фантастически повезло! Но вместо того, чтобы жить да радоваться, эти болваны только и думают, как бы все запутать. Так написать: «Я пошел в сортир», – чтобы пролетающий мимо огненный демон, храпящий на краю деревни пьяный бродяга и приехавший на ярмарку житель соседней деревни никогда не разобрали эти каракули, не poznали пресветлую мудрость и остались в дураках.

– А иррашийцы вообще свой язык придумали, чтобы их разговоров никто не понимал, – наябедничал я.

– Мне рассказывали, – кивнул Гэйшери. – Но они хотя бы не поленились, выдумали язык целиком, от начала и до конца. Жил бы я в ваше время, непременно бы его выучил. По-моему, это должно быть забавно – всерьез говорить о настоящих людях, вещах и событиях на выдуманном языке. Уж всяко интересней, чем морочить друг другу голову дурацкими буквами, которые не укладываются ни в одной разумной голове!

Я наконец догадался, что ему просто обидно. Газета – вот она, а прочитывать невозможно. Я бы на его месте почувствовал себя безграмотным болваном. И тоже сейчас ругался бы: ишь, чего выдумали! Что за дрянной, корявый незнакомый мне алфавит!

Поэтому я отобрал у него газету и сказал:

– Честно говоря, вы немного потеряли. В газетах обычно такие глупости пишут, что вы, чего доброго, спустили бы меня с лестницы за то, что такую дрянь в дом приволок. А те новости, которые заслуживают внимания, я вам, если хотите, сам перескажу.

Гэйшери скорчил презрительную рожу. Могу вообразить эти ваши так называемые новости – было написано на его лице. Но согласился:

– Валяйте.

– Сегодня все население города с раннего утра развлекается тем, что пишет и отправляет письма Королю, – сказал я, разворачивая газету.

– А это еще зачем? У вас так теперь принято? Чтобы Король не чувствовал себя одиноко?

– Да он в общем и так не особо страдает. Королю отправляют просьбы ни в коем случае не запрещать магию. Ее, конечно, и без писем не запретят, просто Джуффин пустил такой слух из каких-то интриганских соображений. Я, честно говоря, опасался, обыватели только обрадуются, что жизнь снова станет спокойной и понятной, как в Эпоху Кодекса. Но нет, вся столица стоит на ушах. Тут пишут, Король уже получил сто семьдесят восемь официальных петиций в защиту магии, каждая с кучей подписей, и они продолжают прибывать. Разнообразного содержания, в зависимости от того, кто писал. Там и здравые соображения, и сердечные мольбы, и романтические поэмы, посвященные чудесной магической силе, и юридические рассуждения о некорректности отмены уже внесенных поправок к действующим законам, и обещания унять хулиганов своими силами, раз уж полиция не справляется, и другие обещания, я бы даже сказал, угрозы, что колдовать все равно никто не перестанет, и детей научат всему, что знают, и пусть Тайный Сыск хоть от злости лопнет, все равно в Холоми все преступники не поместятся. А если всех подряд отправлять в изгнание, так вряд ли совершенно пустой город сможет по-прежнему считаться столицей Соединенного Королевства.

– Резонно, – ухмыльнулся Гэйшери. – Я бы на их месте тоже так написал. Ишь какие храбрые стали! А ведь совсем недавно были жалким трусливым фуфлом. Когда у вас тут магию запретили, я-то знал, что это единственный шанс хоть немного продлить агонию Мира и выиграть время. Но не мог понять, почему люди так легко согласились отказаться от магии? Почему не подняли бунт? Как могли смириться, что им какие-то посторонние болваны вдруг запретили колдовать, грозя наказанием? Все эти разговоры про конец Мира для непосвященных должны были звучать неубедительным враньем. Я бы сам в такую чушь ни за что не поверил, если бы своими глазами не видел. И если бы заранее не знал, что к тому рано или поздно придет.

– Они, кстати, на моей памяти уже бунтовали, – вспомнил я. – Еще при жизни Магистра Нуфлина Мони Маха, когда ни у кого даже тени надежды не было, что однажды всем снова официально разрешат колдовать. Такое устроили по совершенно ничтожному поводу, что вспоминать страшно^[26]. В смысле вам бы как раз понравилось. А в ту пору, когда принимали Кодекс Хрембера, люди просто очень устали от Смутных Времен. Это же, если не ошибаюсь, без малого двести лет продолжалось: хаос, бардак, неразбериха, доверять нельзя никому, включая родных и близких, особенно если они состоят в Орденах. Кого угодно в любой момент мог убить какой-нибудь псих, только потому, что вчера выучил новый прием боевой магии, и теперь

срочно надо на ком-нибудь попробовать, работает или нет. Ну или просто вино на орденской кухне закончилось, а у этого лавочника как раз есть подходящий сорт, и поразить его каким-нибудь смертным заклятием проще и веселее, чем отбирать...

– Заткнитесь! – рявкнул Гэйшери. – А то я без вас не знаю, как оно было. Вы с меня сейчас, считайте, заживо кожу сдираете. Невелика радость знать такие вещи о Мире, который ощущаешь своим.

– Извините. Никак не привыкну, что для вас это личное горе. Для меня-то просто история. Которая к тому же произошла не со мной.

– Это вам только кажется, что не с вами. Однажды поймете, что для могущественного человека все всегда происходит вот прямо сейчас, с ним лично. И надеюсь, не поленитесь перейти Мост Времени, чтобы принести мне извинения за свою бестактность – не формальные, а настоящие, выстраданные. Я готов подождать.

– Ладно, – кивнул я. – Если стрясется со мной такое несчастье, не поленюсь. Хотя сейчас даже думать страшно про этот Мост Времени. После того, как один раз по нему прогулялся, каждый день говорю себе: «Больше ни за что туда не пойду!» – и этого обещания бывает достаточно, чтобы скакать от радости даже в самый паршивый день.

– Вас можно понять, – неожиданно согласился Гэйшери. – Даже Первый Ужас Небытия мало кому нравится; об остальных и говорить нечего. Я сам когда впервые попробовал, так потом злился, что чуть вовсе Мосты Времени не отменил – все сразу, то есть саму их возможность. А это все-таки было бы редкостным свинством с моей стороны. Счастье, что мне это оказалось не по зубам, просто сил не хватило. Уничтожать вообще трудней, чем создавать, хотя многие думают, наоборот. А потом выяснилось, что к Ужасу Небытия можно постепенно привыкнуть, как к любой другой досадной неприятности. К чувству голода, например, или к боли в глазах, когда выходишь из темноты на слишком яркий свет. Не отказываться же от жизни из-за такой ерунды?.. Только не подумайте, будто я вас уговариваю. Это ни к чему, судьба сама уговорит. Она у вас в этом смысле очень счастливая: всегда заставляет делать, что должно. И не отвертитесь. Я бы на вашем месте был на нее очень сердит.

– Она того заслуживает. Такое порой творит, что хоть на первую попавшуюся чужую меняй. Но у меня очень покладистый характер, – сказал я. И, не удержавшись, саркастически добавил: – Примерно как у вас.

– Да ладно – как у меня! Ишь, размечтались! – возмутился он. – Это только на первый взгляд может показаться, потому что вы вежливый, а я не особенно. А так-то вам до меня далеко.

Чему я действительно научился за последние два дня, так это давно утраченному древнему искусству не спорить с Гэйшери. Впрочем, я не единственный ныне живущий мастер. Джуффин и леди Сотофа, как я теперь понимаю, овладели этим умением в совершенстве задолго до меня.

– А мне теперь очень стыдно, – вдруг признался Гэйшери.

Я даже рот открыл от неожиданности. Искусство ничему не удивляться мне точно не по зубам.

– Слишком плохо думал о людях, – объяснил Гэйшери. – Труссы, слабаки, легко отказались от магии, позволили веревки из себя вить! А они быстро опомнились. Всего за какую-то несчастную сотню лет. Получается, я был к ним несправедлив. Думал о них не в ту сторону – и это я, который никогда не прощал подобных ошибок другим!

Он уже так себя накрутил, что глаза подозрительно заблестели; хотел бы я ошибаться, но боюсь, не столько от гнева, сколько от навернувшихся слез. Рядом с этим психом я поневоле чувствовал себя железным человеком с каменным сердцем и, вероятно, чугунным лбом, потому что, хоть убей, не видел, в чем тут проблема. Ну, недооценил гость из далекого прошлого наших горожан, с кем не бывает. Я сам до сегодняшнего утра точно так же их недооценивал. Но никаких угрызений совести по этому поводу не испытывал, только поставил в уме пометку: «В следующий раз иметь в виду».

– От моей несправедливости пока что больше вреда, чем от вашей, – заметил Гэйшери, то ли прочитав мои мысли, то ли просто вспомнив, что я об этом ему говорил. – Но вы за собой тоже следите. У вас уже достаточно силы, чтобы изрядно испортить Мир, думая о нем не в ту сторону. И дальше будет только хуже. Пока не поздно, учитесь строить иллюзии. Больше того, привыкайте в них верить. Каждый день палкой выколачивайте из себя скептический ум. Только наш наивный идеализм может спасти Мир от погружения во тьму мерзости и невежества. Иного способа ежедневно спасать его нет. Вы понимаете?

– Не уверен, – честно ответил я.

Гэйшери просиял.

– Судя по тому, что с вашей рожи внезапно куда-то пропало самодовольство, все вы отлично поняли. Значит, полдела сделано – хорошо! Осталось извиниться перед вашими горожанами. И возместить им нанесенный моими мыслями ущерб. Хвала предпоследней бездне, я знаю, что в таких случаях следует делать. Подождите меня, я скоро вернусь.

Он вылез через окно на крышу, а я продолжил практиковаться в древнем искусстве не спорить с Гэйшери. И заодно в другом высоком

искусстве – ни хрена не понимать. Судя по тому, как бойко шло дело, я наконец обрел свое подлинное призвание. И выказал к нему недюжинный талант.

Время, как это обычно бывает в подобных случаях, не просто невыносимо тянулось, а практически замерло. Самый простой способ сделать свою жизнь бесконечной – сидеть и ждать, когда вернется кто-то, пообещавший: «я скоро». По календарю, может, не особо долго проживешь, но по ощущениям это будет настоящая вечность. Причем не одна.

Несколько дюжин вечностей спустя я обнаружил, что уже прошло почти полчаса. И не то чтобы всерьез забеспокоился, скорее просто решил, что это достаточно веская причина высунуть нос на крышу и посмотреть, что там творится. И может быть, помешать Гэйшери публично приносить извинения жителям Ехо, ни сном ни духом не подозревающим, что он перед ними провинился. А может быть, чем черт не шутит, наоборот, помочь. У меня было смутное ощущение, что у него что-то пошло не так, но я списал его на обычное в таких случаях раздражение, все-таки я действительно ненавижу ждать неизвестно сколько, не пойми чего.

На крыше, вопреки моим опасениям, было тихо. И ничего особенного не происходило – ни пожара, ни потопа, ни даже какой-нибудь саранчи, специализирующейся на пожирании старой черепицы. И небо не потемнело до срока. Похоже, Гэйшери здесь только зря время теряет.

Самого его, впрочем, нигде не было видно. И его присутствие не ощущалось, причем – я только теперь это понял – уже довольно давно. Так что я решил, что наш Темный Магистр просто использовал крышу в качестве стартовой площадки для какого-нибудь полета. Ну или наоборот, чудесного падения, кто его разберет. Высунулся в окно по пояс, еще раз огляделся, наконец, плюнул на свои представления о деликатности и вылез на крышу целиком.

Только тогда я увидел Гэйшери, неподвижно лежавшего на спине, лицом к небу. Это умиротворяющая картина мне совсем не понравилась. Было в ней что-то не то. После некоторых колебаний я подошел к нему. Был готов к возмущенному реву, но его не последовало. Гэйшери не издал ни звука. И не повернулся ко мне. Даже не моргнул. И только тогда я понял, что означает тот факт, что я больше не ощущаю его восхитительного присутствия. Но, конечно, себе не поверил. И какое-то время ползал вокруг него, как последний дурак на карачках, пытаясь то уловить дыхание, то нащупать пульс.

Наконец, очень много почти бесконечных секунд спустя, я послал зов леди Сотофе и сказал: «Гэйшери лежит у меня на крыше, выглядит как мертвец ощущается так же. Это вообще нормально?»

«Не то чтобы нормально, – сказала она. – Но с ним иногда бывает. Сиди спокойно, не пытайся ничего исправить; самое главное – никаких этих твоих Смертных шаров. И не изводись. Я знаю, что надо делать. Скоро приду».

После этих ее слов мне, по идее, должно было полегчать. Но вышло ровно наоборот: до меня наконец-то дошло, что все происходит на самом деле. То есть Гэйшери действительно умер. Не прикидывается, как тогда с кровавым мечом, никого не разыгрывает. Просто лежит тут мертвый, и все.

– Этого не может быть, – сказал я вслух. – Такие не умирают же! Никогда, ни при каких обстоятельствах. Нет.

И подумал, что сам Гэйшери, окажись он на моем месте, не испытал бы никаких затруднений. Захотел бы, чтобы все было в порядке, и оно бы тут же стало в порядке как миленькое. И мертвец сам бы ожил. Еще небось извинялся бы потом за доставленное беспокойство. А от моих желаний никакого толку... разве что, на Темной Стороне он есть. Но не тащить же его туда? К тому же Сотофа велела ничего не пытаться делать. Но вдруг?..

К счастью, я не успел начать спасательную операцию. Вернее, просто не смог собраться с силами. Очень уж был растерян, что с точки зрения моего друга Шурфа, крупного специалиста в вопросах жизни и смерти, означает: сам почти мертв.

Но это я понял только когда вернулся к жизни. Так внезапно и неожиданно, что сперва показалось, всегда таким был – бесконечно счастливым, звенящим от веселого напряжения, похожего на безмолвный смех. А потом запоздало осознал, что и счастье, и звон не мои. Но все равно в каком-то смысле мои: что однажды с тобой случилось, твое навек, – вот о чем я думал, пока моя голова со свойственной человеческому телу медлительностью поворачивалась к источнику этой живительной радости. Вернее, к двум источникам сразу.

Леди Сотофа пришла – быстро, как обещала. И она была не одна.

В первый момент я чуть было не спросил, зачем она притащила на крышу Базилио. Девочка уже один раз видела труп дорогого ей человека, для общего развития вполне достаточно. Но это, конечно, была не она. Даже не то чтобы очень похожа, просто тоже рыжая, с круглыми фиалковыми глазами и вздернутым носом. Но в остальном совсем другая, очень взрослая женщина. И, по моим ощущениям, в гораздо меньшей степени человек, чем наша овеществленная иллюзия. Впрочем, не только

она. Чем любое заплутавшее на наших улицах сновидение, бессмертные кейифайи, потомки грибов-оборотней, Одинокие Тени и камни Холоми, которые, говорят, иногда по-соседски навещают во сне старейших узников, вежливо приняв привычный им человеческий облик, чтобы никого не пугать; насчет последних, впрочем, точно не знаю, меня никто из них пока не навещал.

Я во все глаза смотрел на это удивительное существо, зачем-то прикинувшееся нормальной человеческой женщиной с трогательными веснушками на курносом носу, а она уставилась на меня, удивленно моргнула, подошла, по-кошачьи боднула в плечо, сказала: «Отдай мое сердце!» – коротко рассмеялась, явно наслаждаясь моим замешательством, а потом повернулась к Гэйшери, и тогда все, включая меня или даже начиная с меня, перестало для нее существовать.

Какое-то время рыжая просто стояла рядом с телом Гэйшери и смотрела на него так внимательно, словно во всем Море для нее не существовало больше ничего. Я довольно много знаю о концентрации внимания, все-таки внимание – один из важнейших инструментов магии; сам я, можно сказать, еще начинающий, но вокруг меня всегда хватало настоящих мастеров. Однако прежде я и вообразить не мог настолько полной концентрации, так решительно отменяющей все, кроме единственного объекта, что поневоле начинаешь опасаться исчезнуть навсегда вместе со своим домом, площадью, где он стоит, соседними улицами, Старым и Новым городом, Соединенным Королевством материком Хонхона, на котором вся эта красота размещается, и окружающими его морями – только потому, что какая-то рыжая тетка забыла о вашем существовании. Ей стало не до того.

Наконец она склонилась над Гэйшери, взяла его за грудки, встряхнула так, что голова со стуком ударилась о черепицу, и сказала, не то чтобы очень громко, но так яростно, что даже сторонний свидетель в моем лице едва не наложил в штаны:

– Не смей нарушать договор!

Гэйшери тут же открыл глаза и улыбнулся, как человек, впервые проснувшийся рядом с возлюбленной. Или как ребенок, которого разбудила мать. Или как только что воскрешенный мертвец, каковым он, строго говоря, и являлся.

– Дайшечка, – сказал он. – Не серчай на меня, дружище. На этот раз не нарочно. Просто немножко не рассчитал.

Сейчас у него был всего один голос, такой глубокий и бархатный, что, будь моя воля, сутками его слушал бы. И ничего другого бы не желал.

– Знаю я твое «немножко», – отмахнулась рыжая. – Вечно у тебя так: пошел на мельницу за мукой, по дороге три усадьбы прогулял. Ну и будешь теперь валяться до ночи, как лесной скархл после попойки в городе, кто ж тебе виноват.

– Я должен был исправить одну ошибку, – объяснил ей Гэйшери. – Не скажу, какую, самому теперь стыдно. Тебя при этом не было, вот и хорошо. Ненавижу жить виноватым. Надо сразу все исправлять.

– Чучело ты, – вздохнула она. – Чучелом родился, чучелом и помрешь. Пойду отсюда, пока тебя не прибила, руки чешутся. Будешь возвращаться – прибавь к тому дню, когда убежал к Сотофе как минимум сутки, дай мне остыть.

– Да ради тебя хоть полгода.

– Я тебе дам полгода! – рыжая поднесла к его носу маленький загорелый кулак, и оба расхохотались, да так, что от их смеха загорелось проплывавшее над крышей облако.

Я зачарованно уставился на этот небесный пожар, а когда облако погасло и осыпалось на наши головы золотым пеплом, рыжая уже обнимала леди Сотофу и что-то шептала ей на ухо, а та, улыбаясь, кивала. Обе при этом почему-то с заговорщическим видом косились на меня. Я открыл было рот, чтобы сказать... честно говоря, сам не знаю, что я собирался сказать этой рыжей. Может быть, просто поздороваться. Или запоздало ответить, что я не брал ее сердце, но если очень надо, могу отдать свое. Или спросить, кто она такая. Или предложить ей кофе – если Гэйшери понравилось, может, оценит и она, ясно же, что эти двое одним миром мазаны. Тем самым Миром, каким он был восемьсот тысяч лет назад.

Но пока я думал, она просто исчезла, не попрощавшись. Впрочем, я уже понял, что излишней церемонностью древние маги особо не грешат... не грешили. Очень трудно все-таки думать в прошедшем времени о тех, кто есть для тебя вот прямо сейчас. Жуткая путаница с этими Мостами Времени, о них никому кроме безумных математиков вроде леди Тайяры лучше бы вообще не знать. Но все равно хорошо, получается, что Гэйшери их не отменил. А то как бы эта невероятная рыжая до нас добралась?

– Не велела мне тебя обижать, представляешь? – сказала мне леди Сотофа. – Интересно же я, с ее точки зрения, живу! Поймала с утра сэра Макса, и ну обижать. А то скукота-скукотища.

Я хотел отшутиться: «Ну вы, если что, обращайтесь», – но обнаружил, что дар речи меня внезапно покинул. Похоже, увязался за этой рыжей. И тоже, гад невоспитанный, «до свидания» не сказал.

– Не серчайте, – снова сказал Гэйшери, на этот раз уже нам. – Я не нарочно такой переполох устроил. Откуда мне было знать, что в этом городе теперь живет столько народу? Хотел раздать свою силу всем понемногу, для поднятия настроения и исправления вектора течения жизни, но на всех меня не хватило. Говорю же, не рассчитал.

– В следующий раз просто заранее спрашивайте, – вздохнула леди Сотофа. – Например, у меня. Местные жители обычно знают, сколько людей проживает в их городе. Если, конечно, эти местные не сэр Макс.

– Но даже я бы сказал: «До хрена», – ответил ей кто-то моим голосом. Собственно, это и был я, наконец-то обретший дар речи. Просто все эти события изрядно меня контузили, и теперь я наблюдал за так называемым «собой» как бы со стороны.

– Дайте мне кофе, сэр Макс, – попросил меня Гэйшери. – Дайша была права, я пока вообще ни на что не способен, даже себя обслужить. Ладно, зато совесть чиста: честно сделал, что мог, даже больше. Удивительно приятное ощущение. Очень его люблю.

Привычная возня со Щелью между Мирами привела меня в чувство настолько, что я наконец спросил:

– Что это вообще было?

Леди Сотофа, мечтательно улыбнувшись, ответила:

– Дайша.

Как будто имя хоть что-нибудь объясняет.

Гэйшери залпом выпил выданный ему кофе и сказал:

– Это была моя смерть.

– Надо же, – удивился я. – Мне показалось, она вас, наоборот, воскресила. Впрочем, ничего удивительного, если ваша смерть такой же псих, как вы.

– Дайша не дает ему умереть до срока, – объяснила Сотофа. – У них заключен договор. Мастер Гэйшери твердо пообещал Дайше не умирать, не закончив дела, которые начал. А она за это пообещала убить его нежно и бережно, как это принято между друзьями. И приютить его Тень.

– Моя Тень собиралась сделать меня бессмертным, – объяснил Гэйшери. – Но мне это не подходит. Я... ну, вы знаете, у меня не все правильно получилось. С самым важным не справился. Хочу начать игру заново. Неважно, какую и где, лишь бы с нуля. К счастью, моя Тень очень любит Дайшу. Вы ее сами только что видели, Дайшу нельзя не любить. И в конце концов, моя Тень согласилась остаться с нею, а меня отпустить. Проводит за порог, а потом вернется к Дайше, так мы вместе решили. Уже

очень скоро, хвала всем закатам. Через восемьсот с небольшим лет этот вопрос наконец-то будет закрыт.

Я только судорожно вздохнул. Ничего себе ребята развлекаются. Суровые древние нравы, нам, нынешним, не понять. Ну или только лично мне не понять – вон леди Сотофа сидит и безмятежно улыбается. И думает о чем-то таком, о чем мне наверняка лучше не знать, если хочу спать спокойно. Вернее, вообще хоть как-нибудь изредка спать.

– А почему она мне сказала: «Отдай мое сердце»? – наконец спросил я.

– Считай, это просто что-то вроде комплимента, – объяснила леди Сотофа. – Если тебя просят отдать чье-то сердце, предполагается, что ты его похитил. В древности так обычно говорили близким, чтобы напомнить им о своей любви. Но иногда и сразу, при первом знакомстве...

– Но не кому попало, а только тому, кто на самом деле тронул, – перебил ее Гэйшери. – Не из этой вашей пустой вежливости, а чтобы новый знакомый сразу узнал, как обстоят дела. Мы умеем быть благодарными. А похитить сердце – величайшее одолжение, которое может сделать любому из нас другой человек. Потому что любовь – источник самой сладкой разновидности силы, и одновременно – мост, соединяющий нас с жизнью, смертью, иными Мирами и временами, со всем свершившимся и несбывшимся. И, в конечном итоге, с самими собой. Мы всегда внимательно смотрим по сторонам, ищем, кого бы еще полюбить. И ликуем, когда находим.

– Какая прекрасная постановка вопроса, – искренне сказал я. – Даже удивительно, что сам до этого не додумался. Хотя всегда примерно так и ощущал.

– Да, вы в этом смысле правильно устроены, – согласился Гэйшери. – Приятно смотреть. Но прямо сейчас меня это не утешает!

Он отшвырнул в сторону пустую чашку из-под кофе и снова улегся, бормоча под нос неразборчивые проклятия.

– Совершенно омерзительное состояние от этого дурацкого воскрешения, – объяснил он. – Голова кружится, как будто и правда дешевого вина напился. И так, мать мою через тысячу сраных болот, каждый раз! Хоть вовсе не умирай.

Я подумал, что это неплохая идея. Но вслух говорить не стал.

– Что я могу для вас сделать? – спросила леди Сотофа.

– Сами знаете. Убраться отсюда и не смотреть на кучу дерьма, в которую я превратился. Еще не хватало, чтобы вы запомнили меня таким! Вас, сэр Макс, тоже касается. А ближе к ночи возвращайтесь оба, отпразднуем... что бы нам такое отпраздновать? А! Что на этот раз

Дайшечка не засветила мне в глаз сразу после воскрешения. Отличный повод чтобы устроить пирушку, мне не всегда так везет.

Леди Сотофа улыбнулась, кивнула, положила мне на плечо маленькую руку, обманчиво легкую, а на самом деле способную за шиворот уволочь меня на край Мира, хочу я того или нет.

Впрочем, я был совершенно не против, тем более, что краем Мира оказалась любимая Сотофина беседка в глубине сада, окружающего Иафах. На этом краю Мира, я точно знаю, водятся одичавшие от простора серебристые лисы и вполне ручные сдобные пироги.

Впрочем, на этот раз мне ни тех, ни других не досталось.

– Извини, что так бесцеремонно с тобой обошлась, – сказала мне леди Сотофа. – Мастер Гэйшери очень не любит, когда его видят лишенным силы. И его можно понять.

– Еще как можно, – согласился я. – А вы мне расскажете?..

– Про Дайшу? Ты сам ее видел и вряд ли когда-то забудешь, поди такую забудь. Что тут еще рассказывать? Что после смерти Мастера Гэйшери она, объединившись с его Тенью, сделает этот Мир таким восхитительным местом, что тебе лучше об этом даже не думать, а то сбежишь от нас в наше прекрасное прошлое, и поминай как звали?

– Ну уж нет, – твердо сказал я. – Не дождетесь. Никуда я от вас не сбегу.

– Эй, да я бы сама к ним сбежала! – рассмеялась леди Сотофа. – Жить в Мире в ту пору, когда музыку заказывала Дайша, такое счастье, что шли бы вы все темным лесом!

– Но вы не сбежали.

– Не сбежала, как видишь. Кто-то всегда должен стоять на другой стороне моста.

– Это я очень хорошо понимаю. Хотя, по идее, не должен бы.

– Напротив, – серьезно сказала леди Сотофа. – Кому и понимать, если не тебе.

– А где она сейчас? – спросил я. – Неужели тоже решила умереть? В такое трудно поверить.

– И не надо. Зачем тебе в такие глупости верить? Дайша не умирала. Почти никто из Древних не умирал, у них это не было принято – если уж так отлично сложилось, что родился исполненным магии, и вся Вселенная готова принимать тебя в свои игры, смерть выглядит довольно нелепым исходом. Когда им надоедала развеселая жизнь в этом Мире, они уходили в Хумгат, чтобы попытаться счастья в каком-нибудь другом. В итоге все

разлетелись, как птенцы из гнезда. Ничего не поделаешь, всем нужны перемены. А Мастер Гэйшери... будем считать, он просто большой оригинал. Не грусти о его смерти. Во-первых, это было так давно, что кроме нас уже никто и не вспомнит. А во-вторых, тот, кто в Хумгате как дома, и после смерти разберется, что ему делать. И самое главное, он поступил, как хотел.

Я молча кивнул.

– А теперь проваливай, – улыбнулась леди Сотофа. – Чтобы спокойно выпить вечером с Мастером Гэйшери, мне сейчас надо быстренько переделать целую кучу дел.

– Только один вопрос. Вы в курсе, что старинная рукопись, где подробно рассказывается о Благословении?..

– ...была в Иафахе? Теперь, разумеется, знаю. А раньше не знала. Из чего следует, что она хранилась в той части резиденции, которая принадлежит мужчинам Ордена. Я не сую нос в их дела. В Смутные Времена следила, чтобы они не начали убивать друг друга, и чтобы совсем уж опасные дураки не пролезли в любимчики Нуфлина – это все. Только не спрашивай почему. Поскольку по ряду сугубо технических причин ты вряд ли однажды займешь мое место, эта информация тебе не пригодится. Впрочем, ради твоего спокойствия, могу сказать, что просто не успеваю. Так обычно все говорят. Но я очень рада, что ты решил сунуть свой любопытный нос в их дела. Тебе можно, ты для Ордена посторонний. И вмешаться решил по своей воле, не по моей просьбе, это в данном случае особенно важно. Можешь творить, что хочешь, хоть всех Старших Магистров превращай в камни, это не нарушит баланс.

С этими словами леди Сотофа ласково, но твердо развернула меня лицом к ограде, которую отсюда, из беседки, конечно, не видно. Но мы оба в курсе, что там – она.

* * *

Я до такой степени не знал, куда мне теперь идти, что не рискнул воспользоваться Темным путем, не люблю лотерею. Ни разу в жизни ни одного билета не купил. Поэтому просто добрался до высокой стены в том месте, где скрывается невидимый выход, покинул территорию Иафаха и пошел в направлении моста Кулуга Менончи, соединяющего Иафах со Старым городом. Долго стоял на мосту, собираясь с мыслями, но, как легко догадаться, не особо преуспел. Поэтому последовал старому доброму

правилу: в любой непонятной ситуации иди в Дом у Моста, там найдется, на что отвлечься.

Но на этот раз мне не понадобилось заходить в Управление Полного Порядка. Зов Нумминориха настиг меня примерно на полпути.

«Очень глупо получается, – сказал он. – Столько лет уже служу в Тайном Сыске, а до сих пор не знаю, как следует поступать, когда случайно первым оказываешься на месте убийства...»

«Что?!» – переспросил я.

«На месте убийства, – любезно повторил Нумминорих. – Скорее всего, убийства, точно пока не знаю. Но леди Шумана Тамайхуни мертва. Сэр Джуффин не отвечает на зов, видимо, ведет какие-то важные переговоры и поставил защитный барьер. Поэтому я послал зов тебе. Извини, если оторвал от важного дела».

– Да ни от чего ты меня не оторвал, – сказал я вслух, мысленно аплодируя своему автопилоту, который, пока я внутренне мычал и блеял, пытаюсь произвести на свет хоть одну дельную мысль, скомандовал: «Хочу оказаться в доме леди Шуманы Тамайхуни рядом с Нумминорихом», – и сделал шаг.

Оглядевшись по сторонам, я обнаружил, во-первых, стены, обитые сверкающей тканью, во-вторых, пол, облицованный баснословно дорогим урдерским синим камнем, в-третьих, лежащую на этом полу кудрявую женщину с искаженным чудовищной гримасой лицом, а в-четвертых, полное отсутствие Нумминориха. Впрочем, буквально секунду спустя он появился – снял укумбийский плащ-невидимку и сказал:

– Вот он я. Когда я вошел, все уже так и было. Я ничего не трогал, сразу послал зов сэру Джуффину. А потом тебе.

– А зачем ты вообще сюда пришел? – спросил я. И тут же сам догадался: – Шел мимо, почуял запах смерти?

– Это хорошая версия, – вздохнул Нумминорих. – Может, так и надо было сказать. Но я нарочно сюда пробрался. Чтобы исследовать дом, где Кекки нашла копию рукописи. Я же теперь знаю запахи многих людей, замешанных в истории с петицией. Подумал, имеет смысл проверить прямо сейчас, пока я их хорошо помню: вдруг кого-нибудь опознаю?

– Ясно, – кивнул я. – Решил сам провести расследование, пока шеф мается какой-то непонятной херней и только понапрасну теряет время. Это, конечно, только кажется, будто он мается и теряет, но иллюзия вполне убедительная, лет десять назад я бы сам так решил. А ты крут.

– Да ладно тебе. В чем тут крутость? – удивился Нумминорих.

– Делать по-своему это всегда круто. Даже если в итоге выходит вот так. Собственно, особенно если так! Ты очень вовремя сюда сунулся. Ее бы, наверное, еще долго не обнаружили. Вроде Кекки говорила, леди Шумана сейчас живет одна, даже приходящих слуг не заводит, наглядно демонстрируя легкость и простоту ведения домашнего хозяйства при помощи магии. А ученики вряд ли стали бы поднимать тревогу после первого же пропущенного занятия. Подождали бы пару дней. Ну и как, ты унюхал кого-нибудь знакомого?

Нумминорих сделал такое специальное лицо, с каким, наверное, привык рассказывать своим детям страшные сказки: «И вот тогда из старинного замка вышло чудовище!» Но сказал при этом:

– Здесь совершенно точно недавно побывал сэр Корва Блимм. Уже после Кекки: его запах гораздо сильнее.

Лучше бы уж чудовище, честное слово. Только Корвы мне сейчас не хватало. И рифмы «любовь-кровь».

Крови, впрочем, не было. И вообще никаких следов насилия. Ни единой царапины, ни синяка. Только искаженное мукой лицо жертвы. Значит, или яд, или магия. Впрочем, одно другому не мешает. Поди без магии приготовь мало-мальски пристойный яд.

– По-хорошему, сюда надо было звать не меня, а Кофу, – сказал я. – Но это дело поправимое.

Сэр Кофа Йох появился сразу, как только узнал, в чем дело. Он терпеть не может ходить Темным путем, но смерть леди Шуманы оказалась достаточно важным событием, чтобы засунуть свои предпочтения в специально отведенное для этого место. На нас с Нумминорихом Кофа даже не взглянул, не задал ни единого вопроса, сразу опустился на колени рядом с телом и застыл, как каменное изваяние. Наконец встал и сказал каким-то чужим, глухим, тусклым голосом:

– Совсем плохо дело, мальчики. Это заклятие Туирриба. Редкая дрянь, причем во всех смыслах. Его сейчас мало кто знает. И хвала Магистрам. Я бы тоже не знал, если бы не руководил Правобережной полицией в Смутные Времена, тогда всякого можно было насмотреться. Видите, какое у нее лицо? Человек, пораженный этим заклинанием, умирает в ужасных муках, совершенно, на мой взгляд, излишних. Никакого проку в предсмертных страданиях нет. На моей памяти даже отъявленные злодеи применяли заклятие Туирриба редко, приберегали для самых заклятых врагов, а Лойсо Пондохва строго запретил своим людям его использовать, он считал заклятие Туирриба недостойным оружием, которое оскорбляет

саму смерть. Не представляю, кто мог так сильно ненавидеть Шуману. Она всем нравится... Нравилась. Но, выходит, чего-то важного я о ней не знал.

– А насколько это заклятие доступно технически? – спросил я. – Надо быть каким-то особо великим мастером?

– Да не то чтобы, – поморщился Кофа. – Скорее, великим знатоком редких заклинаний. А так-то ничего особенного, сорок восьмая ступень Черной магии плюс пятидесятая Белой. Такое усилие даже сейчас многим доступно, а в Эпоху Орденов – практически всем.

– Здесь недавно был сэр Корва Блимм, – сказал Нумминорих. – Перед ним Кекки – ну, это вам и без меня известно. До Кекки были еще разные люди; кажется, я их не знаю. А между Кекки и сэром Корвой, если верить запахам, никого.

– Ерунда какая-то получается, – сердито сказал Кофа. – Зачем Корве убивать Шуману? Да еще и так жестоко. Что бы ни случилось, а она его единственный близкий друг.

«Так именно поэтому, – мрачно подумал я. – Чтобы жизнь сахаром не казалась. Вообще никому».

– Ну, не следует забывать, что существуют разные средства защиты от нюхачей, – вздохнул Нумминорих. – Их когда-то было великое множество, наверняка и сейчас можно добыть, или самому приготовить. Все-таки весь город знает, что в Тайном Сыске есть я. Так что вполне может быть, после сэра Корвы приходил настоящий убийца. Или до, или вместе. Но учуять его я не могу.

В этот момент в моей голове раздался голос Трикки Лая: «Слушай, у нас тут, как ты говоришь в таких случаях, полный конец обеда».

Я хотел было ответить, что ничего удивительного, это состояние реальности следует считать основным признаком новой эпохи и привыкать к мысли, что теперь так будет всегда, но тут Трикки добавил: «В кабинет генерала Бубуты появился сэр Корва Блимм. Сперва возмущался, что начальника полиции нет на месте, после долгих уговоров согласился побеседовать со мной и в ультимативном тоне потребовал арестовать его за убийство. Подробности не рассказывает. Твердит: «Я должен сообщить вам, что убил леди Шуману Тамайхуни», – и дело с концом. Теперь очень сердится, что я не спешу заковать его в кандалы. Безумием, вроде, не пахнет. А сэр Джуффин Халли не отвечает на зов».

В этот миг я окончательно зарекся когда-либо применять на практике защитный барьер от Безмолвной речи. Все-таки от него одни неприятности. Как только поставишь, тут же начинается самое интересное, страшное, важное, срочное, непоправимое – все подряд. Считается, что у Джуффина

безупречное чувство времени, но даже он из-за этого грешного защитного барьера все пропустил.

«Ладно, сейчас приду», – пообещал я Трикки. И спросил Кофу:

– Я вам здесь не нужен?

– Если убийца не ты, то нет, – без тени улыбки ответил тот.

Я хотел сказать им с Нумминорихом, что Корва Блимм сам явился в Дом у Моста с признанием в убийстве, но в последний момент передумал. Черт его знает, почему.

На нашей половине Дома у Моста было так тихо, словно уже наступили блаженные времена всеобщего законопослушания, и Тайный Сыск упразднили за полной ненужностью. Зато на половине, которую занимает Городская Полиция, можно было подумать, что вернулись Смутные Времена. Ребятам не повезло: все эти магические хулиганства, которых с каждым днем становилось все больше и больше, формально проходят по их ведомству, для Тайного Сыска масштаб злодеяний не тот. Мы, конечно, помогаем полицейским по мере необходимости, но носиться по городу в круглосуточном режиме, наскоро лечить друг другу ссадины и ушибы, полученные в потасовках, ломать головы, где разместить арестованных, ежедневно оформлять по доброй сотне отчетов и проклинать все на свете приходится именно им.

Если бы в Соединенном Королевстве с какого-то перепугу внезапно решили завести святых мучеников, Трикки Лай, несомненно, был бы одним из первых кандидатов на этот ответственный пост. Очень уж эффектно он выглядит после нескольких бессонных ночей и несъеденных обедов. У нормальных людей в таких обстоятельствах просто помятая рожа и бессмысленный взгляд, а у него – изысканно запавшие щеки и вдохновенно сияющие глаза.

Сэр Корва Блимм, невзирая на тяжелый характер и некоторые сложности с законом, мог считаться вторым кандидатом на почетное место святого мученика. Пожалуй, для святого у него был несколько чересчур яростный взгляд, но если учесть, что взгляд был адресован мне лично, вряд ли стоит считать его серьезным препятствием на пути к святости. Я многих вывожу из себя. Зато интересная бледность и общая возвышенность облика имели место. Я хочу сказать, Корва выглядел как самый настоящий псих, зачем-то сбежавший из приюта безумных. Где таким, как он, совсем неплохо живется: мягкая постель, магические кристаллы за пазухой и сладкие отвары из лесных трав.

– Зачем вы сюда приперлись? – спросил меня Корва. – Я не просил вас

звать. Убийствами занимается Городская полиция. Поэтому я пришел к ним.

Он, похоже, и правда рассчитывал, что все будет происходить по его команде. Сказал: «Арестуйте меня», – послушаются, арестуют. И покорно отведут в заранее выбранную им тюремную камеру. А там под его деятельным руководством прикуют к стене в изысканной позе – такой, чтобы доставляла узнику заслуженные страдания и красиво смотрелась со стороны.

– Ничего не поделаешь, убийством леди Шуманы Тамайхуни занимается именно Тайный Сыск, – объяснил я. – Заклятие Туирриба – это по нашей части. Все-таки сорок восьмая ступень Черной магии и пятидесятая Белой, не менкал начхал.

Лицо Трикки Лая вытянулось, хотя, казалось бы, куда уж дальше. Ясно, что до сих пор он считал заявление Корвы послеобеденной фантазией пресыщенного аристократа, даже проверять информацию не стал. Все-таки избыток здравого смысла в нашем деле не всегда на пользу. Его должна уравнивать чудесная способность допускать что угодно, включая самую кошмарную чушь.

– Заклятие Туирриба, – зачем-то повторил Корва.

Он, конечно, не спросил вслух: «Неужели я это умею?», но явно был удивлен. Зато я – не очень. Именно чего-то такого и ждал. Все-таки чутье у меня будь здоров.

Это же самое чутье подсказывало, что выражать сомнение в виновности Корвы сейчас не стоит. И, тем более, задавать ему вопросы. Если он находится под воздействием одного из заклинаний, принуждающих повиноваться чужой воле, следует помнить, что их очень много, и большинство убивают жертву при малейшем намеке на отклонение от сценария заклинателя, не говоря уже о попытках вызвать околдованного на откровенность, или, чего доброго, попытаться расколдовать. Теоретически Корву могло убить даже само мое подозрение, что он околдован. Но, к счастью, не убило. По крайней мере, пока.

Разговаривать с таким околдованным – все равно что вслепую вести его по минному полю. Сам дознаватель остается в полной безопасности, зато подследственный может взорваться в любой момент. В том числе, в буквальном смысле взорваться, бывают и такие заклиния. Да каких только не бывает, уж чего-чего, а этой дряни за прошедшие тысячелетия успели изобрести с избытком. И ни с одним из них я не умею разбираться: просто никогда не приходилось, только пару раз наблюдал за процессом со стороны.

Впрочем, это не отменяет того факта, что разобраться я способен с любым заклятием, не подвергая околдованного никакому риску, при условии, что он – человек Темной Стороны. Вовремя же Джуффин рассказал мне некоторые интересные факты. Как будто заранее знал, что пригодится. И пригодилось: не будь я уверен, что Темная Сторона примет Корву, не стал бы сейчас рисковать. Хотя о любом поступке сэра Джуффина Халли можно потом, задним числом, говорить: «как знал». У него, похоже, заключен договор с реальностью: она делает разумным и целесообразным всякий чих шефа Тайного Сыска, а он за это... ну, например, не слишком ее гневит.

– Сэр Джуффин Халли с вами побеседует, когда вернется, – сказал я. – Убийства, к сожалению, не в моей компетенции. Поэтому сейчас я отведу вас в камеру предварительного заключения и оставлю в покое.

Корва, хвала Магистрам, не стал спорить. Только посмотрел на меня с нескрываемым отвращением. Но когда я распахнул перед ним дверь кабинета, без возражений вышел в коридор. Здорово, что он не стал сопротивляться. Потому что уменьшать и прятать его в пригоршню я бы сейчас не рискнул. Слишком хорошо знаю, что порой случается от сочетания двух разных заклинаний Очевидной магии, одновременно наложенных на человека, даже если каждое по отдельности вполне безобидно само по себе.

Уже из коридора я послал зов Трикки и попросил: «Свяжись с Кофой и расскажи ему все, что видел и слышал. И добавь, что мы с Корвой пошли на Темную Сторону. Вернись, как только смогу».

* * *

В последнее время мне не раз приходилось проводить на Темную Сторону новичков. И я на собственном опыте понял, зачем Джуффин в свое время заставлял нас подолгу бродить по подземельям Дома у Моста. И почему при этом говорил, не умолкая: для успешного завершения путешествия новичка надо отвлечь. Заморочить ему голову так, чтобы забыл, на каком он свете. Когда человек устал, растерян и одновременно увлечен интересным рассказом, он перестает бессознательно сопротивляться невозможному. И тогда невозможное с ним наконец происходит: он пересекает границу между Миром и его тайной изнанкой. Вернее, сам выворачивается наизнанку, превращается в существо, обитающее на Темной Стороне Мира. Хотя поначалу всякому новичку

кажется, что сам он остался прежним, просто внезапно оказался в удивительном месте. Понимание приходит потом, да и то, говорят, не ко всем. Впрочем, это не имеет особого значения. Природу Темной Стороны понимать не обязательно, достаточно просто там быть.

Вот и сейчас я решил действовать проверенным методом: спуститься с Корвой в подвал и водить его там по темным сырým коридорам, пока не собою с толку. Но почти сразу понял, что этот номер у меня не пройдет: сбить с толку сэра Корву Блимма физически невозможно. Он – сам себе толк. Только будет досадовать на мою нерасторопность: хорош Тайный Сыщик, заблудился в подвалах Управления Полного Порядка, тюремную камеру не сумел отыскать, каков болван! И разговорами его особо не отвлечешь, потому что слушать не станет. Корва заранее уверен, что никто ничего интересного никогда ему не расскажет. И пока он так думает, он по-своему прав.

Все что мне оставалось в этой ситуации – вести себя так, словно я здесь один, а сэр Корва Блимп, при всем моем уважении, просто что-то вроде чемодана или корзины. Например, я решил устроить пикник, в подражание Древним. Не зря же Гэйшери мне этими их пикниками на Темной Стороне все уши прожужжал.

Поэтому я вцепился в Корву – не руками, конечно, а вниманием: он не считается, он просто мое имущество, взял и нес с собой. И одновременно представил, как земляной пол под нашими ногами начинает дрожать и мерцать, как расступаются стены, а низкий потолок взмывает вверх и становится твердым сияющим небом, сквозь трещины которого пробивается сладкий холодный свет. То есть, конечно, ничего я не представлял, просто вспомнил, как на самом деле выглядит окружающий мир. Этого обычно достаточно, чтобы оказаться на Темной Стороне буквально за считанные секунды – когда я один. Со своей любимой корзиной для пикника.

Большая удача, что сэр Корва Блимп не превратился в эту грешную корзину. Шансы, боюсь, были: я часто перегибаю палку в подобных делах. Но Корва остался живым человеком. Я бы даже сказал, наконец-то стал живым человеком. На его растерянное, ставшее почти детским лицо приятно было смотреть.

Этот живой человек грузно опустился на сияющую, текущую во все стороны сразу землю, поднял голову к темному изумрудному небу, зажмурился от льющегося из всех его трещин яркого света, но тут же снова открыл глаза и широко улыбнулся – обычная реакция человека, оказавшегося на Темной Стороне. А я тем временем с отвращением,

недостойным настоящего естествоиспытателя, паялся на облепившего его голову прозрачного осьминога с бездонными дырами на месте предполагаемых глаз. Заклятия, подчиняющие чужой воле, на Темной Стороне часто выглядят причудливыми тварями, способными вдохновить толпу художников-сюрреалистов. Но я всегда был равнодушен к этому направлению искусства, поэтому беззвучным шепотом, почти не размыкая губ, сказал: «Пожалуйста, пусть заклятие, которым связали Корву Блимма, навсегда утратит силу и исчезнет, не причинив вреда и не оставив никаких последствий».

Дырявый осьминог, как и следовало ожидать, тут же исчез, а я уселся на землю рядом со своим подопечным, счастливый, но совершенно обессиленный. Все-таки я очень боялся за исход этого дела. Но понял это только теперь, когда все благополучно закончилось. Впрочем, для самого Корвы как раз наоборот, началось.

– Это Темная Сторона, – наконец сказал я, сочтя своим долгом объяснить, что происходит. – Извините, что привел вас сюда без предупреждения. Это был единственный надежный способ сохранить вам жизнь.

Сэр Корва не обратил никакого внимания на мои слова о сохранении жизни. Вообще не факт, что он меня слышал. А если слышал, вряд ли давал себе труд разбирать слова.

– Почему я попал сюда только сейчас? – вдруг спросил он, таким возмущенным тоном, словно долгие годы упрасивал меня отвести его на Темную Сторону, а я, подлец, откладывал на потом.

Гэйшери на моем месте сейчас наверняка сказал бы: «Потому что дурак». Но я вежливый. Поэтому ответил:

– В каком-то смысле вы были здесь всегда.

– Это правда, – неожиданно согласился Корва. – То-то я с детства не мог понять, какого драного лешего вообще родился. И с какой стати эта оскорбительная тягомотина считается моей жизнью. А она, оказывается, и была не моя.

Эту благодатную тему я могу поддерживать и развивать бесконечно. Но только не в разгар следствия по делу о жестоком убийстве. Забыть искаженное мукой лицо леди Шуманы не мог даже счастливый балбес, которым я обычно становлюсь на Темной Стороне.

– Вы знаете, кто вас околдовал? – спросил я.

– А меня околдовали? – удивился Корва.

– Да.

– Ну надо же. Впрочем, это многое объясняет. То-то я почти ничего не

помню. Только как зачем-то пришел к начальнику полиции, его не оказалось на месте, я рассердился, и вдруг за каким-то лешим приперлись вы. Что потом было? А что перед этим? Как мы сюда попали? Как добирались? Впрочем, это неважно, раз я все равно уже здесь. Наконец-то! Спасибо, что помогли. Я ваш должник, сэр Макс. И это довольно скверно: понятия не имею, чем можно отплатить за такую услугу. Хотя вам чужие долги до одного места, знаю я вас. И вурдалаки с вами. Я так счастлив, что готов простить вам даже собственный долг.

Корву можно было понять. Когда впервые оказываешься на Темной Стороне, все остальное обычно утрачивает значение. Но бедняге крупно не повезло: я был твердо намерен испортить ему удовольствие. Что я действительно умею, так это обламывать людям кайф.

Поэтому я сказал:

– К сожалению, мне не все долги до одного места. С вас я сдеру по самому высокому тарифу: вам придется рассказать, что с вами случилось.

– Болтовня не может считаться платой, – возразил Корва. – А что со мной случилось, я вам уже рассказал. Кроме необъяснимого бессмысленного визита в Дом у Моста, я помню, что ел на завтрак. И как отсчитывал деньги для садовника, он по моей просьбе отправляет своего племянника в Гугланд за саженцами бонхи^[27]. И как отослал записку Малдо Йозу, что он может приехать и забрать мои садовые скульптуры, если ему еще нужен мусор для строительства. Все равно они меня только раздражают, как всякие напоминания о былом увлечении, к которому давно утратил интерес. Собственно, это все, остальное как в тумане. Не понимаю, на что ушел целый день.

– Ничего, – сказал я. – С вашей памятью несложно договориться.

Я отвернулся и почти беззвучно попросил:

– Пусть Корва вспомнит, кто его околдовал, и что после этого случилось.

Я примерно представлял, что сейчас начнется. И заранее приготовился это как-то перетерпеть. Чужие душевные потрясения в этом смысле гораздо хуже своих: вместо того, чтобы развлекаться, рыча от бессильной ярости, призывая на свою голову все мыслимые проклятия, рыдая или бросаясь на ни в чем не повинных людей, приходится сочинять утешения. Ну или просто молча сострадать, предварительно угадав, какой вариант в данном случае более уместен.

Но сэр Корва Блимм не человек, кремень. Даже не поморщился. Только на скулах вспыхнул румянец, а губы стали белы, как мел.

– Так вот почему я ходил в полицию, – наконец сказал он. – И теперь ясно, зачем вы меня сюда привели: чтобы допрашивать. Крайне нелепо использовать это чудесное место для допросов преступников. Но при вашей паскудной профессии чего еще ждать.

– Человек, чью волю поработили соответствующим заклинанием, преступником не является, – возразил я. – А это чудесное место, помимо прочих достоинств, прекрасно годится для быстрого избавления от разного рода заклятий. Ваше я уже уничтожил, вы и не заметили. И, что особенно важно, остались в живых, а на это у околдованных обычно немного шансов.

Корва Блимм долго молчал. Наконец сказал:

– Я всегда презирал людей, совершающих глупости под воздействием чужих заклинаний. Был уверен, если у тебя есть воля и чувство собственного достоинства, никому тебя не сломить. В юности мы с братом накладывали друг на друга разнообразные заклятия, чтобы узнать, как это бывает и просто забавы ради. У Кимы ни разу не получилось меня подчинить, и я возомнил себя неуязвимым. Вот дурак. А сегодня своими руками убил близкого человека, и сам не осознал, что натворил. И не вспомнил бы ничего, если бы не ваша магия, будь она проклята вместе с моей памятью. И со мной.

– Это не вы убили... – начал я, но Корва меня перебил:

– Нет, это именно я убил Шуману. Я вспомнил. Убил ее, а сам по-прежнему жив. Сажу здесь с вами. И мне, несмотря ни на что, так легко и радостно дышится, как прежде даже в самых тайных мечтах вообразить не мог. Это несправедливо. Так не должно быть. Человек, который утратил себя настолько, что убил лучшего друга и ничего не понял, не имеет права находиться в этом чудесном месте. И вообще жить.

– Представьте себе, что вас превратили в топор или в меч, – сказал я. – Между прочим, я слышал, такие заклинания действительно существуют. Можно превратить человека в неодушевленный предмет; другое дело, что расколдовать потом очень сложно, и только если прошло немного времени, иначе наступят необратимые изменения. Но это сейчас неважно. Просто представьте себе, что вас превратили в топор, и этим топором зарубили леди Шуману. Кто в таком случае убийца? Вы или тот, кто держал топор в руках?

– Оба, – упрямо ответил Корва. – Я не должен был позволять превращать себя в этот поганый топор. А если позволил, сам виноват. Но это, конечно, не означает, что надо отпускать второго преступника. Поэтому вам следует знать, что заклятие на меня наложил нынешний

любовник моей жены. Я, к сожалению, не знаю его имени. Никогда не интересовался такими подробностями. Но уверен, Атисса знает. Не в ее привычках спать с незнакомцами. Спросите у нее. Что касается его внешности... – Корва нахмурился, но тут же яростно помотал головой: – Почти ничего не помню. Примерно мой ровесник, волосы светлые, глаза довольно необычного цвета, коричневые с красноватым отливом, как камра в прозрачном кувшине, если смотреть на свет. Это все. Я особо не присматривался. Видел его сегодня впервые в жизни, и меня интересовало не как он выглядит, а тот факт, что он позволил себе явиться в наш дом. Это недопустимо. За гранью приличий. Для любовных свиданий надлежит выбирать нейтральную территорию. А если он пришел по другому делу, следовало получить разрешение обоих хозяев дома, исключения возможны только для кровной родни, Королевских посланцев и государственных служащих высшего ранга. От незваных гостей я избавляюсь без разговоров, но решил, что в данном случае можно ограничиться строгим замечанием, принять извинения и после этого проводить посетителя к выходу, а не выбрасывать его в окно. Как я сейчас понимаю, вместо извинений он произнес какое-то заклинание. А в тот момент ничего не заметил. Мысли были заняты совсем другими вещами. Вероятно, если бы я был внимательней, распознал бы вторжение чужой воли в мое сознание. Но я не распознал. Самое гнусное, что все последующие поступки я совершал добровольно, выбирая, как мне казалось, наилучший для себя вариант. Выучить заклинание – очень хорошо, я давно хотел научиться чему-нибудь новому, но не люблю об этом просить, а сами обычно не предлагают. Посетить Шуману – прекрасно, я всегда рад лишний раз с ней повидаться. Прочитать ей новое заклинание – ну конечно, с друзьями уместно делиться знаниями. Пойти с признанием в полицию – разумеется, а что еще остается, если я только что убил человека. Самого близкого друга. Взял и убил.

Он умолк и вдруг сказал совершенно другим, почти мечтательным тоном:

– Как же мне сейчас обидно, что Шуманы здесь нет! Ей бы очень понравилось. Мог бы сделать такой подарок, да опоздал.

– Не факт, что леди Шумана смогла бы сюда попасть даже если бы была жива. У Темной Стороны избранников – раз, два и обчелся. Она мало кого к себе подпускает. И с личными достоинствами это, по моим наблюдениям, никак не связано. Знал я редкостного мерзавца, который преспокойно сюда проходил. И многих прекрасных людей, которым сюда путь заказан. На мой человеческий взгляд очень несправедливо, но Темной

Стороне, конечно, видней.

– Очень несправедливо, – согласился сэр Корва. – Вот и я здесь сижу. Хотя ничем такого счастья не заслужил. Меня бы четвертовать по старинному чангайскому обычаю, потому что пожизненной скуки в Холоми мало за то, что я натворил. – Он умолк и вдруг признался: – На самом деле никак не могу в это поверить. Что я своими руками убил Шуману, и что она действительно умерла. Слушайте, а может быть, мне только примерещилось под воздействием заклинания? Такое бывает, я знаю: некоторые околдованные помнят о том, чего не делали. И оговаривают себя, думая, что признаются в содеянном. Когда Рогро только начал издавать «Королевский голос», как раз было скандальное дело, о котором много писали: какой-то чиновник из Канцелярии Больших Денег провел полгода в Холоми за чужое преступление, но там к нему постепенно вернулась память, дело было пересмотрено, и его оправдали. Может, и я?..

Я молча помотал головой, и Корва сник. Сказал:

– Но тогда не сходится. Для убийцы я слишком счастлив. Для околдованного ничтожества слишком силен. Так не бывает. Так не должно быть. Это сводит меня с ума. И мне очень надо поговорить об этом с Шуманой, она умеет меня успокаивать... умела. Но Шумана мертва. Замкнутый круг.

Я не представлял, что тут можно сказать. Потому что, окажись я на месте Корвы, мне бы сейчас ничего не помогло. Включая уверения, что после смерти ни для кого ничего не заканчивается. Оно-то может и не заканчивается, но это гипотетическое продолжение бытия никаким боком не касается тех, кто остался в живых.

Я отвернулся, чтобы Корва не видел, как я беззвучно шепчу: «Пусть ему станет легче, насколько это возможно». А потом встал и отошел в сторону. Потому что сам не хотел бы, чтобы кто-то посторонний видел, как я плачу одновременно от невыносимого счастья и такого же невыносимого горя. Никто бы такого не хотел.

Попросить: «Пусть и мне станет легче», – я почему-то не догадался. Но легче все равно стало. Так уж я удачно устроен, на текущих дорогах Темной Стороны, среди ее разноцветных ветров и прозрачных деревьев мне всегда хорошо.

Какое-то время я слонялся вокруг не то поляны, не то городской площади – на Темной Стороне все так зыбко, что не всегда разберешь, чем именно является каждый отдельно взятый фрагмент – где остался сэр Корва Блимм. Что мне теперь с ним делать, я не знал до такой степени,

можно сказать, с такой силой, как никогда до сих пор. Не просто отсутствие знания, а бездонная пропасть на том месте, где оно должно быть. Но меня почему-то совершенно устраивало не знать. Как будто мое решение, даже самое взвешенное и разумное, могло повредить Корве. А пока нет решения, вреда тоже нет.

В конце концов Корва нашел меня сам. Вышел навстречу, печальный и одновременно очень спокойный. Я бы сказал, безмятежный. Таким я его не видел никогда. Зеленый поток ветра лежал на его плечах, как шаль и совершенно явственно подталкивал в нужном направлении. То есть ко мне. Спросил:

– Я правильно понимаю, что могу здесь остаться? Если уж все равно пришел.

– Скорее всего, можете, – ответил я. – Никогда не слышал, чтобы Темная Сторона силой возвращала человека в Мир против его желания. Но если и было такое, это не значит, что непременно случится с вами. Правда считается, что сон на Темной Стороне очень опасен. На этот счет есть много страшных старинных легенд.

– Чем же он опасен? – равнодушно спросил Корва.

Заранее было ясно, что каких ужасов ему не Расскажи, в обморок не упадет. Но я все равно честно перечислил, что смог вспомнить:

– Можно проснуться только через несколько тысяч лет. А можно – вообще в другом Мире, заранее неизвестно, в каком. А можно – совсем другим человеком. С иными воспоминаниями, привычками, характером, биографией, как иногда бывает во сне...

– С моей точки зрения, это огромная удача, – заметил сэр Корва. – Даже удивительно, что здесь не ложатся спать все подряд. Иметь такую прекрасную возможность изменить все сразу и не воспользоваться! Никогда не пойму людей.

– Некоторым есть что терять, – объяснил я. – Ну или просто кажется, что есть. Но очень убедительно кажется.

– Возможно, – равнодушно согласился Корва. – Но я останусь здесь. И постараюсь уснуть при первой возможности. Надеюсь, эти ваши легенды не лгут.

– Но... – начал было я. Он меня перебил:

– Не будь этого чудесного места, мне пришлось бы покончить с собой. Иное поведение в сложившихся обстоятельствах для меня невыносимо. Но это место есть, и я уже тут. Ради него я разрешил себе жить.

Все возможные возражения показались мне такими жалкими и неуместными, что я ничего не сказал. Потому что если забыть о

собственных интересах – вернуться домой победителем, привести Джуффину убийцу леди Шуманы Тамайхуни и одновременно жертву неизвестного колдуна, Нумминориху идеальный объект для обнюхивания, Меламори чудом спасенного от страшного заклания отца, нам всем нового избранника Темной Стороны, с тяжелым характером, но золотым сердцем – так вот, если забыть об этих своих интересах, сразу становится ясно, что Корве в Мире делать нечего. Ему и раньше жилось непросто, а уж с таким грузом точно не жить.

– Впрочем, если вы обязаны доставить меня обратно, я не стану оказывать сопротивление, – добавил Корва. – Не хочу принуждать вас приносить свои интересы в жертву моим желаниям. Я так решил.

– Я не обязан, об этом не беспокойтесь. Только не понимаю, что я скажу...

– Моей дочери? – усмехнулся Корва. – Скажете, что не она одна имеет право разрушить свою жизнь ради туманных перспектив преуспеть в какой-то никому до сих пор не известной и, с большой вероятностью, на хрен не нужной области магии. Я такой же свободный человек. И, кстати, оказываю ей немалое одолжение: быть дочерью сгинувшего на Темной Стороне, гораздо почетней, чем находиться в близком родстве с наложившим на себя руки убийцей, жалкой жертвой чужого колдовства. Что касается леди Атиссы, я до сих пор слишком ее люблю, чтобы обрекать на общество того себя, каким стану, вернувшись. Она сама втянула меня в эту поганую историю, вольно или невольно; надеюсь, все же второе. Но на мое возвращение Атисса не нагрела при любом раскладе. Поверьте мне, это так.

Поверить было совсем несложно. Вот уж кто не питает на свой счет никаких иллюзий.

– У меня еще несколько вопросов, – сказал я. – Если ответите, буду вам благодарен. Потом оставлю вас в покое. Уйду отсюда один.

– Давайте ваши вопросы, – кивнул Корва. Похоже, мое обещание уйти его чрезвычайно воодушевило.

– У вас дома несколько дней назад был какой-то прием... – начал я, но Корва нетерпеливо помотал головой:

– За этим к Атиссе. Прием – ее идея. И гости ее. У нас всегда так: я только даю согласие, а потом жду, когда все закончится. Терпеть не могу гостей. А в последний раз я даже не присутствовал. Собственно, из-за Шуманы. Она прислала зов, сказала, случилось несчастье, просила помочь. Я заранее предполагал, что так называемое «несчастье» – просто ссора с очередным ухажером, все же не первый год ее знаю. Так в итоге и

оказалось, но я был рад формальному поводу сбежать с этого грешного приема. Несчастье в доме ближайшего друга – именно то, что требуется, чтобы совесть была чиста.

– То есть, на самом деле, ничего не случилось?

– С моей точки зрения, ничего. С ее... в общем, тоже. Но понадобилось четыре с половиной часа и две бутылки «Завтрашней радости», чтобы Шумана пришла к такому заключению. Она не всегда способна быстро обуздать свои чувства... была.

– Понятно, – кивнул я. Хотя ничего мне, конечно, не было понятно. Но моя тупость – государственная тайна, ее надо тщательно скрывать. Поэтому я с умным видом спросил:

– А вам известно, что в ваше отсутствие гости леди Атиссы подписывали петицию с просьбой отменить поправки к Кодексу Хрембера?..

– Петицию о запрете магии? О которой писали в газетах? – переспросил Корва. От его безмятежности не осталось следа. – Ее подписали в моем доме?! Какой позор! Никогда прежде Блиммы не пятнали себя так называемой общественной деятельностью. Счастье, что мои родители не дожили до этого дня. А я... Ладно, чем хуже, тем лучше. Все равно никогда не вернусь.

Похоже, эта новость шокировала его чуть ли не больше, чем воспоминания об убийстве леди Шуманы. Беда с нашей аристократией, целиком, с ног до головы состоят из любимых мозолей, что ни скажи и не сделай, непременно наступишь на одну из них.

– Я постараюсь сохранить это ужасное событие в тайне, – пообещал я. – Как минимум, попрошу запретить писать о вас в газетах. О том, что произошло в вашем доме во время приема, и обо всем остальном. Это я точно могу.

– Очень любезно с вашей стороны, – холодно сказал Корва. – Большое облегчение знать, что о тебе не напишут в газетах. Все-таки самого наихудшего мне удалось избежать. Вы о чем-то еще хотели спросить? Спрашивайте, пожалуйста, поскорей. Наш разговор мне в тягость. Он противоречит логике этого чудесного места. Быть подследственным, который отвечает на бессмысленные вопросы вообще довольно мучительно, но здесь – совершенно невыносимо. Очень велико искушение плюнуть на все, развернуться и уйти. Я не сделал этого до сих пор только потому, что вы меня сюда привели, а это налагает определенные обязательства. Быть неблагодарным я не хочу.

Я не стал говорить Корве, что сбежать от меня на Темной Стороне

невозможно. Не надо ему об этом знать. Пусть думает, что все сейчас в его власти. Бывает и целительный самообман.

Поэтому я спросил:

– Вы что-нибудь слышали о Благословении Гэйшери?

Я еще не договорил, но уже понял, что если сэр Корва Блимм хотя бы раз в своей жизни слышал о каких-то благословениях, это был анекдот. Да и то не настолько смешной, чтобы запоминать. Но на всякий случай пояснил:

– Это очень древнее заклинание, усиливающее магические способности...

– Кажется, Шумана о чем-то подобном говорила, – равнодушно кивнул Корва. – Буквально вчера. Хвасталась, что якобы скоро раздобудет такое для своих учеников. Но я не вникал. Мне показалось, это полная чушь. И эту ее нелепую школу магии для богатых болванов я никогда не одобрял. Но чего только не приходится прощать близким друзьям.

Тут он, конечно, был прав.

* * *

– ...а потом Корва ушел, – закончил я. – Не попрощавшись, если тебя интересуют такие подробности, в обнимку с зеленым ветром; думаю, с таким проводником не пропадет. Бедняга едва дождался, когда я отстану со своими вопросами. Видеть меня больше не мог. Оно и понятно. Человек, который знает о тебе такие ужасные с твоей точки зрения вещи, может испортить даже пребывание на Темной Стороне. Когда они с ветром скрылись из виду, я попросил Темную Сторону беречь его по возможности. Надеюсь, она вняла.

Джуффин смотрел на меня так, что нелепый кошмар, где он был вооружен серпом, начал казаться мне пророческим сном. Я даже почти всерьез прикинул, успею ли, в случае чего, сбежать на Темную Сторону одним легким шагом, или как это у них называется. В общем, как Гэйшери научил. Чтобы раз – и уже там.

– Я бы на твоём месте все-таки привел его обратно, – наконец сказал Джуффин. – Оставить новичка одного на Темной Стороне это... ну, я не знаю. Даже свинством не назовешь. Просто ни в какие ворота. Так поступать нельзя.

– Конечно, нельзя, – согласился я. – Но из всех доступных Корве способов покончить с жизнью этот самый оптимистический. Оставляет

великое множество шансов. Даже не представляю, каких.

– Вот именно, что не представляешь.

– Зато совершенно точно знаю, что хотел бы этого для себя. Я имею в виду, если бы тоже нечаянно уколошил кого-то, без кого мне не жить...

– Сама по себе концепция, будто без кого-то невозможно прожить, представляется мне настолько порочной, что даже спорить на эту тему нелепо, – перебил меня Джуффин. – Да, порой случаются потери, которые превращают нашу жизнь в невыносимую муку. Но мука может быть очень полезна для мага, как Первый Ужас небытия для путешествий по Мосту Времени. Казалось бы, злейшему врагу не пожелаешь, но без него – никак. То же и с сильным душевным страданием: при правильном подходе оно может оказаться бесценным топливом. Уже хотя бы поэтому любая, самая разрушительная потеря – не повод прекращать жить.

– Теоретически согласен, – кивнул я. – Но я в этом смысле слабак.

– Ты так говоришь, как будто это великое достоинство.

– Да нет, конечно. Просто оно – так. По крайней мере, пока. А Корва в этом смысле еще хуже. Если бы я привел его обратно, ничего хорошего из этого не вышло бы. Не удивлюсь, если он способен сам себя задушить, как это делают арварохцы. При его темпераменте и отношении к жизни – самое то.

– Да, пожалуй, – неожиданно согласился Джуффин. И, помолчав, добавил: – Ладно, будем считать, тебе видней. В конце концов, он твой ученик.

– Да уж. Великое было обучение. Только и успел сказать, что это, как он выражался, «чудесное место» называется Темная Сторона.

– Тем не менее, формально это так. Ты отвел его на Темную Сторону.

– Собственно, только потому, что тебя рядом не было, а то сбежал бы на край Мира, лишь бы не связываться. Я этих заклинаний, подчиняющих волю, как анавуайны боюсь. Кажется, чихни при таком заколдованном с неправильной интонацией, тут же помрет.

– Правильно кажется, – невесело усмехнулся Джуффин. – Судя по тому, как все прошло, заклинание, которое наложили на Корву, далеко не самое худшее. Мог бы умереть в тот момент, когда ты вошел в кабинет Трикки: ему велели идти с признанием в полицию, а тут откуда ни возмись Тайный Сыск.

– Этого я и боялся. И еще того, что мои сомнения, даже невысказанные, тоже могут его убить.

– И такое бывает. Корве, считай, крупно повезло – насколько вообще в его ситуации можно говорить о везении. Хотя... Может быть, на самом

деле ему так посчастливилось, что все мы в сравнении с ним жалкие неудачники. Никогда заранее не знаешь, что сделает с человеком Темная Сторона. Будь здесь Мастер Гэйшери, оторвал бы мне голову за то, что я на тебя рассердился.

– С криком: «Чего еще ждать от поколения, которое чуть не погубило Мир»? – невольно улыбнулся я.

– Вот именно. А ты обошелся с Корвой так, словно вырос среди Древних. Захотел человек навсегда остаться на Темной Стороне? На здоровье. Сгинет? Ну и отлично. Что может быть лучше, чем сгинуть на Темной Стороне?

– До столь радикальной позиции мне все-таки пока далеко. Я считаю, что сгинуть можно только в самом крайнем случае. Когда, как Корве, совсем нечего терять.

– Значит, Мастер Гэйшери и тебе голову оторвал бы. И сидели бы мы сейчас оба без голов.

– И нам было бы нечем пить камру. Хорошо, что он умер, – кивнул я, придвигая к себе уже остывшую кружку. Впрочем, разогреть ее – дело одной секунды. И очень короткого заклинания из трех букв.

– Он – что?! – переспросил Джуффин. Похоже, шефа снова посетило желание меня укокошить, на этот раз за идиотскую шутку. И его можно было понять.

– Умер, – повторил я. – Но уже воскрес, только колдовать не сможет до ночи; потом все будет в порядке. Леди Сотофа привела к нему такую отличную рыжую тетку...

– Дайша здесь? И ты молчишь?!..

– Уже нет, к сожалению. Она и пяти минут не пробыла. Воскресила Гэйшери и убежала; он еще очень радовался, что не получил в глаз. Удивительной выдержки женщина! Иметь возможность безнаказанно поколотить Гэйшери и не воспользоваться – по-моему, это какая-то недостижимая вершина аскезы. А я не молчу, просто рассказываю по порядку. Сперва о работе, потом о домашних делах. Кто ж виноват, что столько всего сразу случилось за какие-то несчастные два часа, пока тебя никто не мог дозваться.

– Да, это я очень невовремя, – согласился Джуффин. – Ну или, наоборот, вовремя, если думать об интересах Корвы Блимма. Я бы непременно привел его назад, по многим причинам. Но тебя за ним не отправлю, не беспокойся. Впрочем, даже если отправлю, ты не пойдешь.

Я не стал подтверждать: «Не пойду», – но был очень рад, что шеф сам это понимает и согласен с таким положением дел.

Джуффин подлил мне камры и отвернулся. Судя по сосредоточенному виду, чтобы с кем-то поговорить. Переговоры затянулись, так что я успел выпить камру, посидеть в кресле с закрытыми глазами и осознать, насколько я оказывается устал. Вечер еще не закончился, а утро, по моим ощущениям, было дня три назад.

Наконец Джуффин повернулся ко мне и сказал:

– Леди Атисса пропала. Не отвечает на зов, однако жива, в этом я совершенно уверен. Попытку послать зов мертвецу не перепутаешь ни с чем. И дома ее, как только что выяснилось, нет. Зато в гостиной Блиммов щедрой рукой разбросано средство от нюхачей. Очень хорошее. В смысле жуткая дрянь. Может вывести из строя очень надолго, а в таком количестве не удивлюсь, если вообще навсегда.

Я схватился за голову:

– Только этого не хватало! Бедный Нумминорих...

– Он не бедный. Он умный. И уже достаточно опытный. Не побежал впереди Кофы, как сделал бы раньше, а сперва подошел к открытому окну. И сразу понял, что в гостиную ему лучше не соваться.

– Ну и хвала Магистрам. Одним горем меньше. Ладно, с запахами нам там не светит. А след? В крайнем случае, я могу...

– Да я тоже могу, – напомнил Джуффин. – Тоже мне проблема. Это пока Меламори училась искусству преследования я честно, порой даже в ущерб работе делал вид, будто взять след – такое великое дело. Людям ее склада для успешного обучения полезно считать себя незаменимыми. Пошли, посмотрим, что там творится. У меня как раз есть полчаса до решающей встречи, на которую, готов спорить, никто кроме меня не придет.

– Ты думаешь?..

– Я уверен. Сколь бы наивны ни были люди, всерьез рассчитывавшие изменить закон одной жалкой петицией, но даже они должны понимать, что интрига с участием Почтеннейшего Начальника столичного Тайного Сыска не подразумевает зверских убийств. Или одно, или другое. Разные жанры.

– ...думаешь, это одна история, а не две разных? – все-таки договорил я. – Вдруг просто так совпало? А на самом деле интрига отдельно, а Корва с леди Шуманой отдельно? Любовные страсти, ревность, ненависть, и все в таком духе?..

– Как в сентиментальных романах эпохи Клакков? – усмехнулся Джуффин. – С одной стороны, каких только совпадений не бывает. А с другой, убивать из-за любви – крайне нелепая идея для наших аристократов. Совершенно не в их духе. Эти скорее прикончат друг друга,

выясняя, чей прапрадед высокомерней вел себя в присутствии Его Величества Гурига Четвертого или кого он там застал... Впрочем, ты прав, такую возможность тоже надо учитывать – просто потому, что ничего не следует сбрасывать со счетов. Пошли!

С этим словами шеф исчез, не вставая с кресла. А я зевнул, да так душераздирающе, что Куруш, все это время дремавший на шкафу, встрепенулся и посоветовал:

– Ложись-ка ты спать.

– Отличная идея, умник, – вздохнул я. – Но ты сам слышал, начальство сказало: «Пошли».

* * *

Совету Куруша я все-таки последовал, прямо в гостиной Блиммов. Обстановка там была самая умиротворяющая: толпа народу, очень хмурый сэр Кофа, чрезвычайно довольный Джуффин, Мелифаро носится, как укушенный, пытаюсь совместить обыск помещения с допросом перепуганных слуг, и посреди всего этого бедлама очень удобное кресло со мной внутри. Подозреваю, за этим шеф меня сюда и притащил – чтобы я отдохнул в идеальных условиях. Потому что никакой иной пользы от меня здесь не было, да и быть не могло.

Долго я, понятное дело, не проспал. Но и эти три минуты были бесценны. Пока я спал, на драматических событиях сегодняшнего вечера сама собой появилась пометка «давным-давно». А значит, вспоминать об искаженном лице мертвой леди Шуманы и уродливом осьминоге на голове Корвы, которого я бросил на Темной Стороне, печально, но уже не мучительно. Не сбивает дыхание. С этим вполне можно жить, как и со всеми остальными моими воспоминаниями, которые, если по уму, следовало бы нарезать на короткие эпизоды и сбывать по дешевке какому-нибудь Мастеру Совершенных Снов: им, говорят, нередко заказывают подушки с увлекательными кошмарами, особо оговаривая непременно чудесное спасение в конце.

– Очень странно, – сказал Джуффин над самым моим ухом.

Я открыл глаза и постарался придать своему лицу мало-мальски осмысленное выражение. Хотя без специального заклинания мне за это дело и браться не стоит, а его я пока не разучил.

– Корвин след на месте и в полном порядке: ясно, откуда пришел и куда ушел. Со следами слуг то же самое. А след леди Атиссы ведет сверху,

из спальни и обрывается прямо здесь, как будто она взлетела. Что, честно говоря, сомнительно. Ее возможности я примерно представляю.

– Или ее взяли на руки и унесли, – предположил я. – Или вообще уменьшили и спрятали в пригоршню. Тогда, кстати, понятно, почему она не отвечает на зов.

– Вполне может быть, – согласился Джуффин. – В конце концов, не один же ты на весь город такой страстный поклонник старинной грузчицкой магии. Должны быть и другие любители при всяком удобном случае уменьшать все, что под руку подвернется. Осталось понять, кто ее отсюда унес. Потому что Корва настолько близко не подходил. И слуги соблюдали дистанцию, как предписано. А больше ничьих следов в гостинной нет.

– Но здесь был ее безымянный красноглазый любовник. Корва не стал бы меня обманывать. Просто не смог бы, даже если бы очень захотел. Все-таки я его допрашивал на Темной Стороне.

– Да я и не сомневаюсь...

– Вендерлох Абарра, – вдруг произнес Кофа. Да таким угрожающим тоном, что я подумал, это какое-нибудь ужасное заклинание, от которого все присутствующие должны, как минимум, окаменеть.

Но окаменел только Джуффин. Да и тот всего на миг.

– Похоже на то, – наконец сказал он. – Но это же двести вторая ступень Белой магии. Мало кому по зубам. Мне в свое время пришлось его освоить, так сто потов сошло.

– Но в конце концов у вас получилось, – пожал плечами Кофа. – И еще как минимум у восьми человек – это только те, о ком я доподлинно знаю. А значит, ничего невозможного...

– Ничего невозможного, не спору, – нетерпеливо кивнул Джуффин. – Но кто бы мог подумать, что в этом деле замешан настолько серьезный игрок! Даже заклинание Хамарра по сравнению с Вендерлох Абаррой – детские игрушки.

– Магистр Вендерлох Абарра, один из семерых официальных основателей Ордена Семилистника и, соответственно, ближайший соратник моего отца, умел уничтожать собственный след, – любезно объяснил Кофа нам с Мелифаро, явно опасаясь, что от наших вопрошающих взглядов на них с Джуффином задымится одежда. – Соответствующее заклинание названо в его честь. Вот и все.

– Один из основателей Семилистника? – переспросил я. – И рукопись в итоге оказалась именно в Иафахе. Ясно же, что...

Договорить: «...этот тип там и засел», – мне не дал сэр Шурф. Вот это,

я понимаю, настоящий Великий Магистр – стоит упомянуть его Орден, и он сразу тут как тут. Хотя бы в виде голоса в голове.

«Старшие Магистры соберутся у меня в кабинете через полчаса, – сказал он. – Младшие уведомлены, что могут быть вызваны позже, если у меня возникнет такое желание. Я подумал, вдруг ты и на них захочешь посмотреть. Чем раньше придешь, тем больше у тебя шансов разделить со мной ужин. Или, как ты говоришь в таких случаях, у меня его отобрать».

Упоминание о еде вызвало у меня небывалый приступ энтузиазма. Вот чего, оказывается, мне не хватало для счастья все эти годы. В смысле с утра.

– Ясно, что мне пора в Иафах, – сказал я вслух. – Шурф обещал устроить вечернее шоу Старших Магистров. Заставит их плясать голышом на столе, а я посмотрю. Кто хуже всех пляшет, тот и виноват. Причем сразу во всех бедах Мира. Я вам на него укажу.

Кофа и Джуффин понимающе переглянулись. Зато Мелифаро подошел поближе и незаметно принялся, проверяя, не пахну ли я безумием. Высокая оценка моих скромных способностей горохового шута.

– Будь осторожен, – вдруг сказал Джуффин. – Я имею в виду, очень осторожен. А не как всегда.

– Тогда наилучший вариант спрятаться под кровать прямо сейчас, – вздохнул я. – Но поскольку здесь, как назло, нет ни одной кровати, придется идти.

* * *

– Удобней всего тебе будет на потолке, – сказал Шурф.

Эта фраза хоть и звучала как издевательство, была исполнена здравого смысла. Когда хочешь одновременно видеть всех собравшихся в комнате, действительно стоит смотреть на них сверху. А сидеть на потолке мне не очень сложно, хотя обычно я все равно ленюсь. Вот и сейчас скорчил такую недовольную рожу, что мой друг встревожился.

– Что-то не так? – спросил он.

– Да все не так, – честно сказал я. – Кроме, собственно, твоего предложения. Конечно, я заберусь на потолок, не вопрос. На самом деле, это очень смешно: буду свисать оттуда, как гигантская люстра. Правда, невидимая, но мы-то с тобой все равно знаем, как обстоят дела... Не обращай внимания. У меня сердце не на месте из-за Корвы. И всего остального. Но особенно из-за него.

– Остаться на Темной Стороне – лучшее, что могло случиться с человеком в его положении.

– Это да. Но все остальное... Такие вещи поневоле примеряешь на себя. Не хочешь, а все равно примеряешь. Ну или только я так по-дурацки устроен, что примеряю. Это же чокнуться можно!

– Можно, – неожиданно согласился Шурф. – Но не всякая открывшаяся нам возможность одновременно является обязанностью. Поэтому постарайся, пожалуйста, помнить, что ты – не сэр Корва Блимм. И все, что случилось, случилось именно с Корвой. Не с тобой.

– Все, что случилось в Мире, случилось со мной, – сказал я. И сам опешил от такого заявления. Поспешно добавил: – По-моему, я просто слишком много слушал Гэйшери. Подпал под его влияние. Извини.

– А то тебя раньше так не заносило, – отмахнулся Шурф. – «Я здесь самый главный и за все в ответе» – обычная твоя песня. Разве только, не вслух.

– Правда, что ли? – удивился я.

– Уж точно не моя фантазия. К подобным вопросам я предпочитаю подходить с позиции исследователя, а не клеветника. У тебя хватит сил стать невидимым? Или помочь?

– Помочь? – удивился я. – Спасибо. Но все-таки не настолько плохи мои дела.

– Рад это слышать. Тогда хватит расслаиваться в моем кресле. Отправляйся на потолок.

Строго так сказал, как самый настоящий Великий Магистр. Я давно заметил, что на работе, в смысле на территории Иафаха мой друг становится почти таким же суровым, как в старые добрые времена. Но я достаточно сентиментален, чтобы получать от этого удовольствие, так что пусть.

Впрочем, когда дверь кабинета распахнулась, и в нее начали заходить Старшие Магистры Ордена Семилистника, я понял, что несколько недооценивал возможности сэра Шурфа в сфере демонстрации суровости. Были бы мы незнакомы, я бы, пожалуй, сейчас удрал подобра-поздорову. Желательно, в куманский притон, просто чтобы забыться. И никогда больше не вспоминать, что я сидел за одним столом с этим кошмарным монстром. И даже демонстративно утащил кусок из его тарелки – как жив-то остался, вот вопрос.

Ясно, конечно, что жуткий надменный тип, в которого он сейчас превратился – просто рабочая маска, но меня все равно проняло.

Что касается вошедших Старших Магистров, они меня совершенно не впечатлили. Только тем и отличались от большинства жителей Ехо, что одеты в форменные бело-голубые лоохи. Добрая половина – дряхлые старики, ходячие памятники собственным былым заслугам, пантеон полумертвых божков, остальные – люди как люди. Я даже успел подумать: наверняка придется искать нашего гения и злодея среди Младших Магистров. Хорошо, что Шурф заранее решил показать мне всех. Оно и понятно, все-таки он свои кадры знает. Кто чего стоит, и от кого чего можно ожидать.

Шурф тем временем говорил этим своим неподражаемым безукоризненно вежливым тоном, от которого кровь леденеет в жилах. Объяснял, что досужие разговоры о необходимости срочной отмены последних поправок к законодательству в Иафахе недопустимы, поскольку все происходящее в стенах резиденции Ордена должно находиться в полном согласии с волей Великого Магистра. В противном случае будет нарушено дающее всем силу единство общего потока, ради которого, собственно, и создаются магические Ордена. Для свободного обсуждения возникших противоречий адептам Ордена следует покидать территорию Иафаха; в трактирах, парках и на частных квартирах вполне допустимо болтать любую ерунду.

На месте присутствующих я бы сейчас вообще дал обет молчания лет на двести, а потом – как пойдет. Но Орденские старики народ крепкий, слушали его со снисходительными гримасами, как толпа терпеливых отцов общего, одного на всех сына-подростка – опять он за свое.

И тут один из них зыркнул на потолок, где сидел совершенно невидимый я. Не демонстративно, украдкой, так что вряд ли кто-то заметил. Я бы и сам не заметил, если бы он не посмотрел прямо мне в глаза, с такой бешеной ненавистью, какой я уже очень давно ни в ком не встречал.

Глаза у него были светло-коричневые, со странным красноватым отливом, в точности, как описывал Корва, но это я осознал уже потом. А тогда чуть не свалился от неожиданности прямо на письменный стол: все-таки пребывание на потолке требует серьезной концентрации внимания, особенно от новичков вроде меня. Но кое-как я все-таки усадел. И только потом, когда старик отвел взгляд, осознал, как много в нем было силы. Просто не такого рода, как я привык. Никакого удовольствия от его близости я не получал, даже обычного в таких случаях душевного подъема не испытывал. Скорее, наоборот, ощутил себя полным дерьмом – просто так, без всякого повода. Видимо иногда чужая сила производит на особо

чувствительных окружающих именно такое воздействие. А что до сих пор ничего подобного рядом с могущественными колдунами я не испытывал – ну так просто везло.

Я послал зов Шурфу и сказал: «Вот этот дед, который стоит возле входа, слева...», но договорить не успел: старик успел приоткрыть дверь и выскользнуть в коридор. Шурф тоже сразу исчез, вероятно, пустился в погоню. Остальные Старшие Магистры, явно не привыкшие к столь вопиющему нарушению регламента, растерянно озирались по сторонам. А я, за неимением иного занятия, внимательно их разглядывал. Можно сказать, сканировал. Но больше ни одного источника незаурядной силы не обнаружил. Обычные усталые пожилые люди, на улицах таких полно. Те, что помоложе, тоже не произвели на меня особого впечатления. Некоторые вполне ничего, на уровне неплохих поваров или знахарей, но от Старших Магистров правящего Ордена все-таки ждешь гораздо большего, чем «вполне ничего».

Шурф снова появился несколько минут спустя. Сказал безучастным тоном, на моей памяти, не предвещавшим ничего хорошего, никому, никогда:

– К моему величайшему сожалению, Старший Магистр Аграма Мори только что совершил грубое нарушение Орденского устава: покинул мой кабинет, не получив позволения. Поэтому я вынужден завершить нашу беседу раньше, чем планировал. О своем решении в связи с этим безобразным инцидентом я оповещу вас позже. Всем хорошей ночи. Благодарю.

Он отвернулся к окну и стоял неподвижно, пока все не вышли. Потом махнул мне рукой – давай сюда.

– Исчез? И в коридоре нет его следа? – спросил я прежде, чем мои ноги коснулись пола.

Шурф вопросительно приподнял бровь. Дескать, откуда знаешь?

– Увидел, что ты вернулся без добычи, и предположил, – объяснил я. – В гостиной Блиммов та же картина. Кофа сказал, есть такое заклинание, изобрел соратник его покойного отца; имени, сам понимаешь, сейчас не вспомню...

– Вендерлох Абарра, – кивнул Шурф. – Я о нем сравнительно недавно читал. Очень сложное заклинание. Я решил не тратить время и силы на освоение этой практики, поскольку не планирую спастись бегством; по крайней мере, не в ближайшие годы. Однако Магистр Аграма, похоже, неплохо справляется.

– Но это ему не поможет, – угрожающе сказал я. – На каждую хитрую

задницу найдется свой болт с резьбой.

Однако после нескольких безуспешных попыток добраться Темным Путем до человека по имени Аграма Мори пришлось признать, что этот болт, к сожалению, не я. Как будто не было во всем Море человека с таким именем, ни живого, ни даже мертвеца – я и этот вариант проверил, пожелав оказаться возле тела Аграмы Мори. Ни черта.

– Скорее всего, это одно из естественных следствий заклинания Вендерлох Абарра, стирающего след, – утешил меня Шурф. – Просто этот эффект еще не изучен, поскольку до тебя никому не удавалось прокладывать Темный Путь не в определенное место, а к конкретному человеку. Нечего было изучать.

– Наверное, – уныло согласился я. – Но все равно обидно. Какой-то твой дурацкий Старший Магистр, пустяковый заговор нормально организовать не способный, оставил меня в дураках!

– Не тебя одного, как видишь. По-настоящему скверно, впрочем, не это. А то, что я до сих пор такой же высокомерный болван, каким был в шестьдесят лет^[28]. Я к нему даже толком не присматривался, представляешь? Как, впрочем, и ко всем остальным Орденским старикам. Довольствовался поверхностным впечатлением. Игнорируя при этом даже тот факт, что библиотека, принадлежащая его семье, была номером два в моем списке: Мори очень богаты и обладают серьезным собранием древних рукописи; благодаря близким связям с Орденом Семилистника, они имели отличные шансы скупать сокровища библиотеки Иафаха, когда Нуфлин их тайно распродавал. К тому же, Аграма Мори как минимум вдвое старше всех остальных Орденских стариков, а это все-таки явный признак могущества. Кто попало по девятьсот с лишним лет не живет.

– Но, кстати, все остальные действительно не ах, – утешил его я.

– Тем более. На общем фоне обычно проще заметить чью-то неординарность. Я же тоже ощущаю чужое могущество. Не так остро, как ты, но когда даю себе труд внимательно приглядеться, обычно безошибочно распознаю могущественного человека. Однако приглядеться к Магистру Аграме мне просто в голову не пришло даже после того, как я обнаружил в Иафахе эту грешную древнюю рукопись. Подозревал скорее Младших Магистров, среди них есть люди с прекрасным потенциалом. В том числе склонные к чрезвычайно нелепым идеям, одно другому, сам знаешь, не мешает. Поэтому, собственно, я и хотел, чтобы ты на них тоже посмотрел... Ладно, теперь все это неважно. Важно понять, куда мог подеваться Аграма Мори. И как его отыскать.

– Можно позвать Нумминориха, – предложил я. – Вряд ли этот твой Магистр Аграма успел рассыпать в коридоре полтонны зелья для нюхачей. Дома о безопасности обычно как-то не думаешь, вон даже за Королем по замку Рулх телохранитель не ходит... Во всяком случае, имеет смысл попробовать.

– Имеет, – согласился Шурф. – Равно как сообщить об этом происшествии Джуффину. Возможно, у него будут какие-то здравые идеи; у меня, в любом случае, пока никаких, разве только попросить Сотофу, чтобы ее девочки обыскали территорию Иафаха, это они сделают гораздо быстрее и лучше, чем я... И слушай, если тебя не слишком затруднит, стань, пожалуйста, видимым. Я сейчас не в том настроении, чтобы получать удовольствие от разговоров с пустотой.

– Извини, – сказал я, поспешно принимая человеческий облик. – Вечно забываю отменить заклинание после того, как оно стало ненужным. Жду, пока само пройдет... Знаешь, чего я не понимаю?

– Подозреваю, это должен быть довольно длинный список, – невольно усмехнулся мой друг. – Впрочем, возможно, я тебя недооцениваю. Ну так чего?

– Зачем он вышел в коридор? Это же гарантированно привлекает внимание. Если бы исчез, не сходя с места, вполне возможно, никто бы и не заметил. По крайней мере, не сразу...

Шурф явно был разочарован.

– А, ну это как раз понятно. Просто кабинет Великого Магистра устроен таким образом, что колдовать тут не может никто, кроме него. То есть, меня.

– Никто? – недоверчиво переспросил я, буквально только что отменивший заклинание невидимости, которое перед этим прямо здесь и применил. А потом еще и на потолке сидел – не бог весть какое великое чудо, но все-таки тоже магия. Угуландская. Очевидная. Сорок, если не ошибаюсь, седьмая ступень.

– Никто, – подтвердил Шурф. – Ты, извини уж, не в счет. Ты даже на Сотофину территорию вламываешься без приглашения, как будто нет ее знаменитого защитного барьера, который сам Лойсо Пондохва в свое время одолеть не смог. Не знаю, почему так. Может быть, в силу твоей никому толком непонятной природы, а может быть потому, что и я, и Сотофа так тобой очарованы, что в глубине души заранее готовы позволить тебе творить что угодно. Сердцу приказать – дело нехитрое, а вот с бессознательным намерением не все так просто. А возможно, дело в том, что пост Великого Магистра Ордена Семилистника покойный Нуфлин

завещал лично тебе^[29]. Мало ли, что ты отказался. Людей обмануть легко, а Иафах – невозможно. Наша резиденция считает, что ты тут хозяин, и позволяет тебе творить, что захочешь. Но остальным, будь уверен, нет.

– Тогда понятно, почему этот старик не попытался напасть, – кивнул я. – Он же явно меня вычислил, несмотря на всю мою невидимость. И смотрел с такой ненавистью, что я чуть не дернул отсюда на Темную Сторону. Мне Гэйшери велел: чуть что не так, мигом марш туда. Это называется «одним легким шагом», отличный трюк.

– Ты освоил быстрый переход на Темную Сторону?

– Сверхбыстрый. Буквально за какую-то долю секунды. Быстрее, чем руку поднять.

– Ну и хвала Магистрам. При всем уважении к твоим умениям, в вопросах личной безопасности ты до сих пор особо не преуспел.

Я не стал говорить, что до настоящего результата мне еще тренироваться и тренироваться. Пусть человек порадуется. Хорошие новости его организму сейчас явно не повредят.

* * *

– Единственная хорошая новость заключается в том, что все так называемые заговорщики, которых нам с Кофой удалось за эти дни отыскать, живы, благополучны и, насколько я могу судить, даже не связаны никакими заклинаниями, – сказал сэр Джуффин Халли. – Впрочем, их и связывать было ни к чему. Все эти люди ничего толком не знают, кроме того, что леди Атисса Блимм, тайную встречу с которой мне обещали устроить, была крайне возмущена поправками к Кодексу Хрембера и отсутствием особых привилегий для аристократии, считала это главной причиной творящихся в столице безобразий и предложила им подписать петицию с просьбой положить конец массовой вседозволенности. Они и подписали – совершенно добровольно, без принуждения и даже уговоров, потому что целиком разделяли ее взгляды, были недовольны разгулом хулиганов, регулярно строчили жалобы на плохую работу полиции, и, конечно, рассчитывали получить пресловутые привилегии для себя и своих семей. Наивность обыкновенная, граничащая с глупостью, сто девяносто шесть штук. Благословений эти люди не раздавали, ни о чем подобном даже не слышали. Похоже, хулиганов плодил сам Аграма Мори при участии леди Атиссы; по крайней мере, доподлинно известно, что в день покушения на Короля она навещала свою подругу, которая занимает при

Дворе почетную должность Старшей Помощницы Вышивальщика Салфеток для Королевских Завтраков...

– Но в списке тех, кого видел горе-убийца ее не было, – удивился я. – Я бы запомнил.

– Леди Атисса фигурировала в списке как «красивая темноволосая леди в голубом лоохи». Но мы уже точно знаем, что это была она. Ну что ты так на меня уставился? Можно подумать, мы первый день знакомы. Лаюки никто не выдал – ни словом, ни даже мыслью, не переживай. Кекки ничего не знает о покушении на Короля. Просто получила задание разузнать как можно больше о людях из нашего списка, без каких-либо объяснений, почему, да зачем. Девочка – великий мастер контролируемого светского щебета. Ты и представить не можешь, как много можно узнать за несколько минут необязательной болтовни... Чего я пока не понимаю, так это участия в деле покойной леди Шуманы Тамайхуни. Она дружила и с Корвой, и с Атиссой, это да. Но...

– И с леди Атиссой тоже дружила? – удивился я.

– Да, с давних пор. Собственно, она подруга детства Атиссы. А с Корвой познакомилась гораздо позже, и они на удивление легко сошлись. Других близких друзей у него, насколько я знаю, никогда не было. Брат Кима, сэр Рогро и еще несколько человек, в основном художники, чьими работами Корва одно время интересовался, с натяжкой могут считаться приятелями. И это все.

Шурф, который все это время молчал и о чем-то думал, вдруг сказал:

– Я не был лично знаком с леди Шуманой Тамайхуни, однако знаю несколько человек, пострадавших от ее импульсивного поведения. Одному она, как принято говорить в таких случаях, разбила сердце, других крупно подвела в серьезных делах. Настолько я могу судить по их рассказам, леди Шумана легко поддавала под чужое влияние и с искренним энтузиазмом соглашалась на любые предложения. Но какое-то время спустя включалась умная, судя по отзывам, голова и отменяла решения, принятые без ее участия.

– Это похоже на то, что рассказывает Сотофа, – кивнул Джуффин. – Она в свое время отказалась иметь дело с Шуманой, убедившись, что та не только не склонна держать данное слово, но и не намерена менять свое поведение, полагая его не легкомысленным, а вдохновенным. Конечно Сотофа права. Что люди обижаются, ладно, дело житейское, но в магии с таким подходом многого не добьешься. По крайней мере, на первом этапе, когда «вдохновение» – просто красивое слово, не подкрепленное подлинным опытом.

– Тем не менее, обиженные люди иногда становятся гораздо более серьезной проблемой, чем затруднения в обучении магии, – заметил Шурф. – Не удивлюсь, если именно это и произошло.

– Например, – подхватил Джуффин, – Шумана сперва горячо поддержала подруга, сообразив, что отмена поправок к Кодексу уничтожит сразу всех ее конкурентов: остальным школам начальной магии станет просто некого учить, да и лицензии на преподавание у них сразу же отберут. А ей, конечно, оставят «за особые заслуги». И число ее клиентов только возрастет: даже самые ленивые и неспособные аристократы и государственные чиновники захотят воспользоваться своими привилегиями. Поэтому сперва она согласилась помогать Атиссе. В частности, по ее просьбе вызвала Корву во время приема, чтобы не мешал подписывать петицию. А узнав от Кофы о существовании особого вдохновляющего заклинания, которое могло пригодиться ее ученикам, Шумана наверняка бросилась выпрашивать подробности и как-то уговорила, или даже вынудила Атиссу позволить ей снять копию с древней рукописи, чтобы потом демонстрировать восхищенным ученикам. И благословлять их за отдельную плату. Шумана была очень практична, этого у нее не отнять.

– А потом она передумала, – флегматично кивнул Шурф.

– Ну да. Зачем ей запрет на магию? С такой добычей в кармане никакие конкуренты не страшны. Представляла, как будет продавать Благословения Гэйшери – дело минутное, а драть можно хоть по сотне корон с носа, благо некоторые энтузиасты за особое магическое вдохновение последнее отдадут. Впрочем, кто ее знает, может, наоборот, искренне устыдилась – такое хорошее дело магия, а она помогает добиться ее запрета. Решила: ладно, подруга пообижается и простит, а не простит, тоже невелико горе. Откуда ей было знать, с кем на самом деле связалась? Что за этой нелепой интригой стоит Магистр Аграма Мори, верный ученик Хумхи Йоха, одержимый идеей снова запретить Очевидную магию, которую искренне считает великим злом. Не удивлюсь, если у него с самого начала руки чесались прикончить Шуману: все учителя магии для начинающих, по идее, должны представляться ему источником зла. Но пока она была полезна, Аграма как-то ее терпел. А когда взбрыкнула, отвел душу.

– Скорее всего, он обнаружил, что рукопись исчезла из тайника в Иафахе, – сказал Шурф. – Подумал, что леди Шумана их выдала, решил напоследок ее наказать. А сэр Корва просто подвернулся под руку: идеальный исполнитель, у него достаточно силы, чтобы быстро освоить

заклятие Туирриба, годится, берем.

– Как большинство людей, с детства вступивших в магический Орден, Магистр Аграма вряд ли разбирается в некоторых нюансах человеческих отношений, – кивнул Джуффин. – В частности, не учел, что мужа и жену, сколь бы странно с его точки зрения ни выглядел их брак, могут связывать не только формальные узы, но и искренняя привязанность. И наверное очень удивился, когда леди Атисса бросилась защищать Корву. Чудо, что она вообще осталась в живых. Впрочем, если Аграма действительно влюблен, а не просто счел ее подходящей союзницей, тогда понятно. Околдовал и где-нибудь спрятал, чтобы потом привести в чувство и переубедить. Или просто лишить памяти – очень удобно. Хотя довольно сложно, когда речь идет о по-настоящему важных вещах. Но я так понял, что для человека, ненавидящего магию, Аграма очень неплохо в ней разбирается. Вот что значит угуландский колдун старой школы – любишь, не любишь, а пользу извлекай!

– Вряд ли это имеет решающее значение для понимания дела, но вполне может статься, что Магистр Аграма сначала сошелся с леди Атиссой, а уже потом сообразил, насколько сильным союзником в осуществлении его мечты о запрете магии может стать аристократка с обширными связями, – сказал Шурф. – По крайней мере, еще примерно с конца зимы он стал ежедневно надолго покидать Иафах, хотя прежде сидел в резиденции почти безвылазно. Правда, никто не видел, как он изменяет внешность, но это, сами понимаете, можно сделать где угодно, в любой момент.

– А почему он вернулся в Иафах после того, как околдовал Корву и леди Атиссу не пойми куда подевал? – спросил я. – Если думал, что леди Шумана на них донесла, и все пошло прахом, почему не попытался сбежать на край Мира, предварительно уничтожив свой след? Догадываюсь, что не представляю собой эталон здравомыслия, но даже я бы так поступил.

– Подозреваю, просто потому, что прежде резиденция всякого Ордена была самым надежным убежищем для его adeптов, чего бы они ни натворили. Времена изменились, но это пока мало кто понимает. Уверен, никому из наших стариков в голову не пришло бы, что я могу выдать их на расправу Тайному Сыску, даже если они угробят несколько тысяч горожан. Пожурю и отпущу с миром, как это было в старые времена. Думаю, Магистр Аграма был уверен в своей безопасности и даже не помышлял о побеге, пока не обнаружил в моем кабинете невидимого Тайного Сыщика. Вот тогда ему пришлось срочно менять планы. Надо отдать ему должное,

реакция у него оказалась получше, чем у нас с тобой.

– Как мы его искать-то будем? – вздохнул я. – Нумминорих пас, потому что тело Магистра Аграммы все еще пахнет зельем от нюхачей, которое он днем по гостинной Блиммов раскидал. Леди Сотофа твердо уверена, что на территории Иафаха этого красавца нет. Мелифаро разбирается с его барахлом; он у нас, конечно, гений обыска, но все-таки вряд ли в вещах беглеца найдется записка с адресом его новой квартиры. Кофа и Кекки рыскают по городу в надежде первыми услышать о каких-то выдающихся неприятностях, которые наведут нас на след, и мне даже думать не хочется, что им повезет. В смысле что этот красавец может устроить в любой момент. Он же полный придурок. К тому же, отчаявшийся. И очень могущественный. Мы все примерно представляем, что такой может натворить.

Словно бы в подтверждение моих опасений дверь распахнулась, и в кабинет ворвалась седая старуха в лохмотьях, с ярко-синим лицом. Впрочем, цвет лица явно был не самой главной ее проблемой: в голове старухи засел здоровенный топор.

– Все кончено! – пронзительно выкрикнула старуха и рухнула на стол, да так удачно, что перевернула не только кувшин с камрой, но и все наши кружки, не пропустив ни одной.

Я не нашел ничего лучшего, чем метнуть в несчастную свой Смертный Шар и рывкнуть: «Не умирай!» Шурф мгновенно оценил ситуацию и остался сидеть, как сидел, только прислал мне зов: «На твоём месте я бы еще велел ей исцелиться от ран, в противном случае, сохраненная жизнь может показаться недостаточно радостной». А Джуффин сказал:

– Рад, что вы решили нас навестить. Надеюсь, вы не шли в таком виде через весь город? Топоры в голове в этом сезоне у нас не носят. Сожалею, но это так.

Старуха расхохоталась, вынула из головы топор, швырнула его на пол, спрыгнула со стола и превратилась в того Гэйшери, к облику которого я уже худо-бедно привык. Он подскочил ко мне и легонько, как ребенка щелкнул по лбу:

– Далась же вам эта нелепая боевая магия! Опять я вас провел!

Я швырнул в него пустой кувшин из-под камры, вовремя подвернувшийся мне под руку. Ну или невовремя, это как посмотреть. А потом искренне сказал:

– Здорово, что вы пришли.

Потому что как бы я ни злился на идиотскую выходку Гэйшери, его присутствие все равно делало меня вдохновенным безумцем, звенящим,

как тысяча колоколов, того гляди взорвусь, да так удачно, что из осколков меня родится целая сотня новых, дурацких и очень счастливых миров.

Но я все-таки не взорвался. А из разлетевшихся во все стороны осколков кувшина, хвала Магистрам, вроде бы ничего не родилось.

– Ого, вы больше не притворяетесь вежливым! – обрадовался Гэйшери. – Поздравляю, сэр Макс!

– Да он и раньше не то чтобы особо этим злоупотреблял, – флегматично заметил Шурф.

Он сохранял полную невозмутимость, но я знаю его достаточно хорошо, чтобы увидеть, как разительно изменилось его настроение. Хоть за ногу к столу привязывай, чтобы снова под потолок не взлетел.

– Только не вздумайте рассказывать, что у вас стряслось, – сказал нам Гэйшери. – Сам вижу, что какая-то дрянь. Знать о ней ничего не желаю. У меня в кои-то веки такое прекрасное настроение, что жалко портить. Я прогулялся по вашему городу. Посмотрел на людей. И они мне понравились. Не хуже, чем в мое время. Храбрые и веселые. Еще не каждый по отдельности, но все в сумме – уже, пожалуй, да. С таким будущим я согласен, пусть наступает. Правда, мое Благословение все равно умудрились испортить. Но ничего! Как испортили, так и почините. Есть кому чинить.

С этими словами он плюхнулся в кресло и принялся молниеносно извлекать из воздуха картонные стаканчики с кофе. Добыл зачем-то сразу полдюжины. Видимо, от избытка чувств.

– Да уже чиним понемножку, – сказал Джуффин, с явной неприязнью косясь на добычу Гэйшери. – Я за эти два дня благословил кучу народу. И мои сотрудники тоже, им только волю дай. Отлично ваше Благословение на всех действует. Любо-дорого посмотреть. В качестве благодарности за хорошие новости избавьте меня пожалуйста от участия в дегустации вашего... вот этого вот.

– Как хотите, мне же больше достанется, – пожал плечами Гэйшери. И осушил первый стакан с таким явным наслаждением, что я не удержался и тоже взял.

– Много сахара и молока, все, как вы ненавидите, – подмигнул мне Гэйшери. – Специально старался, чтобы вас рассердить. Вам, я считаю, надо почаще сердиться. Не то чтобы от этого была какая-то польза, просто приятно смотреть.

Шурф некоторое время колебался, потом все-таки взял один из картонных стаканов. Некоторое время недоверчиво принюхивался к его содержимому, наконец попробовал, укоризненно посмотрел на меня и

сказал:

– Оказывается, кофе может быть довольно вкусным напитком. Почему ты никогда не доставал из Щели между Мирами именно такой? Это большая редкость? Все равно научись, пожалуйста. Воля и намерение творят чудеса.

Ладно. В отличие от Иуды, он хотя бы никого не целовал.

Гэйшери откровенно, я бы даже сказал, неприлично торжествовал.

– Больше не буду вас отвлекать, – сказал он, поднимаясь из-за стола. – Лучше приходите на вечеринку. Надо отпраздновать сразу два события: во-первых, я в очередной раз воскрес и, что особенно вдохновляет, почти из-за этого не расстроился. Видимо, начал привыкать. А во-вторых, сэр Макс не убил меня этим ужасным тяжелым кувшином. Сегодня благоприятный день для чудесных спасений; интересно, что ваши астрологи по этому поводу говорят? Получаса вам хватит, чтобы закончить дела, а потом сразу приходите на крышу Мохнатого Дома, я к тому времени как раз пешком доберусь. Так мне нравится этот дом и особенно крыша, хоть себе забирай! Но я не настолько хозяйственный, чтобы уволочь целый дом по Мосту Времени. Вам крупно повезло.

С этими словами Гэйшери подобрал с пола топор, небрежно всадил его себе в голову и вышел из кабинета. Вот как надо прощаться. Высокий класс.

Джуффин посмотрел ему вслед, взял со стола последний стаканчик с кофе и храбро сделал глоток. Неуверенно сказал:

– Ну, так... Пить в общем можно. Но хоть убейте, никогда не пойму зачем.

– Получаса хватит, чтобы закончить дела – это он, конечно, удивительный оптимист, – мрачно заметил я.

Джуффин уставился на меня так словно впервые увидел – что за посторонний тип в моем кабинете? Откуда взялся? С какой целью тут сидит? Наконец улыбнулся:

– А, ну конечно. Ты решил, что Мастер Гэйшери просто предположил, будто нам хватит получаса? Нет, он не предположил, а сказал, что так будет. И теперь будет именно так. Наконец-то он захотел нам помочь. Лучше поздно, чем...

«Кажется я крупно влип», – раздался в моей голове голос Нумминориха. А больше он ничего не сказал. Человеку, который влип по-настоящему крупно, такая лаконичность вполне простительна. Но кому от этого легче, мать его.

– Нумминорих в беде, – сказал я вслух. – Попробую добраться до него Темным Путем.

Не стал добавлять: «А вы за мной, по моему следу». Эти двое примерно в три миллиарда раз умней и опытней. Что им делать, сами сообразят.

«Где-нибудь в Ехо рядом с Нумминорихом Кутой» – такой невнятный у меня на этот раз вышел заказ. Но, к счастью, метод, любезно изобретенный для меня леди Тайярой, все равно сработал. Я все-таки очень везучий.

Ну или наоборот.

* * *

Теперь, задним числом, я могу собрать воедино фрагменты обрывочных впечатлений и вспомнить, что очутился в просторной даже по столичным меркам комнате с неожиданно низким потолком и очень маленькими окнами, освещенной всего одним крошечным газовым светильником, мерцавшим в дальнем углу; кажется, там стоял какой-то громоздкий шкаф, возможно, была обычная для столичных квартир кровать, то есть, огромный мягкий матрас, а может быть обнявшаяся пара сидела прямо на полу. Таких деталей я и в более спокойной обстановке обычно не различаю, а тогда мне точно было не до них, потому что единственной деталью, которая меня в тот момент интересовала, был небольшой сияющий огненно-белый шар, который как-то неестественно медленно плыл по воздуху, удаляясь от пары и приближаясь к темному силуэту в дальнем углу.

Силуэт я опознал сразу, не глазами, не разумом, а чутьем или даже инстинктом: ясно, что это Нумминорих. Воздух вокруг него звенел от невыносимого напряжения, и я понял, что он усилием воли пытается оттолкнуть летящий к нему Смертный Шар – не такой, как обычно у меня получается, а нормальный классический Смертный Шар, идеальное оружие магического убийства, доступное всем мало-мальски могущественным колдунам. Но что его возможно остановить или хотя бы замедлить, я прежде не знал. Нумминорих, подозреваю, тоже не знал, просто оказавшись в безвыходной ситуации, мы все обычно обнаруживаем, что способны на невозможное. Другое дело, что даже невозможного не всегда достаточно для спасения. Когда как.

Не знаю, сколько бы он еще продержался; впрочем, счет в любом случае шел на секунды: вот-вот хозяин Смертного Шара поймет, что дело

движется подозрительно вяло, и сразу метнет второй. Я бы сам на его месте так сделал. И вообще любой.

Однако мое появление отвлекло Нумминориха. Он обрадовался, а нет ничего хуже, чем обрадоваться счастливому спасению до того, как оно произошло. Белая шаровая молния приободрилась и полетела к нему с нормальной для молнии скоростью. То есть гораздо быстрее, чем глазом моргнуть.

О дальнейших событиях можно долго рассказывать, но уместились они в какую-то долю секунды: я понял, что все пропало, и одновременно метнулся навстречу этому Смертному Шару, буквально втиснулся между ним и Нумминорихом, торжествующе подумал: «Успел» – и только потом осознал, что именно я успел.

Беда в том, что меня так давно никто всерьез не пытался убить, что я вообще перестал учитывать такую возможность. А зря.

Время – самая немилосердная стихия, движение его потока не остановить никаким усилием воли, даже хорошо тренированной, хоть взорвись. Но оно течет, а не скачет, поэтому между тем моментом, когда тебя убили, и тем, когда ты умер, обязательно есть небольшой промежуток. И в этот промежуток можно довольно много вместить.

Например, понять, что уже не успеешь сбежать на Темную Сторону, даже одним легким шагом – непосильная задача для почти мертвеца. И одновременно – не подумать, а просто вспомнить, как будто всю жизнь зубрил это правило, никем до тебя не сформулированное, но сейчас очевидное: Темная Сторона может прийти за тобой сама. И увидеть – не глазами, а каким-то тайным внутренним зрением – ее приближение. Темная Сторона накрыла меня и все остальное, как гигантская, изнутри, из самой глубины сердца пришедшая волна.

Пока мое утасующее сознание ликовало, что умрет не где попало, а дома, на Темной Стороне, где ему самое место, тело, которое такой расклад совершенно не устраивал, успело выпалить: «Спаси меня!» – и уцелеть.

Потом, вечность, то есть еще секунду спустя, я уже вполне сознательно произнес: «Хочу остаться живым». Не уверен, что это было так уж необходимо, но в некоторых вопросах экономия неуместна. Я и в третий раз сказал, уже по всей форме: «Быть живым, невредимым и целым я хочу». И только после этого понял, что хватит, да и то потому, что мне прямо в лицо коротко, весело и одновременно сердито дунул ярко-малиновый ветер, слишком холодный для Темной Стороны, как оплеуху отвесил: «Остановись, успокойся, остынь». Это был, надо думать,

совершенно новый уровень наших с Темной Стороной отношений: получить от нее по морде я до сих пор даже не мечтал. Но в себя пришел мгновенно. Таково целительное воздействие ледяных оплеух.

Вот примерно тогда и раздался крик, да такой душераздирающий, что я инстинктивно заткнул уши, но это не помогло. Крик не сделался ни тише, ни благозвучней. Он был настолько ужасен, что я даже сперва подумал, это кричит моя смерть – от обиды, что осталась без добычи. А потом различил два голоса, мужской и женский, и решил, что сюда появился Гэйшери. Очень мило с его стороны составить мне компанию, но зачем так невыносимо орать?

– Смотри, они исчезают, – сказал Нумминорих.

Я уставился на него, как на величайшее чудо этого Мира. Спросил:

– А ты откуда здесь взялся?

– Это не я взялся. Это Темная Сторона откуда-то вдруг взялась. Только что я был в доме на улице Жемчужных Бурь. То есть мы все там были: я, этот человек и леди Атисса. Он метнул в меня Смертный Шар, потом ты появился. И вдруг сразу сделалось так.

Тогда я наконец начал понимать, что происходит. Темная Сторона забрала не только меня, а всех, кто был рядом. В общем, ничего удивительного, волна она и есть волна, кого поймала, того и утащила. Тут же вспомнил все ужасы, которые мне рассказывали о людях, попадавших на Темную Сторону, не будучи ее избранниками. О друзьях Короля Мёнина, которых он в приступах свойственного ему альтруизма протаскивал сюда контрабандой, и других. Говорят, те, кому очень повезет, просто сходят с ума, но большинство исчезает с такими ужасными воплями, что даже в Мире слышно, хотя теоретически это невозможно. Но теперь я бы не удивился, если так и есть.

Не то чтобы я не верил в эти рассказы. Верил, конечно. И даже зарекся никогда не таскать кого бы то ни было на Темную Сторону, трижды не переспросив Джуффина, примет ли она этого человека; я-то сам пока не умею отличать. Вернее, просто не знаю, какое именно из великого множества моих ощущений является верным признаком, что рядом один из нас. Одной необъяснимой симпатии недостаточно, это факт.

Но до сих пор рассказы о несчастных, силком приведенных на Темную Сторону, были для меня сугубо теоретическим знанием. Мало ли, что случалось в давние времена. Верить и стать свидетелем – настолько разные вещи, что к этому событию я оказался совсем не готов. Смотреть, как темнеют и истончаются, словно бы пожираемые невидимым огнем, человеческие тела и слушать душераздирающий крик было настолько

невыносимо, что не будь здесь Нумминориха, который намертво вцепился в меня обеими руками, как висящий над пропастью в спущенную ему веревку, я бы сам закричал.

Не буду врать, что не сообразил попросить Темную Сторону оставить несчастных в живых. Я об этом, конечно, подумал, хоть и не сразу. Но возможно, еще было не слишком поздно. Однако, открыв было рот, я вдруг понял, что не хочу ничего менять. Ну или Темная Сторона не хочет, а я с ней всегда заодно. Иначе не может быть.

В общем, я вполне сознательно промолчал. А потом они наконец заткнулись. И стало так хорошо, что будь моя воля, сидел бы там до сих пор.

– Что ты на этот раз натворил? – спросил Шурф.

Он не то бесшумно подошел ко мне сзади, не то просто внезапно возник из ниоткуда. С ним никогда не разберешь. И на лице два выражения одновременно: фирменное «если узнаю, что ты опять необдуманно рисковал, своими руками придушу, заодно и поужинаю» и безмятежная радость, как всегда на Темной Стороне. Радость понемногу побеждала, но до окончательного триумфа ей пока было далеко.

– Ничего выдающегося, – сказал я. – Избавил тебя от одного Старшего Магистра. Извини, что не от всех сразу, каждый вынужден действовать в меру своих скромных способностей, вот и я делаю, что могу. Заодно оставил сиротой леди Меламори. Это я, конечно, молодец. Долго думал, как бы с ней помириться, а теперь и думать не надо. В смысле все равно ничего не поможет. Можно забить.

– Отобрал у меня добычу, вот что он натворил! – ухмыльнулся сэр Джуффин Халли, подобравшийся с другой стороны. На его разбойничьей роже размещалась такая кривая ухмылка, даже Гэйшери бы обзавидовался. Ну или, что более вероятно, не сходя с места отрастил бы себе такую же. А я и пытаться не стал.

– Если отобрать у тебя добычу – великое преступление, то ладно, договорились, я отобрал. А если деяние, достойное героев древности, то имей в виду, на самом деле ее отобрал Нумминорих. Он каким-то чудом эту парочку отыскал.

– Да никаким не чудом, – сказал Нумминорих. – Просто расспросил сэра Кофу, куда в последнее время ездила на свидания леди Атисса. Он такие вещи знает лучше нас всех. Выяснил, что адреса все время были разные, зато район примерно один и тот же. Там много хорошо обставленных домов, которые можно снять ненадолго, на несколько часов

или дней. Я решил обойти этот район и принюхаться, вдруг ее найду, благо обоняние обострилось от ваших Благословений...

– Похоже, не одно оно, – заметил Джуффин, усаживаясь рядом с нами в хрустальную с виду, но очень мягкую наощупь траву. – У нас сегодня на весь Тайный Сыск один нормальный следователь. И этот уникал – ты.

– Зато потом я повел себя даже не как идиот, а как целая дюжина идиотов, – вздохнул Нумминорих. – Надо было сразу вас звать, а я решил, что сам их арестую. И торжественно приведу к вам.

– Да, это была не лучшая идея, – согласился Джуффин. – Похоже, в тебе наконец проснулся настоящий охотничий азарт. Более чем невовремя, но лучше уж так, чем вообще никогда.

– Хорошо, что в последний момент я все-таки решил позвать тебя на помощь, – сказал мне Нумминорих. – Потом, правда, подумал: «Что я наделал, его же сейчас тоже угробят!» А больше ничего не успел подумать, мы уже были здесь. Так и не понял, как это получилось.

– Одним легким шагом, – усмехнулся я. – Только этот шаг сделал не я, а Темная Сторона. Она оказалась гораздо проворней, так уж нам с тобой повезло. В рубашках родились. Ну или я в рубашке, а ты в лоохи. Возможно, сразу в дюжине, как Коба носит. Только без дыр.

– Это было невероятно красиво, – вдруг сказал Шурф. – Мы успели увидеть, как Темная Сторона уходила, а Мир возвращался на место. Как волна во время отлива. Никогда не забуду эту волну.

– Да, знатно подшутила судьба над Магистром Аграмой, – усмехнулся Джуффин. – Мечтал запретить магию, а в итоге сделал в нее такой неоценимый вклад, как мало кому удавалось. Вон даже Темная Сторона по его милости Мир волной накрыла, такого, насколько я знаю, и в древние времена не случалось. И кстати, не будь его, мы бы так и не узнали о Благословении Гэйшери. Он мне никогда не рассказывал, что изобрел способ столь эффективно всех вдохновлять. И Сотофе не рассказывал. И, похоже, вообще никому. Теперь говорит, просто к слову не пришлось, а значит, было не надо. Несвоевременно, ни к чему. Хорошее заклинание само решает, проявиться, или оставаться в забвении. Ну, оно правда так.

– Все-таки этот Магистр Аграма был очень странный, – вздохнул я. – В смысле полный придурок. Мне даже как-то стыдно за всю эту историю, хотя я тут вроде бы не при чем. В смысле советов ему не давал. Но даже быть обычным свидетелем – и то неловко. Ну кто так заговоры устраивает? Головой думать надо! И трезво оценивать обстановку. В частности понимать, что люди – не картонные куклы в его руках и не будут действовать по придуманному кем-то сценарию, особенно такому

примитивному. Ну и если уж затеял благословлять население на злодеяния, то не жалкими дюжинами, а сразу тысячами, чтобы всех проняло. Что ему мешало для начала поставить на уши весь Замок Рулх? Почему была только одна несчастная попытка?

– Подозреваю, Магистру Аграме было так противно колдовать, что он всякий раз колоссальным усилием воли через себя переступал, – усмехнулся Джуффин. – А может, вообще попробовал и бросил, поручил хлопоты леди Атиссе. А она, как большинство светских дам, не отличается упорством и трудолюбием... Не отличалась. Теперь, если я правильно понимаю произошедшее, следует говорить о ней так.

– А остаться в Ехо вместо того, чтобы сбежать на край Мира – это вообще ни в какие ворота, – добавил я. – Редкостное позорище. Я бы и то гораздо лучше все организовал.

– Давай заключим сделку, – предложил сэр Шурф. – Мы поверим тебе на слово, а ты за это не станешь применять свои организаторские способности на практике, чтобы показать нам, как надо правильно устраивать заговоры. Не уверен, что Мир это переживет.

* * *

– Где вы шлялись? – сварливо спросил Гэйшери. – Я вам дал полчаса, а прошло уже почти три четверти. Ну, сами виноваты, мы начали без вас.

Он сидел на моей крыше в такой прекрасной компании, что, честно говоря, непонятно, на кой мы четверо, хмурые и смертельно усталые, ему вообще были нужны. Одной рукой этот тип обнимал леди Сотофу, другая лежала сразу на двух собачьих загривках. На его коленях устроились Армстронг и Элла, рядом сидела счастливая Базилио, чуть поодаль – леди Тайяра, по своему обычаю уткнувшаяся в какие-то записи. Зато в каждой руке у нее было по стакану вина. Некоторые люди умеют извлекать пользу из своей рассеянности. Жаль, что я не из их числа.

Вопреки моим опасениям, Друппи не поздоровался со мной человеческим голосом. А Дримарондо по-прежнему выглядел беспородной дворнягой, как всегда. Из чего я заключил, что тормоза у Гэйшери все-таки есть. И даже, возможно, какое-то подобие здравого смысла. А что он тщательно скрывает эти свои достоинства, как раз понятно. На что только не пойдешь, чтобы произвести неповторимый эффект.

– Еще четверть часа ушло на то, чтобы отпустить отдыхать моих сотрудников, – сказал ему Джуффин. – Точнее, объяснить им, почему я пока

ничего не готов объяснять. А мальчики любезно ждали в зале Общей Работы, чтобы прийти на помощь, если меня начнут пытаться.

– Вот это правильно, – одобрила леди Сотофа. – Такому хрупкому, беспомощному существу обязательно нужна хорошая охрана! – и рассмеялась так, словно кто-то невидимый ее щекотал.

Нумминорих смотрел на Гэйшери во все глаза. Мы ничего не стали ему объяснять, просто потащили с собой, решив, что его безрассудство заслуживает такой вот странной награды. Вернее, не само безрассудство, а тот удивительный факт, что он все-таки остался в живых.

Когда все расселись, я обнаружил, что эта многофигурная композиция воздействует на меня почище, чем дым благовоний в куманском притоне. Слишком много могущественных колдунов на квадратный метр моей бедной крыши. Но стакан вина из рук леди Сотофы я все равно взял. Гулять так гулять. Тем более, что концепция продолжительного бесконечного блаженства больше не вызывала у меня возражений. Вот что значит по-настоящему устал. Особенно напряженно думать о недавних событиях и их грядущих последствиях, которых не изменить и не отменить.

– Вы были абсолютно правы на мой счет, – сказал Гэйшери Джуффин. – Я действительно сержусь, когда у меня отнимают добычу. Совершенно искренне. До сих пор.

– Да я всегда прав, – ухмыльнулся Гэйшери. – Вне зависимости от того, хватает ли всем остальным ума со мной согласиться. Вам обычно хватает. Вы – великий мудрец.

У него была такая самодовольная рожа, что хоть на шею ему бросайся, а потом сразу – бац! – и в глаз. Совершенно невыносимый тип, и с этим надо было срочно что-то делать, просто чтобы не взорваться от противоречивых чувств.

Но ни бросаться на шею Гэйшери, ни затевать с ним драку я все же не стал – для этого пришлось бы растолкать кошек, собак и леди Сотофу. Как говорил Джуффин, у всякого насилия своя цена. И в некоторых случаях лучше заранее отказаться от покупки.

Впрочем, кое-что я мог сделать, не вставая с места. Гэйшери сам подсказал мне правило: в любой непонятной ситуации благословляй. К тому же, проводить первое испытание нового незнакомого заклинания на его создателе, на мой взгляд, только справедливо. Не понравится – сам виноват.

Вообразить себя всем Миром сразу оказалось на удивление просто. Некоторая сложность заключалась в том, чтобы вовремя остановиться и не

стать в своих фантазиях целой Вселенной. Все-таки я не уверен, что у Вселенной есть сердце, а по правилам следовало представлять, что отдаешь именно его. Когда мне ценой невероятного волевого усилия удалось мысленно уменьшиться до размеров отдельно взятого Мира, я быстренько вообразил, что швыряю свое сердце в Гэйшери – от души, читай, со всей дури. Как недавно кинул в него кувшин.

Не знаю, что он при этом почувствовал; памятуя о том, что мои Смертные Шары этому типу до фени, я заранее не особо рассчитывал на какой-то эффект. Зато сам ощутил такой восхитительный жар в груди, словно не отдал, а получил новое сердце. Гораздо лучше прежнего. По крайней мере, определенно больше, раз в двадцать пять.

Все это вместе произвело на меня столь сокрушительное впечатление, что я утратил остатки разума и сказал Гэйшери, просто чтобы его подбодрить:

– Помните, как вы горевали, что приходится жить в Море, где какой-то гад думал не в ту сторону и испортил ваше Благословение? Так вот, у вас больше нет такой проблемы. Я его отменил. Вернее, не я, а Темная Сторона. Но какая разница. Раз, и не стало, как будто никогда не было – вот что важно для нас!

Гэйшери посмотрел на меня так, словно я только что откусил ему ногу. Или как минимум зверски ее пожевал. То есть, то самое выражение абсолютного шока, за которым в некоторых случаях следует ответный удар.

Ответный удар не заставил себя долго ждать. Гэйшери расхохотался, да так, что сложился пополам. Армстронг и Элла от тряски сползли с его колен, но тут же полезли обратно. Это было не проще, чем забраться в качающуюся на волнах высокортную лодку, но они не сдавались. Упорство, достойно подражания, все бы так.

– Отменил он! Отменил, понимаете! – сквозь смех повторял Гэйшери. – А свою задницу ты случайно не отменил? Чучело ты, сэр Макс! Расхвастался! Я тебе сейчас покажу, как надо отменять!

Надо же, вдруг перешел на «ты», – это единственное, что я успел подумать. Потому что потом стало не до того. Окружающий мир вдруг вспыхнул и засиял столь ослепительно, словно стал звездой, лиловой и одновременно зеленой, как первая весенняя трава. А мы сидели в самом центре этой звезды, неподвижные, онемевшие, и я явственно видел, что глаза у леди Сотофы Ханемер такие же круглые от изумления, как у Нумминориха. А сэр Шурф и Базилио вцепились в меня с двух сторон, как Армстронг и Элла в Гэйшери; мне крупно повезло, что у них нет когтей. Собаки, как по команде, закрыли головы лапами, отличная уловка: давай

притворимся, что нас здесь нет. Только на лице Джуффина было нормальное человеческое любопытство, а леди Тайяра наконец оторвалась от своих записей и теперь смотрела на нас с неподражаемым выражением: кто все эти люди, и откуда они взялись? А Гэйшери продолжал хохотать, но это как раз неудивительно. Что ему сделается, он – настоящий псих. И я не лучше. По крайней мере, мне тоже было смешно, особенно после того, как Мохнатый Дом, на крыше которого мы сидели, начал раскачиваться, словно гигантские качели, все сильнее и сильнее. И я подумал: вот сейчас мы сделаем «солнышко». То есть полный переворот. И полетим вверх тормашками. Ух, будет хорошо!

Мы действительно полетели – не только вверх, а во все стороны сразу тормашками. Но при этом остались на месте, даже вино никто не пролил. И я в тот момент ясно, без тени сомнения знал две взаимоисключающие вещи: ничего подобного с нами никогда не было; это было, есть и будет всегда.

Из этого блаженного состояния меня вывела чья-то рука, ухватившая за шиворот и встряхнувшая так, что чуть не оторвалась голова. Я так и не понял, чья это была рука, но голос, прозвучавший не то в моей голове, не то все-таки где-то снаружи, совершенно точно принадлежал леди Сотофе: «Эй, соберись, – громко, почти сердито говорила она. – Даже не вздумай все забывать!»

– С какого это перепугу он вдруг забудет? Сэр Макс человек цепкий, своего не отдаст. – сказал Гэйшери.

Вот он совершенно точно говорил вслух, этот невыносимый двойной голос ни с чем не перепутаешь. И его звучание окончательно привело меня в себя.

Я огляделся. Никаких особых перемен не обнаружил, только все присутствующие поближе придвинулись к Гэйшери, который открывал очередную бутылку вина.

– Что это было вообще? – спросил я со всей возможной суровостью. В смысле, изо всех сил стараясь, чтобы голос не очень дрожал.

– Как минимум лучшие в моей жизни качели, – откликнулся Шурф.

Он выглядел таким довольным, словно нашел еще пятьдесят фрагментов книги легендарного принца Аллоя. И в придачу самого принца, засушенного между страниц.

Остальные выжидающе молчали. Наконец Нумминорих сказал:

– Как по мне, это был полный конец обеда.

– Точно, – согласился Гэйшери. – Вы мастер емкой формулировки.

Далеко пойдете, молодой человек. – И надменно поглядев на меня, добавил: – Вот как надо отменять, если уж беретесь. Учитесь, пока я жив.

– Отменять – что? – переспросил Джуффин, да так строго, словно Гэйшери был новым начальником Канцелярии Скорой Расправы, выбравшим для беседы с шефом Тайного Сыска не совсем правильный тон. – Что именно вы отменили, Мастер Гэйшери? Я должен это знать.

– Не «что», а «кого». Я отменил человека, испортившего мое Благословение. Его не было. Хотел бы сказать «никогда», но это неправда. Ему все-таки девятьсот с лишним лет, а так далеко залезать с кардинальными переменами – ищи дурака. Чего доброго, вместе с ним вообще все к болотным лешим отменишь. Но я умный. И осторожный. Поэтому он отменился только два дня назад. Исчез в тот момент, когда я здесь у вас появился. Это очень приятно. Мне с самого начала не нравилась идея одновременно с ним сосуществовать. Все настроение от путешествия портил.

– Ясно, – деловито кивнул Джуффин. – Когда мне рассказывали, что вы однажды такое устроили, был уверен, что уж тут-то точно врут. Просто воображения не хватило поверить. Но с тех пор оно, хвала Магистрам, порядком отросло. Я правильно понимаю, что событий, которые случились после вашего появления, в этой реальности никогда не было? А все присутствующие ничего не забыли, потому что находились рядом с вами, в самом эпицентре перемен? И теперь для нас верны обе версии сразу? Включая ту, которую нам еще только предстоит узнать?

– Как же приятно иметь дело с человеком, который понимает тебя с полуслова! – улыбнулся Гэйшери. – За что вас люблю: всегда ловите на лету и сразу отправляете в пасть. Но большинство событий, оставшихся в вашей памяти, все же имели место. Вы же не знали, что этот человек исчез, поэтому делали все, что действительно делали. Вели поиски, разговаривали с подозреваемыми, искали древнюю рукопись, ловили хулиганов, писали в газету, или чем вы там еще занимаетесь в этом своем смешном тайном обществе... в смысле сыском агентстве. Неважно. Факт, что отменились только последние поступки этого человека. Все, что произошло при его участии за последние два дня.

– То есть рукопись я все-таки нашел? – взволнованно спросил Шурф.

Кому что, а голому – баня, так в подобных случаях говорят.

– Нашли, наверное, – равнодушно ответил Гэйшери. – Ну или потом найдете, благо помните, где искать. Я не знаю деталей. Извините, но они всегда были мне неинтересны. Мне подавай самую суть.

– То есть леди Атисса на Темной Стороне не исчезла? – спросил я. – И

Корва там навсегда не остался? И леди Шумана жива?

– Вероятно, – Гэйшери пожал плечами. – Вам лучше знать, что именно он натворил. Вернее, чего не смог натворить по причине отсутствия.

– Это было невероятно красиво, – вдруг сказал леди Сотофа. – И кажется, я поняла, как это делается. Хотя не уверена, что повторю с первой попытки...

– С первой попытки я и сам не повторю, – усмехнулся Гэйшери. – Для этого нужно особое вдохновение, – и, подмигнув мне, добавил: – И очень сильное желание пустить пыль в глаза! Вам хотя бы понравилось? Я только ради вас старался. Ну и чуть-чуть ради себя.

– Понравилось – не то слово, – честно признался я. – Действительно лучшие в Море качели. И ослепительная звезда... Хотя по сути я так ни хрена и не понял. Но это как раз неважно. Мне еще раз пятьсот объяснят, и я смогу сделать вид, будто начинаю догадываться. А потом на что-нибудь отвлекусь.

– Я тоже не поняла, – сказала Базилио. – Когда тебе будут пятьсот раз объяснять, позови меня, пожалуйста. Я тоже послушаю. Ладно?

– На самом деле это только на практике осуществить сложно, а в теории очень легко, – утешила ее леди Тайяра. – Сейчас выведу формулу преобразования реальности методом отложенного вычитания одного или нескольких компонентов, и ты все сразу поймешь.

Она взяла один из листов бумаги, ворох которых окружал ее плотным кольцом, и принялась что-то писать, Базилио уткнулась носом в ее записи, а я инстинктивно отодвинулся, чтобы нечаянно не увидеть даже короткий обрывок обещанной формулы. Вот что гарантированно свело бы меня с ума.

* * *

Вынужден признаться, что в финале этого дурацкого, бесконечно длинного и каким-то непостижимым для меня образом отчасти отмененного дня я совершил обычную роковую ошибку: отправился в спальню, разделся и лег в кровать. Думал, что накопившаяся усталость объединит усилия с тремя стаканами вина, и уж вместе-то они меня одолеют. В смысле усыпят. Полный провал: оказавшись под одеялом, я тут же принялся ворочаться с боку на бок, тщетно пытаюсь разогнать по темным углам бессознательного воспоминания о недавних событиях. Бессознательное отчаянно сопротивлялось, и его можно понять. Кто же в

здравом уме такой ужас к себе в темный угол пустит.

Проворочавшись примерно час, я поднялся, накиннул домашнее лоохи, прихватил одеяло и отправился на крышу в надежде, что предрассветный осенний холод, твердая черепица и вынужденно неудобная поза мигом меня усыпят. Метод надежный, проверенный, сразу мог бы им воспользоваться, просто вставать было лень.

На крыше сидели двое. Я сперва не разобрал, кто именно, только удивился: вроде бы, все давно разошлись. Неужели передумали и вернулись? Тоже, что ли, мучаются бессонницей, как я?

Потом парочка одновременно обернулась, и оказалось, что один из них Гэйшери, но в этом как раз ничего удивительного, он же полдня продрых. А вот что рядом с ним сидела Меламори, это вышел знатный сюрприз. В первый момент я подумал, она вернулась по-настоящему, наяву, целиком, но потом по привычке посмотрел на нее боковым зрением и увидел, что контур ее силуэта не просто мерцает, как у обычных сновидцев, а натурально сияет, как будто она проглотила фонарь.

– Ты решила увидеть во сне Ехо и нашу крышу? – спросил я. – И правильно. Чем ты хуже разных посторонних сновидцев из не пойми каких далеких реальностей. Можешь ведь, когда хочешь! Давно было пора.

– Вообще-то мне строго-настрого запретили использовать этот метод, – сказала Меламори. – Он слишком простой и грубый. И среди настоящих мастеров, что тубурских, что уандукских, считается низким стилем: так может почти любой дурак. Зато легко, приятно и увлекательно, а значит, большой соблазн для начинающих. Мои буривухи считают, что если я хочу научиться чему-то стоящему, не следует идти по самому простому пути. Они, конечно же, правы, это я и сама понимаю. Но я никогда не была образцовой студенткой. На то и учительские запреты, чтобы их нарушать. Тем более, что присниться тебе по правилам у меня по-прежнему не получается. Ты что, вообще никогда не спишь?

– Изредка, короткими урывками, подскакивая от каждого шороха, чокнусь скоро от жизни такой, – пожаловался я, усаживаясь рядом с ними. Спросил: – Я не помешал? – и тут же добавил: – Хотя если помешал, все равно хрен уйду.

– Вот это правильный подход! – одобрил Гэйшери. – Я с самого начала говорил, что вежливость вам не к лицу.

– Я вообще-то к тебе пришла, – сказала Меламори. – В смысле собиралась увидеть во сне именно тебя. Но почему-то очутилась не рядом с тобой, а на твоей крыше. А здесь у тебя такое... в смысле, такой прекрасный удивительный гость!

– Да, я вполне ничего, – подтвердил Гэйшери. – Уж если кому приснюсь, обо всем на свете можно забыть.

И ведь не поспоришь.

– У меня сердце не на месте из-за того дурацкого кошмара, который на тебя наслала, – призналась Меламори. – Такое свинство даже не с каждым врагом можно себе позволить. Теперь сама не понимаю, что на меня нашло.

– Забудь, – отмахнулся я. – Это Атисса тебя заколдовала. Но вряд ли со зла. Просто связалась с плохим парнем, научилась у него разным глупостям, и тут ты подвернулась под руку...

– Но я же ей просто приснилась!

– Это делу не помеха, – авторитетно сказал Гэйшери. – Наоборот, нет ничего проще, чем заколдовать собственный сон.

– Очень на нее похоже, – вздохнула Меламори. – Заколдовать вместо того, чтобы обрадоваться встрече. Или хотя бы спросить, как у меня дела.

– Плюньте, юная леди, – посоветовал ей Гэйшери. – Просто махните рукой. Подумаешь, ну заколдовала вас какая-то эксцентричная ведьма, по забавному стечению обстоятельств, ваша родная мать. Кстати, если бы моя в свое время такое устроила, я бы за нее только порадовался, что так интересно живет вместо того, чтобы по мне скучать.

– Вот с этой точки зрения я на поведение окружающих никогда не смотрела, – невольно улыбнулась Меламори.

– Она вам нравится?

– Еще как!

– Тогда я вам ее дарю, – великодушно объявил Гэйшери. – Забирайте, пользуйтесь на здоровье. О каждом, кто остался дома, что бы с ним ни случилось, что бы ни натворил, думайте: «Хорошо, что им без меня не слишком скучно». Вам подобает великодушие. У вас сильная позиция и очень счастливая судьба: вы изучаете магию. Нашли свое призвание и подходящих учителей, это великое дело, не всем так везет. Сейчас вам наверное скучновато, слушал вас и думал: я бы, пожалуй, не выдержал все время спать, да еще и по таким строгим правилам: туда не ходи, сюда не смотри, а каникулы будут, когда приснятся. Все-таки и наяву много интересного происходит.

– Вот-вот! – с чувством подтвердила Меламори. – Знаете, как иногда обидно?..

– Могу представить, – кивнул он. – Но кто ж вам виноват, что ваш дар требует таких серьезных вложений? Придется потерпеть. Зато потом, когда выучитесь, к вашим услугам будет вообще вся Вселенная. Все Миры и все времена. И не забывайте о моем приглашении. Я бы хотел посмотреть, что

из вас получится уже через дюжину лет. И что, например, через тысячу. Заранее трепещу.

– Ого! – присвистнул я. – Так получается, можно заявиться к вам в сновидении? Без всяких Мостов Времени, на восемьсот тысяч лет назад?

– Теоретически в сновидении, когда за него берется настоящий мастер, можно повернуть вообще все, – подтвердил Гэйшери. – В том числе преодолеть время без этих наших нелепых шатких мостов, где каждого поджидает Ужас Небытия. Но не спешите радоваться, сэр Макс, у вас вряд ли получится. Лично у меня до сих пор ни разу не выходило. Мы с вами отличные маги, но сновидцы, боюсь, так себе, средние. Зато у юной леди – настоящий великий дар.

Я посмотрел, как засияли глаза Меламори, и понял, что вот теперь я точно вечный должник Гэйшери. Кто-то должен был сказать ей про «настоящий великий дар», но не близкий, вроде меня, кто же нас, близких, слушает, а посторонний. В идеале «прекрасный удивительный гость», Темный Магистр из далекого прошлого. Кто попало точно не подойдет.

– Если я прямо сейчас не проснусь, меня заклюют, – вдруг рассмеялась она. – Причем в прямом смысле. Не смотри с таким ужасом, Макс, буривухи совсем не злые, просто иначе меня не добудишься. Спасибо за приглашение, сэр Гэйшери. Как только соображу, как развернуть сновидение во времени, обязательно, сразу же вам приснюсь. Может быть, очень скоро! Зачем ждать дюжину лет?

– И ведь приснится, – сказал Гэйшери после того, как она исчезла. И почти завистливо добавил: – Девчонка! Им все дается легко, если разворачиваются к магии лицом, а не в пол-оборота, как им нравится. Вот это для девчонок самое трудное: вечно пытаются сесть одной крошечной задницей на два пня, чтобы с одного боку высшая магия, а с другой вся остальная чепуха, которую принято называть нормальной человеческой жизнью. Дуры ужасные, так бы всех и поубивал! Но если с этой дуростью справятся, их потом не остановить.

Я молча кивнул, в надежде, что он ощущает мою благодарность. Потому что нужных слов мне сейчас все равно не подобрать.

– Да ладно вам, я не ради вас старался, – усмехнулся Гэйшери. – Просто девчонка хорошая. Грех такую в гости не позвать.

Вручил мне белый картонный стаканчик, я приготовился к неизбежному сладко-молочному ужасу, но там оказался такой превосходный эспрессо, что я почувствовал себя недостойным его высокого качества. Все равно спросонок нюансов не разберу.

– Спать после него будете как убитый, – пообещал Гэйшери. – Даже в своей кровати. А мне пора.

Я сперва подумал, он имеет в виду, пора возвращаться в башню, где к нему, небось, уже выстроилась новая очередь из недосмотренных снов. Но тут же понял, что не о башне речь. Гэйшери уходит домой. Сбылись мои мечты! В смысле какого черта так скоро, как я теперь без него?

А вслух я сказал:

– Так не пойдет. Какое свинство! Отдайте мое сердце, эй!

Гэйшери расхохотался:

– Все-таки вы непрошибаемо вежливый! Но я тоже буду скучать. Причем сильнее, чем вы. И уж точно гораздо дольше. Вы быстро на что-нибудь отвлечетесь и будете вспоминать меня раз в полгода, как забавное приключение, а мне отвлекаться не помогает. Я большой, в меня все помещается, и еще место остается, сколько не натолкай. Кстати, чуть не забыл сказать самое главное: было очень здорово получить от вас собственное Благословение. Давно меня никто на такие глупости не вдохновлял! Но мой вам совет: с другими людьми пока воздержитесь. Такое счастье не каждому по зубам.

С этими словами Гэйшери поднялся, но вдруг наклонился к самому моему уху и прошептал: «Рад, что у тебя получилось все исправить», – и исчез прежде, чем я успел переспросить, что именно у меня получилось, о чем вообще речь.

Я решил, что подумаю об этом утром. А еще лучше, восьмьсот тысяч лет спустя.

* * *

Насколько нелепым у нас вышло расследование дурацкого заговора, настолько легко и приятно оказалось разбираться с его последствиями в обновленной стараниями Гэйшери реальности.

Наутро в кабинете Джуффина рыдала леди Атисса, причем не столько по невесту куда исчезнувшему любовнику, сколько потому, что ей теперь в одиночку за все отвечать. Больше всего на свете она боялась, что муж узнает о ее общественной деятельности, в смысле, об оскверненной подписанием петиции семейной гостиной, и сбежит от позора на самый дальний край Мира. Например, к дочке, в Арварох.

Воспользовавшись отчаянным положением леди Атиссы, шеф предложил сделку: он аккуратно изымает из ее памяти Благословение

Гэйшери и отпускает с миром, похоронив компрометирующие ее материалы расследования в самом неприступном из сейфов. Леди Атисса сразу же согласилась, и это большое облегчение: с такой кашей в голове, как у нее, действительно лучше никого не благословлять.

Нумминорих ходил, не касаясь земли – не нарочно, как столичные модники, а просто иначе не мог. И стесняться, похоже, перестал окончательно. До моего нахальства ему было еще далеко, но он нагонял меня семимильными прыжками. Все-таки участие в нелепых древних мистериях идет на пользу. Был бы знахарем – прописывал бы всем подряд.

Мелифаро, Кофа и Кекки сперва насели на шефа с расспросами, куда на самом деле внезапно подевался главный виновник переполоха, и не надо ли хорошенько его поискать. Ну или наоборот, помочь закопать поглубже. Джуффин делал страшные глаза и объяснялся такими туманными намеками, что я бы на их месте чокнулся. Но у этих троих острый аналитический ум и немалый житейский опыт, так что в итоге они решили, будто Старшего Магистра Ордена Семилистника Аграму Мори тихонько, по-семейному грохнул сэр Шурф, чтобы не разводил смуту в Ордене. Это, ни разу не высказанное вслух, но явственно повисшее в воздухе объяснение устроило всех, включая самого Шурфа. Вернее, даже начиная с него. Орденские старики, отлично умеющие читать повисшие в воздухе объяснения, окончательно поняли, что с новым Великим Магистром шутки плохи, и некоторые официально попросили об отставке, а остальные просто старательно сделали вид, будто их нет в Иафахе и вообще нигде. Очень вовремя: Шурфу сейчас было совсем не до Ордена. Его занимали исключительно научные дискуссии вокруг найденного им фрагмента книги принца Аллоя, Время от времени он среди ночи врывается в мой дом, чтобы рассказать о ходе работы над уникальным текстом, и выглядел натурально маньяком. Очень счастливым маньяком, а это главное. То, что нужно ему больше всего.

Что касается меня, я наконец-то как следует выспался. И потом продолжал в том же духе, изо дня в день. Причем защитный барьер от Безмолвной речи мне так и не понадобился. Секрет счастья оказался прост: каждый раз перед сном я добывал из Щели между Мирами горький эспрессо в белом картонном стаканчике, каким угостил меня напоследок Гэйшери, и этот напиток неизменно действовал на меня как снотворное. Первые шесть часов разбудить меня было абсолютно невозможно, а потом – как повезет.

Поначалу я каждый день ходил к дому леди Шуманы Тамайхуни –

просто чтобы на нее посмотреть. Это зрелище совершенно меня завораживало: ну надо же, живая! Учеников принимает, хлопочет по дому, что-то читает, сидя у окна. Облик я, конечно, всякий раз изменял до полной неузнаваемости, но сэр Кофа Йох, которого не проведешь, однажды прямо спросил, не влюбился ли я ненароком? И если да, есть отличные отворотные зелья, куманские, а значит, совершенно безвредные, он может порекомендовать продавца, потому что связываться с леди Шуманой Тамайхуни – та еще радость, лично он не всякому врагу этого пожелал бы, поберег бы для самых ненавистных, как смертное заклятие Туирриба. Не знаешь, что это такое, сэр Макс? И не надо. Редкая дрянь.

Пришлось импровизировать на ходу: якобы среди учеников леди Шуманы я заметил одного сновидца, теперь надо разобраться, случайно он эту школу во сне увидел, или ходит туда на постоянной основе, изо сна в сон. Кофа тут же поскущел и отстал. Про сны и сновидцев ему совсем неинтересно сплетничать. Бессмысленная с его точки зрения суэта.

После того, как я случайно встретил в городе леди Лаюки, и она прошла мимо, очень сухо кивнув на ходу, словно мы не вспоминали недавно нашу старую дружбу – а мы и не вспоминали, просто повода не нашлось, леди Атиссе, у которой неизвестно куда сгинул любовник и верный соратник в борьбе за аристократические привилегии, было не до ворожбы в замке Рулх – я решил, что история о дурацком заговоре для меня завершена окончательно. Из Лаюки получилась отличная точка, большая, красивая, с тяжелым характером, для такого дела – в самый раз.

Но я, конечно, ошибался. Понял это, только увидев на площади возле Мохнатого Дома Корву Блимма. Он явно не собирался ко мне заходить, просто стоял и смотрел на мой дом с таким потеряннным видом, что я не смог это вынести. Ясно же, что некоторые события полностью забыть невозможно, сколько их ни отменяй.

У всякого насилия своя цена, но можно не сомневаться, что за это мне еще и приплатят, – вот о чем я думал, когда подошел к нему сзади, на ходу представляя, что сэр Корва – не человек, обладающий свободной волей, а просто необходимый аксессуар, что-то вроде корзины для пикника. Взял его за локоть и увлек за собой, благо идти нам было совсем недолго – один легкий шаг. Я совсем не образец усердия и прилежания, но оттачивать некоторые умения так приятно, что этот фокус у меня уже получался на ура.

Сэр Шурф когда-то очень давно, почти в самом начале нашего

знакомства, взялся составлять удивительный список под заголовком «Как сделать сэра Макса счастливым». В ту пору он просто слишком буквально понимал мою манеру выражаться: «Я буду счастлив, если вы все помолчите хотя бы минуту» или «Для полного счастья мне сейчас не хватает глотка воды», – и подошел к делу как настоящий исследователь. Сбор данных и их последующий анализ вообще его сильная сторона. В итоге список насчитывает четыреста семьдесят шесть пунктов, один другого смешнее; я точно знаю, Шурф однажды дал мне его почитать.

Глядя на сэра Корву Блимма, совершенно оглушенного внезапной встречей с Темной Стороной, я подумал, что для создания объективной картины к этому списку обязательно надо добавить четыреста семьдесят седьмой пункт: привести новичка на тайную изнанку Мира и смотреть, как он, окутанный ее разноцветными ветрами, стоит на сияющей, текущей во все стороны сразу земле, поднимает голову к изумрудному небу, невольно жмурится от льющегося из всех его трещин яркого света, возмущенно спрашивает: «Почему я попал сюда только сейчас?» – и сам себе отвечает: «Потому что дурак».

notes

Примечания

Об этом периоде в жизни Тайного Сыска рассказывается в повести «Тихий Город».

Действительно был. Обстоятельства знакомства описаны в повести «Камера номер пять-Хох-Ау».

Подробно об этих обстоятельствах рассказывается в повести «Ворона на Мосту».

Об этом подробно рассказано в повести «Дорот, повелитель Манухов».

«No Future» – цитата из песни «God Save the Queen» британской панк-рок-группы Sex Pistols, ставшей началом, точкой отсчета и одновременно главным символом панк-культуры в том Соединенном Королевстве, которое тут у нас.

Значит, по нашим – лет восьми-девяти.

Скархлы – оборотни, т. е. звери, птицы, рыбы и грибы, обладающие способностью временно принимать человеческий облик.

«Эльфами» жители Соединенного Королевства иногда называют коренных обитателей материка Уандук и их чистокровных потомков, каковых, впрочем, в наше время почти нет – по причине неукротимого темперамента и искреннего интереса их предков ко всему хотя бы условно живому, включая человекообразных обитателей Великой Красной Пустыни Хмиро, обладающих в лучшем случае зачатками разума.

То есть завоеватель Хонхоны Ульвиар Безликий со своим войском.

Ничего удивительного, что он так сказал. Кошки в Угуланде испокон веку считаются сельскохозяйственными животными. Хвала Магистрам, их все-таки не едят, а разводят ради теплой и мягкой шерсти, как овец.

В общем, было с чего. Подробности изложены в одноименной повести.

Речь об истории, рассказанной в повести «Очки Бакки Бугвина».

Кстати, действительно прятал. А что это было за завещание, рассказывается в повести «Белые камни Харумбы».

Драххи, в переводе с древнего языка Хонхоны «угрюмые люди» – одна из разновидностей крэйев, расы, изначально населявшей материк Хонхону. Потомки драххов до сих пор живут в Соединенном Королевстве; обычно они становятся отличными травниками, знахарями и т. н. лесными (то есть черпающими силу и знание в единении с природой) колдунами. При этом чистокровные драххи, в отличие от других крэйев, практически не имеют способностей к Очевидной магии, даже их потомки от смешанных браков обучаются ей с величайшим трудом.

Подробности этого удивительного происшествия изложены в повести «Путешествие в Кеттари».

Фэтан – обитатель иной реальности, призванный в Мир посредством Очевидной магии. Вследствие столь грубого обращения, фэтаны не имеют телесной оболочки и не могут покинуть помещение, в которое их изначально вызвали, однако ряд приобретенных ими чудесных способностей делают их хорошими помощниками в колдовстве. Фэтан выживает, питаясь силой спящих людей, что обычно постепенно приводит к гибели самого колдуна, если тот недостаточно умел, чтобы принять защитные меры, и его ближайших соседей. Чем дольше фэтан живет, тем сильнее он становится, и тем больше портится его характер от такой безрадостной жизни. Рано или поздно он находит способ поработить своего хозяина и его погубить, поэтому среди угуландских колдунов старой школы было принято на каком-то этапе покидать дом, в котором живет вызванный ими фэтан, предоставив другим расхлебывать эту проблему.

Такой эпизод действительно имел место и описан в повести «Тень Гугимагона».

«*Песнь обо всем*» – легендарная книга бродячего принца Аллоя, младшего сына Короля Халлы Махуна Мохнатого. Рукопись считается утраченной, поэтому современным ученым приходится заново собирать ее из фрагментов, которые цитируют в своих сочинениях ученики Аллоя.

«*Тени неушедших*» – книга, в которой повествуется о нравах и обычаях магов древности. Ее автор Мори Злопамятный называл себя их учеником, после ссоры с учителями удравшим от них по Мосту Времени. Несмотря на то, что это его утверждение не раз доказательно опровергали как современники самого Мори Злопамятного, так и историки магии, по мнению самих Древних, в «Тенях неушедших» содержится довольно много правдивых фактов; впрочем, вперемешку с отъявленной клеветой.

Конкретно – из Тулана.

Справедливости ради следует сказать, что человеческое тело призраку Трикки Лая создал не Джуффин Халли, который как раз наблюдая за ходом его превращения и выучился этому мастерству. Подробности изложены в повести «Туланский детектив».

Об этом путешествии подробно рассказано в повести «Чуб земли».

О Магистре Хумхе, отце сэра Кофы Йоха довольно много рассказывается в повести «Горе господина Гро».

Это знакомство и многое другое описано в повести «Ворона на мосту».

О причинах появления этих трупов подробно рассказывается в повести «Мастер ветров и закатов».

Подробно об этом магическом бунте жителей Ехо рассказывается в повести «Болтливый мертвец».

Бонхи – красивые белоствольные деревья, растущие в Гугланде; в других провинциях Соединенного Королевства они обычно не приживаются.

То есть, по нашим меркам, примерно в 16.

Это правда. Подробности описаны в повести «Белые камни Харумбы».